

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

The Russian Revolution 1917–2017
as Seen from afar

World War I and the Russian Revolution
in the Memoirs of a German Officer

Communism as a Dystopia

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 5 | 2017 | № 3

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *Web of Science, Scopus*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

E d i t o r - i n - C h i e f : Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Reviews Section Editor*: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation editors*: Dr **Tatiana Kuznetsova** (Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate*: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Corresponding Member of RAS, Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Simon Dixon** (United Kingdom, University College of London); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); Dr **Vladislav Rjeoutski** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples “L’Orientale”); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor’ Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенау** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *отдел рецензий*: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редакторы перевода*: доц. **Т. С. Кузнецова** (Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); член-корр. РАН проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); к. и. н. **В. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Konstantin Bugrov, Larisa Soboleva.
Revolutionary 1917: Reflections
a Hundred Years Later. 607

Konstantin Bugrov, Larisa Soboleva.
Revolutionary 1917: Reflections
a Hundred Years Later. 607

Problema voluminis

Революция 1917–2017:
как это «видится на расстоянии»

The Russian Revolution
1917–2017 as Seen from afar

*Вениамин Алексеев, Константин
Зубков, Игорь Побережников.*
Большие вызовы в истории
имперской России: цивилиза-
ционное и геополитическое
измерение. 619

*Veniamin Alekseyev, Konstantin
Zubkov, Igor Poberezhnikov.*
Big Challenges in the History
of Imperial Russia: Civilisational
and Geopolitical
Dimensions. 619

Сергей Нефедов. Продовольствен-
ный кризис в Петрограде
накануне Февральской
революции 635

Sergey Nefedov. The Food Crisis
in Petrograd on the Eve
of the February
Revolution 635

Джордж Гилберт. Женщины,
национализм и российские
правые организации
(1905–1917). 656

George Gilbert. Women,
Nationalism and the
Russian Right
(1905–1917) 656

Олег Горбачев. «Эй, губернии,
снимайтесь с якорей!»: идея
территориального освоения
в большевистской мифологии . 675

Oleg Gorbachev. 'Hey, Guberniyas,
Raise your Anchors!':
Land Development
in Bolshevik Mythology. 675

James Harris. The Bolshevik Party
Transformed: Stalin's Rise to
Power (1917–1927) 693

James Harris. The Bolshevik Party
Transformed: Stalin's Rise to
Power (1917–1927) 693

Марина Саламатова. Российские
и зарубежные избирательные
цензы в первой трети XX в.:
буква закона и реальность . . 708

Marina Salamatova. Voting Qualifica-
tions in Russia and abroad in the
First Third of the 20th Century:
The Letter of the Law and Reality . . 708

Piotr Bednarz. Das Echo der
Russischen Revolutionen von
1917 in der Schweizer Presse –
Grundsätzliches 729

Piotr Bednarz. The Perception
of the Russian Revolution
of 1917 in the Swiss Press:
Main Notes 729

Korine Amacher. Lev Kamenev chez
Nestor Makhno (Gouliäi-Polié,
mai 1919): un récit en quatre
temps 738

Korine Amacher. Lev Kamenev
at Nestor Makhno's (Huliaipole,
May 1919): The Four Stages
of a Narrative. 738

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Giovanni Maniscalco Basile.
Mayakovsky's *Bedbug*:
Revolution, Time,
and Utopia 757

Giovanni Maniscalco Basile.
Mayakovsky's *Bedbug*:
Revolution, Time,
and Utopia 757

Origines

Николай Баранов. Первая мировая
война и Русская революция в вос-
поминаниях немецкого офицера
Вильгельма Вёльфинга 779

Nikolai Baranov. World War I
and the Russian Revolution
in the Memoirs of German Officer
Wilhelm Wölfing 779

Disputatio

Валерий Мароши. В поисках нового
Эдема: «император Мадагаскара»
Морис Беневский и его
русские спутники 807

Valery Maroshi. A Quest for a New
Eden: "Emperor of Madagascar"
Maurice Benyovszky
and His Russian Companions ... 807

Irina Dergacheva. The Angelology
of the *Explanatory Palaea*
and the Problem of Theodicy 826

Irina Dergacheva. The Angelology
of the *Explanatory Palaea*
and the Problem of Theodicy .. 826

Тамара Матвеева. Измерить
энергию текста 838

Tamara Matveeva. Measuring
the Energy of a Text. 838

Heritage: nomina et scholae

Тамара Кондратьева. Борис
Федорович Поршнева (1932–1935):
между русистикой и франковведе-
нием, или О роли случайности
в судьбе историка. 853

Tamara Kondratyeva. Boris
F. Porshnev: Between
Russian and French
History, or On the Role
of Chance in a Historian's Life .. 853

Controversiae et recensiones

Юрий Смирнов. Российская
империя: от колонизации
до революции 869

Yuri Smirnov. *The Russian Empire:*
From Colonisation
to Revolution. 869

Юлия Бут. Понятие «нация»:
русский и европейский
контекст 882

Yulia But. The Concept of Nation:
Russian and European
Contexts. 882

Владимир Земцов. Россия и наполео-
новские войны: взгляд через
200 лет 893

Vladimir Zemtsov. Russia and the
Napoleonic Wars:
200 Years Later 893

Об авторах 901

On the Authors. 901

Сокращения. 906

Abbreviations 906

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/QR.2017.3.240

REVOLUTIONARY 1917: REFLECTIONS A HUNDRED YEARS LATER

Quaestio Rossica honours anniversaries that give us reason to rethink and revisit the events, people and ideas of the past. This is more than true for the centennial of the 1917 Russian Revolution: this date, more than logically, is the central theme of this issue of *Quaestio Rossica*, its *Problema voluminis*. The section is called: *The Russian Revolution, 1917–2017: The View From a Distance*.

“View from a distance” does not necessarily mean “Sine ira et studio” (“Without anger and bias”). Cornelius Tacitus, who coined this historic principle, viewed the history of the first Caesars, exciting and at the same time frightening, as relevant for his contemporaries; they were separated from the events he was describing by approximately as many years as separate us today from the 1917 Revolution. “From a distance” rather means an opportunity to look at the sequence of the revolutionary events in a new way, rejecting the meanings of old slogans that have since lost their power.

The distance gives us the opportunity to escape the domination of a unified approach to the study of the Revolution. Are we studying the underlying social and economic causes of the Revolution as a huge tectonic shift? Are we talking about the drama of choosing between “slavery” and “freedom” and how freedom can rapidly and horribly turn into its own antithesis? Are we seeking an understanding of events through the practices and experiences of ordinary people trapped in their whirlpool?

In preparing this section, the editors encountered an interesting development in the historiography: the history of the Revolution is not limited to the time frame of the revolutionary events of the 1917, nor of the next few years. There is no wall that separates the “revolutionary era” from the subsequent years, and it would be a mistake to erect such a wall and downplay the decisive impact that the experience of the Russian Revolution and the Russian Civil War had on all layers of the Russian society. “...Great revolutions are born out of the controversy between the old, even between the development of the old, and the utmost abstract aspiration towards the new, which should already be so new that not a single grain of antiquity should have been left in it,” wrote V. I. Lenin in 1923. “And the more ferocious such revolution, the longer the time for those controversies to abide.” Indeed, what cannot be denied the October Revolution is its “ferocious” nature.

This in turn means that the exceptional significance of the Revolution is not constituted by the mere fact of the 1917 cataclysm which destroyed a powerful monarchy overnight, but rather the utter novelty and uniqueness of the new social and political order which arose from its ruins. Thus, almost all the articles in the *Problema voluminis* section talk about the October coup and its aftermath rather than the February Revolution. One could even say that the main concern of the majority of the articles is not so much the problem of the disaster that ruined the empire (although some articles are mainly devoted to this issue), but analysis of the new post-revolutionary process of construction that was unfolding with unexpected speed in front of the world's unbelieving eyes.

Academician *Veniamin Alekseyev* and Senior Research Fellows *Konstantin Zubkov* and *Igor Poberezhnikov*, historians from the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS, put both revolutions of 1917 in global historical perspective as part of the modernization process. The authors argue that the "slow progress on the path of industrialization, which the Russian Empire had been demonstrating for decades, required a longer peaceful period of development to achieve the necessary degree of economic maturity; this peaceful period abruptly came to an end when the country entered the First World War."

The article by Dr *Sergey Nefedov* (Institute of History and Archaeology of the UB of RAS) proceeds to verify the same thesis, analyzing the mechanics of an acute grain deficit in the capital during the autumn of 1916 – winter 1917. According to the author, the hunger riot in Petrograd, which became an "incendiary" of the February Revolution, was provoked by the monstrous monetary inflation caused by the unsustainable financial burden of the world war. The whirling flywheel of inflation smashed the desperate attempts of A. A. Rittich, then the Minister of Agriculture, to establish the supply of bread for the largest cities of the empire. This problem outlasted the fall of the monarchy in February and continued to enthrall the country during its cataclysmic revolution.

Dr *George Gilbert* (University of Southampton, United Kingdom) considers the main opponent of the revolutionary forces in Russia at the beginning of the 20th century – the radical right movement – from an unusual perspective: the participation of women. Records show that, in contrast with the majority of right-wing political organizations, busy with agitation and street violence, women's clubs were more engaged in social work, demonstrating an enviable openness. Dr *Piotr Bednarz* (University of Maria Skłodowska-Curie, Lublin) studies the response to the revolutionary events in the Swiss press. Switzerland, neutral and distant from the social cataclysms in the East, did its best to understand what was happening. However, from the Alpine meadows the events in Russia looked completely incomprehensible: Swiss journalists could not even distinguish between the February and October coups. Professor *Korine Amacher* (Université de Genève) documents the meeting of one of the Bolshevik leaders, L. B. Kamenev, and the leader of the anarchists N. I. Makhno, based on the memoir of a participant.

The distance of a century makes it yet more obvious that the history of the Russian Revolution cannot be limited to the events of 1917–1922; thus, several articles in this section make a wider step from the history of the Revolution to the history of the state that it created. Associate Professor *Marina Salamatova* (Novosibirsk State University of Economics and Management) explores the Soviet system of censored access to elections, coming to a conclusion about the unique way it was used to put social and economic pressure on non-proletarian classes. Professor *Oleg Gorbachev* (Ural Federal University) examines the problem of territorial expansion in Bolshevik mythology. The article studies macro-level economic zoning as well as the organizational principles of individual cities (the “Garden City”) and separate houses (the “Commune House”). The author convincingly shows how the Bolshevik elite gradually departed from radical utopian projects for the reorganization of the space to “practical engineering” (the GOELRO Plan).

The article by *James Harris* (PhD, University of Leeds) tells the story of the difficult path taken by the post-revolutionary Bolshevik Party. Placing the Soviet political system in the European context, the author shows the transformation of the Bolshevik Party from a small group of professional revolutionaries into the majority party of power. This sort of transformation was, according to Harris, a mere variation on the overall trend of mass involvement in politics that overtook Europe in the early 20th century. In the famous play *The Bathhouse* by V. Mayakovsky, the Bolshevik bureaucrat Pobedonosikov (one of those representatives of the “party of power” which Harris’ article describes) looks at the Communist future after “ten five-year plans” and woefully wonders: “What did you mean by that... – that I am not needed by communism?!” Alas, it was not Pobedonosikov that was “not needed by communism”, but the author himself: Mayakovsky committed suicide in the third year of the first Five-Year Plan.

How does a utopia turn into its opposite? This issue is covered by the article of a well-known Russianist, *Giovanni Maniscalco Basile* (University of Rome III). The author draws a parallel between the different protagonists of utopian texts: A. A. Bogdanov’s *Red Star* and V. Mayakovsky’s *The Bedbug* and *The Bathhouse*. Bogdanov’s hero, the revolutionary Leonid, goes crazy, having found himself in a Communist society on Mars. The Commie Martians exist without emotions and feelings; Mayakovsky thrusts the same misfortune upon the bureaucrats and petits bourgeois who miraculously travel to the ideal Communist future. The chronological model of utopia inevitably turns into dystopia, or so Basile concludes.

The *Origines* section publishes a unique document from World War I and the Russian Revolution, the memoir of the German officer Wilhelm Wölfing, edited and commented on by Dr *Nikolay Baranov* (Ural Federal University). In 1955, at the age of 72, Wölfing, scarcely a historical hero, composed a memoir of his stay in Russia, which began with his captivity as an officer of the Kaiser’s army on the Eastern front in 1915. He describes

his captivity almost idyllically, a dramatic contrast with a description made in 1918 when he arrived in Russia as an officer of the German “Military Department of the Ministry of Internal Affairs”. Bolshevik Moscow seemed much more frightening than a POW camp to Welfing. In 1919, he wrote an unambiguous diagnosis: this regime would not be able to continue for long, and even a small offensive by the German forces would crush Bolshevism once and for all. Not without pride, the author of the memoir notes that his analysis of the situation in Russia, if properly appreciated by the Kaiser’s army command, could change the course of history. His fate changed with the fall of the monarchy in Germany, when the German diplomatic mission had to leave Moscow. Concluding the memoir, Welfing writes: “It is still worthy of admiration that the young Bolshevik State could protect themselves against all these attacks following the demobilization of the 1819”.

The *Disputatio* section is represented by a variety of topics. In an article studying the *Explanatory Palaea*, an outstanding artifact of medieval Russian literature, Professor *Irina Dergacheva* (Moscow State University of Psychology and Education) shows how medieval theologians approached the problem of the origin of evil and how they interpreted it in connection with the divine. This theme has repeatedly surfaced throughout human history; the author cites multiple pieces of evidence from early medieval sources that demonstrate the evolution of that epoch’s philosophical thought. One can see the pathos of upholding the truth and the pain at humanity’s loss that run throughout the *Palaea’s* text and their relevance for historical conflicts close to us.

Professor *Tamara Matveeva* (Ural Federal University) puts into linguistic perspective the ‘energy’ of the expressed or written word. Matveeva offers her own method for measuring the ‘energy’ of text, providing a sound argument for the possibility of its practical application. The article’s theoretical depth can be found in the explanation of a volatile notion and the examination of the extent and vector of the text’s impact on the reader: this is conducted through an analysis of grammar structure. Along with the skilled analysis and the links to the general theory of communication, this article is comprehensively researched.

An article by Professor *Valery Maroshi* (Novosibirsk Pedagogical University), in addition to academic integrity, offers an intriguing interpretation of a certain type of travelogue through the prism of the idea of paradise. The work is written with extensive involvement of the literary context and historical parallels; it ignites interest in a time when opportunists and visionaries had the opportunity to attain the most magnificent goals.

In the *Heritage: nomina et scholae* section, Associate Professor *Tamara Kondratyeva* (Tyumen University) talks about her teacher, the outstanding specialist in the history of France (indeed, not just France!) Boris Porshnev. His life as a historian was full of unexpected turns, but his remarkable scientific talent did not allow contingencies to alter the logic of fate. The author creates a lively and controversial portrait of this hero of his time. The vital power of Porshnev evidently leaked into his research:

its “Renaissance” magnitude and hefty source base allowed Russian-French studies to open new facets in the history of France for international scholarship.

The Editorial Board offers selected reviews on topics related to turning points in Russian history in the *Controversiae et recensiones* section of this issue. A thorough review of the three-volume monograph by B. N. Mironov is provided by Professor *Yuri Smirnov* (Samara National Research University). The author fits his in-depth analysis of the monograph’s ideas into the international as well as Russian scientific contexts, including theories put forward in detail by the Ural historical school. *Yulia But* (PhD, Ural Federal University) reviews an interesting book by A. Miller, *Natsiia, ili Mogushchestvo mifa* [Nation or the Power of Myth] (St Petersburg, 2016), published in the series “Azbuka poniatii” by the European University of St Petersburg. The young researcher skillfully points out the positive and controversial moments of the book, reasonably engaging in discussion on a number of the author’s provisions.

The section is concluded by *Vladimir Zemtsov’s* (Ural State Pedagogical University) review of a collection of articles based on papers presented at the international conference “Russia and the Napoleonic Wars”. The review provides a detailed analysis of the selected materials, describes the status of the study of the Napoleonic Wars in modern historical scholarship, and outlines the prospectives of future study.

Konstantin Bugrov
(*Institute of History and Archaeology*
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences),
Larisa Soboleva
(*Ural Federal University*)
Translation by Anna Dergacheva

В нашем журнале мы чтим юбилеи, если они дают повод задуматься и посмотреть на события, людей и лозунги прошлого по-новому. Вдвойне это актуально для столетнего юбилея революции 1917 г. А потому и центральный блок, рубрика *Problema voluminis* этого номера *Quaestio Rossica*, называется *Революция, 1917–2017: как это видится на расстоянии*.

«На расстоянии» – не значит «без гнева и пристрастия». Ведь и для отчеканившего эту фразу Корнелия Тацита захватывающая и устрашающая одновременно история первых цезарей остава-

лась актуальной – а отделяло его от описываемых событий примерно столько же лет, сколько отделяет нас сегодня от революции. «На расстоянии» означает возможность взглянуть по-новому, отвергая заранее заданные утратившими смысл лозунгами коннотации. Расстояние дает нам возможность избежать доминирования одного подхода к изучению революции. Изучаем ли мы глубинные социально-экономические причины ее как огромного тектонического сдвига? Говорим ли мы о драме выбора между «рабством» и «свободой» и о том, как свобода может оборачиваться собственной противоположностью? Ищем ли понимания события через практики обычных людей, захваченных их водоворотом?

При подготовке этого раздела выявился и стал до некоторой степени неожиданностью тот факт, что история революции не ограничивается хронологическими рамками собственно революционных событий 1917 г., да даже и нескольких последующих лет. Нет стены, которая бы отделяла революционную эпоху от последующих лет, и воздвигать ее – значило бы преуменьшить то определяющее влияние, которое опыт революции и Гражданской войны имел на все слои российского социума. «...Великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было, – утверждал в 1923 г. В. И. Ленин. – И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться». Действительно, в чем нельзя отказать Октябрьской революции, так это в ее «крутом» характере.

А это, в свою очередь, означает: ошеломляющая значимость события кроется все же не в самом факте катаклизма-1917, в одночасье уничтожившего могущественную монархию, а в своеобразии и уникальности того социально-политического строя, который поднялся из ее руин. Практически все статьи рубрики говорят именно об Октябре, а не о Феврале. Можно даже сказать, что лейтмотивом для большинства статей является не столько проблема катастрофы, уничтожившей империю (хотя часть статей посвящена и этому вопросу), сколько анализ нового строительного процесса, развернувшегося с неожиданной для того времени быстротой.

Революции 1917 г. в глобальной исторической перспективе, как часть модернизационного процесса рассматривают специалисты Института истории и археологии УрО РАН академик *Вениамин Алексеев*, ведущие научные сотрудники *Константин Зубков* и *Игорь Побережников*. Авторы утверждают, что замедленное движение по пути индустриального прогресса, которое Российская империя демонстрировала долгие годы, требовало для достижения ею необходимой степени экономической зрелости длительной полосы плавного мирного развития, чего страна лишилась со вступлением в Первую мировую войну. Своеобразной верификацией этого тезиса пред-

стает статья доктора исторических наук *Сергея Нефедова* (Институт истории и археологии УрО РАН), анализирующего механику возникновения острого хлебного дефицита в столице осенью 1916 – зимой 1917 г. По мнению автора, голодный бунт в Петрограде, ставший «запалом» Февраля, был спровоцирован чудовищной денежной эмиссией, вызванной непосильным финансовым бременем мировой войны. О раскручивавшийся маховик инфляции и разбились отчаянные попытки министра земледелия А. А. Риттиха наладить снабжение крупнейших городов империи хлебом; проблема эта пережила февральское падение монархии и продолжила увлекать страну в пучину революционного катаклизма.

Доктор *Джордж Гилберт* (Университет Саутгемптона, Великобритания) рассматривает основного оппонента революционных сил в России начала века – радикальное правое движение – в необычном ракурсе – через участие в этом движении женщин. Архивные материалы показывают, что в контрасте с деятельностью политических организаций правых, связанных с агитацией и уличными побоищами, женские объединения больше занимались социальной работой, демонстрируя завидную открытость. *Петр Беднарж* (Университет имени Марии Склодовской-Кюри, Люблин) рассматривает отклик на революционные события в прессе нейтральной и далекой от социальных катаклизмов Швейцарии. С альпийских лугов события в России выглядели совершенно непонятными: швейцарские газетчики не смогли даже отличить Февраль от Октября! На основании воспоминаний участника событий описана встреча одного из большевистских лидеров Л. Б. Каменева с вождем анархистов Н. И. Махно (1919 г.) в статье профессора *Корин Амашер* (Женевский университет).

История революции не ограничивается событиями 1917–1922 гг., и ряд статей переходит от истории революции к истории государства, ею созданного. Доцент *Марина Саламатова* (Новосибирский государственный университет экономики и управления) исследует советскую ценовую систему допуска к выборам, приходя к выводу об уникальном характере этой системы, использовавшейся для социально-экономического давления на непролетарские слои населения. А профессор *Олег Горбачев* (Уральский федеральный университет) рассматривает проблему территориального освоения в большевистской мифологии. Автор задействует как макроуровень территориальной организации – экономическое районирование, так и принципы организации отдельных городов («город-сад») или даже домов («дом-коммуна»). Автор убедительно показывает, как от радикально-утопических проектов реорганизации пространства большевистская элита постепенно перешла к «практической инженерии» (план ГОЭЛРО).

О сложном пути, проделанном большевистской партией после революции, повествует статья *Джеймса Харриса* (РНД, Университет Лидса, Великобритания). Рассматривая советскую политическую систему в европейском контексте, автор показывает трансформацию

партии большевиков из узкой группы профессиональных революционеров в массовую партию власти, что было, по мнению Харриса, лишь специфическим вариантом тенденции обращения масс к политике, захлестнувшей Европу в начале XX в. В знаменитой пьесе В. Маяковского «Баня» бюрократ-большевик Победоносиков (один из тех представителей партии власти, о которых говорит статья Харриса), глядя на коммунистическое будущее после «десяти пятилеток», горестно вопрошает: «Что вы этим хотели сказать, – что я и вы не нужны для коммунизма?!» Увы, для коммунизма оказался не нужен вовсе не Победоносиков, а сам автор пьесы, покончивший с собой на третьем году первой пятилетки...

Как утопия оборачивается своей противоположностью? Этому вопросу посвящена статья известного русиста Джованни Манискалко *Базиле* (Университет Рим-3). Автор проводит параллель между разными протагонистами утопических текстов А. А. Богданова («Красная звезда») и В. В. Маяковского («Клоп» и «Баня»). У Богданова революционер Леонид сходит с ума, оказавшись в коммунистическом обществе Марса, существующем без эмоций и чувств; у Маяковского это же несчастье постигает бюрократов и мещан, чудом очутившихся в коммунистическом будущем. Хронологическая модель утопии, опирающейся на план, с неизбежностью оборачивается антиутопией – именно к такому выводу приходит *Базиле*.

В разделе «Источники» печатается уникальный документ о России эпохи мировой войны и революции – воспоминания немецкого офицера Вильгельма Вельфинга, подготовленные и прокомментированные доктором исторических наук *Николаем Барановым* (Уральский федеральный университет). Вельфинг – отнюдь не исторический герой, но в 1955 г. он, будучи уже 72-летним, изложил воспоминания о пребывании в России, которое началось с плена офицера кайзеровской армии на Восточном фронте в 1915 г. Плен он описывает едва ли не идиллически, что резко контрастирует с описанием состояния России в 1918 г., когда он прибыл сюда в качестве сотрудника военного отдела МИД Германии. Большевицкая Москва показалась Вельфингу куда более пугающей, чем лагерь для пленных, и в 1919 г. он поставил однозначный диагноз: такой режим не сможет продержаться долго, и даже небольшое новое наступление немецких войск сокрушит большевизм окончательно! Не без гордости автор мемуаров пишет, что его анализ положения в России, будь он оценен кайзеровским командованием по достоинству, мог бы изменить ход истории... Его судьбу изменило падение монархии в Германии, и немецкой дипломатической миссии пришлось покинуть Москву. Завершая воспоминания, Вельфинг записывает: «Все же достойно удивления, что молодое большевицкое государство смогло защитить себя от всех этих атак после произошедшей в 1918 г. демобилизации».

Рубрика *Disputatio* представлена разнообразными темами. В статье, посвященной выдающемуся памятнику древнерусской

литературы *Палея Толковая*, профессор *Ирина Дергачева* (Московский психолого-педагогический университет) раскрывает постижение средневековыми богословами проблемы происхождения зла и его понимания в связи с Божественной сущностью. К актуализации этой темы человечество обращалось неоднократно, автор приводит многочисленные данные из ранних источников, объясняющие развитие мысли философов Средневековья. Преодолевая терминологические различия, можно сблизить пафос отстаивания истины и боль за гибель человечности, сквозящие в текстах Палеи, с историческими конфликтами близких нам эпох.

Лингвистический ракурс понимания энергетики высказанного или написанного слова представлен в статье профессора *Тамары Матвеевой* (Уральский федеральный университет). Она предлагает собственную методику измерения энергии текста, убедительно доказывая возможность ее практического применения. Теоретическая глубина соединяется с задачей объяснить трудноуловимое, через анализ грамматических конструкций выявить степень и направленность воздействия текста на читателя. Обширные материалы, их квалифицированный разбор и соотнесение с общей теорией коммуникации придают статье статус методологического исследования.

Статья профессора *Валерия Мароши* (Новосибирский педагогический университет), помимо академической полноты, интригует интерпретацией травелогов через призму идеи обретения рая. Написанная, как свойственно автору, с широким привлечением литературного контекста и исторических параллелей, статья вызывает интерес ко времени, когда авантюристам и прожектерам история давала шанс на достижение самых несбыточных целей.

В рубрике *Heritage: nomina et scholae* доцент *Тамара Кондратьева* (Тюменский университет) рассказывает о своем учителе, выдающемся специалисте по истории Франции – впрочем, не только Франции! – Борисе Федоровиче Поршневе. Его жизнь изобиловала резкими поворотами, но неистребимый талант научного самородка не позволил случайностям нарушить логику судьбы. Автор создает живой противоречивый портрет героя своего времени. Витальная сила Бориса Поршнева распространилась и на его исследовательские результаты, их «возрожденческий» размах и источниковедческий базис позволили российскому франковедению открыть новые грани в истории Франции не только для русскоязычной науки.

Из портфеля редакции в рубрику *Controversiae et recensiones* в этом номере отобраны рецензии, касающиеся поворотных моментов российской истории. Солидная рецензия на трехтомную монографию Б. Н. Миронова подготовлена профессором *Юрием Смирновым* (Самарский национальный исследовательский университет). Глубокий анализ предложенной концепции вписывается автором в существующую в мировой и российской науке концептуальную сферу, включая теории, детально разработанные в уральской исторической

школе. Кандидат исторических наук *Юлия Бут* (Уральский федеральный университет) разбирает интересную книгу А. Миллера «Нация, или Могущество мифа», вышедшую в серии «Азбука понятий» Европейского университета (СПб., 2016). Молодой исследователь квалифицированно отмечает достоинства и спорные моменты книги, обоснованно вступая в дискуссию по ряду положений автора. Завершает рубрику рецензия *Владимира Земцова* (Уральский педагогический университет) на сборник статей, подготовленный на основе докладов международной конференции *Russia and the Napoleonic Wars*. В ней дается подробный разбор отобранных материалов, описывается состояние изучения заявленной проблемы в современной науке и намечаются вытекающие из этого перспективы.

Константин Бугров
(Институт истории и археологии УРО РАН),
Лариса Соболева
(Уральский федеральный университет)

Problema voluminis

The Russian Revolution 1917–2017
as Seen from afar

**Problema
voluminis**

**Революция 1917–2017:
как это «видится на расстоянии»**

DOI 10.15826/qr.2017.3.241

УДК 94(470)+316.722+327.2+316.422

**БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ В ИСТОРИИ ИМПЕРСКОЙ
РОССИИ: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ***

Вениамин Алексеев

Константин Зубков

Игорь Побережников

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

**BIG CHALLENGES IN THE HISTORY
OF IMPERIAL RUSSIA: CIVILISATIONAL
AND GEOPOLITICAL DIMENSIONS**

Veniamin Alekseyev

Konstantin Zubkov

Igor Poberezhnikov

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article is devoted to one of the most complicated issues of Russian history, i. e. the challenges of modernity, which are viewed through the prism of the concept of modernisation (used to describe the transition from a traditional agrarian society to an industrial and urban one). A historical challenge is a complex category, not a simple action “to spite the arrogant neighbour”. One of the main reasons for its emergence is technological revolutions that fundamentally change the conditions of human communities. Typologies of challenges vary from natural and climatic to social and political. Russia has come across many

* *Citation:* Alekseyev, V., Zubkov, K., Poberezhnikov, I. (2017). Big Challenges in the History of Imperial Russia: Civilisational and Geopolitical Dimensions. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 619–634. DOI 10.15826/qr.2017.3.241.

Цитирование: Alekseyev V., Zubkov K., Poberezhnikov I. Big Challenges in the History of Imperial Russia: Civilisational and Geopolitical Dimensions // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 619–634. DOI 10.15826/qr.2017.3.241 / Алексеев В., Зубков В., Побережников И. Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 619–634. DOI 10.15826/qr.2017.3.241.

of them. Civilisational, geopolitical, technological, socio-political, cultural, and ideological challenges are the most typical of the imperial period. Their research discusses the characteristics of the essence of a challenge, the need to understand it, respond to it, the struggle of opinions about the reaction to them, and the evaluation of the results achieved. As an example of this approach, the authors consider two of the aforementioned challenges. In Russian historiography, the concept of “challenges” is not uncommon, but quite often the reaction to them did not take into account the dynamics of modernisation. The method put forward by the authors, based on the “challenges and responses” scheme, makes it possible to bridge this gap and provides practically meaningful results without them being ready-made recipes. Preliminary conclusions about two of the indicated challenges demonstrate that they were only slowly understood by the Russian ruling elite, which resulted in the cataclysms of the First World War and the Revolution of 1917 that put Russia on the brink of a civilisational catastrophe, although one should not forget that in the course of the period under study the country turned into a power of world significance.

Keywords: history of Russia; civilisational identity; civilisational status; geopolitics; modernization; poly-ethnicity; expansionism.

Вызовы Нового времени в российской истории рассматриваются сквозь призму концепции модернизации – перехода от традиционного аграрного общества к индустриально-урбанизированному. Одна из главных причин возникновения исторических вызовов – технологические революции, принципиально меняющие условия существования человеческих обществ. Показано, что типология вызовов, с которыми сталкивалась Россия, очень разнообразна – от природно-климатических до социально-политических. Наиболее типичными для имперского периода были цивилизационные, геополитические, технологические, социально-политические, культурно-мировоззренческие. Их исследование включает характеристику сущности вызова, необходимость его осознания и возможности ответа, борьбу мнений по поводу ответа, оценку достигнутых результатов. Обращено особое внимание на цивилизационный и геополитический аспекты. В российской историографии понятие «вызовы» не редкость, но ответы на них часто давались без учета модернизационной динамики. Предложенный метод анализа по схеме «вызов – ответ» поможет преодолеть такую ситуацию и дать практически значимые результаты. Вызовы с опозданием осознавались российской правящей элитой, что и привело в конечном счете к катаклизмам Первой мировой войны и революции 1917 г., поставивших Россию на грань цивилизационной катастрофы. При этом, по мнению авторов, надо оценивать усилия, приложенные населением страны, в результате которых она за рассматриваемый период добилась значительного прогресса, превратившись в державу мировой значимости.

Ключевые слова: история России; цивилизационная идентичность; цивилизационный статус; геополитика; модернизация; полиэтничность; экспансионизм.

Современный мир переживает гигантскую, невиданную ранее трансформацию. В этой ситуации перед Россией встают новые глобальные вызовы, которые по ряду позиций типологически сходны с уже наблюдавшимися в истории. Вопрос о том, в чем они заключались, когда возникали и каковы были ответы на них, особенно актуален сегодня, когда страна приступила к реализации новой «Стратегии научно-технологического развития» [Стратегия, с. 16747–16760], поэтому он требует особого внимания и специального изучения. В нашу задачу входит исследование больших вызовов, встававших перед Россией в эпоху Нового времени (XVII – начала XX в.), с целью выяснения их происхождения, характера, влияния на судьбу государства и обобщения исторического опыта ответов на них, в первую очередь модернизационного, связанного с переходом от традиционного аграрного к индустриально-урбанизированному обществу. Постановка проблемы в таком ракурсе предпринимается впервые и сопряжена со значительными сложностями, поскольку она носит острый социально-политический характер, требующий совмещения понятийного аппарата исторической, политологической и социологической наук, анализа исторических событий в фокусе многовекторной детерминации.

Понятие «вызов» впервые ввел в научный оборот британский историк А. Тойнби, который использовал его для характеристики реакции той или иной цивилизации на затруднения в ее существовании по причинам как внутренних, так и внешних угроз. Он считал, что общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов, который побуждает к ответу, чем содействует его совершенствованию [Тойнби, с. 119–120]. При этом он утверждал: «Чем сильнее вызов, тем оригинальней и созидательней ответ», а «основной критерий и фундаментальная причина надломов цивилизаций – внутренний взрыв, через который общество утрачивает свойство самодетерминации» [Там же, с. 140, 336]. Не последнюю роль в таком процессе играет идолопоклонство, в чем «кроется одна из причин возникновения надломов, за которыми следуют распады цивилизаций» [Там же, с. 339]. Понятие «вызов» неоднократно применялось к России как в политологическом [Абрамова, Гаврилов, Голдин и др.; Антонович; Панарин; Примаков], так и в историческом планах [Алексеев, 2004; Алексеев, 2010; Ахиезер; Ахиезер, Ильин; Ерасов; Игнатъев; Проскуракова; Уткин; Шаповалов], но оно касалось преимущественно внешнеполитических угроз и препятствий развитию России, тогда как не менее важно понимание вызова во внутриполитическом аспекте – как имманентного качества российской цивилизации, характерного для нее принципа организации государства и общества. На это нами обращается особое внимание.

Конкретный вызов зарождается в определенную эпоху на основе специфической ситуации в обществе, возникающей, как прави-

ло, на базе новых технологических достижений или обострения прежних условий существования. Типология вызовов, изучаемых исторической наукой, многообразна – от природно-климатических до социально-политических. Наиболее типичны для эпохи Нового времени цивилизационные, геополитические, технологические, социально-политические, культурно-мировоззренческие. Их исследование включает характеристику сущности вызова, необходимость реакции на него, возможность ответа, борьбу мнений по этому поводу, оценку достигнутых результатов. В качестве примера такого подхода по причине ограниченности объема статьи остановимся только на двух первых.

В связи с тем, что в рассматриваемый период Российская держава столкнулась с вызовами Нового времени, ознаменовавшего переход от традиционно-аграрного к индустриально-урбанизированному обществу, теоретико-методологической основой изучения этих вызовов может служить концепция модернизации как явления цивилизационного масштаба, глобального феномена мировой истории. Поэтому целесообразно идти по пути синтеза модернизационного и цивилизационного подходов, соотнося историческую динамику цивилизации с влиянием модернизации. Применительно к воздействию последней на российскую цивилизацию следует отметить длительное сохранение ее фундаментальных оснований при значительном включении зарубежных инноваций, слабость эндогенных факторов и множественность фронтиров.

Существенно важной является проблема стратегий и моделей имперской модернизации. В строгом смысле юридически оформленных документов на сей счет не существовало, как и самого понятия. Разными монархами и их сановниками формулировались позиции по тому или иному аспекту модернизационного процесса в зависимости от конкретных обстоятельств, но они никогда не сводились в единое целое. Российская традиционность в некоторой степени преодолевалась традиционными же способами – самодержавием и крепостничеством, причем в отдельных моментах весьма эффективно. За неполную первую половину XVIII в. уральские промышленники Демидовы умножили свой капитал в тысячу раз. Для феодального периода темпы его саморазвития считаются исключительными. При этом вплоть до революционных потрясений начала XX в. страна оставалась полутрадиционным обществом. Даже государственный орган, призванный специально заниматься организацией индустриального развития, был создан только в 1905 г., а подавляющая масса населения оставалась преданной авторитарному режиму, что порождало идолопоклонство, сервиллизм, беспредельную патриархальную веру в царя-батюшку (люди целовали тень императора Николая II во время празднования 300-летия династии Романовых) (подробнее см.: [Опыт; Побережников, 2006; Социально-демографические... трансформации; Человек]).

Цивилизационные вызовы

Сущность цивилизационного вызова заключается в предельно широкой совокупности противоречий, проблем, угроз и ответов на них, которые объективно требуют реакции всего цивилизационного организма, тотальной мобилизации усилий, что было характерно для российской цивилизации практически на всех этапах ее существования. Она зародилась между двух миров – между Востоком и Западом, каждый из них оставил неизгладимый след в ее истории, который ощущается до сих пор. Отсюда противоречивость в характере народа и его судьбе. Эта цивилизация формировалась в сложных природно-климатических условиях в центре Евразийского материка, вдалеке от традиционных морских путей сообщения и центров античной цивилизации, но никогда не была ничьей колонией и на протяжении всей своей истории сохраняла собственный цивилизационный код.

Применительно к российской истории установление взаимосвязи между модернизационными процессами и цивилизационной динамикой заслуживает особого внимания. Дело в том, что пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Споры по поводу цивилизационного статуса страны не стихают до сих пор. При этом ответы на последний вопрос можно свести к следующим позициям: филиал западной цивилизации; цивилизация восточного типа; своего рода мост между Западом и Востоком, гибрид восточной и западной цивилизации; уникальная цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока (Евразия); последовательность субцивилизаций в рамках единого цивилизационного феномена; не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных анклавов, неоднородное, сегментарное общество (недоцивилизация). В действительности целый ряд фактов (наличие определенной целостности, мощной способности к регенерации после смут и расколов, тенденции к цивилизационной экспансии) свидетельствует в пользу признания цивилизационной самостоятельности и социокультурной целостности России. Специфика последней в структурном плане, как нам кажется, может быть адекватно описана при помощи концепта «пограничной» цивилизации².

В видовом отношении российский культурно-исторический массив адекватно, как нам представляется, раскрывается понятием «евразийская цивилизация». Евразийская цивилизация входит в тот типологический ряд, который отмечен взаимодействием цивилизационных

² Подобная цивилизация характеризуется относительной молодостью, социокультурной гетерогенностью, симбиотичностью, наличием двух или нескольких культурно-ценностных «ядер», возможно, антиномичностью и социокультурными дивергенциями [Побережников, 2013].

компонентов западного и восточного типа, двух основных типов мирового цивилизационного развития – Запада и Востока.

Ядро евразийской цивилизации начало складываться в Восточной Европе на основе восточной ветви христианства, заимствованной в X в. во времена Киевской Руси из Византии. Будучи включенной благодаря христианству в общеевропейский культурный процесс, эта цивилизация уже в период своего становления получила «прививку» достижений восточных миров, что облегчало в дальнейшем взаимодействие ее носителей с представителями культур Востока.

Российская евразийская цивилизация формировалась постепенно на протяжении столетий, расширяя при этом свою территорию во всех направлениях. В подобных условиях цивилизационная пограничность обуславливалась не только естественной социокультурной многоядерностью цивилизационной матрицы, но и наличием фронтирных зон, где имели место этноцивилизационные контакты.

Представляется, что в основных чертах российская цивилизация сложилась в XVI–XVII вв. под воздействием практически всего перечня «тойнбианских» вызовов:

- вызов сурового климата (природно-климатические условия, не слишком благоприятные для занятий сельским хозяйством и ведения торговли);

- вызов новых земель (колонизация);

- вызов внезапных ударов от соседних обществ (поход хана Батые, последующее ордынское правление; давление западного мира с начала XVII в.);

- вызов постоянного внешнего давления (степняки-кочевники на протяжении столетий);

- вызов ущемления (ордынское иго).

Российская цивилизация изначально отличалась от западной (атлантической) тем, что вышла из Восточной Римской империи, в то время как атлантическая – из Западной. Они перманентно противостояли друг другу. В рассматриваемый период в силу исторических причин российская цивилизация заметно отставала от западной, где зарождались принципиально новые технологии, которые, с одной стороны, позволяли Западу оказывать давление на нее, а, с другой, появлялась жизненно важная необходимость их перенимать. В этом процессе возникало как противоборство, так и сотрудничество. Осознание необходимости ответа на вызовы было условием существования российской цивилизации. По некоторым подсчетам, время с 1368 по 1893 г. (525 лет) прошло во всевозможных войнах. На два года войны приходился лишь один год мира [Лосский, с. 227]. Уже в XVII в. при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче произошло осознание необходимости догонять Запад, хотя бы в военной сфере. Более глубоко осознал вызов Запада Петр I. Он предпринял неординарные, даже экстраординарные меры для того, чтобы путем мобилизационного рывка преодолеть отстав-

ние от Европы. При нем понимание необходимости догнать Запад становится императивной идеей преобразований, которые во второй половине его царствования принимают комплексный системный характер и продолжают при последующих императорах вплоть до гибели империи (см.: [Миронов; Рязанов]).

Возможности для ответа на этот вызов у российской цивилизации были ограничены. Не очень благоприятные для экономического развития природно-климатические условия препятствовали быстрому росту объема валового национального продукта и, соответственно, ограничивали возможности государства для обеспечения расходов на развитие приоритетных направлений экономики. На протяжении столетий продолжалось расширение территории страны. Колонизируемые пространства усложняли условия и факторы экономического роста, но стимулировали стремление адаптироваться к сложившимся, пусть и неблагоприятным условиям. Расселение на громадных просторах приводило к возникновению небольших изолированных друг от друга поселений, что не создавало условий для динамичного общения, формирования и отстаивания общих интересов. Отдаленность от морей и гигантские расстояния ограничивали развитие торговли. При этом доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, что в плане торговли способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда.

Ряд факторов препятствовал формированию сильного государства, способного эффективно управлять на гигантских территориях. Слабый контроль над государственным аппаратом, раскол между народом и властью, общая бедность (включая большую часть дворянства и купечества) вынуждали прибегать к жестким мерам – от непомерных налогов до использования подневольного труда. Перечисленные обстоятельства провоцировали использование мобилизационных мер для преодоления больших вызовов: это и крепостничество, которое при Петре I приобрело тотальный характер, и казенное предпринимательство, и государственный протекционизм, и др. Лишь в контексте нового модернизационного рывка на базе перехода к раннеиндустриальному типу технико-экономического развития, начавшегося с реформ Александра II, стал набирать силу процесс высвобождения общества от всепроникающего государственного контроля, экономическая и социально-культурная сферы получили элементы автономии, что на практике означало реальное движение по модернизационному направлению.

Борьба мнений по проблемам модернизации страны представляла собой выражение разных подходов к пониманию ее цивилизационного статуса. Традиционно принято констатировать спор западников и славянофилов, на самом же деле ситуация была намного сложнее. Не следует преувеличивать полярность и тем более непримиримость

позиций спорящих – фактически и те, и другие были носителями европейской культуры.

Во второй половине XIX – начале XX в. во властных структурах и обществе активизируются разработка и обсуждение планов укрепления государственной безопасности страны, решения стоящих перед ней геополитических задач. Осознается особое место России в системе мировых держав. Все большее внимание начинает уделяться идеологическому обоснованию проводившейся политики. В этом плане идеи, высказанные Н. Я. Данилевским, органично вписываются в контекст времени. Постепенно формируется и представление об особом цивилизационном статусе России (см.: [Ионов, с. 270–281]).

Три волны модернизации: ответ государства и общества

Петровская волна модернизации была примером догоняющей модернизации, косвенные последствия которой оказались едва ли не важнее непосредственных практических достижений и провалов эпохи. С одной стороны, был дан старт русскому Просвещению. С другой стороны, методы, с помощью которых Пётр внедрил свои проекты, в исторической перспективе создали мощную антилиберальную традицию в российской социальной жизни. Реагирование на эти противоречия, а также ответы на вновь возникающие вызовы времени составили содержание второй, екатерининско-александровской волны модернизации (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Фактически она прошла под знаком утилитаризма и меркантилизма, и ее результаты оказались векторно разнонаправленными: рост либеральных тенденций соседствовал с пережитками крепостничества, эмансипация дворянства способствовала расколу общества, узакониванию и даже санкционированию авторитарно-директивных стратегий и тактики проведения модернизационных проектов.

В эпоху третьей волны модернизации (конца XIX – начала XX в.) отчетливо прослеживается стремление идеологически осмыслить происходящее. Еще с момента принятия официальной идеологической триады «самодержавие, православие, народность» (авторство этой теории традиционно приписывается министру народного просвещения при Николае I графу С. С. Уварову) шла апелляция к старомосковской традиции, отчего этот феномен получил название «русского традиционализма» [Суворов, с. 17–18]. Такая парадигма развития неизбежно усиливала симптомы «расколотого общества» и катализировала социокультурные конфликты. В целом успехи третьей волны были значительными, а вызванный модернизацией и сопровождавший ее духовный и интеллектуальный подъем сам по себе являлся важнейшим результатом и итогом данного историко-культурного процесса.

Оценка достигнутых результатов определяется тем, что при всей незавершенности модернизационного процесса достижения Петров-

ской эпохи позволили России почти полтора столетия держаться на равных с ведущими европейскими державами в военно-политическом отношении, но с конца XVIII в. в Западной Европе начался переход к раннеиндустриальному типу технико-экономического развития. Ведущие западноевропейские державы в результате первой промышленной революции сделали крупный шаг по пути дальнейшей модернизации.

Происходившие на Западе перемены российское самодержавие, сосредоточившееся на укреплении своей власти, не сумело вовремя заметить и оценить в полной мере. В начале Крымской войны правящие круги не сомневались в достаточной военной мощи Российской империи. Поражение в войне, ставшее следствием технической и социально-экономической отсталости России, вновь заставило обратиться к решению задачи модернизации страны.

Новый модернизационный рывок на базе перехода к раннеиндустриальному типу технико-экономического развития в конце XIX – начале XX в. сопровождался резким скачком промышленного производства, ростом индустриального потенциала страны, значительными успехами урбанизации, усилением политической активности, стремлением масс к непосредственному участию в политической жизни страны. Однако в Первую мировую войну Россия вступила, так и не завершив раннеиндустриальной модернизации. Это стало причиной уязвимости ее политических институтов формирующегося гражданского общества перед угрозами внутреннего и внешнего характера. Потенциальная возможность для революционных потрясений так и не была полностью устранена, что и показали события 1917 г.

В конечном счете, европейский вызов России носил цивилизационный характер и охватывал широкий спектр проблем – территориальной целостности, этнической и конфессиональной независимости, технико-экономической и культурно-мировоззренческой конфронтации, что выражалось в войнах, этническом и конфессиональном противостоянии, но, с другой стороны, в экономическом, династическом и культурном взаимодействии. В целом цивилизационный вызов – это фактически константа, поскольку цивилизации имеют различные фундаментальные основания, которые ведут к перманентным столкновениям национальных интересов, особенно на рубеже технологических революций.

Геополитические вызовы и векторы российской рефлексии

Сущность геополитических вызовов, с которыми сталкивалась Россия в имперскую эпоху, определялась в первую очередь комплексом пространственно-географических и природно-климатических условий, в которых происходило становление Российского

государства. Сложившееся на открытом незащищенном равнинном пространстве восточноевропейской периферии историческое ядро Российского государства находилось под перманентным военным давлением со стороны цивилизованных государств Европы с запада и кочевых орд с юга, в связи с чем доминирующими векторами расширения его территории стали восточный и северо-восточный. Как результат, путем военной и аграрно-промысловой колонизации Северной Евразии Россия обрела крупнейшую, но удаленную от центров мировой экономики, редко населенную и слабо освоенную территорию. Поддержание эффективного контроля над такой территорией, ее обустройство и оборона представляли первый и наиболее значительный геополитический вызов развитию страны. При этом не снималась и задача дальнейшей экспансии, главный смысл которой заключался в устранении внешних угроз с помощью достижения «естественных рубежей» безопасности и улучшения геополитического положения страны путем завоевания выхода к незамерзающим морям (Балтика, Черное море, Тихий океан), обеспечивавшим вхождение в систему международной торговли.

Другой геополитический вызов колоссальной важности, действовавший в течение всей рассматриваемой эпохи, заключался в особенностях географического положения России. Гранича с цивилизациями Запада и Востока, Россия не столько имела возможность использовать богатство этих связей, сколько вынуждена была отражать экспансионистские устремления соперничающих с ней государств. В XVII–XVIII вв. ей приходилось испытывать военное давление с запада (войны с Речью Посполитой и Швецией) и, помимо этого, оспаривать контроль над центральными частями Евразии у османской Турции, цинского Китая, среднеазиатских ханств. После наполеоновских войн эти угрозы трансформировались в вызовы, связанные с зарождением глобальных масштабов и форм противостояния России быстро модернизирующимся, технологически и экономически превосходившим ее империям и коалициям государств. В конце XIX в. этот периметр потенциальных внешних угроз распространился и на Дальний Восток, где источником таковых стала быстро модернизовавшаяся Япония.

Правящей элите Российской империи в целом было присуще понимание вышеупомянутых геополитических вызовов, что находило отражение в соответствующих стратегиях внешней политики и внутренних преобразований государства. Начиная с Петра I, главный упор делался на формирование сильной в военном отношении державы, что последовательно вызвало ряд модернизационных сдвигов в экономике и государственном управлении. В последующем именно геополитические вызовы всякий раз служили иницилирующими импульсами для наращивания модернизационных усилий. Рост военного могущества страны позволил в течение XVIII в. успешно решить исторические задачи завоевания выходов

к Балтийскому и Черному морям, что существенно ускорило экономическое развитие России. Приоритет военных задач в формировании ответов на геополитические вызовы не мог не повлиять на особенности экономического и социально-политического развития России. Государственная форма военной империи позволяла не только аккумулировать ограниченные финансово-экономические ресурсы на военные нужды государства, но и предопределила характер управления социально-экономическими процессами, способствуя возрастанию в нем роли государства. Одним из важных стратегических решений в условиях постоянных военных угроз был курс на расширение внутренних территориальных баз развития с целью достижения высочайшей степени самообеспечения страны всеми необходимыми ресурсами.

В XIX в. единство стратегического видения при формулировании ответов на геополитические вызовы было в значительной степени утрачено. Рост военного могущества Российской империи, колоссальный объем задач, который ей приходилось решать не только в Европе, но и в Азии, обострили проблему геополитического и цивилизационного самоопределения России, прежде всего по отношению к Европе. К концу XIX в. это вылилось в дискуссии о внешнеполитических приоритетах России: планам усиления влияния России на Балканах и в зоне проливов противостояли предложения искать условия ее будущего процветания на путях дальнейшего освоения Сибири и усиления ее позиций на берегах Тихого океана («восточный сдвиг») [Зубков, 2011, с. 23–24]. В течение XIX в., особенно на фоне военных кампаний России в Средней Азии, предметом острых дискуссий среди правящей элиты был вопрос о необходимости положить пределы российской экспансии.

Анализ возможности ответа на геополитические вызовы, которые формулировались правящей элитой империи, позволяет заключить, что «военная революция» в сочетании с активной, по преимуществу силовой внешней политикой, направленной на разрешение узловых геополитических проблем, могла рассматриваться лишь как первичная быстро исчерпавшая себя форма реагирования на внешние угрозы и вызовы. По мере того, как военное могущество становилось все более зависимым от достижений технологического прогресса и общих экономических ресурсов государства, возможность эффективных ответов на геополитические вызовы также ставилась в зависимость от роста экономических возможностей государства. Последние определялись не только общим технико-технологическим уровнем индустриального потенциала страны и ее ресурсно-экономическим богатством, но и таким территориальным размещением производительных сил страны, которое обеспечивало наилучшие возможности создания глупо эшелонированной стратегической обороны против любого вероятного противника.

Ответы государства и общества на геополитические вызовы

Поскольку геополитические вызовы затрагивают наиболее важные, коренные интересы государства, связанные с его безопасностью, а ответы на них воплощаются в крупных структурных сдвигах, призванных изменить направление и характер его развития, соответствующая деятельность государства, выраженная в сериях правительственных мероприятий, не может не вовлекать в них широкие социальные силы. Поддержка правительственной политики обществом являлась важным условием успеха в преодолении геополитических вызовов, стоявших перед страной. Первоначально единство государственной воли и общественной поддержки во многом обеспечивалось принудительным образом через структуру абсолютистского государства, в котором существовало жесткое прикрепление отдельных сословий к выполнению государственных повинностей и функций, хотя это и не исключало использования власти в своих целях спонтанных проявлений социальной (в том числе пространственной) мобильности. Это, в частности, нашло отражение в формировании казачьих войск на геополитически проблемных участках русских границ, в поощрении процессов вольно-народной колонизации обширных пространств Евразии. Именно аграрная колонизация восточных территорий, а затем и юга Русской равнины явилась решающим условием их окончательного закрепления в составе Российского государства.

Оценку достигнутых результатов реакции на многочисленные геополитические вызовы, сопутствовавшие развитию России в имперскую эпоху, можно считать соответствовавшей условиям времени и в определенной мере эффективной. Вместе с тем, необходимо отметить и слабости, которые были присущи геополитической стратегии Российского государства в рассматриваемую эпоху. Если в XVIII в. на волне совершенной Петром I «военной революции» Российской империи удалось силовыми методами успешно разрешить целый ряд сложных геополитических проблем, то с середины XIX в. ответы на геополитические вызовы даются уже с известным запозданием, чаще всего в режиме вынужденного реагирования на военные поражения (Крымская война, Русско-японская война). Неоднократно Россия вынуждена была отступать от ранее завоеванных ею позиций, когда вставала перед риском затяжной войны с сильным противником. Это свидетельствовало о том, что государство серьезно отставало от требований времени в формировании экономического базиса активной внешнеполитической стратегии, а значит, и в проведении необходимых социально-экономических преобразований. Патримониальное по происхождению абсолютистское государство

продолжало сохранять сильнейшую связь с системой отношений традиционного сословного общества, хотя на последнем этапе своего существования предпринимало немалые усилия по форсированному развитию индустриального капитализма [Зубков, 2017, с. 67–68]. Эта двойственность предопределяла непоследовательность и половинчатость в проведении назревших социально-экономических преобразований, а, следовательно, и ограниченные возможности в реализации геополитической стратегии. То замедленное движение по пути индустриального прогресса, которое Российская империя демонстрировала долгие годы, требовало для достижения ею необходимой степени экономической зрелости длительной полосы плавного мирного развития, чего страна лишилась со вступлением в Первую мировую войну.

* * *

Таким образом, в рассматриваемый период на долю России выпало немало вызовов. Среди них главный – переход от традиционного аграрного к индустриально-урбанизированному обществу (модернизация), с его преодолением она в основном справлялась до рубежа XX в. Страна решила ряд крупных задач своего времени и вошла в число великих держав эпохи. Однако замедленное реагирование на западный модернизационный вызов привело к тому, что Россия оставалась недостаточно развитой в индустриальном отношении, с нерешенными аграрными и социально-политическими проблемами, что привело к революционным потрясениям начала XX в.

Список литературы

Абрамова О. Д., Гаврилов Ю. Н., Гольдин Г. Г. и др. Геополитические вызовы и внешнеполитическая деятельность России : монография. М. : Изд-во Рос. акад. гос. службы, 2002. 278 с.

Актуализация потенциала исторической науки. Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2013. 272 с.

Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург : Изд-во УрГИ, 2004. 643 с.

Алексеев В. В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Урал. ист. вестн. 2010. № 3. С. 4–14.

Антонович И. И. Геополитические вызовы России и миропорядок XXI века. М. : МАКС Пресс, 2007. 270 с.

Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) : в 2 т. Новосибирск : Сибир. хронограф, 1998. Т. 1. 804 с.; Т. 2. 594 с.

Ахизер А. С., Ильин В. В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М. : Изд-во МГУ, 2000. 300 с.

Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М. : Наука, 2002. 524 с.

Зубков К. И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // Урал. ист. вестн. 2011. № 1. С. 22–27.

Зубков К. И. Модернизирующаяся империя и истоки русской революции 1917 г. // Урал. ист. вестн. 2017. № 3. С. 61–70.

- Игнатъев А. В.* Внешняя политика России в конце XIX – начале XX века : (Россия перед вызовами новой эпохи). М. : Геос, 2011. 220 с.
- Ионов И. Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М. : Наука, 2007. 499 с.
- Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. М. : Политиздат, 1991. 367 с.
- Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014–2015. Т. 1. 896 с.; 2015. Т. 2. 912 с.; Т. 3. 992 с.
- Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М. : Наука, 2000. 244 с.
- Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002. 496 с.
- Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу : Теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : РОССПЭН, 2006. 237 с.
- Побережников И. В.* Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. Вып. 12. М. : Новый хронограф, 2013. С. 246–274.
- Примаков Е. М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира : Роль России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. 316 с.
- Проскуракова Н. А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопр. истории. 2005. № 7. С. 153–165.
- Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России : Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб. : Наука, 1998. 796 с.
- Социально-демографические и культурно-ментальные трансформации в контексте российских модернизаций XVIII–XX вв. Екатеринбург : АСПУр, 2014. 162 с.
- Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. С. 16747–16760.
- Суворов Д. В.* Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург : [Б. и.], 2006. 25 с.
- Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 736 с.
- Уткин А. И.* Вызов Запада и ответ России. М. : Алгоритм, 2002. 541 с.
- Факторный анализ российского исторического процесса. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2011. 260 с.
- Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2011. 383 с.
- Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург : УрО РАН, 2015. 407 с.
- Шаповалов В. Ф.* Истоки и смысл российской цивилизации. М. : ФАИР-Пресс, 2003. 628 с.

References

- Abramova, O. D., Gavrillov, Yu. N., Goldin, G. G. et al. (2002). *Geopoliticheskie vyzovy i vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Rossii* [Geopolitical Challenges and Foreign Policy Activity of Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Rossiyskoy akademii gos. sluzhby. 278 p.
- Akhiezer, A. I. (1998). *Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia)]. 2 Vols. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. Vol. 1. 804 p.; Vol. 2. 594 p.
- Akhiezer, A. S., Ilyin, V. V. (2000). *Rossiyskaya tsivilizatsiya: sodержanie, granicy, vozmozhnosti* [Russian Civilization: Content, Boundaries, Opportunities]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 304 p.
- Aktualizatsiya potentsiala istoricheskoy nauki* [Actualization of the Potential of Historical Science]. (2013). Yekaterinburg, RIO UrO RAN. 270 p.
- Alekseyev, V. V. (2004). *Obshchestvennyy potentsial istorii* [The Social Potential of History]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UrGI. 643 p.

Alekseyev, V. V. (2010). Rossiyskaya tsivilizatsiya (priznaki, etapy razvitiya, itogi i uroki) [Russian Civilisation (Signs, Stages of Development, Results and Lessons)]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 3, pp. 4–14.

Antonovich, I. I. (2007). *Geopoliticheskiye vyzovy Rossii i miroporiyadok 21 veka* [Geopolitical Challenges of Russia and the World Order of the 21st Century]. Moscow, MAKSPress, 270 p.

Chelovek v usloviyah modernizatsii XVIII–XX vv. [Man in the Conditions of Modernisation between the 18th and 20th Centuries]. (2015). Yekaterinburg, UrO RAN. 407 p.

Faktornyy analiz rossiyskogo istoricheskogo protsessa [Factor Analysis of the Russian Historical Process]. (2011). Yekaterinburg, Izdatel'stvo UMTs UPI. 260 p.

Ignatyev, A. V. (2011). *Vneshnyaya politika Rossii v kontse XIX – nachale XX veka (Rossiya pered vyzovami novoy epokhi)* [The Foreign Policy of Russia between the Late 19th – Early 20th Centuries (Russia before the Challenges of a New Era)]. Moscow, Geos. 220 p.

Ionov, I. N. (2007). *Tsivilizatsionnoye soznaniye i istoricheskoye znaniye : problemy vzaimodeystviya* [Civilisational Consciousness and Historical Knowledge: Problems of Interaction]. Moscow, Nauka. 499 p.

Loskiy, N. O. (1991). *Usloviya absolyutnogo dobra* [Conditions of Absolute Good]. Moscow, Politizdat. 227 p.

Mironov, B. N. (2014–2015). *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. 3 Vols. St Petersburg, Dmitry Bulanin. 896 p.; 912 p.; 992 p.

Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka [The Experience of the Russian Modernisations of the 18th – 20th Centuries] (2000). Moscow, Nauka. 245 p.

Panarin, A. S. (2002). *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global'nom mire* [The Orthodox Civilisation in the Global World]. Moscow, Algoritm. 496 p.

Poberezhnikov, I. V. (2006). *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskiye problemy modernizatsii* [The Transition from the Traditional to the Industrial Society: Theoretical and Methodological Issues of Modernisation]. Moscow, ROSSPEN. 237 p.

Poberezhnikov, I. V. (2013). Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen [Frontier Modernisation as a Phenomenon of the Russian Civilisation]. In *Rossiya reformiruyushchayasya*. Iss. 12. Moscow, Novyy khronograf, pp. 246–274.

Primakov, E. M. (2014). *Vyzovy i al'ternativy mnogopolyarnogo mira: Rol' Rossii* [Challenges and Alternatives of the Multipolar World: The Role of Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 316 p.

Proskuryakova, N. A. (2005). Kontseptsii tsivilizatsii i modernizatsii v otechestvennoy istoriografii [Concepts of Civilisation and Modernisation in Domestic Historiography]. In *Voprosy istorii*, 7, pp. 153–165.

Ryazanov, V. T. (1998). *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii: Reformy i rossiyskoye khozyaystvo v XIX–XX vv.* [The Economic Development of Russia: Reforms and the Russian Economy between the 19th and 20th Centuries]. St Petersburg, Nauka. 796 p.

Shapovalov, V. F. (2003). *Istoki i smysl rossiyskoy tsivilizatsii* [The Origins and Meaning of the Russian Civilisation]. Moscow, FAIR-Press. 628 p.

Sotsial'no-demograficheskiye i kulturno-mentalnye transformatsii v kontekste rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv. [Socio-Demographic and Cultural-Mental Transformations in the Context of the Russian Modernisation of the 18th–20th Centuries]. (2014). Yekaterinburg, ASPUr. 162 p.

Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [The Strategy of the Scientific and Technological Development of the Russian Federation] (2016). In *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 49, p. 16747–16760.

Suvorov, D. V. (2006). *Smena subsivilizatsiy i modernizatsionnye volny v kul'turno-istoricheskom razvitiy Rossii* [The Change of Sub-civilisations and Modernisation Stages in the Cultural-Historical Development of Russia]. Avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. Yekaterinburg, S. n. 25 p.

Toynbee, A. J. (1991). *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Progress. 736 p.
Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv. : prostranstvenno-vremennoy aspekt [The Civilisational Peculiarities of the Russian Modernisations between the 18th and 20th Centuries: The Spatial-Temporal Aspect]. (2011). Yekaterinburg, Institut istorii i arkheologii UrO RAN. 383 p.

Utkin, A. I. (2002). *Vyzov Zapada i otvet Rossii* [The Challenge of the West and Russia's Response]. Moscow, Algoritm. 541 p.

Yerasov, B. S. (2002). *Tsivilizatsii: universalii i samobytnost'* [Civilisations: Universal Features and Identity]. Moscow, Nauka. 524 p.

Zubkov, K. I. (2011). Geopoliticheskaya motivatsiya razrabotki i realizatsii Uralo-Kuzbasskogo proyekta [The Geopolitical Motivation of the Design and Implementation of the Ural-Kuzbass Project]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 1, pp. 22–27.

Zubkov, K. I. (2017). Moderniziruyushchayasya imperiya i istoki russkoy revolyutsii 1917 g. [Modernising the Empire and the Origins of the Russian Revolution of 1917]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 3, pp. 61–70.

The article was submitted on 19.02.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.242

УДК 94(47)"1917"+94(470.23–25)+339.13.053.1

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В ПЕТРОГРАДЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Сергей Нефедов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE FOOD CRISIS IN PETROGRAD ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION

Sergey Nefedov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

According to official documents from the tsarist government and the works of many historians, the beginning of the February Revolution was a food riot caused by “food panic”. It is believed that the panic was triggered by rumours about the establishment of a rationing system and whether there was enough bread in Petrograd. This article studies bread availability in Petrograd and the dynamics of its sale to the public. It is demonstrated that the food crisis in Russia began in October 1916, when, in conditions of galloping inflation, the government imposed fixed prices on grain, leading manufacturers (both landowners and peasants) to refuse to sell grain for devaluing paper money. Due to short supply, bread stocks in Petrograd were running low; at the end of January 1917, the Minister of Agriculture Rittich ordered that the flour norm handed out to bakeries be limited to 35,000 poods, which meant the daily norm per capita was 1 pound (409 g) of baked bread. In the absence of a rationing system, food was given out very unevenly, and there was not enough bread for a large proportion of those standing in line. This forced them to start queuing as early as possible (during the night or even as soon as evening came) to be able to get their bread in the morning at the opening of the bakeries. The shortage of bread resulted in food panic. The first period of the food panic in the beginning of February coincided with

* *Citation:* Nefedov, S. (2017). The Food Crisis in Petrograd on the Eve of the February Revolution. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 635–655. DOI 10.15826/qr.2017.3.242.

Цитирование: Nefedov S. The Food Crisis in Petrograd on the Eve of the February Revolution // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 635–655. DOI 10.15826/qr.2017.3.242 / Нефедов С. Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской революции // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 635–655. DOI 10.15826/qr.2017.3.242.

when the opposition circles were preparing a mass demonstration for the opening day of the State Duma on 14 February. Alarmed by the preparations, on 10 February the municipal government ordered residents to be given five days' worth of flour in advance. This stopped the panic, but led to a sharp decline in the city's grain stocks. Consequently, on 18 February the government reduced the flour distribution to bakeries again, which caused another wave of panic. On 23 February, women standing in bread queues began revolting: on 24 February, a general strike broke out, and the February Revolution began. It was caused by the incompetence of the government and its inadequate measures in a crisis situation. Despite all the efforts later made by the Provisional Government, the supply of Petrograd was never restored, so the bread shortage led to new political crises during 1917.

Keywords: Petrograd; 1917; February Revolution; food crisis; hunger; supply difficulties.

В официальных документах царского правительства и в работах многих историков начало Февральской революции описывается как голодный бунт, вызванный «продовольственной паникой». Традиционно считается, что паника была спровоцирована слухами о введении карточной системы, что хлеба в Петрограде было достаточно. Рассмотрение вопросов о наличии хлеба в Петрограде и о динамике его реальных продаж населению показывает, что продовольственный кризис в России начался в октябре 1916 г.: когда в условиях галопирующей инфляции были введены твердые цены на зерно, производители (как помещики, так и крестьяне) отказались продавать его за обесценивавшиеся бумажные деньги. Недостаточный подвоз хлебных продуктов сокращал их запасы в Петрограде, и в конце января 1917 г. министр земледелия Риттих приказал ограничить выдачу муки в пекарни нормой в 35 тыс. пудов. При такой норме на одного человека приходился один фунт (409 г.) хлеба в день. При отсутствии карточной системы продовольствие распределялось крайне неравномерно, и значительной части стоявших в очередях людей хлеба не хватало. Это заставляло занимать очередь возможно раньше, ночью или вечером, чтобы иметь возможность получить хлеб утром при открытии булочной. Нехватка хлеба породила продовольственную панику. Первый ее период в начале февраля совпал с моментом, когда оппозиционные круги готовили массовую манифестацию в день открытия Государственной думы 14 февраля. Напуганное этими приготовлениями городское начальство 10 февраля распорядилось выдать жителям муку на пять дней вперед, что привело к резкому сокращению хлебных запасов, поэтому 18 февраля власти снова уменьшили выдачу муки в пекарни. 23 февраля начался бунт стоявших в хлебных очередях женщин, 24-го вспыхнула всеобщая забастовка – началась Февральская революция. Причиной были некомпетентность и неумелые действия правительства в кризисной ситуации. Несмотря на все усилия Временного правительства, снабжение Петрограда так и не было восстановлено, и в течение 1917 г. нехватка хлеба приводила к новым острым политическим кризисам.

Ключевые слова: Петроград; 1917 г.; Февральская революция; продовольственный кризис; голод; нарушение снабжения.

Вопрос об обстоятельствах возникновения продовольственного кризиса в Петрограде накануне революции стал дискуссионным начиная с момента возникновения этого кризиса в январе-феврале 1917 г. Лица, отвечавшие за продовольственное обеспечение Петрограда, утверждали, что кризиса как такового не было, что хлеба было достаточно. 24 февраля было опубликовано объявление командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова:

Недостатка хлеба в продаже быть не должно. Если в некоторых лавках хлеба иным не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве, и подвоз ее идет непрерывно [Объявление, с. 1].

Петербургский градоначальник А. П. Балк утверждал:

...голода не было, достать можно было все, к хвостам привыкли (хвостами называли очереди. – С. Н.)... Волновали слухи, распространяемые паникерами, что скоро мука перестанет доставляться, и выдача хлеба будет производиться по карточкам [Балк, с. 27].

Объяснения официальных лиц сводились к тому, что в двадцатых числах февраля случилась продовольственная паника, когда население бросилось закупать хлеб впрок. Министр земледелия А. А. Риттих недоумевал: «Произошло нечто необычное, вдруг появились громадные хвосты и страшное требование именно на черный хлеб... Отчего причина этой паники – это трудно точно разъяснить» [Государственная дума, с. 342]. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов в своей телеграмме в Ставку утверждал, что продовольственная паника вызвана «внезапно распространившимися в Петрограде слухами» о введении карточной системы, при которой норма отпуска хлеба будет ограничена одним фунтом на человека (цит. по: [Шляпников, с. 118]). Таким же образом объяснял появление «хвостов» начальник петроградской «охранки» генерал-майор К. И. Глобачев, сетуя при этом на газеты, которые уделяли преувеличенное, по его мнению, внимание вопросу о предстоящем введении карточной системы [ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1917. Оп. 247. Д. 341. Ч. 57. Л. 9а]. Газета «Земщина» шла дальше и прямо обвиняла неких злонамеренных агитаторов, которые распространяли на фабриках и заводах слухи о том, что запасы муки в городе скоро закончатся [Дума нас «успокоила»! С. 2].

Официальная версия происхождения продовольственной паники прочно утвердилась в историографии, и ей следуют многие исследователи [Hasegava, p. 201; Лейберов, Рудаченко, с. 65; Первая мировая война, с. 59, 60, 73]. Иногда эта версия дополняется указаниями на какие-то другие обстоятельства. Г. М. Катков писал, что «слухи о введении хлебных норм больно ударили по народному воображению», однако оговаривался, что нехватка хлеба возникла еще

и потому, что булочники отсылали часть муки в провинцию, где она продавалась на черном рынке [Катков, с. 255]. На это последнее обстоятельство как на главную причину нехватки хлеба указывают также и авторы многотомной «Истории СССР» [История СССР, с. 632]. Р. Пайпс приводит другую причину нехватки: он утверждает, что пекарни сократили выпечку хлеба из-за недостатка топлива [Пайпс, с. 306].

Не приходится отрицать, что продовольственная паника действительно имела место, однако вопрос о ее причинах остается не вполне ясным. Почему слухи о введении карточной системы вызвали панику, ведь упорядоченное распределение должно было избавить людей от стояния в «хвостах»? Или, быть может, причина состояла в другом – в том, что снабжение пекарен мукой реально сократилось, и хлеба не хватало на всех? Если это так, то возникают дальнейшие вопросы: насколько сократилось снабжение населения и почему это произошло. От ответа на эти вопросы зависит подход к решению более общей и более актуальной проблемы: была ли Февральская революция спровоцирована случайной продовольственной паникой, или же она была результатом некоего объективного процесса?

Чтобы ответить на эти вопросы, придется начать издали – с проблемы финансирования войны. Во всех воюющих странах военные расходы намного превосходили обычные доходы бюджета, поэтому весь рост вставала проблема изыскания дополнительных средств. В промышленно развитых странах эта проблема решалась по большей части за счет внутренних займов; например, в Германии доля займов составляла 74 % военных расходов. Россия ввиду экономической отсталости не могла столь эффективно использовать ресурсы населения, и займы составляли лишь 25 % военных расходов царского правительства. Поскольку внешние займы также не могли решить финансовую проблему, то приходилось финансировать войну за счет эмиссии бумажных денег. В конечном счете, к денежным эмиссиям были вынуждены прибегать и другие страны, но в России эмиссия приобрела безудержный характер: к весне 1917 г. количество бумажных денег в обращении увеличилось во Франции на 100 %, в Германии – на 200 %, а в России – на 600 % [Шигалин, с. 301, 306, 309; Погребинский, 1968, с. 125; Сидоров, с. 146, 151].

Эмиссия необеспеченных кредитных билетов должна была привести к быстрому росту цен. В начале октября 1916 г. петроградское охранное отделение подготовило докладную записку, в которой указывалось на то, что цены на продукты в городе возросли по сравнению с довоенным временем на 300 %. В записке говорилось о «неимоверно прогрессирующей дороговизне и отсутствии источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столиц» [Доклад петроградского охранного отделения, с. 6, 11]. В связи с этим охранное отделение (уже тогда!) предупреждало, что среди населения «отмечается исключительное повышение оппозиционности и озлобленности настроений» [Там же, с. 6]. Действительно,

17 октября началась массовая стихийная забастовка рабочих Выборгского района Петрограда. Они направились к казармам, где размещались солдаты 181-го полка, и часть солдат присоединилась к рабочим (правда, они не имели оружия). Бунтовщики были разогнаны полицией и войсками, 130 солдат было арестовано. Однако забастовка продолжалась еще несколько дней, и число бастующих достигло 75 тыс. [Лейберов, Рудаченко, с. 45].

Американский историк Л. Хаймсон назвал эти события «репетицией Февральской революции», и они действительно показывают, что ситуация в Петрограде была чревата массовыми беспорядками на продовольственной почве уже с октября 1916 г. [Хэймсон, Бриан, с. 103]. Нельзя сказать, что власти не предпринимали никаких мер, чтобы смягчить ситуацию. С начала войны в столице было введено таксирование цен на продукты; таксы постепенно повышались, но все же они оставались значительно меньшими, чем цены свободного рынка. В конце 1916 г. фунт черного хлеба (409 г.) стоил 6 коп., фунт белого хлеба – 14 коп.; чернорабочий зарабатывал в среднем рубль в день, так что на дневную зарплату можно было бы купить 7 кг хлеба, но в одни руки давали не более двух фунтов [Шляпников, с. 326; ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 107]. За таксированными продуктами выстраивались очереди (более состоятельная публика приобретала продукты по заказу или с заднего хода по свободным ценам). Чтобы облегчить положение рабочих, принимались и другие меры: осенью 1916 г. на крупных заводах были устроены столовые и хлебные лавки [Шляпников, с. 328, 330]. Эти меры, вероятно, на какое-то время приостановили дальнейшее обострение ситуации: вплоть до января крупных стачек в Петербурге не отмечалось.

Однако проблема снабжения городов и армии продовольствием имела более широкий характер. В условиях инфляции производители товарного хлеба не хотели выпускать его на рынок, ожидая дальнейшего повышения цен. Это привело к тому, что в августе 1916 г. государственные закупки хлеба упали до 6,4 млн пудов – они были в десять раз меньше, чем в зимние месяцы [Кондратьев, с. 231]. Требовалось установить твердые цены и объяснить производителям – а это были по большей части помещики и зажиточные крестьяне южных губерний – что цены не будут расти, и они не получат прибыли, удерживая хлеб в амбарах. 9 сентября 1916 г. были введены твердые цены на зерно, обязательные для всех, в том числе и для частных сделок. Но нелегальный рынок со свободными ценами продолжал существовать, и поскольку они были намного выше, крестьяне отказались продавать хлеб по твердым ценам. Легальная частная торговля прекратилась, и снабжение городов хлебом стало задачей государства. Но за четыре месяца (август-ноябрь) государственные уполномоченные смогли закупить только 90 млн пудов, и продавцами были в основном те помещики, которые брали кредиты и нуждались в деньгах [К последнему заседанию, с. 2]. Между тем, четырехмесячное потребление

армии составляло 149 млн пудов муки и зерна [Китанина, с. 73], так что войска жили по большей части за счет прежних запасов, которые подходили к концу. В ноябре командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов предупредил правительство о надвигающемся голоде в войсках [Китанина, с. 217; Кондратьев, с. 200–201]. «Главной заботой правительства было продовольствие, – свидетельствует А. Д. Протопопов. – Явилась на местах так называемая “бисерная забастовка”... деревня не выдавала своего товара, не получая ничего взамен... Положение создавалось грозное. Столицы тоже не имели хлеба. Мельницы были без зерна» [Протопопов, с. 376]. 14 ноября Особое совещание по продовольствию констатировало:

Все заготовленные продукты отправляются преимущественно для нужд армии, а для населения остались лишь незначительные запасы в Петрограде и Москве. Таким образом, снабжение продовольствием населения будет находиться в полной зависимости от успешных текущих заготовок [РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 78. Л. 78–79].

Правительство решило принудить крестьян продавать хлеб. 29 ноября А. А. Риттих подписал постановление о введении продразверстки. Для каждой губернии устанавливался объем государственных закупок по твердым ценам, далее он распределялся по уездам и волостям и в течение 35 дней должен был быть доведен до производителей – помещиков и крестьян. В течение шести месяцев разверстанное количество хлеба было необходимо сдать государственным уполномоченным. Всего предполагалось закупить 772 млн пудов хлеба для снабжения армии, оборонной промышленности и крупных городов [Китанина, с. 255–259]. Риттих предполагал, что он за три недели поставит на ноги продовольственное дело в империи, однако к началу февраля министр был вынужден признать провал своих планов. Многие губернии требовали уменьшить размеры разверстки, крестьянские общины и помещики отказывались выполнять задания [Погребинский, 1950, с. 57–58]. М. В. Родзянко в записке, предназначенной для правительства, констатировал, что из намеченных к разверстанию 772 млн пудов на 23 января реально разверстано волостями лишь 4 млн, и «эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки» [Родзянко, с. 69].

Между тем, тяжелая ситуация сложилась не только в армии – положение в провинциальных городах было прямо-таки катастрофическим. А. Г. Шляпников приводит конкретные данные о степени выполнения снабженческих заявок по некоторым городам и губерниям. Так, для Пскова было запланировано поставить в ноябре и декабре 1916 г. 321 вагон муки и зерна, а фактически было поставлено к концу января 1917 г. только 76 вагонов. Для Новгородской губернии было запланировано 1800 вагонов, поставлено только 10. Для Вологодской губернии было запланировано поставить 1080 вагонов, поставлено 200.

Для Рязанской губернии планировалось поставить 582 вагона, а фактически было поставлено к концу января лишь 20 вагонов. Из-за отсутствия зерна во многих городах (в частности в Царицыне, Тамбове, Нижнем Новгороде) остановились мельницы [Шляпников, с. 9]. Многочисленная мемуарная литература свидетельствует об отсутствии хлеба, об огромных очередях у продовольственных магазинов. В Воронеже населению продавали только по пять фунтов муки в месяц, в Пензе продажу сначала ограничили десятью фунтами, а затем вовсе прекратили. В Одессе, Киеве, Чернигове, Подольске тысячные толпы стояли в очередях за хлебом без уверенности что-либо достать. В некоторых городах, в том числе в Витебске, Полоцке, Костроме, население голодало [Погребинский, 1950, с. 54, 56; Лейберов, Рудаченко, с. 59; Китанина, с. 333]. Тульский губернатор А. Троицкий писал:

Наступили такие тяжелые времена, что не знаю, как и справиться. С продовольствием очень плохо, ничего не подвозят, всюду «хвосты». Кончилось тем, что Оружейный завод 3 февраля забастовал и был закрыт, а рабочих с семьями – 100 тыс. человек, то есть половина населения Тулы... [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 33].

Вследствие продолжительной нехватки хлебных грузов (дефицит измеряется многими сотнями вагонов) положение Калужской губернии отчаянное. Голодные самоубийства, тифы...

– свидетельствовал князь Е. Н. Трубецкой [Там же. Л. 26].

Находясь в безвыходном положении, правительство ввело большие надбавки к твердым ценам за перевозку зерна на станции. Это принесло временное облегчение: за декабрь было закуплено 63 млн пудов зерна, за январь – 57 млн пудов. Но в феврале закупки снизились до 41 млн пудов: крестьяне поняли, что принцип твердых цен нарушен, что они будут расти и дальше, поэтому с продажей хлеба лучше повременить [Кондратьев, с. 231]. Тем не менее, в январе у властей появилось какое-то количество хлеба, достаточное для снабжения армии и крупнейших городов. Проблема теперь состояла в том, как доставить хлеб в города и на фронт: изношенные паровозы выходили из строя, и, к тому же, метели заносили железнодорожные пути.

Петроград находился на особом положении, и его старались обеспечить в первую очередь. Но в декабре, когда ситуация со снабжением армии стала критической, Риттих был вынужден перебросить на фронт 2059 тыс. пудов стратегических резервов, предназначавшихся для Петрограда [Мичурин, с. 297]. В связи с недостаточным подвозом запасы хлебных продуктов в городе сокращались, 15 октября 1916 г. они составляли 3464 тыс. пудов, а 15 января 1917 г. – 1946 тыс. пудов. Из этого количества 1214 тыс. пудов принадлежали городскому самоуправлению, 295 тыс. – государственному упол-

номоченному (градоначальнику Балку), и 437 тыс. – частным лицам и фирмам [РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 904. Л. 66, 77].

Частные лица берегли свой хлеб, выжидая повышения цен, поэтому при снабжении городских пекарен можно было рассчитывать только на запасы города и уполномоченного – 1509 тыс. пудов. Запасы были невелики, но все же положение было лучше, чем в соседних городах (Кронштадте, Петергофе, Сестрорецке и др.), где в гарнизонах стояло около 200 тыс. солдат, и запасов вообще не было. В начале февраля Риттих потребовал, чтобы Петроград передал этим городам 500 тыс. пудов муки, и, таким образом, городские запасы Петрограда уменьшились на треть [В городской думе, с. 5; Продовольствие Петрограда].

Установленная Особым совещанием по продовольствию в 1915 г. средняя суточная норма подвоза (и средняя норма потребления) составляла 120 вагонов продовольственных хлебов (зерна и муки) и 50 вагонов фуражных хлебов (1 вагон = 1 тыс. пудов), однако зимой 1915–1916 гг. реально поставлялось 74 вагона продовольственных хлебов и 32 вагона фуража [РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 892. Л. 25 об.]. В январе 1917 г. в среднем в сутки доставлялось 48 вагонов продовольственных хлебов и только три вагона фуража [Сведения о прибытии продовольственных грузов], и в связи с недостаточным подвозом выдача муки в пекарни была сокращена до 50 тыс. пудов.

Доставка фуража (овса) практически прекратилась, начался падеж лошадей, и в этих крайних обстоятельствах извозчики были вынуждены кормить их хлебом. Они договаривались с булочниками и покупали его с заднего крыльца. Городские власти попытались запретить извозчикам кормить лошадей хлебом, но те ответили, что в таком случае они перестанут развозить муку по пекарням. В городе было 60 тыс. лошадей, каждая лошадь потребляла полпуда хлеба в день, и для их прокорма теоретически требовалось около 30 тыс. пудов хлеба (20 тыс. пудов муки). Конечно, лошади не потребляли так много, они просто погибали, но все же на прокорм оставшихся шла какая-то часть из тех 50 тыс. пудов муки, которые доставлялись в город [В городской думе, 1917б; Вопрос к правительству, с. 4; Распоряжение по продовольствию, с. 3].

25 января проблема доставки продовольствия обострилась из-за метелей и снежных заносов на железных дорогах южнее Москвы. Объемы доставки резко упали. Опасаясь, что имеющихся запасов надолго не хватит, Риттих в конце января распорядился отпускать пекарням не более 30 вагонов ржаной и пяти вагонов пшеничной муки в сутки [Государственная дума, с. 341]. Из этой муки можно было испечь 50 тыс. пудов хлеба. Городские власти полагали, что в Петрограде 2 млн жителей, тогда на каждого из них пришлось бы по фунту хлеба. Однако, как потом выяснилось, жителей было на 200 тыс. больше [Квиткин], так что в среднем на каждого приходилось по 370 г. Это примерно соответствовало размерам хлебного

пайка для рабочих Ленинграда в начале февраля 1942 г. [Блокадный Ленинград]. Но в блокадном Ленинграде хлеб распределялся по карточкам, и каждому была обеспечена его мизерная пайка. В Петрограде хлеб получал тот, кто занимал место в очереди вечером и ждал всю ночь до открытия булочной в шесть часов утра. Первые покупатели могли получить по два фунта, а иногда и больше, но на половину очереди хлеба не хватало.

Для характеристики сложившегося положения приведем несколько выдержек из петроградской газеты «Биржевые ведомости». 28 января:

7 часов утра, но на улицах своеобразное оживление. Целый ряд хвостов тянется один за другим у дверей булочных... Публика ждет, но терпеливо дежурит, каждый ждет своей очереди.

29 января:

Согласно распоряжению градоначальника с сегодняшнего дня прекращена выпечка и продажа всякого рода тортов, сладких и сдобных булок, пирогов и т. п. В настоящее время, как известно, заметно ощущается недостаток муки... Вообще же торговля в петроградских булочных уменьшилась теперь против обычного на 60–70 процентов.

2 февраля:

Хвосты у петроградских булочных с каждым днем все удлиняются, а производство сокращается... Большинство петроградских булочных торгует в настоящее время с 6 часов утра до 8 часов утра, причем в течение этих двух часов положительно расхватывается все, что выпекается за ночь, а затем с 4 часов дня до половины шестого.

Положение продолжало ухудшаться. В первую неделю февраля в сутки доставлялось лишь 17 вагонов муки, крупы и зерна (а также три вагона овса) [Сведения по Петрограду, с. 72]. 4 февраля выдача муки пекарням была уменьшена до 28 вагонов муки [Мука для Петрограда] – это соответствовало январским нормам потребления блокадного Ленинграда, более низким, чем февральские. (В январе 1942 г. при населении примерно в 2 млн норма выдачи ленинградским пекарням составляла 407 т – 25,5 тыс. пудов муки [Соболев, Ходяков, с. 9].) При расходе в 28 тыс. пудов на каждого жителя приходилось бы по 300 г хлеба в день, если бы этот хлеб распределялся равномерно. Но хлебом кормили лошадей, и, кроме того, появилась проблема с его производством: в городских запасах оставалось очень мало белой муки, а многие пекарни, которые раньше специализировались на белом хлебе, не могли выпекать черный [Владельцам пекарен, с. 4].

Это была проблема, которую власти осознали не сразу. Только 22 февраля один из приставов Выборгской части доложил начальству:

...Недостаток хлеба объясняется тем, что булочники прекратили выпечку белого и ситного хлеба вследствие неполучения пшеничной муки, черный хлеб булочники-рабочие выпекать не могут, хлебопекоев же в настоящее время не имеется [РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 741. Л. 114].

24 февраля делегация булочников говорила Хабалову: «Горе не в том заключается, что муки мало, а в том, что у нас рабочих мало, пекарей мало...» [Падение царского режима, с. 185]. Речь шла о нехватке специалистов, которые могли бы выпекать ржаной хлеб. Хабалов переслал в Ставку прошение о демобилизации 1500 пекарей [Там же, с. 186], но, конечно, было уже слишком поздно.

Очередь в Петрограде. Февраль 1917

Queue in Petrograd. February of 1917

Поскольку булочники не могли перепечь всю выдаваемую им муку, то они откладывали ее в запас или отправляли часть муки в соседние города, где она стоила в три раза дороже [Снабжение населения хлебом, с. 3]. Хабалов предлагал уполномоченному Особого совещания В. Н. Вейсу увеличить поставки, но тот отвечал, что в пекарнях есть мука. «Он докладывал, что 23 числа он лично объехал Большой Сампсониевский пр. и осмотрел подряд пять лавок: оказалось, что мука во всех лавках была, причем в одной из них имелись запасы приблизительно на пять дней, судя по той работе, которую эта пекарня может выполнять. В других пекарнях имелось запасов еще боль-

ше, а в одной из них — почти на десять дней. Поэтому он объяснил, что, сколько вы ни отпускайте, они не перепекут всего в хлеб, так как делают себе запасы» [Падение царского режима, с. 186].

Таким образом, в действительности хлеба выпекалось значительно меньше, чем можно было бы его выпечь из поставлявшейся в пекарни муки. Сколько же выпекалось реально? Городская дума заключала договоры на выпечку ржаного хлеба с крупными пекарнями, и на 16 февраля было заключено договоров на изготовление 20,6 тыс. пудов хлеба [Снабжение населения хлебом, с. 3]. И. П. Лейберов и С. Д. Рудаченко полагали, что это и были реальные объемы выпечки, в таком случае на каждого из жителей Петербурга пришлось бы лишь по 100 г хлеба [Лейберов, Рудаченко, с. 63]. Все же надо думать, что хлеба выпекалось существенно больше, ведь имелось большое количество мелких пекарен. Однако их число сокращалось: 142 из них были закрыты, причем 121 – по причине отсутствия муки [ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 649. Л. 22].

Газета «Речь» писала 11 февраля:

Продовольственный кризис в Петрограде обострился. Многих необходимых продуктов или вовсе нет, или есть в недостаточном количестве. У кого нет запаса пшеничной муки, тот и за любые деньги приобрести ее не может. У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде купить булку или черный хлеб. Во многих мелочных лавках больше одного-двух фунтов на человека в день не продают, и многим приходится или являться в лавки со своими домочадцами, или становиться несколько раз в очередь у разных лавок, чтобы получить нужное количество хлеба. Черный хлеб отпускается из плохой муки и плохо выпечен. Белые булки по цвету и качеству немногим лучше черного хлеба. В некоторых районах за белый хлеб берут по 60 копеек за фунт.

60 копеек на фунт – эта цена была доступна лишь состоятельным горожанам, которые могли покупать хлеб из-под прилавка. Часто это делалось открыто:

В тех же самых торговых помещениях, где вам отказывают в продаже фунта хлеба, фунта муки, можете приобрести по «вольным ценам» любое количество муки белой или черной...

– писала газета «Земщина» 17 февраля. В то время как доставка хлеба почти прекратилась, в столицу прибывали большие партии мяса, продававшегося по спекулятивным ценам: в первую неделю февраля прибыло 203 вагона с мясом [Сведения по Петрограду, с. 72]. «В Петрограде... бедный стонет, а богатый все может иметь», – возмущался командующий Северным фронтом генерал Н. В. Рuzский [Разложение армии, с. 44].

Большинству горожан приходилось довольствоваться черным хлебом, который отличался «скверной выпечкой» [В булочных, с. 4]. Когда осенью создавался запас муки, близкие к градоначальнику концессионеры

...наводнили склады сибирской мукой, которая при выпечке превращается в липкую замазку... Пока была другая мука, сибирскую старались не выпускать. Когда разразился мучной кризис, из запасов градоначальника стали выпускать и негодную сибирскую, к тому времени уже испортившуюся от долгого лежания и от того, что мешки не перебрасывались [Повесть о муке, о соли и прочем, с. 3].

Охранное отделение еще 27 января сообщало, что в лавках наблюдались столкновения покупателей с продавцами из-за того, что те продавали таксированный хлеб, «плохо выпеченный и из негодной муки, с горьким привкусом» [Глобачев, с. 390]. Во избежание дальнейших столкновений полицейским было вменено в обязанность дежурить у наиболее длинных «хвостов» и наблюдать за соблюдением порядка [Хлебный кризис, с. 4].

Власти были весьма обеспокоены планами оппозиции устроить 14 февраля шествие рабочих к Государственной думе с тем, чтобы выразить ей поддержку в ее конфликте с правительством. В условиях продовольственного кризиса волнения могли принять большие масштабы, и необходимо было хотя бы на время успокоить рабочих. 10 февраля градоначальник Балк распорядился выдать семьям рабочих муку на пять дней вперед (поскольку печеного хлеба не было) [Мука для Петрограда]. Полицейским было приказано проследить, чтобы к утру 14 февраля каждая пекарня выдала положенную норму хлеба [Распоряжение о выпечке, с. 3]. 13 февраля газеты успокаивающе писали о том, что у «большинства хлебных лавок и магазинов хвосты уменьшились», что «хлебный кризис утратил свою остроту» [Хлебный кризис, с. 4]. Хабалов дал интервью газете «Биржевые ведомости», в котором говорил:

Рабочая масса в целом далека от политики. Ее больше волнует, как и всех нас, продовольственный вопрос... К счастью, благодаря принятым чрезвычайным мерам продовольственный кризис удалось на время ослабить. Железнодорожные пути освобождены от снежных заносов. В последние дни в столицу прибывали большие партии муки, в среднем по 25 поездов в день (в действительности – по 25 вагонов. – С. Н.). Соответственно с этим увеличилось количество ежедневной выдачи муки пекарням, вместо прежних 28 тыс. пудов в настоящее время отпускается 35 тыс. пудов в день [Беседа, с. 1].

Власти действительно прилагали большие усилия, чтобы восстановить хлебное снабжение Петрограда. С 1 февраля, чтобы освободить

дить пути для составов с продовольствием, было сокращено движение пассажирских поездов [Начало двух товарных недель, с. 3]. Риттих распорядился выбирать из задержанных на станциях составов вагоны с мукой, формировать из них скорые поезда и отправлять в Петроград [Мука, рожь и пшеница, с. 6]. 19 февраля «Биржевые ведомости» сообщали:

...Товарное движение на большинстве железных дорог постепенно налаживается. На юге и юго-востоке России снежные заносы совершенно прекратились и в значительной степени утихли морозы. Очистка путей, заваленных снегом, идет усиленно, причем к этой работе привлечено свыше 40 тыс. рабочих... [Проект продления товарного месяца, с. 3].

16 февраля «Биржевые ведомости» писали, что продовольственный кризис закончился, что хлебные «хвосты» пропали [Хлеб и булки, с. 4]. По версии уполномоченного Вейса, кризис объяснялся не недостатком хлеба, а «продовольственной паникой», стремлением населения создать запас хлеба накануне ожидавшихся 14 февраля крупных беспорядков [Продовольствие Петрограда, с. 3]. Вейс, разумеется, не мог признать, что это он 4 февраля сократил выдачу муки до 28 тыс. пудов и вызвал тем самым не только панику, но и настоящий голод. Принятое 10 февраля решение о выдаче муки на пять дней вперед погасило панику, но привело к существенному сокращению городских запасов. 13 февраля у города (у городского самоуправления и уполномоченного) имелось 714 тыс. пудов муки, а 15 февраля – только 536 тыс. пудов [Продовольственный вопрос, с. 4; Сведения о запасах, с. 79], то есть за два дня в преддверии ожидавшихся волнений было отпущено в пекарни не менее 178 тыс. пудов муки. Естественно, что паника закончилась, и «хвосты» на время пропали. Соответственно, у многих рабочих пропало желание участвовать в демонстрациях и забастовках. Жена председателя Думы А. Н. Родзянко с облегчением писала 15 февраля: «хлеб, к счастью, появился сегодня в больших количествах, что успокоительно повлияло на население» [К истории последних дней царского режима, с. 245].

Но трудности с доставкой продовольствия еще не были преодолены. За неделю с 15 по 21 февраля в среднем в день прибывало только 20 вагонов с мукой [Сведения по Петрограду, с. 72]. Поэтому 18 февраля власти снова уменьшили норму выдачи муки в пекарни [Государственная дума, с. 342], и снова у булочных выросли «хвосты». Французский посол Морис Палеолог записал 20 февраля в дневнике:

Петроград терпит недостаток в хлебе и дровах, народ страдает. Сегодня утром в булочной на Литейном я был поражен злым выражением, которое я читал на лицах всех бедных людей, стоявших в «хвосте», из которых большинство провело там ночь [Палеолог, с. 201].

Один из приставов Выборгской части докладывал 22 февраля:

Почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по два-три дня и более, поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла таких размеров, что некоторые, дождавшись покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости [РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 741. Л. 114].

Как отмечалось выше, власти пытались представить эту вторую волну продовольственной паники как результат распространения слухов о будущем введении карточек на хлеб. Действительно, о введении карточек газеты писали с 13 февраля, но при том отмечалось, что это не дело ближайших дней, так как сначала должна быть проведена перепись населения Петрограда [Снабжение населения хлебом, с. 3]. Известия такого рода не могли вызвать панику, так как равномерная система распределения должна была облегчить жизнь населения: огромные «хвосты» и ситуация, когда многим не доставалось хлеба, были связаны именно с отсутствием карточек. Так что перед реальным введением карточной системы в конце марта никакой паники не наблюдалось. Очевидно, новый продовольственный кризис 18–25 февраля был вызван не продовольственной паникой, а реальной нехваткой хлеба в булочных.

Механизм возникновения паники при недостатке хлеба достаточно очевиден. Покупатели, которым не хватило хлеба, в следующий раз занимали очередь возможно раньше, ночью или вечером, чтобы иметь возможность получить его утром при открытии булочной. Так появлялись огромные «хвосты». По свидетельству очевидцев, очереди от булочных, протягиваясь, охватывали спиралями целые кварталы. Услышав, что хлеба больше нет, часть очереди не расходилась: работницы оставались, чтобы не потерять своего места в ней [Первая мировая война, с. 60]. Генерал-майор Глобачев писал своему начальству:

Матери семей, изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, исстрадавшиеся при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем гг. Милюковы, Родичевы и К°, и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собою тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар...

<...>

Если население еще не устраивает «голодные бунты», то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем: озлобление растет, и конца его росту не видать... А что подобного рода стихийные выступления народных масс явятся первым и последним этапом на пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной для всех анархической революции, сомневаться не приходится [Глобачев, с. 388, 403].

Достаточно было одной искры, чтобы те, кому не хватило хлеба, принялись громить булочные: ведь они, конечно, знали, что там имеются запасы муки, и часть их отправляется на сторону.

Риттих надеялся, что до бунта не дойдет, что метели в конце концов закончатся, и он сможет спасти ситуацию. Действительно, снабжение постепенно налаживалось: 22 февраля прибыло 36 вагонов муки. Однако Вейс не увеличил норму выдачи пекарням, а отправил излишки в запас «для того, чтобы к Пасхе не поставить население Петрограда в зависимость от случайных обстоятельств». Уполномоченный почему-то полагал, что в настоящее время «острой нужды в черном хлебе не чувствуется», и сколько ни отпускаяй муки булочникам, «они не перепекут всего в хлеб, так как делают себе запасы» [Продовольствие Петрограда, с. 3]. Власти полагали, что опасность уже миновала. Заместитель председателя Государственной думы Н. В. Некрасов 25 февраля докладывал думцам, что кризис в ближайшее время будет преодолен, что подвоз продовольствия «идет в той мере, которая позволяет населению быть спокойным за обеспечение его продовольственными продуктами» [Государственная дума, с. 346]. На совещании в Городской думе 24 февраля отмечалось, что «имеющиеся у города запасы муки позволили пережить наиболее острый период, когда подвоз муки в столицу сократился до минимума» [Продовольственный кризис, с. 6]. Запасы городского самоуправления подходили к концу, оставалось только 260 тыс. пудов муки, но это не внушало беспокойства: Риттих обещал, что 25 февраля придут сто вагонов с мукой, которые находились уже поблизости, на станции Любань [Там же].

Действительно, хлеб начал поступать, но было уже поздно: началась Февральская революция. Как писал 23 февраля корреспондент газеты «Новое время», события начались с того, что на большой ткацкой фабрике Лебедева работницы обратились к администрации с просьбой организовать доставку хлеба на предприятие. Если же это окажется невозможным, то они просили уменьшить рабочее время

...с тем, чтобы остаток его они могли использовать на поиски хлеба, ибо они настолько ослабели, что не могут работать (курсив мой. – С. Н.). Ни то, ни другое исполнено не было. Работницы забастовали, и на третий день их забастовки, то есть вчера, им был объявлен расчет. Это послужило сигналом к забастовке остальных заводов. Рассчитанные работницы предприняли обход заводов Выборгской стороны, снимая всех рабочих. Рабочие охотно и вполне единодушно оставляли работу... После обеденного перерыва забастовали все фабрики и заводы Выборгского района (цит. по: [Балабанов, с. 433]).

Градоначальник Балк был очень удивлен, увидев из окон своего кабинета странную толпу:

В публике было много дам, еще больше баб... и сравнительно с прежними выступлениями мало рабочих... Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам... и часам к двум стали слышны заунывные голоса: «Хлеба, хлеба...» И так продолжалось весь день всюду. Толпа как бы стонала: «Хлеба, хлеба» [Балк, с. 26].

Не вызывает сомнения, что Февральская революция началась как голодный бунт: именно так эти события описываются в донесениях властей и в воспоминаниях современников. Один из кадетских лидеров В. А. Оболенский писал:

Революция началась с бунта продовольственных хвостов, а этот бунт вспыхнул потому, что министр земледелия Риттих, заведовавший продовольствием Петербурга, испугавшись уменьшения подвоза хлеба в столицу, отдал распоряжение отпускать пекарням муку в ограниченных размерах, по расчету 1 фунт печеного хлеба на человека. Ввиду сокращения хлебных запасов... эта мера была вполне разумной, но лишь при одновременном введении хлебных карточек. Это обстоятельство, однако, Риттих упустил из виду. И вот у булочных образовались хлебные хвосты, в которых всякий старался забрать себе возможно больше хлеба. Когда же очередь доходила до середины хвоста, запас хлеба оказывался исчерпанным... Несколько дней нарастало недовольство обделенных, ропот в хвостах усиливался, и наконец начались бесчинства: жены и дети, стоявшие в хвостах, стали громить булочные и пекарни, а затем толпы их с криками: «Хлеба! Хлеба!» – пошли по улицам Петербурга. Женский бунт был поддержан рабочими, объявившими забастовку... В Петербурге создалось очень тревожное настроение, в особенности среди депутатов Государственной думы, хорошо понимавших причину возникновения продовольственных волнений. Но никому не приходило в голову, что началась революция... [Оболенский, с. 509].

Однако не следует думать, что Февральская революция была вызвана ошибкой Риттиха, не введшего карточную систему. Во-первых, чтобы ввести карточки, нужно было время, которым Риттих не располагал. Во-вторых – и это главное – недостаток хлеба был вызван глобальными обстоятельствами – нежеланием производителей продавать его в условиях обесценивания бумажных денег. С этими обстоятельствами не могли совладать ни Риттих, ни пришедшие ему на смену министры Временного правительства. Несмотря на все принимаемые меры, поставки хлеба в Петроград уменьшались. 30 апреля запасы муки и крупы в городе сократились до 97 тыс. пудов, и власти урезали паек по основной карточке до полуфунта хлеба (лицам физического труда выдавался 1 фунт) [ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 150. Л. 7, 44]. В июне реальная норма хлеба по карточкам составляла только треть фунта [Измозик, с. 41]. 24 августа английский посол Дж. Бьюкенен запросил срочную аудиенцию у А. Керенского. Он сказал:

Я уже однажды предупреждал императора, что голод и холод вызовут революцию; если теперь правительство не будет действовать незамедлительно, то те же причины вызовут контрреволюцию [Бьюкенен, с. 328].

Подводя итоги, можно констатировать, что основной причиной голодного бунта, который стал началом Февральской революции, было нарушение продовольственного снабжения, которое было следствием чрезмерной эмиссии бумажных денег. Эмиссия, в свою очередь, была продиктована необходимостью покрытия военных расходов, которые в условиях экономической слабости России не могли быть обеспечены внутренними займами. Таким образом, глубинной причиной фатального развития событий была экономическая слабость России.

Список литературы

- Балабанов М.* От 1905 к 1917 году : Массовое рабочее движение. М. ; Л. : Госиздат, 1927. 455 с.
- Балк А. П.* Последние пять дней царского Петрограда (23–28 февраля 1917 г.) // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 7–72.
- Беседа с командующим войсками Петроградского военного округа ген. С. И. Хабаловым // Биржевые ведомости. № 16098. 14 февр. С. 1.
- Блокадный Ленинград, паёк блокадников // Сууks [сайт]. URL: <http://cooks.kz/blokadnyiy-leningrad-payok-blokadnikov/> (дата обращения: 30.10.2016).
- Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России : мемуары. М. : Захаров, 2006. 432 с.
- В булочных // День. 1917. № 43. 15 февр. С. 4.
- В городской Думе // Новое время. № 14703. 1917а. 9 февр. С. 9.
- В городской Думе // Русская воля. № 45. 1917б. 16 февр. С. 5.
- Владельцам пекарен и булочных заведений // Новое время. № 14717. 1917. 24 февр. С. 4.
- Вопрос к правительству о продовольствии Петрограда. Речь Шингарева // Новое время. 1917. 25 февр. С. 4.
- Глобачев К. И.* Правда о русской революции. М. : РОССПЭН, 2009. 519 с.
- Государственная Дума. 1906–1917 : стеногр. отчеты. Т. 4. М. : Правовая культура, 1995. 368 с.
- ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1917. Оп. 247. Д. 341; Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070; Ф. 111. Оп. 5. Д. 649.
- Доклад петроградского охранного отделения Особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. // Красный архив. 1926. Т. 4. С. 4–35.
- Дума нас «успокоила»!* // Земщина. 1917. № 53. 25 февр. С. 2.
- Измозик В.* Оглянемся на историю. 1917 год : Легенды и факты // Наука и жизнь. 1991. № 2. С. 34–43.
- История СССР : в 12 т. / отв. ред. А. Л. Сидоров. М. : Наука, 1968. Т. 6. 743 с.
- К истории последних дней царского режима // Красный архив. 1926. Т. 14. С. 228–249.
- К последнему заседанию Особого совещания по продовольствию // Новое время. 1917. № 14706. 12 февр. С. 2.
- Катков Г. М.* Февральская революция. М. : Рус. путь, 1997. 471 с.
- Квиткин О.* Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1925 годов // Демоскоп Weekly. 2003. № 129–130. URL: [http:// www.demoscope.ru/weekly/2003/0129/archiv02.php](http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0129/archiv02.php) (дата обращения: 30.10.2016).
- Китанина Т. М.* Война, хлеб, революция : Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л. : Наука, 1985. 383 с.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. : Наука, 1991. 487 с.

Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М. : Мысль, 1990. 222 с.

Мичурин А. И. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2010. 323с.

Мука для Петрограда // Новое время. № 14707. 1917. 10 февр. С. 3.

Мука, рожь и пшеница для Петрограда и Москвы // Русская воля. № 41. 1917. 11 февр. С. 6.

Начало двух товарных недель // Биржевые ведомости. № 16075. 1917. 1 февр. С. 3.

Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris : YMCA-press, 1988. 751 с.

Объявление командующего войсками Петроградского военного округа // Биржевые ведомости. № 16119. 1917. 24 февр. С. 1.

Падение царского режима : в 7 т. / ред. П. Е. Щеголев. Л. : Госиздат, 1924. 433 с.

Пайнс Р. Русская революция : в 2 ч. Ч. 1. М. : РОССПЭН, 1994. 400 с.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М. : Terra, 1996. 286 с.

Первая мировая война и конец Российской империи : в 3 т. / отв. ред. Р. Ш. Ганелин. СПб : Лики России, 2014. Т. 3. Февральская революция. 429 с.

Повесть о муке, о соли и прочем // День. № 41. 1917. 12 февр. С. 3.

Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М. : Финансы, 1968. 167 с.

Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 37–60.

Продовольственный вопрос в Городской думе // Речь. № 42. 1917. С. 4.

Продовольственный вопрос в Петрограде // Речь. № 53. 1917. С. 6.

Продовольствие Петрограда (беседа с уполномоченным В. К. Вейсом) // Биржевые ведомости. № 16115. 1917. 22 февр. С. 3.

Продовольствие Петрограда // Речь. № 38. 1917. 9 февр. С. 5.

Проект продления товарного месяца // Биржевые ведомости. № 16109. 1917. 19 февр. С. 3.

Протопопов А. Д. Показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Гибель монархии. М. : Фонд А. Дубова, 2000. С. 376.

Разложение армии. М. : Вече, 2010. 495 с.

Распоряжение о выпечке хлеба // День. № 41. 1917. 12 февр. С. 3.

Распоряжение по продовольствию // Новое время. № 14705. 1917. 11 февр. С. 3.

Родзянко М. В. Записка М. В. Родзянки // Красный архив. 1925. Т. 3. С. 69–86.

РГИА. Ф.1282. Оп. 1. Д. 741; Ф. 457. Оп. 1. Д. 78; Д. 892; Д. 904.

Сведения о запасах продовольствия в Петрограде // Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (32). С. 79.

Сведения о прибытии продовольственных грузов первой необходимости в Петроград // Известия Особого совещания по обсуждению и объединению мероприятий по продовольственному делу. 1917. № 2 (31). С. 101.

Сведения по Петрограду о прибытии и отправлении продовольственных продуктов // Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (32). С. 72–76.

Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М. : Изд -во АН СССР, 1960. 578 с.

Снабжение населения хлебом // День. № 45. 1917. 17 февр. С. 3.

Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–28.

Хлеб и булки // Биржевые ведомости. 1917. № 16103. 16 февр. С. 4.

Хлебный кризис // День. 1917. № 41. 12 февр. С. 4.

Хэймсон А., Бриан Э. Стачечное движение в России во время мировой войны: количественный анализ // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М. : Наука, 1992. С. 79–113.

ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 107; Д. 150.

Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М. : Воениздат, 1956. 331 с.

Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год : в 2 т. М. : Республика, 1992. Т. 2. 496 с.

Hasegava Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle ; L. : Univ. of Washington Press, 1981. 624 p.

References

Balabanov, M. (1927). *Ot 1905 k 1917 godu. Massovoe rabochee dvizhenie* [From 1905 to 1917. Mass Labour Movement]. Moscow-Leningrad, Gosizdat. 455 p.

Balk, A. P. (1991). Poslednie pjat' dnej carskogo Petrograda (23–28 February 1917 g) [The Last Five Days of Tsarist Petrograd (February 23–28, 1917)]. In *Russkoe proshloe*. Vol. 1, pp. 7–72.

Beseda s komandujushhim vojskami Petrogradskogo voennogo okruga gen. S. I. Habalovym (1917) [Conversation with the Commander of the Troops of the Petrograd Military District General S. I. Khabalov]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16098. Febr. 14, p. 1.

Buchanan, G. (2006). *Moja missija v Rossii*. Memuary [My mission in Russia and Other Diplomatic Memories]. Moscow, Zaharov. 432 p.

Blokadnyj Leningrad, pajok blokadnikov [Blockade Leningrad, the Ration of Blockade Men]. URL: <http://cooks.kz/blokadnyiy-leningrad-payok-blokadnikov/> (mode of access: 30.10.2016).

CGA SPb [Central State Archive of St Petersburg].

Doklad petrogradskogo ohrannogo otdelenija Osobomu otdelu departamenta policii. Oktjabr' 1916 g. (1926). [Report of the Petrograd Security Department to the Special Division of the Police Department. October 1916]. In *Krasnyj arhiv*. Vol. 4, pp. 4–35.

Duma nas "uspokoila"! (1917). [The Duma "Calmed us down"!]. In *Zemshhin*. No. 53. Febr. 25, p. 2.

Ganelin, R. Sh. (ed.) (2014). *Pervaja mirovaja vojna i konec Rossijskoj imperii. T. 3. Fevral'skaja revolyucija* [The First World War and the End of the Russian Empire. T. 3. February Revolution]. St. Petersburg, Liki Rossii. 429 p.

GARF [State Archive of the Russian Federation].

Globachev, K. I. (2009). *Pravda o russkoj revoljucii* [The Truth about the Russian Revolution]. Moscow, ROSSPEN. 519 p.

Gosudarstvennaja Duma. 1906–1917. Stenograficheskie otchety. T. IV. (1995). [The State Duma. 1906–1917. Verbatim Records. Vol. IV]. Moscow, Pravovaja kul'tura. 368 p.

Hasegava, Ts. (1981). *The February Revolution: Petrograd, 1917*. Seattle and London, Univ. of Washington Press. 624 p.

Hejmson, A., Brian, Je. (1992). Stachechnoe dvizhenie v Rossii vo vremja mirovoj vojny: kolichestvennyj analiz [The Strike Movement in Russia during World War I: A Quantitative Analysis]. In *Rossija i SShA na rubezhe XIX–XX vv.* Moscow, Nauka, pp. 79–113.

Hleb i bulki (1917) [Bread and Rolls]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16103, Febr. 16, p. 4.

Hlebnij krizis (1917) [Bread Crisis]. In *Den'*. No. 41, Febr. 12, p. 4.

Istorija SSSR. T. VI (1968). [History of the USSR. 13 Vols., Vol. VI]. 743 p. Moscow, Nauka.

Izmozik, V. (1991) Ogljanemsja na istoriju. 1917 god. Legendy i fakty [Let's Look back on History. 1917. Legends and Facts]. In *Nauka i zhizn'*. No. 2, pp. 34–43.

K istorii poslednih dnej carskogo rezhima (1926) [On the History of the Last Days of the Tsarist Regime]. In *Krasnyj arhiv*. Vol. 14, pp. 228–249.

K poslednemu zasedaniju Osobogo soveshhanija po prodovol'stviju (1917) [On the Last Meeting of the Special Meeting on Food]. In *Novoe vremja*. No. 14706, Febr. 12, p. 2.

Katkov, G. M. (1997). *Fevral'skaja revoljucija* [The February Revolution]. Moscow, Russkij put'. 471 p.

Kitanina, T. M. (1985). *Vojna, hleb, revoljucija. Prodoval'stvennyj vopros v Rossii. 1914 – oktjabr' 1917 g.* [War, Bread, Revolution. The Food Issue in Russia. 1914 – October 1917]. Leningrad, Nauka. 383 p.

Kondrat'ev, N. D. (1991) *Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremja vojny i revoljucii* [The Market of Breads and its Regulation during the War and Revolution]. Moscow, Nauka. 487 p.

Kvitkin, O. (2003). Naselenie gorodov Evropejskoj chasti RSFSR po perepisjam 1897, 1917, 1920 i 1925 godov [The Population of the Cities of the European Part of the RSFSR according to the Censuses of 1897, 1917, 1920 and 1925]. In *Demoskop Weekly*. No. 129–130. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0129/arxiv02.php> (mode of access: 30.10.2016)

Lejberov I. P, Rudachenko, S. D. (1990). *Revoljucija i hleb* [Revolution and Bread]. Moscow, Mysl'. 222 p.

Michurin, A. I. (2010). *Politicheskaja bor'ba v Gosudarstvennom Sovete v gody pervoj mirovoj vojny* [Political Struggle in the State Council during the First World War]. St Petersburg, Izd-vo Politehn. un-ta. 323p.

Muka dlja Petrograda (1917) [Flour for Petrograd]. In *Novoe vremja*. No. 14707, Febr. 10, p. 3.

Muka, rozh' i pshenica dlja Petrograda i Moskvy (1917) [Flour, Rye and Wheat for Petrograd and Moscow]. In *Russkaja volja*. No. 41, Febr. 11, p. 6.

Nachalo dvuh tovarnyh nedel' (1917) [The Beginning of Two Commodity Weeks]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16075. Febr. 1, p. 3.

Ob'javlenie komandujushhego vojskami Petrogradskogo voennogo okruga (1917) [Announcement of the Commander of the Troops of the Petrograd Military District]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16119, Febr. 24, p. 1.

Obolenskij, V. A. (1988). *Moja zhizn'. Moi sovremenniki* [My Life. My Contemporaries]. Paris, YMCA-press. 751 p.

Padenie tsarskogo rezhima. (1924). [The Fall of the Tsarist Regime. 7 Vols.]. P. E. Shchegolev, (Ed.). Leningrad, Gosizdat. 433 p.

Pipes, R. (1994). *Russkaja revoljucija. T. 1* [The Russian Revolution. 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, ROSSPEN. 400 p.

Paleolog M. (1996) *Carskaja Rossija nakanune revoljucii* [Tsarskaya Russia on the Eve of a Revolution]. Moscow, Terra. 286 p.

Pogrebinskij A. P. (1950). Sel'skoe hozjajstvo i prodoval'stvennyj vopros v Rossii v gody pervoj mirovoj vojny [Agriculture and the Food Problem in Russia during the First World War]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 31, pp. 37–60.

Pogrebinskij, A. P. (1968). *Gosudarstvennye finansy carskoj Rossii v jepohu imperializma* [Public Finance of Tsarist Russia in the Era of Imperialism]. Moscow, Finansy. 167 p.

Povest' o muke, o soli i prochem (1917) [A Tale of Flour, Salt and Other Things]. In *Den'*. No. 41, Febr. 12, p. 3.

Prodoval'stvennyj vopros v Gorodskoj dume (1917) [The food question in the City Duma]. In *Rech'*. No. 42, p. 4.

Prodoval'stvennyj vopros v Petrograde (1917) [The Food Question in Petrograd]. In *Rech'*. No. 53, p. 6.

Prodoval'stvie Petrograda (1917) [Food of Petrograd]. In *Rech'*. No. 38, Febr. 9, p. 5.

Prodoval'stvie Petrograda (beseda s upolnomochennym V. K. Vejsom) (1917) [The Food of Petrograd (Conversation with the Authorised Representative V. K. Veis)]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16115, Febr. 22, p. 3.

Proekt prodljenja tovarnogo mesjaca (1917) [Draft of the Extension of the Commodity Month]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16109, Febr. 19, p. 3.

Protopopov, A. D. (2000). Pokazanija Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremenogo pravitel'stva [Testimony of the Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government]. In *Gibel' monarhii*. Moscow, Fond A. Dubova, pp. 360–420.

Rasporjazhenie o vypechke hleba (1917) [Order for Bread Baking]. In *Den'*, No. 41. Febr. 12, p. 3.

- Rasporjazhenie po prodovol'stviju (1917) [Order for Food Provision]. In *Novoe vremja*. No. 14705, Febr. 11, p. 3.
- Razložhenie armii* (2010) [Decomposition of the Army]. Moscow, Veche. 495 p. RGIA [Russian state historical archive].
- Rodzjanko, M. V. (1925). Zapiska M. V. Rodzjanki [Note of M. V. Rodzianki]. In *Krasnyj arhiv*. Vol. 3, pp. 69–86.
- Shchegolev, P. E. (ed.) (1924). *Padenie carskogo rezhima T. 1* [The Fall of the Tsarist Regime. Vol. 1]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 433 p.
- Shigalin, G. I. (1956). *Voennaja jekonomika v pervuju mirovuju vojnu* [War Economy the First World War]. Moscow, Voenizdat. 331p.
- Shljapnikov, A. G. (1992). *Kanun semnadcatogo goda. Semnadcatyj god. T. 2* [The Eve of 1917. The Year of 1917. 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Respublika. 496 p.
- Sidorov A. L. (1960). *Finansovoe polozhenie Rossii v gody pervoj mirovoj vojny (1914–1917)* [Financial Situation of Russia during the First World War (1914–1917)]. Moscow, Izd. AN SSSR. 578 p.
- Snabzhenie naselenija hlebom (1917) [Provision of the Population with Bread]. In *Den'*. No. 45, Febr. 17, p. 3.
- Sobolev, G. L., Hodjakov, M. V. (2016). Prodovol'stvennaja komissija Voennogo Sove-ta Leningradskogo fronta v 1942 g. [Food Commission of the Military Council of the Leningrad Front in 1942]. In *Novejšaja istorija Rossii*. No. 1, pp. 8–28.
- Svedenija o pribytii prodovol'stvennyh gruzov pervoj neobходимosti v Petrograd (1917) [Information on the Arrival of Staple Foods in Petrograd]. In *Izvestija Osobogo soveshhanija po obsuzhdeniju i ob'edineniju meroprijatij po prodovol'stvennomu delu*. No. 2 (31), pp. 110–112.
- Svedenija o zapasah prodovol'stvija v Petrograde (1917) [Information on Food Supplies in Petrograd]. In *Izvestija po prodovol'stvennomu delu*. No. 1, p. 79.
- Svedenija po Petrogradu o pribytii i otpravlenii prodovol'stvennyh produktov (1917) [Information on Petrograd on the Arrival and Departure of Food Products]. In *Izvestija po prodovol'stvennomu delu*. No. 1 (32), pp. 72–76.
- V bulochnyh (1917) [In the Bakery]. In *Den'*. No. 43, Febr. 15, p. 4.
- V gorodskoj Dume (1917a). [In the City Duma]. In *Novoe vremja*. No. 14703, Febr. 9, p. 9.
- V gorodskoj Dume (1917b). [In the City Duma]. In *Russkaja volja*. No. 45, Febr. 16, p. 5.
- Vladel'cam pekaren i bulochnyh zavedenij (1917) [To the Owners of Bakeries and Bread Sellers]. In *Novoe vremja*. No. 14717. Febr. 24, p. 4.
- Vopros k pravitel'stvu o prodovol'stvii Petrograda. Rech' Shingareva (1917) [Question to the Government about the Food of Petrograd. Shingarev's speech]. In *Novoe vremja*, Febr. 25, p. 4.

The article was submitted on 21.01.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.243

УДК 94(470)"1905/1917"+329.055.2-055.2+332.834

ЖЕНЩИНЫ, НАЦИОНАЛИЗМ И РОССИЙСКИЕ ПРАВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (1905–1917)*

Джордж Гилберт

Саутгемптонский университет,
Саутгемптон, Великобритания

WOMEN, NATIONALISM AND THE RUSSIAN RIGHT (1905–1917)**

George Gilbert

University of Southampton,
Southampton, UK

This essay examines the activity of women in the Russian organized right between 1905 and 1917. It is particularly concerned with the scale of the female membership of the right-wing movement, and their connection to philanthropic and political roles. It examines the backgrounds of the women who joined the movement, the type of the activities that they became involved in, and where these women's clubs fitted into the social mission of the Russian right in the early twentieth century. It then considers the role of women in charity activities and what this can tell us about female agency in the right-wing movement. A final aim is to assess whether these organizations mirrored more radical characteristics emerging elsewhere in the right-wing movement, or whether they were mostly building on established trends in women's civic group formation.

Keywords: Russian history of the early 20th century; nationalism; conservatism; charity; anti-Semitism.

Анализируется политическая деятельность женщин в организованных российских правых объединениях в период между 1905 и 1917 г., в особенности масштаб женского участия в правом движении и связь с благотворительным и политическим аспектами движения. Изучаются политическая

* Автор выражает благодарность доктору Ниев Каллен, профессору Джейн Мак-Дермид, доктору Джоан Тамблти и профессору Питеру Уолдрону, высказавшим ряд ценных рекомендаций при работе над этой статьей.

** *Citation:* Gilbert, G. (2017). Women, nationalism and the Russian right (1905–1917). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 656–674. DOI 10.15826/qr.2017.3.243.

Цитирование: Gilbert G. Women, nationalism and the Russian right (1905–1917) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 656–674. DOI 10.15826/qr.2017.3.243 / Гилберт Дж. Женщины, национализм и российские правые организации (1905–1917) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 656–674. DOI 10.15826/qr.2017.3.243.

и социальная принадлежность женщин, принимавших участие в правовом движении, виды их деятельности и то, в каком аспекте эта деятельность совпадала с социальной миссией русского правового движения начала XX в. Рассматривая роль женщин в благотворительной деятельности, автор уточняет различные ее аспекты в рамках правового движения. Цель статьи – рассмотреть, отражали ли подобные организации более радикальные настроения, возникавшие в рамках правового движения, или же они действовали преимущественно в рамках уже сложившихся тенденций формирования женских гражданских объединений.

Ключевые слова: история России начала XX в.; правые движения; национализм; консерватизм; благотворительность; антисемитизм.

«Кружок русских женщин при Харьковском отделе Союза русского народа ставит своею целью содействовать по возможности улучшению материальных и нравственных условий жизни членов союза» [КРЖ, с. 3]. Это заявление, будучи цитатой из брошюры 1907 г., содержащей список правил и положений одного из десятков женских объединений Российской империи, иллюстрирует новую грань мобилизации правых после событий 1905 г., а именно появление в это время (названное современниками «смутным») женских объединений. Хотя количество женщин-активисток было относительно немногочисленно, они были глубоко вовлечены в российское правовое движение и играли ключевую роль в желании лидеров расширить его социальный охват. Представленная работа исследует гендерный аспект правового движения в России, выявление участия женщин может добавить дополнительные оттенки к истории эволюции российских «правых» в период между 1905 и 1917 г.

Термин «правые» сложно поддается точному определению как в российском контексте, так и в зарубежной истории. В этой работе мы будем применять его к крупнейшим российским объединениям, многие из которых появилась во время или сразу после революции 1905 г. Наиболее значительные из правых объединений с точки зрения количества членов и влияния таковы: Русское собрание, Союз русского народа, Союз русских людей, Русская монархическая партия и Союз Михаила Архангела [Rawson, p. 21–72]. В статье рассматриваются и менее крупные объединения, лишь номинально связанные с основными союзами, но все же сотрудничавшие с ними и придерживавшиеся тех же принципов [Русский консерватизм, с. 120–141]. Объединяла эти группы сформулированная С. Уваровым теория «официальной народности» (1832), включающая три основополагающих принципа – православие, самодержавие, народность. После 1905 г. правые начали изыскивать способы инициировать массовое членство и стали активно участвовать в российской политике. Традиционные принципы официальной народности смешались с политикой правого крыла, что стало отличать новых правых от старых консервативных политических групп. Гнев, порожденный событиями 1905 г., который правые

активисты использовали в своих целях, оказался направлен против целого ряда «врагов» – землевладельцев, капиталистов, масонов, представителей других национальностей, в том числе евреев. В этом российские правые повторяли популистскую правую политику, возникшую в современной им Европе и опиравшуюся на быструю индустриализацию, а также на растущее влияние носителей интернациональных (в отличие от родной) культур [Rogger, Weber; Rosenthal, Rodic]. Иногда этот гнев проявлялся во вспышках насилия, ставших характерными для нового правого радикализма.

Советские историки сравнительно мало писали на тему «черных сотен» («черносотенцев») [Аврех] – о правых партиях стали больше писать лишь после распада Советского Союза; тогда же был поставлен ряд важных вопросов, касающихся правого движения [Rawson; Степанов, 2005; Кирьянов, 2001; Витухновская-Кауппала]. Теперь эта тема занимает важное место в историографии позднего периода существования Российской империи, о чем свидетельствует ряд недавно опубликованных работ [Лукьянов; Vydra; Gilbert]. В некоторых из них анализируются проблемы формирования партий, в то время как в других подробно рассматриваются социальная база правого движения и членство в нем [Кирьянов, 2001]. Благодаря последним обширным исследованиям стали известны многие новые документальные материалы о правых [Правые партии]. Достаточное внимание уделяется рабочим, студентам и крестьянам, которые присоединялись к правым партиям, что иллюстрирует разнообразную социальную базу состава участников. Несмотря на такие подвиги, о женском участии в правых движениях исследователи почти не пишут, и в соответствующей литературе практически отсутствует гендерный аспект [Омельяничук, с. 134–136, 211–213; Gilbert, p. 177–179]. С другой стороны, хотя европейские историки, изучающие этот период, часто отмечали участие женщин в ультраправых группах, до сих пор эти наблюдения не распространялись на изучение дореволюционного правого движения в России [Hainsworth, Passmore].

Несмотря на патриархальность России, женщины, которые составляли большинство населения, были неотъемлемой частью культурной, социальной и политической жизни позднего периода Российской империи. Популистские правые объединения, которые стремились охватить как можно более широкие социальные слои, старались привлекать женщин в свои ряды. И все же, помимо численных показателей членства женщин в правых организациях, важно понять, каким образом и какие именно роли они играли внутри правого движения – были ли они социальными, благотворительными или политическими и кем они определялись. Более того, женские объединения были важной частью активности правого крыла на общенациональном уровне – факт, побуждающий задавать вопросы о других аспектах правого движения. Были ли женские группы, подобно большинству правых, радикальными группировками или все же более консервативными

организациями? Стремилась ли женщины, участвовавшие в этих организациях, играть нетрадиционные роли, или их роли определялись мужчинами – лидерами общенациональных объединений?

Корни женских объединений, как почти всех группировок правого крыла, лежат в расстановке сил, определившейся в ходе революции 1905 г. В начале этого года организованные правые были очень немногочисленны. Объединения, такие как Русское собрание, основанное в 1901 г. в Санкт-Петербурге, могли рассчитывать всего лишь на несколько десятков преданных делу активистов и на средства пропаганды – в обращении были десятки журналов и брошюр [Кириянов, 2003]. В апреле 1905 г. в Москве была сформирована Российская монархическая партия (РМП) во главе с Владимиром Грингмутом, но это формирование также было небольшим в масштабах России – всего несколько сотен активных членов [Rawson, p. 34–45]. В конце 1905 г. после целого года революционных событий эта ситуация драматически изменилась. Забастовки рабочих и восстания крестьян по всей империи принудили правительство России совершить серию беспрецедентных уступок. Октябрьский манифест обозначил целый ряд изменений, таких как созыв законодательного парламента (Государственной думы) в первый раз в истории России, принятие закона о веротерпимости, свобода выражения мнений для нерусских меньшинств и отмена запрета на формирование политических групп [Asher, 1988; Asher, 1992].

Это привело к мобилизации консервативных сил: возникла идея, что Россия в опасности и, в частности, что манифест предаёт исконные традиции самодержавия. Русский консерватизм был к тому времени разномастным «церковным приходом» – он включал в себя и умеренных пропарламентаристов, таких как С. Витте, и реакционера В. фон Плеве (министра внутренних дел в 1902–1904 гг.) Такой разброс к началу революции привел к формированию праворадикальных группировок, которые также провозглашали, что стремятся защищать русские традиции. Самым большим из новых объединений был Союз русского народа (СРН), основанный в Санкт-Петербурге в 1905 г. врачом Александром Дубровиным. Две другие крупнейшие группировки – Союз русских людей (СРЛ) и позднее Союз Михаила Архангела (Русский национальный союз Михаила Архангела (РНСМА) был основан в 1908 г.). Распространение правого движения было стремительным: активисты по всей империи записывали тысячи людей в организации, общая численность которых на первом этапе составила 400 тыс. чел., из которых более чем 350 тыс. вступили в СРН, а оставшиеся – в другие крупные и несчетное множество мелких групп [Степанов, 2005, с. 180; Кириянов, 1997, № 8, с. 99–100]. Принимая во внимание тенденции политической мобилизации того времени, можно констатировать, что эти цифры были огромными. Для сравнения: Конституционно-демократическая партия (кадеты), самая большая на тот момент классическая либеральная партия в России (выступав-

шая за парламент и за собственность), на пике своей популярности насчитывала всего около 120 тыс. членов [Коткин, с. 98].

Российские правые движения отражали новую для России и большей части Европы политику – антикапиталистическую, антилиберальную и антисемитскую, построенную как на массовой агитации и социальной активности, так и на парламентском присутствии [Gilbert, p. 7–9; Правые партии, т. 1, с. 335]. Для иллюстрации этого тезиса можно рассмотреть позицию основных правых группировок, таких как СРН, на важные вопросы, например, вопрос о земле. СРН предлагал экспроприировать землю у дворянства и передать крестьянам, таким образом призывая к радикальному перераспределению богатства и власти в пользу народа [Gilbert, p. 57–62; Омелянчук, с. 402–404]. Позиции в отношении таких вопросов иллюстрирует поистине сейсмический разлом, открывшийся между различными правыми группами в российской политике.

Между концом 1905 и второй половиной 1906 г. правые объединения начали формироваться быстрыми темпами. Членство рабочих и крестьян в них было в числе неотложных приоритетов: в своем манифесте к выборам Первой государственной думы (основана в 1906 г.) СРН потребовал включать в движение эти социальные классы для создания эффекта представительства всех групп российского общества [Программы, с. 441; Правые партии, т. 1, с. 160–163, 230–232]. Важно отметить, что СРН всегда был открыт для женщин: с самого начала было разрешено вступление в союз представителям обоих полов, хотя они должны были быть русскими по национальности [Иванович, с. 119]. Более того, женщины станут важной частью всеобъемлющей и разнообразной стратегии формирования правых групп.

С 1907–1909 гг. в правых движениях наблюдается устойчивая тенденция по привлечению женщин, организации с их участием появляются в разных частях империи. Некоторые из них были созданы независимо от крупнейших правых организаций, остальные были номинально связаны с основными общенациональными объединениями – например, с СРН. Их возникновение произошло как в Москве и Санкт-Петербурге, так и во всем правом движении, включая области с преобладающим нерусским населением: Кружок русских женщин в Харькове, виленский Кружок русских женщин, воронежский Союз русских женщин, Русский женский кружок учащихся Москвы и Союз русских женщин в Санкт-Петербурге. Главным образом группы появлялись в урбанизированных районах, где уже существовали оптимальные условия для их формирования – места для собраний и достаточная плотность населения – или в городах, где правые уже имели достаточно сильную народную поддержку (Москва, Санкт-Петербург и Вильно). Сохранившиеся источники иллюстрируют желание женщин говорить от имени различных сословий России и принимать в свои ряды разных членов, особенно православную

бедноту, что показывает стремление объединить все классы и сословия русских женщин [ОВК, 1909, с. 12]. Основная инициатива такого объединения шла снизу; строгой корреляции между полом создателей группы и основной массой ее членов не было. Так, несмотря на то, что членами Кружка русских женщин в Вильно были в основном женщины, он был организован мужчинами-активистами [Там же, с. 10]. Напротив, Русский женский кружок учащихся в Москве был организован женщинами, ставшими впоследствии его лидерами [Мирный труд, 1909, № 5, с. 54].

Согласно официальной статистике, сотни активистов вошли в эти объединения в течение нескольких последующих лет. Среди них было много молодежи, в частности студентов: в Москве только в 1907 г. 42 студентки присоединились к Русскому женскому кружку учащихся под руководством лидера этого кружка А. Г. Чумаевской [Мирный труд, 1909, № 5, с. 54]. Кружок русских женщин в Вильне, руководимый Е. И. Климович, был особенно активным даже в общенациональных размерах: с 3 января 1908 г. до 3 января 1909 г. он получил 354 заявки на вступление; в этот же период в нем было зарегистрировано 158 женщин и 28 мужчин в качестве полноправных членов. При этом 11 человек (7 % от общего числа) были обозначены как «из интеллигенции» [ОВК, 1909, с. 10]. К 1 января 1911 г. кружок насчитывал 72 члена, из них 49 составляли актив и 23 были кандидатами; к 1 января 1912 г. его численность выросла до 219 человек. Участницы кружка происходили из различных сословий, включая представительниц высшего общества и женщин, имеющих профессии, – учителей и врачей [Там же, с. 3]. Областью отдельного интереса были учащиеся: харьковский Кружок русских женщин (открытый в 1912 г.) насчитывал 77 студентов и школьников [ОХО, с. 13]. Мужчины также могли вступать в женские объединения и присутствовали на некоторых мероприятиях: группа в Вильне писала о заседаниях, на которых присутствовали «многие местные русские дамы и некоторые мужчины» [ОВК, 1909, с. 2].

Правые женские организации привлекали членов из разных социальных сословий, от дворянства до обычных горожан. Помимо создания таких организаций, женщины также могли играть важную роль в структуре руководства. Елена Полубояринова (1864–1919), секретарь СРН после 1907 г., была также редактором учрежденной им газеты «Русское знамя» между 1909 и 1912 г. и играла центральную роль в превращении газеты в основной инструмент пропаганды СРН. Когда СРН раскололся в конце 1908 г., Полубояринова совместно с Дубровиным участвовала в создании новой организации из остатков старой [Черная сотня, с. 403–404]. Лидия Кологривова (?–1915), одна из ведущих активисток, известная в свое время поэтесса и дочь графа А. И. Ухтомского, участника войны с Наполеоном 1812 г., была членом Русского монархического собрания [Там же, с. 255–256]. Это было, однако, скорее исключением,

а не правилом: большинство женщин вместо политики были вовлечены в благотворительность и социальную работу – именно это они считали своей самой важной миссией. В решение этой задачи были вовлечены и социальные элиты, но главным образом благотворительностью и социальной работой занимались состоятельные женщины, обладавшие профессией: членами воронежского Союза русских женщин, декларировавшего, что он выполняет социальную роль, открывая возможности участия «бедным женщинам», были главным образом представительницы интеллигенции и дворянства [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 53. Л. 34].

Пример Санкт-Петербургского Союза русских женщин, который был в своей деятельности связан с Институтом археологии в Витебске, также может проиллюстрировать специфику организации женских объединений. Его задачи и деятельность отражали интересы обеспеченных женщин, которые его возглавляли. Его руководство стремилось привлечь в свои ряды как элиту, так и широкие слои общества – союз обозначал свои интересы как этнографические, исторические, лежащие в области искусства и национальные. Как обычно, благотворительная деятельность была одной из основных его целей, и, как и в воронежской организации, здесь утверждалось, что союз приближен к царю и императорской семье: в 1913 г. его члены с энтузиазмом поддержали празднование трехсотлетия дома Романовых, и Мария Федоровна, супруга Александра III, стала его покровительницей [СРЖ, 1912, с. 6]. Женщины, тем не менее, проявляли активность на всех уровнях правого движения: некоторые стали лидерами и организаторами в политических партиях, и еще большее количество были активистками на переднем крае деятельности, которую правое движение считало своей социальной миссией.

Лидеры академических корпораций, студенческих правых группировок, в основном мужчины, также стремились привлекать в свои объединения студенток. В. Ж. Курсов, активист Русского собрания, в 1907 г. учредил «Русский женский кружок учащихся г. Москвы», заручившись поддержкой Владимира Грингмута, который успел посетить его заседания несколько раз до своей смерти (октябрь 1907 г.) [Мирный труд, 1909, № 5, с. 47; Мирный труд, 1912, № 10, с. 20–23]. Состав совета кружка был следующим: Е. Е. Восторгова, С. А. Олицина, Л. Д. Грингмут, Л. А. Кологривова, Н. А. Муровцева, Е. А. Боголепова. Подобно мужским отделениям организаций, целью этих объединений было изгнать политику из российских университетов и оставить «школу только для науки» [Мирный труд, 1909, № 5, с. 49]. Они декларировали главным образом культурные цели: создание учебных кружков, библиотек и клубов для сохранения свободной мысли во время сокрушительных забастовок и беспорядков во многих российских университетах, призывали к защите веры, царя и Отечества и пропагандировали «освобождение» университетов с тем, чтобы они могли вновь стать «храмами науки»: «Никакой забастовки

нет, да и быть не может в храме свободной науки» [Там же, с. 50]. Женские кружки составляли небольшой процент движения академистов – не более чем несколько сотен членов по всей стране, но их связи с общенациональным движением и другими ответвлениями студенческого правого крыла заявляют об их влиятельности и о готовности работать с другими правыми группировками. Они были тесно связаны с существующими студенческими объединениями – Русский женский кружок учащихся пишет о тех же самых проблемах, что и мужские отделения студенческого движения. Студенческие женские объединения были небольшими и включали от 30 до 50 членов [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 184. Л. 2].

Проведя оценку численности российских правых организаций, имеет смысл рассмотреть, почему они были настолько заинтересованы в привлечении женщин к своей деятельности. Во-первых, женские клубы считались полезными для поддержки крупных общенациональных объединений. В пример можно привести Кружок русских женщин Харьковского отделения Союза русского народа. Правила и положения кружка, созданного в 1907 г., ясно показывают, что он был предназначен для поддержки местного отделения СРН, действовавшего в Харькове с конца 1906 г. и насчитывавшего почти 4 тыс. членов [Кириянов, 1997, № 6, с. 107]. Очевидна связь между руководящими принципами общенациональных союзов и недавно учрежденных женских объединений. В дополнение к обеспечению «материальных и нравственных условий» для головной организации эта группа требовала от своих членов «подражать» членам Харьковского отделения СРН как во взглядах, так и в поведении [КРЖ, с. 3–4]. Идеология женского кружка была идентична идеологии основного отделения СРН и закрепляла три центральных принципа – православие, самодержавие и народность, поддерживая идеи русского национализма и защиты православных подданных империи. Однако, буквально следуя Харьковскому отделению СРН в идеологии, кружок стремился свести к минимуму радикальные проявления, декларируя мирные демократичные принципы своей деятельности [КРЖ, с. 3–4]. Не следует недооценивать сложность этой ситуации: как и в правом движении в целом, возникавший в этот период национализм уже отчетливо проявлял себя, что подчеркивалось желанием восстановить единую и неделимую Россию. Кружок русских женщин, организованный в Вильно в 1909 г., декларировал, что он был создан для повышения «национального самосознания» его членов [ОВК, 1909, с. 2].

Женские объединения выполняли уникальные функции, которые могли быть использованы для поддержки общенациональных партий и общественных организаций. Роль женщин первоначально определялась доминировавшими в правом движении мужчинами, но после стала широко обсуждаться в рамках самих союзов. Основной идеей было то, что женщины, будучи по натуре забот-

ливыми, должны были оказывать помощь нуждающимся. Важнейшие мероприятия Виленского кружка включали в себя создание и поддержку столовых для голодающих и открытие домов бедноты для безработных русских граждан [ОВК, 1909, с. 8–10]. Его члены также занимались изготовлением одежды и текстиля и выполняли функции социальной защиты, открывая новые возможности представительницам малообеспеченных слоев населения, которые не входили в руководство кружков, но часто были вовлечены в благотворительную деятельность. И такая инициатива была проявлена, по крайней мере первоначально, националистическими организациями, в которых преобладали мужчины. Следует подчеркнуть, что правые принимали участие в благотворительной деятельности до того, как появились первые женские организации: РНСМА, в частности, и ранее усиленно занимался благотворительностью и призывал активистов участвовать в ней [Правые партии, т. 1, с. 546]. В рамках правых организаций с мужским большинством политические дебаты и кампании против политических противников были одним из основных видов деятельности, тогда как женские группы фокусировались на социальной активности. Гендерная инклюзивность, конечно, не означала гендерного равенства, хотя правые издания показывают, что участники обычно были готовы следовать идеям равенства.

Все наиболее успешные проекты женских объединений связаны с филантропией. Эти же принципы были позднее приняты женщинами, создававшими собственные организации. Например, Союз русских женщин в Харькове заявил, что для поддержки деятельности местного СРН «кружку предоставляется право устраивать школы, больницы, приюты, дома трудолюбия и тому подобные учреждения, разрешаемые общим собранием союза» [КРЖ, с. 3]. Цели такой работы были двоякими. Во-первых, определялась конкретная роль женщин в рамках движения и демонстрировалось, что правые включают в свои ряды самые широкие слои населения. Во-вторых, помощь местному населению обеспечивала кредит доверия группировкам правого толка, показывала их участие в социальной работе. Добровольческая работа была способом наглядно показать, что правое движение, как и декларировалось активистами, «выше политики». Через участие в социальных проектах правые утверждали, что движение было не разрушительным, а, напротив, полезным для значительной части населения. Таким образом укреплялась вера в то, что правые помогают русскому народу.

Благотворительность была частью популистской пропаганды правых: женские клубы подчеркнуто декларировали, что во время постреволюционного кризиса они были на стороне бедных, на переднем крае добровольческой помощи православной русской бедноте. Кружок русских женщин, созданный в Вильно в 1909 г., декларировал следующие цели:

Целью кружка поставить оказание помощи бедным русским православным и лютеранам, открытие бесплатных столовых и школ, оказание всеми путями помощи безработным и неимущим, устройство дневных приютов, оказание необходимой помощи русским православным паломникам и вообще оказание всякого рода материальной помощи неимущим, больным и проч. [ОВК, 1909, с. 3].

Декларация предписывает женщинам возглавлять группы, занимающиеся оказанием материальной поддержки и предлагающие помощь тем, кто оказался в бедственном положении после революции и войны. Союз русских женщин в Воронеже указывает аналогичный виленскому набор мероприятий, добавляя производство одежды и текстиля [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 53. Л. 34].

На протяжении всего 1907 г. и позднее Кружок русских женщин оказывал материальную помощь бедным, действуя далеко за пределами своей основной базы в церкви Михаила Архангела виленского района Снипишки. 2 марта 1908 г. при церкви была открыта воскресная школа, в которой проходили встречи участников кружка и распространялись тексты религиозного содержания. Школа была бесплатной и предназначалась жителям Вильно и окружающих областей; по задумке организаторов, целью ее деятельности была поддержка в учениках религиозного сознания. Эта идея четко прослеживается в пропагандистских материалах кружка: «Теперь всякая русская школа в нашем крае не только очаг, разливающий кругом себя свет и теплоту, но вместе и миссионерский пункт» [ОВК, 1909, с. 9–10].

Подобная якобы аполитичная направленность демонстрировалась и другими способами. Еще одной сферой интересов кружков была поддержка детей и семей. В этом же храме одной из руководительниц Кружка русских женщин Е. Н. Добрянской была открыта столовая. В ней кормили десятки детей бедняков: как указывалось в литературе, издаваемой кружком, миссией учреждения было накормить «бедных детей» из семейств, занимающихся «чернорабочим трудом» [Там же, с. 4–5]. Здесь же раздавали подарки и готовили угощения на Пасху и Рождество, выдавали детям теплую одежду [Там же, с. 6]. Организаторы кружка считали, что это было важной социальной обязанностью и даже патристическим долгом его членов. Эта церковь стала центром деятельности правых в Вильно, которая продолжалась с 1910 по 1912 г. Во главе с председателем Е. И. Климович в 1910 г. для детей из бедных семей здесь был учрежден детский сад «Manger», в течение года принявший 30 детей в возрасте от двух до 12 лет. Параллельно с поддержкой нового детсада члены кружка продолжали заниматься пошивом одежды и раздачей продовольствия [ОВК, 1913, с. 5].

Подобно остальным организациям, Союз русских женщин в Санкт-Петербурге культивировал идеи патриотизма: одной из целей его деятельности было предоставление «помощи раненым героям», то есть оказание финансовой и материальной поддержки раненым, например, пошив теплой одежды [СРЖ, 1912, с. 6]. Такой объем социальной работы помогал глубже интегрировать правые группы в регионах и демонстрировать благородный характер их деятельности, на практике воплощая националистические и популистские идеи правого движения. Поддержка семей была естественным следствием женского участия в этих группах.

Воронежский Союз русских женщин, возглавлявшийся М. Н. Дитрих, также провел целый ряд мероприятий, включая участие в художественных выставках, продажу произведений живописи и благотворительность. Дитрих, одна из наиболее известных правых активисток, имела семейные связи с правым движением: ее отец Николай Дитрих входил в совет РНСМА. Участие М. Н. Дитрих в движении выходит за рамки благотворительности: она также была членом Русского собрания и председателем совета Союза русских женщин. Prestиж этого объединения был высоким, поскольку оно создавалась под патронажем императрицы [Черная сотня, с. 170]. Первое его собрание, состоявшееся в 1908 г., приняло резолюцию о том, что союз откроет мастерскую для изготовления русских национальных костюмов. Эта инициатива играла двойную роль: создание нарядов в русском национальном стиле было вкладом в «воспитание патриотизма» – такого, каким его видели члены группы; с другой стороны, мастерская обеспечивала рабочие места для малообеспеченных женщин. В докладе председателя союза М. Берновой, заместителя Н. Поповой и секретаря Е. Прохоровой говорится, что между 1908 и 1911 г. он играл важную роль в предоставлении экономической помощи бедным семьям [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 53. Л. 34]. В целом можно утверждать, что женщины в таких объединениях были довольны своим статусом: в источниках нет данных, показывающих, что женщины добивались каких-то других ролей или оспаривали свое предназначение внутри групп правого движения, активно продвигаясь в публичную политику.

Для участников движения подобные инициативы были доказательством истинности правой идеи. Лидеры общенациональных объединений, такие как А. Дубровин и глава РНСМА В. Пуришкевич, считали участие женщин важной частью правого движения и основным доказательством декларируемой аполитичности правых и оказывали их объединениям небольшую финансовую поддержку. Пуришкевич высылал лидерам кружков сравнительно небольшие суммы денег (в пределах 50–100 руб.); более того, он посещал их заседания и читал лекции с целью помочь пропагандировать свою деятельность [Мирный труд, 1909, № 5, с. 55]. И хотя в документах упоминается, что члены Союза русских женщин принимали участие в штрейкбрехерстве

в Московском университете, никаких доказательств тому нет [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 184. Л. 6–7]. Неучастие в акциях насилия приносило несомненную пользу правому движению, подтверждая, что его участники настроены мирно и альтруистично.

Хотя общенациональные правые организации и поддерживали женские объединения с известным энтузиазмом, важно отметить, что женщины, участвовавшие в их создании и руководстве, сами стремились к этой роли. В поздний период истории Российской империи женщины уже играли важную роль в общественных институтах в целом и в благотворительной деятельности в частности. Императрица Елизавета и другие представительницы аристократии в 1812 г. учредили Императорское женское патриотическое общество для вспомоществования пострадавшим в войне с Наполеоном [Lindenmeyr, p. 13–16, 111, 123–129]. Назначением женщинам определенной роли правые подчеркивали свою миссию защитников всего народа: через благотворительную работу и, в частности, помощь бедным женские объединения будто бы узаконивали социальную роль всего правого движения. Именно они стали важнейшим примером мобилизационных мероприятий правых, а также доказательством того, что последние были на стороне народа в ходе революционного кризиса.

Международный женский день в Петрограде. 23 февраля (8 марта) 1917.
Воззвание на транспаранте: «Если женщина раба – не будет и свободы!
Да здравствует равноправная женщина!»

International Women's Day in Petrograd. February 23 (March 8), 1917.
The banner proclaims: "If a woman is a slave, there will no be freedom!
Long live equal rights for women!"

Ключевой темой историографических исследований о российском правом движении были его отношения с российским государством [Rawson, p. 142–152; Gilbert p. 118–127]. Женские союзы, как правило, имели доверительные отношения с российскими властями: их благотворительная деятельность не давала тайной полиции причин для подозрений. Напротив, они открыто демонстрировали, что получают официальную поддержку. Так, Санкт-Петербургский Союз русских женщин подчеркивал, что получает государственную поддержку: его члены заявляли, что Министерство внутренних дел (тайная полиция) не видит проблем с его формированием [СРЖ, 1912, с. 6].

Союз женщин в Санкт-Петербурге был учрежден вдовой Александра III Марией Федоровной и получал финансовую поддержку от нее, хотя источники не указывают ясно, на что именно отпускались средства и какие [СРЖ, 1916, с. 5]. У других объединений отношения с государством были более напряженными, и о финансовой помощи речь не шла. Так, в 1911 г. Воронежский Союз русских женщин жаловался на отсутствие финансирования от Городского совета. Центральный совет союза, включавшего 60 членов, возглавляла М. Бернова, вице-председателем была Л. Попова, а казначеем – Е. Прохорова. В своей жалобе женщины заявили, что общая сумма финансовой помощи, выделенной союзу, была совсем небольшой (около 500 руб.). Виновником такого положения дел совет называл отсутствие внешнего вспомоществования:

В 1910 г. председательница М. Бернова подавала прошение в Воронежскую городскую думу, прося выдать пособие на ясли, или назначить какую-нибудь денежную субсидию, какие получают от города другие приюты и богадельни, или дать даровое помещение в одном из городских домов. Но город, несмотря на видимую пользу существующих ясель, во всем отказал. Вследствие такого отношения города С. Р. Ж. опять приходится содержать ясли исключительно на свои средства и добровольные пожертвования сочувствующих лиц. Всего этого, конечно, настолько мало, что единственной поддержкой этого благого дела является устройство каких-либо увеселительных вечеров или гуляний [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 53. Л. 34].

Деятельность Союза русских женщин в Воронеже была подорвана отсутствием поддержки со стороны Городской думы. Правые оказались в непростых отношениях с властями после 1905 г. и не всегда могли полагаться на их помощь, поскольку часто воспринимались тайной полицией как опасный источник экстремизма. Тайная полиция с подозрением смотрела на праворадикальный СРН из-за склонности его членов к постоянным демонстрациям и даже акциям насилия [Gilbert, p. 118–127]. И хотя настоящей необходимости искоренять или контролировать деятельность кажущихся безвредными женских кружков не было, но и особенной поддержки от государства ждать не прихо-

дилось; министерство финансов демонстрировало скорее прохладное, чем открыто враждебное отношение.

Несмотря на то, что женские организации участвовали во многих благотворительных мероприятиях, было бы неверно рассматривать их исключительно как умеренные, в отличие от более нетерпеливого и насильственного радикального крыла правых – таких объединений, как СРН или СРЛ. С точки зрения практики женские союзы обычно казались мирными, но их идеологические пристрастия представляли совсем иную картину. Они создавались исключительно для помощи православной русской бедноте: правила и положения Виленского кружка, основанного в 1909 г., декларировали, что он был создан для благотворительной помощи русскому населению, поскольку еврейское и польское население уже было облагодетельствовано «окрепшими благотворительными организациями польского и еврейского обществ» [ОВК, 1909, с. 2]. Это обстоятельство было одним из центров политической дискуссии того времени: евреев и поляков обвиняли в создании в стране такого климата, который позволял эксплуатировать русских православных бедняков. Другие примеры показывают схожую тенденцию обвинять национальные меньшинства, особенно евреев, в том, что участники правого движения считали кризисом современного российского университета. Например, в одном из памфлетов московского Кружка русских женщин, учрежденного в Москве 8 декабря 1907 г. А. Г. Чумаевской, О. В. Ивановой, Е. Н. Львовой и О. А. Корниловой, спрашивается: «Что же должна чувствовать благородная чистая русская девушка, загнанная любовью к науке или нуждой борьбы за жизнь, в этом грязном жидовском омуте?» [Мирный труд, 1912, № 10, с. 21]. Подобные антисемитские выпады свидетельствуют о типичном для правых кругов того времени представлении о том, что евреи доминировали в культурной и политической жизни позднего периода Российской империи; время от времени в правой пропаганде появлялись дичайшие антисемитские «утки» – например, о том, что существовал еврейский заговор, контролировавший всю прессу.

Участие России в Первой мировой войне дало новый импульс женским объединениям, подхватившим целый круг патриотических обязанностей, ставших актуальными во время этого крупного международного конфликта. Союз русских женщин Санкт-Петербурга продолжал начатую деятельность, а также стал заниматься работой в военных госпиталях. Его участницы несли дежурство на заводе Шидловского в центре города, где был открыт временный госпиталь для раненых. Как и другие гражданские объединения, которые появились или проявляли активность после 1914 г., союз заявлял, что он выполняет свой патриотический долг: его председатель говорила о важности госпитальной работы и поддержке военной кампании. Совет во главе с А. А. Кусковой помогал обеспечивать медицинские нужды госпиталя, поставляя лекарства и перевязочный

материал; другая служба заботилась о чае, сахаре и сигаретах для раненых. М. Дитрих считала, что обеспечение персоналом госпиталя на заводе Шидловского было насущной необходимостью, если учесть огромные масштабы военного конфликта. Союз русских женщин выполнял патриотическую миссию военного времени [СРЖ, 1916, с. 4].

Как показали исследования правых движений в других странах, правые популистские движения включали женщин в свою политику и инфраструктуру. Положение женщин в фашистских группах XX в., а также женщин, участвующих в современных крайне правых популистских объединениях, привлекает пристальное внимание исследователей (см., например: [Pasmore, p. 1–10]). Исследования по положению женщин в правом движении до 1914 г. гораздо меньше. Подавляющее большинство правых и националистических объединений этого периода основывались вокруг агрессивно мужской идеологии и идентичности, и ведущие теоретики и активисты правых групп по всей Европе были почти исключительно мужчинами [Rogger, Weber; Rosenthal, Rodic]. Тем не менее, в этот исторический период женщины-активистки начинают появляться в националистическом правом движении, в том числе в России. Примеры из других стран включают француженку Сибиллу-Габриэль де Мирабо, которая опубликовала большое количество работ в конце XIX в. под мужским псевдонимом Guy [Silverman].

Женские объединения в России не занимались актуальными вопросами, привлекавшими феминисток Европы начала XX в., такими как избирательное право и другие равные права для женщин. Российские женские клубы поддерживали поразительно традиционные представления о роли женщин в обществе даже по современным им меркам, и их участие в правой политике обычно ограничивалось негласно «женскими» формами деятельности (благотворительностью или сестринской работой в госпиталях). Напротив, деятельность многих активистов-мужчин из правого крыла была радикалистской и предполагала уличное насилие, массовые акции и убийства. Хотя женские объединения отчасти справлялись с задачей включения женщин в правое движение, но они же служили своего рода маргинализации женщин, изолируя их от важных политических вопросов.

* * *

Создание женских организаций вписывалось в более широкую миссию правых – вернуться к традиционному обществу, основанному на активной реализации общинных ценностей, солидарности и родового единения. В редких случаях женщины-активистки становились больше, чем просто рядовыми патриотического движения, приобретая влияние в идеологической сфере и в практической деятельности; однако это было исключением из преобладающей тенденции оставлять женщинам благотворительную сферу. Политические и со-

циальные вопросы в женских объединениях были оттеснены на второй план, но социальная работа, которой они занимались, в итоге поддерживала стратегию правого движения – показать, что правые были на стороне народа. Многие члены движения высоко оценивали вклад участниц. Не забывая о насильственной и часто разрушительной политике радикальных правых и об их ультранационалистских идеях и акциях, стоит сказать, что появление женских союзов указывает на растущую многогранность социальной роли правых этого периода. Женские объединения в рамках правого движения показали, что попытки включить в политику представителей обоих полов и создать более широкое общественное движение могли иметь определенные успехи. Правые не боролись за гендерное равенство, но стремились продвигать идею социальной общности русского народа вне зависимости от половых и классовых различий, и эта цель была до определенной степени достигнута.

Список литературы

- Аврех А.* Столыпин и третья дума. М. : Наука, 1968. 520 с.
- Витхновская-Кауппала М. А.* Финский суд vs «черная сотня»: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906–1909). СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 220 с.
- ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 53; Д. 184.
- Кирьянов Ю. И.* Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // *Вопр. истории.* 1997. № 6. С. 104–124; № 8. С. 92–117.
- Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России, 1911–1917. М. : РОССПЭН, 2001. 464 с.
- Кирьянов Ю. И.* Русское собрание. 1900–1917. М. : РОССПЭН, 2003. 352 с.
- Кружок русских женщин. Харьков : Тип. журн. «Мирный труд», 1907. 13 с. (КРЖ).
- Лукьянов М. Н.* Русский консерватизм, 1900–1914. Штутгарт : Ibidem-Verlag, 2007. 282 с.
- Мирный труд. Харьков : Тип. журн. «Мирный труд», 1900–1917.
- Омельячук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев : Межрегион. акад. управления образования, 2007. 744 с.
- Отчет Виленского кружка Русских женщин за 1908 год. Вильна : Рус. почин, 1909. 12 с. (ОВК, 1909).
- Отчет Виленского кружка Русских женщин за 1913 год. Вильна : Типолит. Р. И. Тасьмана, 1914. 8 с. (ОВК, 1913).
- Отчет о деятельности состоящего под Августейшим Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны покровительством союза Русских женщин. СПб. : Тип. Санкт-Петербургской тюрьмы, 1912. 8 с. (СРЖ, 1912).
- Отчет состоящего под Августейшим Ее Величества Государыни императрицы Александры Феодоровны покровительством союза Русских женщин за 1915 год. Пг. : Слово, 1916. 7 с. (СРЖ, 1916).]
- Отчет Харьковского общества Русских женщин за 1912 год. Харьков : Мирный труд, 1913. 17 с. (ОХО).
- Правые партии : Документы и материалы. 1905–1917 гг. : в 2 т. / сост. Ю. И. Кирьянов. Т. 1–2. М. : РОССПЭН, 1998. 719 + 815 с. Т. 1. 1905–1910 гг. Т. 2. 1911–1917 гг.
- Программы политических партий России / сост. В. В. Шелухаев. М. : РОССПЭН, 1995. 461 с.
- Русский консерватизм XIX столетия : Идеология и практика / сост. В. Я. Гросул. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.

- Степанов С. А. Черная сотня. М. : Рус. тайны, 2013. 672 с.
 Черная сотня : Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 640 с.
 Ascher A. *The Revolution of 1905: Authority Restored*. Stanford : Stanford Univ. Press, 1992. 460 p.
 Ascher A. *The Revolution of 1905: Russia in Disarray*. Stanford : Stanford Univ. Press, 1988. 440 p.
 Edmondson L. *Feminism in Russia 1900–1917*. Stanford : Stanford Univ. Press, 1984. 197 p.
 Freeze G. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The Am. Historical Rev.* 1986. Vol. 91. № 1, pp. 11–36.
 Gilbert G. *The Radical Right in Late Imperial Russia*. L. : Routledge, 2016. 258 p.
 Hainsworth P. *The Extreme Right in Western Europe*. Abingdon ; Oxon : Routledge, 2008. 176 p.
 Kotkin S. *Stalin : Paradoxes of Power, 1878–1928*. L. : Penguin, 2014. 949 p.
 Lindenmeyr A. *Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1996. 304 p.
 Löwe H. Political Symbols and Rituals of the Russian Radical Right, 1900–1914 // *Slavonic and East Europ. Rev.* 1998. Vol. 76. № 3. P. 441–466.
 Rawson D. C. *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. 286 p.
 Rogger H. *Jewish Policies and Right-wing Politics in Imperial Russia*. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1986. 289 p.
 Silverman W. Z. *The Notorious Life of Gyp: Right-Wing Anarchist in Fin-de-Siècle France*. Oxford : Oxford Univ. Press, 1995. 368 p.
 The European Right: A Historical Profile / eds. H. Rogger, E. Weber. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1966. 589 p.
 The New Nationalism and the First World War / eds. L. Rosenthal, V. Rodic. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. 195 p.
 Ůydra Z. *Život za Cara? Krajní pravice v předrevolučním Rusku*. Prague : Pavel Mervart, 2010. 552 s.
 Waldron P. *Between Two Revolutions : Stolypin and the Politics of Renewal in Russia*. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 1998. 220 p.
 Women, Gender and Fascism in Europe, 1919–1945 / ed. K. Passmore. Manchester : Manchester Univ. Press, 2003. 288 p.

References

- Ascher, A. (1988). *The Revolution of 1905: Russia in Disarray*. Stanford, Stanford Univ. Press. 440 p.
 Ascher, A. (1992). *The Revolution of 1905: Authority Restored*. Stanford, Stanford Univ. Press. 460 p.
 Avrekh, A. (1968). *Stolypin i tretjya дума* [Stolypin and the Third Duma]. Moscow, Nauka. 520 p.
 Edmondson, L. (1984). *Feminism in Russia 1900–1917*. Stanford, Stanford Univ. Press. 197 p.
 Freeze, G. (1986). The Soslovie [Estate] Paradigm and Russian Social History. In *The American Historical Rev.* Vol. 91, No. 1, pp. 11–36.
 GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 117. List 1. Dopp. 53; 184.
 Gilbert, G. (2016). *The Radical Right in Late Imperial Russia*. L., Routledge. 258 p.
 Grosul, V. Ya. (Ed.). (2000). *Russkiyj konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika* [Russian Conservatism in the Nineteenth Century: Ideology and Practice]. Moscow, Progress-Tradiciya. 440 p.
 Hainsworth, P. (2008). *The Extreme Right in Western Europe*. Abingdon, Oxon, Routledge. 176 p.

Kir'yanov, Yu. I. (1997). Pravye i konstitucionnye monarkhisty v Rossii v 1907–1908 gg. [Right-wing and Constitutional Monarchists in Russia in 1907–1911]. In *Voprosy istorii*. No. 6. P. 104–124; No. 8, pp. 92–117.

Kir'yanov, Yu. I. (2001). *Pravye partii v Rossii, 1911–1917* [Right-wing Parties in Russia, 1911–1917]. Moscow, ROSSPEhN. 464 p.

Kir'yanov, Yu. I. (2003). *Russkoe sobranie. 1900–1917*. [Russian Assembly. 1900–1917]. Moscow, ROSSPEhN. 352 p.

Kir'yanov, Yu. I. (Ed.). (1998). *Pravye partii. Dokumenty i materialy, 1905–1917 gg.* [Right-wing Parties. Documents and Materials, 1905–1917] : v 2 t. Moscow, ROSSPEhN. 719 + 815 p. T. 1. 1905–1910 gg. T. 2. 1911–1917 gg.

Kotkin, S. (2014). *Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928*. London, Penguin. 949 p.

Kruzhku Russkikh zhenshchin [Circles of Russian Women] (1907). Khar'kov, Mirnyj trud. 13 p.

Lindenmeyr, A. (1996). *Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton, Princeton Univ. Press. 304 p.

Löwe, H. (1998). Political Symbols and Rituals of the Russian Radical Right, 1900–1914. In *Slavonic and East European Rev.* Vol. 76. No. 3, pp. 441–466.

Luk'yanov, M. N. (2007). *Russkiy konservativizm, 1900–1914* [Russian Conservatism, 1900–1914]. Stuttgart, Ibidem-Verlag. 282 p.

Mirnyj trud [Peaceful Work] (1900–1917). Khar'kov, Mirnyj trud.

Omel'yanchuk, I. V. (2007). *Chernosotennoe dvizhenie v rossijskoy imperii (1900–1914)* [The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1900–1914)]. Kiev, Mezhhregional'naya akademiya upravleniya obrazovaniya. 744 p.

Otchet Khar'kovskogo obshchestva Russkikh zhenshchin za 1912 god [Records of the Khar'kov Society of Russian Women 1912] (1913). Khar'kov, Mirnyj trud. 17 p.

Otchet o deyatel'nosti sostoyashchego pod Avgusteyshim Ee Velichestva Gosudaryni Imperatricy Aleksandry Feodorovny pokrovitel'stvom soyuza Russkikh zhenshchin [Records of the Activity of the Union of Russian Women under the Patronage of Her Imperial Highness State Empress Aleksandra Feodorovna] (1912). St Petersburg, Tipografija Sankt-Peterburgskoy tyur'my, 1912. 8 p.

Otchet sostoyashchego pod Avgusteyshim Ee Velichestva Gosudaryni imperatricy Aleksandry Feodorovny pokrovitel'stvom soyuza Russkikh zhenshchin za 1915 god [Records of the Activity of the Union of Russian Women under the Patronage of Her Imperial Highness State Empress Aleksandra Feodorovna 1915] (1916). Petrograd, Slovo. 7 p.

Otchet Vilenskogo kruzhka Russkikh zhenshchin za 1908 god [Records of the Vilna Circles of Russian Women 1908] (1909). Vil'nyus, Russkiy pochini. 12 p.

Otchet Vilenskogo kruzhka Russkikh zhenshchin za 1913 god [Records of the Vilna Circles of Russian Women 1913] (1914). Vil'na, Tipolitografija R. I. Tas'mana. 8 p.

Passmore, K. (Ed.). (2003). *Women, Gender and Fascism in Europe, 1919–1945*. Manchester, Manchester Univ. Press. 288 p.

Rawson, D. C. (1995). *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 286 p.

Rogger, H. (1986). *Jewish Policies and Right-wing Politics in Imperial Russia*. Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Press. 289 p.

Rogger, H., Weber, E. (Eds.). (1966). *The European Right. A Historical Profile*. Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Press. 589 p.

Rosenthal, L., Rodic, V. (Eds.). (2015). *The New Nationalism and the First World War*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 195 p.

Shelokhaev, V. V. (Ed.). (1995). *Programmy politicheskikh partiy Rossii* [Programmes of Russian Political Parties]. Moscow, ROSSPEhN. 461 p.

Silverman, W. Z. (1995). *The Notorious Life of Gyp: Right-Wing Anarchist in Fin-de-Siècle France*. Oxford : Oxford Univ. Press. 368 p.

Stepanov, A. D., Ivanov, A. A. (Eds.). (2008). *Chernaya sotnya. Istoricheskaya ehnciklopediya 1900–1917* [Black Hundreds. Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow, Institut russkoy civilizacii. 640 p.

Stepanov, S. A. (2013). *Chernaya sotnya* [Black Hundreds]. Moscow, Russkie tajny. 672 p.

Vitukhnovskaya-Kauppala, M. A. (2015). *Finskiy sud vs. "chernaya sotnya": rassledovanie ubiystva Mikhaila Gercenshteyjna i sud nad ego ubiytcami (1906–1909)* [The Finnish Court against the "Black Hundreds": Investigation into the Murder of Mikhail Herzenstein and the Court Judgement on His Death (1906–1909)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 220 p.

Vydra, Z. (2010). *Život za Cara? Krajni pravice v předrevolučním Rusku*. Prague, Pavel Mervart. 552 p.

Waldron, P. (1998). *Between Two Revolutions: Stolypin and the Politics of Renewal in Russia*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 220 p.

*Translation by Anna Dergacheva
The article was submitted on 20.12.2016*

DOI 10.15826/qr.2017.3.244

УДК 94(47+57)"19"+316.334.3:321+316.323.73

**«ЭЙ, ГУБЕРНИИ, СНИМАЙТЕСЬ С ЯКОРЕЙ!¹»:
ИДЕЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ
В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МИФОЛОГИИ²**

Олег Горбачев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**‘HEY, GUBERNIYAS, RAISE YOUR ANCHORS!’:³
LAND DEVELOPMENT
IN BOLSHEVIK MYTHOLOGY***

Oleg Gorbachev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article focuses on the role that land development played in the views and projects of Vladimir Lenin and his supporters and analyses how these ideal concepts were affected by real-life challenges, that is, how the exalted romantic vision of the early post-revolutionary period was later replaced by a more pragmatic neo-imperialist approach. Throughout the early Soviet period (until the early 1930s), there were three main mythologemes which determined the Bolsheviks’ attitude to the territory they had come to possess: the “World Revolution”, “self-determination of nations”, and the “Communist society”. The Bolsheviks believed that the first two concepts corresponded mostly to tactics while the last one was concerned with strategy. After

¹ Владимир Маяковский, «150 000 000».

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

³ Vladimir Mayakovsky, ‘150,000,000’.

* *Citation*: Gorbachev, O. (2017). ‘Hey, Guberniyas, Raise your Anchors!’: Land Development in Bolshevik Mythology. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 675–692. DOI 10.15826/qr.2017.3.244.

Цитирование: Gorbachev O. ‘Hey, Guberniyas, Raise your Anchors!’: Land Development in Bolshevik Mythology // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 675–692. DOI 10.15826/qr.2017.3.244 / Горбачев О. «Эй, губернии, снимайтесь с якорей!»: идея территориального освоения в большевистской мифологии // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 675–692. DOI 10.15826/qr.2017.3.244.

the Bolsheviks' plans for a world revolution were ruined, they concentrated on a transition from tactical to strategic principles applied to developing the land of the former Russian Empire wherein, until 1923, the nation-building project had played a key role in the way the Bolsheviks had chosen to develop their land. As in the case of the "World Revolution" ideologeme, the "self-determination of nations" gradually transformed from a practical issue into one of propagandist clichés when the Bolsheviks realised that it was impossible to fully achieve the proclaimed ideological goals. Aiming to build a Communist society in Russia, the Bolshevik government prioritised industrialisation and urbanisation, following Marx's views and some nineteenth-century utopian theories. Both of the two approaches to zoning – economic and national – were well grounded ideologically but in the end it was the third, administrative approach which prevailed. Interestingly enough, it was not so much socialist but imperial in its nature. Before the mid-1920s, all ideological doctrines related to land development had been revised and readjusted. The Bolsheviks did not completely reject their old ideal concepts but instead adjusted and used them for propagandist purposes to exert more direct, Stalinist-type control.

Keywords: early Soviet society; territorial development; Soviet ideology; social engineering.

Цель исследования – уточнить, какое место занимала задача освоения российской территории в представлениях Ленина и его сторонников, как идеальные конструкции видоизменялись под влиянием требований реальности, когда возобладала прагматика неоимперского толка. Этот вопрос рассматривается в контексте трех основных мифологем: «мировая революция», «самоопределение наций» и «коммунистическое общество». Показано, что в течение 1920-х гг. наблюдается переход от тактических принципов освоения территории бывшей Российской империи к стратегическим, при этом до 1923 г. основным следует считать фактор национального строительства. Как и в случае с идеологией «мировой революции», по мере осознания невозможности реализовать в полной мере идеологические цели тезис самоопределения наций становился все более ритуальным. Для идеи построения коммунистического общества наиболее актуальными были сформулированные Марксом задачи индустриализации и урбанизации. В результате борьбы экономического и национального подходов к районированию утвердился третий, имперский по сути, административный подход. До середины 1920-х гг. были переосмыслены практически все идеологические доктрины, имевшие отношение к освоению территории. Прежние идеальные представления большевиков не отбрасывались полностью, а уточнялись, выполняя задачу пропагандистского обеспечения сталинского режима.

Ключевые слова: раннесоветское общество; территориальное освоение; советская идеология; социальное проектирование.

Как показывает историческая практика, власть позиционирует себя по отношению к пространству, на котором рассредоточено российское население. Территория во многом определяет взаимоотношения человека с властью имущими, а также черты национальной картины мира (про «ушибленность ширью» русской души писал Н. Бердяев [Бердяев, с. 63]).

Овладение территорией, контроль над ней, защита и приспособление для своих нужд – амбициозные и необходимые задачи для любой российской власти, во многом определяющие общий политический успех. Особенность большевистского подхода к освоению пространства состояла в том, что, будучи носителями программы строительства нового общества, они были наследниками империи и во многом оказались вынуждены следовать логике имперского управления.

Целью автора является выяснение того, как под давлением обстоятельств менялись взгляды большевистского руководства на освоение российской территории и революционный идеализм постепенно вытеснялся неоимперской прагматикой. Было ли зерно рациональности в революционном идеализме, и насколько далеко большевики ушли от своих прежних теоретических представлений?

Все эти вопросы соотносятся с задачей изучения исторического пространства, в рамках которого «исследователь концентрируется на том, что люди думали о своем и чужом пространстве, как они концептуализировали те или иные географические ареалы, как конструировали территориальные целостности и какими смыслами их наделяли» [Савельева, Полетаев, с. 444].

В течение раннесоветского периода (до начала 1930-х гг.) действовали три основные мифологемы⁴, определявшие отношение большевиков к доставшейся им территории: *мировая революция*, *самоопределение наций* и *коммунистическое общество*. Первые две имели скорее тактический смысл, последняя – стратегический. Каждая из мифологем в отдельности породила обширную историографию, тяготеющую к политике, экономике либо географии (см., например: [Байбаков; Волобуев; Красовицкая; Леонов; Маккензи; Чеботарева; Шишкин, 1997]). Вместе с тем интегральный взгляд на *идею пространства* в советской идеологии дает материал для переосмысления известных представлений подобно тому, как это случилось с анализом категории времени [Hanson]. При этом если понятие времени органично связано с утопическим сознанием в целом и с советской социалистически-коммунистической утопией в част-

⁴ Понятие «мифологема» в контексте настоящей статьи опирается на суждение о мифе как некоей сумме представлений людей о мире, месте человека в нем. Важно, что миф не обязательно антинаучен. По выражению А. Ф. Лосева, «когда наука разрушает “миф”, то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией [Лосев, с. 33]. При характеристике большевистской идеологии также следует помнить, что миф обычно претендует на сакральность [Элиаде, с. 11].

ности [Мангейм, с. 156]⁵, то необходимость анализа идеи пространства вытекает из специфики России, на просторах которой был предпринят коммунистический эксперимент.

Представления Ленина и его соратников о роли территории в будущем коммунистическом обществе базировались на утопическом наследии XIX в., марксистских взглядах на будущее государства и наций, на достижениях экономической, географической и этнографической науки и в определенной степени на реальной ситуации в современной большевикам России.

Территория и идея «мировой революции»

Идея мировой революции была одной из важнейших для большевиков сразу же после прихода к власти и в несколько последующих лет⁶. «Точкой поворота» часто называют Рижский мир 1921 г. Так, по мнению Стивена Сигела, этот договор «заставил большевиков пересмотреть свои интернационалистские цели и смириться с восточной границей Польши как ограничителем советских претензий на Западе» [Seegel, p. 264]. Следует, правда, помнить, что еще в 1918 г. Ленин, не слишком полагаясь на скорый «мировой пожар», писал, что поскольку «наступление социалистической революции на Западе замедлилось и запоздало... нам приходится заимствовать у передовых стран не помощь социалистической организации и поддержку рабочих, а помощь тамошней буржуазии и капиталистической интеллигенции» [Ленин, т. 36, с. 138–139]. Первый серьезный пересмотр Лениным идеи мировой революции имел место на этапе подписания Брестского мира⁷ [Нежинский, с. 32]. С. Сигел прав в том, что разочарование после неудачной войны с Польшей способствовало переориентации территориальных приоритетов большевиков: «в 1922 г., через год после подписания Рижского договора, был составлен план разделения советской территории на 21 регион» [Seegel, p. 265].

Уход от «мировой революции» как программы конкретных действий видится как поворот от утопии к прагматике. Идея действительно оказалась утопичной с точки зрения оценки революционного потенциала пролетариата западных стран. Но сейчас вызывает вопросы само наличие утопии: некоторые исследователи полагают, что с позиции геополитики концепция мировой революции была преемственна прежним целям России. По мнению С. Сигела, большевики «были марксистами и “антиимпериалистами”, но преследовали геополитические цели, заявленные русскими царями

⁵ О природе коммунистической утопии см.: [Kotkin, p. 7–9].

⁶ Подробнее об идеологическом обосновании «мировой революции» см.: [Нежинский, с. 13]. Качество этой идеи оценивается автором крайне невысоко.

⁷ Ряд авторов утверждает, что идея мировой революции в идеологии большевиков присутствовала и позже, и советское руководство лишь отказалось от чисто военных способов ее реализации. См., например: [Нежинский; Сироткин; Шишкин, 2002].

в XVIII–XIX вв., скрывая их под лозунгом “мировой революции”» [Seegel, p. 266]. Эту мысль разделяет и В. А. Шишкин, утверждая, что «послереволюционная внешняя политика в значительной степени отражала стремление к осуществлению традиционных интересов дореволюционной России» [Шишкин, 2002, с. 334]. Скорее всего, это попытка распространить оценки сталинской внешней политики на раннесоветский период в традициях «тоталитарной» историографической школы. После захвата власти большевики не верили в возможность ее сохранения без победы мировой революции, что плохо вписывается в геополитические схемы.

Разочаровавшись в перспективе скорой мировой революции, Ленин переключился на работу внутри страны, что проявилось в изменении содержания революционной риторики: «главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... Решим мы эту задачу – и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно» [Ленин, т. 43, с. 341]. Очевидно, что с этого момента идея мировой революции постепенно ритуализировалась, сохраняя практическую значимость лишь в деятельности Коминтерна.

Территория и «самоопределение наций»

Идеологическое обеспечение того, что в большевистской практике именовалось «хозяйственным освоением территории», было возложено на концепты «самоопределение наций» и «коммунистическое общество».

Лозунг «самоопределения наций», использовавшийся сторонниками Ленина на этапе завоевания власти, имел теоретическую марксистскую основу и практическое тактическое содержание. Идеологема «самоопределения наций» стала одним из важнейших оснований нового государства, определив его существенные черты. Национальный фактор следует считать одним из основных в советском освоении территории бывшей Российской империи.

Одно из первых указаний на необходимость национального самоопределения содержится в письме К. Маркса Ф. Энгельсу от 30 ноября 1867 г. [Маркс, Энгельс, т. 31, с. 338]. Маркс считал нацию чисто буржуазным явлением, которое исчезнет в обществе будущего, поскольку для пролетариата национальные различия уже не важны [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 61]. По настоянию Ленина в 1903 г. тезис о праве наций на самоопределение был включен в Программу РСДРП(б) [Ленин, т. 7, с. 104]. Вслед за Марксом Ленин был убежден в неминуемом исчезновении наций. Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, и неизбежного слияния наций оно может достичь лишь через переходный период полного

освобождения всех угнетенных наций, то есть их свободы отделения [Ленин, т. 27, с. 256].

Национальный вопрос заботил не только большевиков. В годы Первой мировой войны обозначился кризис колониальных империй. Ввиду неизбежного будущего поражения Германии и Австро-Венгрии встал вопрос о будущем разграничении в Европе. Картографированием приграничных территорий озаботились специалисты из разных стран (подробнее см.: [Seegel, p. 242–266]). Россия не стала исключением, и при Временном правительстве была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС) при Российской академии наук под руководством С. Ф. Ольденбурга [Соколовский; Seegel, p. 259–263; Slezkine, p. 427]. Начав с приграничного национального разграничения, впоследствии комиссия распространила свою деятельность вглубь страны. Трудность, которая при этом возникла, касалась содержания понятия «национальность». Комиссия Ольденбурга предлагала придерживаться принципа языка и религии, но он не использовался в азиатской части страны. Там при определении национальности та же комиссия предлагала руководствоваться физическим типом. Как иронически замечает Ф. Хирш, это происходило от того, что никто из членов комиссии не владел языками азиатских народов [Hirsch, 2007, p. 143].

Различия в подходах во многом определялись и состоянием этнографической науки в России. Проблема национальной унификации в России возникла незадолго до проведения Всероссийской переписи населения 1897 г. Для определения национальности основным в переписи был вопрос о родном языке, но впоследствии при анализе ее результатов использовались также сведения о вероисповедании, сословной принадлежности и др. [Hirsch, 2007, p. 142, 143]. Неудивительно, что примерно тех же подходов поначалу придерживались большевики, хотя их определение национальности на раннем этапе идентифицировать непросто. «По иронии судьбы, – пишет Ф. Хирш, – те самые большевистские лидеры, которые создавали теоретические работы о национальном вопросе накануне 1917 г., не были уверены, как определить понятие “национальность” в новом политическом контексте» [Hirsch, 2007, p. 144].

Попытки утверждения большевиками нового содержания национальности были связаны с необходимостью классового подхода к этому понятию. В работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913) И. В. Сталин полемизировал с австрийскими теоретиками Р. Шпрингером и О. Бауэром. Его не устраивала идея Шпрингера о том, что нация «не связана с землей», равно как и трактовка Бауэра, гласившая, что «нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности, судьбы». Для нации Сталин полагал необходимыми «общность *территории*, языка и экономической жизни» [Сталин, с. 298–299] (курсив мой. – О. Г.). Только такой подход позволил большевистскому автору рассматривать националь-

ность в конкретно-историческом контексте и увязать национальную борьбу, порожденную буржуазным обществом, с борьбой классово-вой.

В сталинском подходе обращает на себя внимание отсутствие разграничения между понятиями «нация» и «национальность». По всей видимости, это следовало из невнимания к идее национального государства, находящейся в тени концепта «мировой революции». Характерно, что четкое осознание различий между этими терминами отсутствовало у большевиков даже в середине 1920-х гг., на что обращает внимание Юрий Слезкин: «никто не был озабочен различиями между нациями и национальностями, включая самого Сталина» [Slezkine, p. 433].

Включение территории в национальный дискурс в первые десятилетия XX в. стало следствием воздействия *идеологического фактора* у русских марксистов и *геополитического* – у политиков, представлявших воюющие государства. На этапе строительства советского государства приобретут также значимость колониационный и экономический факторы.

Сохранение значимости национальных различий в глазах народов бывшей Российской империи большевики объясняли, во-первых, имперским наследием, породившим противоречия между угнетающей и угнетаемыми национальностями, и, во-вторых, социально-экономической и культурной отсталостью некоторых народов. С этими проблемами должна была справиться деколонизация по-советски. Во главу угла ставились не столько национальные приоритеты, сколько стремление сохранить территориальную целостность бывшей Российской империи [Мартин, с. 10]⁸. До 1923 г. именно фактор национального строительства следует считать главным в большевистском освоении территории. Внимание к «малым» народам за счет «большого» Терри Мартин считает одним из важнейших направлений политики «империи положительной деятельности». Большевики прилагали максимум усилий для того, чтобы закрепить за каждой национальностью, народом, национальной группой конкретную территорию. Таким образом гарантировались условия для развития национальных культур с тем, чтобы они исчерпали себя полностью и чтобы возникли условия для формирования интернациональной социалистической культуры [Мартин, с. 16].

В наибольшей степени этой деятельностью оказались охвачены национальные окраины, тогда как Российская Федерация («центр коммунальной квартиры»), как образно выражается Ю. Слезкин по-прежнему представляла собой аморфное и нечетко разделенное пространство [Slezkine, p. 434].

Помимо того, что идеологически детерминированная нарезка территории бывшей Российской империи по национальному принципу объективно способствовала обострению межнациональных проти-

⁸ «Важно помнить, – замечает Ф. Хирш, – что советский режим был заинтересован в «создании наций» не для блага этих наций» [Hirsch, 2000, p. 209].

воречий⁹, она плохо соотносилась с принципами экономического районирования. Это привело к возникновению в 1921 г. известной дискуссии между Наркоматом по делам национальностей (Наркомнац) и Государственной плановой комиссией (Госпланом) [Hirsch, 2007, p. 146]. Деятельность Наркомнаца опиралась на идеологические конструкты «марксизм», «модернизация» и «колониализм» [Мартин, с. 19]. Умозрительная теория модернизации в национальных границах с целью ликвидации отсталости в ряде случаев противоречила реальным закономерностям экономического развития территории, которые отстаивал Госплан и которые были отражены в работах по экономическому районированию, опубликованных еще во второй половине XIX в. (об этих проектах см.: [Неизвестные и малоизвестные страницы; Tagirova]). В этой ситуации ни одно из ведомств не могло одержать окончательной победы: идеологические представления о судьбе национальностей содержали в себе стратегическое видение будущего, в то время как на стороне экономистов из Госплана была логика здравого смысла, необходимая для решения текущих задач.

В итоге произошла неизбежная демаркация интересов. С июня 1923 г. прекратилось публичное обсуждение национального вопроса. В резолюциях XII съезда ВКП(б) главным завоеванием в этой сфере объявлялся только что созданный Союз Республик и заявлялось, что советское государство будет максимально поддерживать те формы национального устройства, которые не противоречат его целям [Двенадцатый съезд РКП(б), с. 695–696]. По мнению Т. Мартина, это означало, что поддержка будет оказана четырем формам существования наций – территории, языку, элитам и культуре [Мартин, с. 22]. Даже несмотря на эти ограничения, советская национальная политика способствовала формированию качественно новой модели взаимоотношений государства с входящими в него народами, на что обращают внимание и Слезкин, и Мартин.

Как и в случае с идеологемой «мировой революции», по мере осознания невозможности полностью реализовать заявленные идеологические цели тезис самоопределения наций постепенно перетекал из практической плоскости в пропагандистскую. Уже в 1920-е гг. национальный вопрос использовался в качестве рычага прямого административного регулирования. С его помощью обосновывались разные, подчас противоположные решения властей¹⁰. В сталинские годы национальный вопрос все более подчинялся административной практике. В плане территориальном это привело к значительному уменьшению количества национальных образований (по выражению Ю. Слезкина, комнат в коммунальной квартире существенно поубавилось [Slezkine, p. 446]).

⁹ Появление большого количества национальных территорий имело следствием многократное воспроизведение проблемы национальных меньшинств [Мартин, с. 48].

¹⁰ Ф. Хирш подробно рассказывает, как осуществлялось это регулирование в случаях с Белоруссией, Украиной и Хакассией [Hirsch, 2000, p. 210–212].

Задача унификации управления требовала того, чтобы каждая этническая группа имела собственную национальную территорию. Именно обладание территорией делало национальность «полноценной». С другой стороны, индивидуальная национальная идентичность стала все больше зависеть от места проживания [Slezkine, p. 444]. Сталинская практика выселения репрессированных народов имела целью лишение людей их территории, а следовательно, национальной идентичности. Идея национальной экстерриториальности, еще заметная в дискуссиях начала 1920-х гг., окончательно проиграла «территориальности». В целом же в национальной сфере, как и в других, имела место эрозия теоретических положений эпохи раннего большевизма, их догматизация для оправдания текущих политических целей.

Территория и идея коммунистического общества

В «Манифесте коммунистической партии» К. Марксом выделены следующие черты будущего коммунистического строя, имеющие отношение к территориальной организации общества:

«1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

<...>

6. Централизация всего транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

<...>

9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней [Маркс, Энгельс, т. 4, с. 446–447].

Исходя из этой программы, большевики должны были озаботиться огосударствлением всех сфер жизни страны, развитием промышленности и городской среды. История советского общества показывает, что каждый из пунктов действительно активно претворяли в жизнь. Наиболее актуальными для России, где доминировало аграрное производство, были задачи индустриализации и урбанизации. При этом, исходя из сути марксизма, экономические приоритеты являлись определяющими.

Утопическое революционное сознание подпитывалось и другими идеями¹¹. Для проектирования коммунистической системы расселения было необходимо сделать выбор между географически радикальной, но социально консервативной идеей сельских коммун Ш. Фурье

¹¹ О структуре утопического сознания см.: [Барт; Ласки; Черткова]. По мнению Р. Стайтса, утопия опирается на литературу, политическую мысль, религиозные представления и практику, революционный идеализм, мистические видения, легенды и народную мудрость [Stites, p. 141].

и Н. Г. Чернышевского и урбанистическими представлениями сторонников «города-сада», популярными в среде германских социал-демократов [Stites, p. 147]. «Сельские» утопии были отвергнуты как противоречащие большевистскому индустриализму. В 1920-е гг. их отголоски еще присутствовали в идейных спорах урбанистов и дезурбанистов¹², но к началу 1930-х гг. дезурбанистические взгляды стали квалифицироваться как откровенно враждебные советскому строю и получили ярлык «социально-фашистских» [Stites, p. 149].

Урбанистические вариации на тему города-сада выглядели более перспективно. Первый русский перевод книги Э. Говарда «Города-сады» был опубликован еще в 1911 г. [Глазычев, с. 187]. Большевистский подход к реализации этой идеи предполагал создание большого количества городов с населением 50–60 тыс. чел. [Сабсович, с. 22–31]. В основе концепции лежали марксистские представления о скорейшем развитии транспортной системы и неминуемом стирании различий между городом и деревней. Как известно, городское развитие СССР в конце концов пошло по пути дальнейшего роста крупных городов: идеальные представления о возможностях развития транспорта оказались преувеличенными.

Нечто похожее приключилось и с популярной после революции идеей городских домов-коммун. Нежизнеспособность проекта дома-фаланстера в духе Чернышевского была признана еще в годы «военного коммунизма», когда совершился переход «от коммуны к коммуналке» [Лебина, Чистиков, с. 22], а в тех домах-коммунах, которые возводились в 1920-е гг., уже существовал прообраз отдельного семейного жилища в виде «домов для элиты» [Лебина, с. 81; Пискунова, Старостова]. Причины неудачи проекта выразительно сформулировал Р. Стайтс: «идея домов-коммун разбилась об океанскую волну миграции из села в город» [Stites, p. 148].

Существенно более успешными оказались усилия большевиков, связанные с промышленной модернизацией территории. Первой попыткой такого рода принято считать план Государственной электрификации России (ГОЭЛРО, 1920). Хотя электрификация квалифицируется как утопия пространства [Stites, p. 142], утопичность в этом случае неочевидна. Главным образом она базируется на мнении Г. Уэллса, назвавшего Ленина «кремлевским мечтателем» [Уэллс]. Если исходить из утверждения, что «утопией следует считать представления, осуществление которых невозможно с точки зрения сторонников существующего социального порядка» [Мангейм, с. 117], то электрификация была утопией для Уэллса и реальностью для Ленина. Что позволяло последнему так думать?

Как и в случае с идеей «города-сада», истоки плана ГОЭЛРО усматриваются в работах германских социал-демократов [Гвоздецкой, с. 108]. Но план электрификации имел гораздо более прочные

¹² Подробно изложение дискуссии о социалистическом расселении см.: [Хазанова, с. 43–158].

основания в российской действительности. Первые электростанции заработали в России еще накануне Первой мировой войны, а большинство специалистов-электротехников продолжили свою работу в России после прихода большевиков к власти [Там же, с. 104–106]. Реалистичности плану добавляло то, что еще до его принятия в 1918 г. было начато строительство Каширской, Волховской и Шатурской электростанций [Развитие электроэнергетики России].

На первом этапе реализация плана ГОЭЛРО встретила сопротивление, поскольку проводилась в контексте начатой еще в имперское время политики централизованной индустриализации. Эта политика не соответствовала «идеологически правильной» идее децентрализованного социалистического промышленного развития [Coopersmith, p. 15], «утопический» план ГОЭЛРО парадоксально противостоял утопии Маркса. Он выглядел утопичным в силу масштаба предполагаемых преобразований, но отнюдь не из-за стремления Ленина слепо следовать предначертанной Марксом схеме.

Политика НЭПа несколько «смазала» первоначальные идеи плана, но в итоге не помешала его реализации [Coopersmith, p. 15; Карр, с. 690–692]. Таким образом, в целом план ГОЭЛРО можно считать первым успешным опытом советского промышленного освоения территории, непосредственно предшествовавшего достижениям первых пятилеток. Он существенно (хотя и не везде оптимально) повлиял на экономико-административную организацию советского пространства [Соловьева]. Успех проекта предопределило не столько его идеологическое обеспечение, сколько опыт, накопленный в энергетической сфере к началу 1920-х гг., а также гибкое реагирование на требования текущего момента.

План ГОЭЛРО оказался тесно связан с идеей районирования, хотя она приобрела актуальность далеко не сразу: «В военное время поневоле пришлось отбросить всякие поползновения провести в жизнь стройные государственные хозяйственные планы, вытекающие из существа хозяйственной обстановки всей той громадной территории, границы которой надо было еще утверждать огнем и мечом» [Кржижановский, с. 11]¹³.

Новая терминология («административно-хозяйственное районирование») отразила неприятие прежнего губернского-уездного принципа организации территории. Как отмечалось в 1925 г., «термин „административное деление“ дышит архаизмом, он устарел и может быть применяем лишь к положению в дореволюционное время, когда государство разделялось на административные единицы для удобства управления территорией в фискальных и полицейских целях» [Егоров, с. 10]. Отныне управление в основе своей должно было стать экономическим, поскольку «нет административных вопросов, которые не имели бы глубокой экономической основы» [Там же].

¹³ Характерно, что Г. М. Кржижановский умалчивает об идеологических причинах прежнего невнимания к идее районирования.

В этой оценке теоретические марксистские представления соединялись с приоритетами специалистов Госплана при кажущемся игнорировании национального фактора. После выведения национального вопроса из сферы открытых дискуссий в 1923 г. смутное указание на него экономистов можно увидеть лишь в идее «хозяйственно-культурного строительства», где экономика поставлена на первое место [Там же].

«Рациональность» экономического подхода имела очевидный идеологический подтекст: исчезновение мелких городов интерпретируется как «естественный процесс падения... бывших дворянских, помещичьих, чиновничьих, мещанских гнезд; с другой стороны, должны будут укрепляться другие пункты, являющиеся производственными пролетарскими центрами» [Егоров, с. 14–15]. По-своему логично, если не учитывать, что именно такие по размеру города претендовали, по Сабсовичу, на роль «городов-садов».

Если в районировании конца XIX – начала XX в. экономический и административный принципы организации территории конкурировали между собой [Tagirova, p. 136], то в первые годы советской власти пространство мыслилось в первую очередь как производственное. Стремление большевиков уйти от прежнего административного деления приводило к неразберихе. «Территориально СНХ (то есть местный Совет народного хозяйства. – О. Г.) не совпадает с уездом, благодаря чему уездным отделам легче быть оторванными от СНХ, легче быть бесконтрольными... В самом Совете народного хозяйства территориальные деления производятся не одинаково, не по одной линии... Например, если у крестьянина украли корову, он идет в один город, а если у него запахали полосу, то он принужден идти в другой город» [Егоров, с. 16].

Уже в феврале 1920 г. после создания административной комиссии ВЦИК стало ясно, что в борьбе между органами административного (Советы) и хозяйственного (СНХ) управления побеждают первые. Именно на них в итоге были возложены экономические функции. Само же районирование проводилось на экономико-идеологической основе: «Основным ядром новых районов должны быть пролетарские центры; окружающая их территория должна обеспечивать нормальное развитие главнейших отраслей промышленности данного района» [Там же, с. 20]. При этом власти исходили из того, что быстро уйти от прежнего административно-территориального деления не удастся: «Как общее правило пока сохраняется существующее четырехчленное административное деление: губерния, уезд, волость, сельское общество» [Там же, с. 20–21]. В полном объеме районирование на новых принципах предполагалось проводить лишь на малонаселенных окраинах. Фактически уже в начале 1920-х гг. на всех уровнях власть перешла к органам местного управления в лице местных Советов. Характерно, что Советы, созданные на экономической основе, в конечном счете оказа-

лись сильнее национальных Советов, поскольку, в отличие от них, работали на идею укрепления центральной власти¹⁴.

По мнению Ф. Хирш, уже к концу 1924 г. административный принцип, наряду с национальным и экономическим, стал важным фактором определения внутренних административных границ [Hirsch, 2000, p. 211]. В 1930-е гг. практика прямого административного регулирования стала определяющей, а прежние теоретические обоснования окончательно перешли в разряд идеологического прикрытия волевых управленческих решений. Идеальная модель экономического районирования вместо прежней схемы имперского управления оказалась нереализуемой. В борьбе экономического и национального подходов к районированию, каждый из которых был серьезно идеологически обоснован, победил третий, административный подход, не столько социалистический, сколько имперский по своей сути.

* * *

Крах идеи неизбежности мировой революции привел большевиков к необходимости укрепления государства. В этих условиях цель овладения пространством становилась все более значимой. Происходило своего рода идеологическое отрезвление, были переосмыслены концепции, имевшие отношение к освоению территории:

- «дома-коммуны» – 1918 г.;
- районирование на исключительно экономических принципах – 1920 г.;
- «мировая революция» – 1921 г.;
- «право наций на самоопределение» – 1923 г.;
- «город-сад» – начало 1930-х гг.

Для того чтобы удержать власть, большевикам пришлось заменить утопическую социальную инженерию практической¹⁵. Единственное исключение – успешный план электрификации. При детальном рассмотрении обнаруживается, что в нем гораздо больше нэповского, чем идеально-марксистского, и он гораздо менее утопичен, чем кажется, ввиду прочной опоры на имевшиеся в распоряжении государства ресурсы. Характерно, что план ГОЭЛРО принимался на этапе расставания с прежними утопическими представлениями. Существенно и то, что прежние идеальные представления большевиков не отбрасывались, а уточнялись, сохраняя свою значимость в пропагандистском обеспечении советского режима.

Каждый из рассмотренных аспектов темы нуждается в дополнительной детализации во избежание схематического восприятия. В заявленном контексте требуют развития понятия «мифологе-

¹⁴ Было признано, что «республики единого Союза не могут основывать свои решения исключительно на национальном принципе» [Hirsch, 2000, p. 211].

¹⁵ По терминологии Карла Поппера [Поппер, с. 75–82].

ма», «утопия», «идеология» и др. Пока за пределами рассмотрения оказался важный концепт «граница». Последующий анализ позволит соотнести идеальные представления преобразователей с имевшейся традицией государственного строительства, сформулировать закономерности их эволюции под давлением реальных обстоятельств, предложенных эпохой.

Список литературы

- Байбаков С. А.* История образования СССР: итоги и перспективы изучения. М. : Диалог-МГУ, 1997. 428 с.
- Бердяев Н.* Судьба России. М. : Филос. общ-во СССР, 1990. 240 с.
- Волобуев П. В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М. : Политиздат, 1987. 312 с.
- Гвоздецкий В.* План ГОЭЛРО : Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 102–109.
- Глазачев В. Л.* Город без границ. М. : Территория будущего, 2011. 400 с.
- Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 года : стенограф. отчет. М. : Изд-во полит. лит., 1968. 904 с.
- Егоров К. Д.* Районирование СССР : Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 годы. М.; Л. : Плановое хозяйство, 1926. 308 с.
- Карр Э.* История Советской России : в 14 т. Т. 1. Большевицкая революция 1917–1923. М. : Прогресс, 1990. 766 с.
- Красовицкая Т. Ю.* Модернизация России: национально-культурная политика 20-х гг. М. : ИРИ РАН, 1998. 414 с.
- Кржижановский Г. М.* Хозяйственные проблемы РСФСР и работы государственной общеплановой комиссии (Госплана). М. : 39-я тип. МГСНХ, 1921. 112 с.
- Ласки М.* Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление / под ред. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 170–209.
- Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии : От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 488 с.
- Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы : Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 339 с.
- Ленин В. И.* X Всероссийская конференция РКП(б) 2–28 мая 1921 г. : Речь при закрытии конференции 28 мая // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 43. С. 340–341.
- Ленин В. И.* О манифесте «Союза армянских социал-демократов» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1967. Т. 7. С. 102–106.
- Ленин В. И.* Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1974. Т. 36. С. 127–164.
- Ленин В. И.* Пролетарски-революционная постановка вопроса о самоопределении наций // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 27. С. 256–257.
- Леонов С. В.* Рождение советской империи: государство и идеология. М. : Диалог-МГУ, 1997. 356 с.
- Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. : Мысль, 1991. С. 21–186.
- Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция (1919–1943). М. : Центрполиграф, 2008. 352 с.
- Мангейм К.* Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление / под ред. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 113–169.

Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 7–544.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу от 30 ноября 1867 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1963. Т. 31. С. 336–339.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. М. : Изд-во полит. лит., 1955. Т. 4. С. 419–459.

Мартин Т. «Империя положительной деятельности» : Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 664 с.

Нежинский Л. Н. Идея «мировой революции» и внешняя политика Советского государства в 1917–1921 годах // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. : Поиск новых подходов / отв. ред. Л. Н. Нежинский. М. : Междунар. отношения, 1992. С. 8–62.

Неизвестные и малоизвестные страницы отечественного районирования / под ред. В. Л. Бабурина. М. : ЛЕНАНД, 2006. 400 с.

Пискунова Л. П., Старостова Л. Э. «Городок чекистов» г. Екатеринбурга: воплощение и трансформация утопии в повседневных практиках советской элиты // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. 2015. № 4 (146). С. 40–52.

Поннер К. Нищета историцизма. М. : Прогресс, 1993. 186 с.

Развитие электроэнергетики России в 1917–1940 гг. // Electrolibrary.info : электрон. электротехнич. библиотека. URL: <http://www.electrolibrary.info/history/energetika.htm> (дата обращения: 25.08.2016).

Сабсович Л. М. Социалистические города. М. : Моск. рабочий, 1930. 124 с.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. СПб. : Наука, 2003. Т. 1. Конструирование прошлого. 751 с.

Сироткин В. Г. Рижский мир // Международная жизнь. 1988. № 8. С. 128–143.

Соловьевский С. В. Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и подходы // Демоскоп Weekly : электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_028.html (дата обращения: 19.08.2016).

Соловьева Т. В. План ГОЭЛРО и административно-территориальное устройство Урала в 1920-е гг. // Шестые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщений, Екатеринбург, 20–21 апр. 2006 г. : в 2 т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. Т. 1. С. 204–210.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения. М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во полит. лит., 1954. Т. 2. С. 290–367.

Уэллс Г. Россия во мгле. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/59157/6/Uells_-_Rossiya_vo_mgle.html (дата обращения: 28.08.2016).

Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки : Проблемы города будущего. М. : Наука, 1980. 374 с.

Чеботарева В. Г. Наркомнац СССР : свет и тени национальной политики. 1917–1924. М. : Общ. акад. наук российских немцев, 2003. 852 с.

Черткова Е. Г. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. 1993. С. 81–91.

Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия (1917–1928). СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 399 с.

Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России и капиталистический мир: от революционного «западничества» к национал-большевизму. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. 359 с.

Эшаде М. Аспекты мифа. М. : Академ. проект, 2010. 251 с.

Coopersmith J. Soviet Electrification : The Roads Not Taken // IEEE Technology and Society Magazine. 1993. № 12 (2), pp. 13–20.

Hanson S. E. Time and Revolution : Marxism and the Design of Soviet Institutions. Chapel Hill ; L. : Univ. of North Carolina Press, 1997. XV + 258 p.

Hirsch F. State and Evolution : Ethnographic Knowledge, Economic Expediency, and the Making of the USSR, 1917–1924 // Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930 /

eds. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington ; Indianapolis : Indiana Univ. Press, 2007, pp. 139–168.

Hirsch F. *Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities* // *The Russian Rev.* 2000. № 59, pp. 201–226.

Kotkin S. *Magnetic Mountain : Stalinism as a Civilization*. Berkeley : Univ. of California Press, 1995. 639 p.

Seegel S. *Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire*, Chicago ; L. : Univ. of Chicago Press, 2012. 384 p.

Slezkine Y. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Rev.* Vol. 53, no. 2 (Summer, 1994), pp. 414–452.

Stites R. *Utopias of Time, Space, And Life in The Russian Revolution* // *Rev. étud. Slaves*. Paris. № 1 (56). 1984, pp. 141–154.

Tagirova N. *Mapping the Empire's Economic Regions from the Nineteenth to the Early Twentieth Century* // *Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930* / eds. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington ; Indianapolis : Indiana Univ. Press, 2007, pp. 125–138.

References

Baburin, V. L. (Ed.) (2006). *Neizvestnye i maloizvestnye stranicy otechestvennogo rajonirovaniya* [Unknown and Little-known Pages of Domestic Zoning]. Moscow, LENAND. 400 p.

Baybakov, S. A. (1997). *Istoriya obrazovaniya SSSR: itogi i perspektivy izucheniya* [The History of Formation of the USSR: Research Results and Prospects]. Moscow, Dialog-MGU. 428 p.

Berdyaev, N. (1990). *Sud'ba Rossii* [The Destiny of Russia]. Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR. 240 p.

Carr, E. H. (1950). *The Bolshevik Revolution, 1917–1923*, Vol. 1–2 (History of Soviet Russia), L., Macmillan, 1950. 430 p.

Coopersmith, J. (1993). *Soviet Electrification : The Roads Not Taken*. In *IEEE Technology and Society Magazine*, Iss. 12 (2), pp. 13–20.

Dvenadcatyj s'ezd RKP (b). 17–25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskij otchet [Twelfth Congress of the RCP(b). April 17–25, 1923. Verbatim Record] (1968). Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 904 p.

Egorov, K. D. (1926). *Rajonirovanie SSSR. Sbornik materialov po rajonirovaniyu s 1917 po 1925 gody* [Zoning of the USSR. A Collection of Materials on Zoning between 1917 and 1925]. Moscow, Leningrad, Planovoe hozyajstvo. 308 p.

Eliade, M. (1963). *Myth and Reality*. NY, Evanston, Harper & Row. 204 p.

Glazychev, V. L. (2011). *Gorod bez granic* [A City without Borders]. Moscow, Territoriya budushchego. 400 p.

Gvozdet'skiy, V. (2001). *Plan GOELRO. Mify i real'nost'* [GOELRO Plan. Myths and Reality]. In *Nauka i zhizn'*, Iss. 5, pp. 102–109.

Hanson, S. E. (1997). *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*, Chapel Hill and London: Univ of North Carolina Press. XV + 258 p.

Hirsch, F. (2000). *Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities*. In *The Russian Rev.*, Iss. 59, pp. 201–226.

Hirsch, F. (2007). *State and Evolution: Ethnographic Knowledge, Economic Expediency, and the Making of the USSR, 1917–1924*. In: Burbank, J., Von Hagen, M., Remnev, A. (Eds.), *Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington and Indianapolis, Indiana Univ. Press, pp. 139–168.

Khazanova, V. Eh. (1980). *Sovetskaya arhitektura pervoj pyatiletki: Problemy goroda budushchego* [The Soviet Architecture of the First Five-year Plan: Issues of the City of the Future]. Moscow, Nauka. 374 p.

Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, Univ. of California Press. 639 p.

Krasovitskaya, T. Yu. (1998). *Modernizaciya Rossii: nacional'no-kul'turnaya politika 20-h gg.* [Modernisation of Russia: National and Cultural Policy of the 1920s]. Moscow, IRI RAN, 1998. 414 p.

Krzhizhanovsky, G. M. (1921). *Hozyajstvennye problemy RSFSR i raboty gosudarstvennoj obshcheplanoj komissii (Gosplana)* [Economic Problems of the RSFSR and Work of the State Planning Committee]. Moscow, 39 tipografiya MGSNH. 112 p.

Lasky, Melvin J. (1976). *Utopia and Revolution*. Chicago, L., The Univ. of Chicago Press, 1976. 726 p.

Lebina, N. B. (2015). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From Military Communism to Great Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 488 p.

Lebina, N. B., Chistikov, A. N. (2003). *Obyvatel' i reformy: Kartiny povsednevnogo zhizni gorozhan v gody nehpa i hrushchevskogo desyatiletija* [The Average Citizen and Reforms: Pictures of Everyday Life of Citizens during the New Economic Policy and the Khrushchev Decade]. St Petersburg: Dmitry Bulanin, 339 p.

Lenin, V. I. (1970). X Vserossijskaya konferenciya RKP(b) 2–28 maya 1921 g. Rech' pri zakrytii konferencii 28 maya [All-Russian conference of RCP(b) on May 2–28, 1921. A Closing Speech, May 28]. In: Lenin, V. I. *Collected works*. 5th edition. Vol. 43. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 340–341.

Lenin, V. I. (1967). O manifeste 'Soyuza armyanskih social-demokratov' [On the Manifesto of "The union of Armenian Social Democrats"]. In: Lenin, V. I. *Collected works*. 5th ed. Vol. 7. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 102–106.

Lenin, V. I. (1969). Proletarski-revolucionnaya postanovka voprosa o samoopredelenii nacij [Proletarian Revolutionary Posing of the Question of Self-determination of Nations]. In: Lenin, V. I. *Collected works*. 5th ed. Vol. 27. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 256–257.

Lenin, V. I. (1974). Pervonachal'nyj variant stat'i 'Ocherednye zadachi Sovetskoj vlasti' [The Original Version of the Article *Immediate Tasks of Soviet Power*]. In: Lenin, V. I. *Collected works*. 5th ed. Vol. 36. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 127–164.

Leonov, S. V. (1997). *Rozhdenie sovetskoj imperii: gosudarstvo i ideologiya* [The Birth of the Soviet Empire: State and Ideology]. Moscow, Dialog-MGU. 356 p.

Losev, A. F. (1991). Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. In: Losev, A. F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura*. Moscow, Mysl', pp. 21–186.

Mannheim, C. (1954). *Ideology and Utopia. An Introduction to the Sociology of Knowledge*. NY, L., Harcourt, Brace, Routledge and Kegan Paul. 318 p.

Martin, T. D. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, : Cornell Univ. Press. 496 p.

Marx, K. (1955). Nemeckaya ideologiya [The German Ideology]. In: Marx, K. and F. Engels. *Works*. 2nd ed. Vol. 3. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 7–544.

Marx, K. (1963). Pis'mo F. Engel'su ot 30 noyabrya 1867 g. [A Letter to F. Engels of November 30, 1867]. In: Marx, K. and F. Engels. *Works*. 2nd edition. Vol. 31. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 336–339.

Marx, K. and Engels, F. (1955). Manifest Kommunisticheskoi partii [Manifesto of the Communist Party]. In: Marx, K. and F. Engels. *Works*. 2nd ed. Vol. 4. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 419–459.

McKenzie, Kermit E. (1964). *Comintern and World Revolution, 1928–1943: The Shaping of Doctrine*. L., NY., Columbia Univ. Press. 368 p.

Nezhinsky, L. N. (1992). Ideya 'mirovoj revolyucii' i vneshnyaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1917–1921 godah [The Idea of a "World Revolution" and the Foreign Policy of the Soviet State between 1917 and 1921]. In: Nezhinsky, L. N. (Ed.). *Sovetskaya vneshnyaya politika, 1917–1945 gg. Poiski novyh podhodov*. Moscow, Mezhdunarodnyje otnosheniya, pp. 8–62.

Piskunova, L. P., Starostova, L. E. (2015). 'Gorodok chekistov' goroda Ekaterinburga: voploshchenie i transformaciya utopii v povsednevnyh praktikah sovetskoj ehlihty ["The Town of Security Officers" in Yekaterinburg: The Embodiment and Transformation of a Utopia in the Daily Activity of the Soviet Elite], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*. Iss. 4 (146), pp. 40–52.

- Popper, K. (2004). *The Poverty of Historicism*. L., NY., Routledge. 163 p.
- Razvitie ehlektroehnergetiki Rossii 1917–1940 gg. (n/a). [The Development of the Power Industry of Russia between 1917 and 1940]. In: *Ehlektronnaya ehlektrotekhnicheskaya biblioteka Electrolibrary.info*. URL: <http://www.electrolibrary.info/history/energetika.htm> (mode of access: 25.08.2016).
- Sabsovich, L. M. (1930). *Socialisticheskie goroda* [Socialist Cities]. Moscow, Moskovskij rabochij, 1930. 124 p.
- Savelyeva, I. M., Poletaev, A. V. (2003). *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya*. V 2 t. T. 1. *Konstruirovaniye proshlogo* [Knowledge of the Past: Theory and History. 2 Vols. Vol. 1. Reconstructing the Past.]. St Petersburg, Nauka. 751 p.
- Seegel, S. (2012). *Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire*, Chicago, L., Univ. of Chicago Press. 384 p.
- Shishkin, V. A. (1997). *Vlast'. Politika. EHkonomika: poslerevolucionnaya Rossiya (1917–1928)* [Power. Politics. Economy: Post-revolutionary Russia (1917–1928)]. St Petersburg, Dmitri Bulanin. 399 p.
- Shishkin, V. A. (2002). *Stanovlenie vneshnej politiki poslerevolucionnoj Rossii i kapitalisticheskij mir: ot revolyucionnogo "zapadnichestva" k nacional-bol'shevizmu* [The Formation of the Foreign Policy of Post-revolutionary Russia and the Capitalist World: From Revolutionary "Westernism" to National Bolshevism]. St Petersburg, Dmitri Bulanin. 359 p.
- Sirotkin, V. G. (1998). Rizhskij mir [Peace of Riga], *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Iss. 8, pp. 128–143.
- Slezkine, Yu. (1994). The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. In *Slavic Rev.* Iss. 53 (2), pp. 414–452.
- Sokolovsky, S. V. (n/a). Ehtnicheskaya identichnost' v perepisyah naseleniya: klassifikaci-onnye principy i podhody [Ethnic Identity in Population Censuses: Classification Principles and Approaches]. In: *Demoskop Weekly*. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_028.html (mode of access: 19.08.2016).
- Solovyova, T. V. (2006). Plan GOELRO i administrativno-territorial'noe ustrojstvo Urala v 1920-e gg. [The GOELRO Plan and the Administrative and Territorial Structure of the Urals in the 1920s]. In: *Shestyje Tatishchevskie chteniya : tezisy dokladov i soobshchenij*, Yekaterinburg, 20–21 Apr. 2006. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Vol. 1, pp. 204–210.
- Stalin, I. V. (1954). Marksizm i nacional'nyj vopros [Marxism and the National Question]. In: Stalin, I. V. *Works*. Vol. 2. Moscow, OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 290–367.
- Stites, R. (1984). Utopias of Time, Space, and Life in the Russian Revolution. *Rev. Étud. slaves*, Paris, LVI/1, pp. 141–154.
- Tagirova, N. (2007). Mapping the Empire's Economic Regions from the Nineteenth to the Early Twentieth Century. In: Burbank, J., Von Hagen, M. and A. Remnev (Eds.). *Russian Empire Space, People, Power, 1700-1930*. Bloomington and Indianapolis, Indiana Univ. Press, pp. 125–138.
- Tchebotareva, V. G. (2003). *Narkomnac SSSR: svet i teni nacional'noj politiki. 1917–1924*. [Narkomnats of the USSR: The Chiaroscuro of National Politics. 1917–1924] Moscow, Obshch. akad. nauk rossijskih nemcev. 852 p.
- Tchertkova, E. G. (1993). Utopiya kak tip soznaniya [Utopia as a Consciousness Type], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. Iss. 3, pp. 81–91.
- Volobuev, P. V. (1987). *Vybor putej obshchestvennogo razvitiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [The Choice of Ways of Social Development: Theory, History, Modernity]. Moscow, Politizdat. 312 p.
- Wells, H. G. (1921). *Russia in the Shadows*. A Project Gutenberg of Australia eBook. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0602371.txt> (mode of access: 07.11.2016).

The article was submitted on 11.02.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.245

УДК 329.8+321.74+929Сталин+94(470)"1917/1927"

THE BOLSHEVIK PARTY TRANSFORMED: STALIN'S RISE TO POWER (1917–1927)*

James Harris

University of Leeds,
Leeds, UK

In 1917, the Bolsheviks promised the liberation of the working masses from exploitation. And yet, within twenty years, they had delivered a regime that was substantially more exploitative and repressive than that of the Tsarist regime they had overthrown. This article argues that more than a quarter of a century after the opening of the archives, we still misapprehend how it happened. Historians tend to see the process as programmatic, or planned and intentional: that the Bolsheviks were authoritarian by nature, or that Stalin hijacked the Revolution and satisfied his lust for power by building a personal dictatorship. The article argues that we have failed to grasp the extent to which the positive programme of liberation continued to motivate the Bolshevik leadership throughout the interwar period. But they had underestimated the obstacles to creating a consensual, participatory political order. Considerable progress was made overcoming basic illiteracy, but it was another matter altogether to establish a functioning administrative apparatus, to fight and win the civil war, and to rebuild a shattered economy. The breakdown of liberal (“bourgeois”) democracies in Europe encouraged complacency about the superiority of the “transitional” proletarian dictatorship. The struggle for power after Lenin’s death turned local organisations against inner party democracy. It did not seem appropriate to revive it either in the midst of collectivisation and rapid industrialisation. The survival of the Revolution and catching up to the advanced capitalist countries took precedence. But if we treat extreme political violence and dictatorship as ends in themselves, we will fail adequately to grasp the fate of the Revolution.

Keywords: Stalin; democracy; dictatorship; bolshevism.

В 1917 г. большевики обещали освобождение трудящихся масс от эксплуатации. Но в течение 20 лет они установили режим гораздо более эксплуататорский и репрессивный по своей сути, чем побежденный ими ца-

* *Citation:* Harris, J. (2017). The Bolshevik Party Transformed: Stalin’s Rise to Power (1917–1927). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 693–707. DOI 10.15826/qr.2017.3.245.

Цитирование: Harris J. The Bolshevik Party Transformed: Stalin’s Rise to Power (1917–1927) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 693–707. DOI 10.15826/qr.2017.3.245.

ризм. Автор утверждает, что спустя более четверти века после открытия архивов мы все еще остаемся в неведении по поводу того, почему так случилось. Историки склонны рассматривать этот исход как запрограммированный либо преднамеренно спланированный, поскольку большевики были авторитарны по своей природе, или же Сталин «оседлал» революцию и установил личную диктатуру, удовлетворяя жажду власти. До сих пор нет ясности в понимании того, в какой степени положительная программа освобождения народа продолжала мотивировать большевистское руководство в межвоенный период. Большевики недооценили препятствия на пути создания общественного порядка, основанного на согласованном политическом участии. Существенный прогресс был достигнут на пути ликвидации неграмотности, но значительно труднее было создать функционирующий государственный аппарат, бороться и выиграть Гражданскую войну, а также восстановить разрушенную экономику. Падение либеральных («буржуазных») демократий в Европе укрепляло ощущение превосходства «переходной» пролетарской диктатуры. Борьба за власть после смерти Ленина направила местные партийные организации на борьбу с внутривластной демократией. Возрождать ее в условиях коллективизации и ускоренной индустриализации казалось неуместным. Гораздо более важным представлялось выживание революции и стремление догнать передовые капиталистические страны. Автор отмечает, что если относиться к проявлениям политического насилия и диктатуре как к конечной цели советской власти, невозможно должным образом понять судьбу революции.

Ключевые слова: Сталин; демократия; диктатура; большевизм.

As we approach the hundredth anniversary of the October Revolution, it is an appropriate moment to return to what was perhaps the key question at the heart of Anglo-American “Soviet Studies” between the 1950s and the 1980s. How is it that a revolution that promised the liberation of working people ended up generating an extremely violent and hyper-centralised dictatorship? The question drew the attention of perhaps every major specialist in the period, a time when the secretive Soviet state was blocking access to the overwhelming mass of party and state archives [Deutscher; Schapiro 1955; Daniels; Laue; Pethybridge; Carr; Service; Schapiro, 1984; Gill]. Curiously, though we have now had access to almost all of these materials since 1991, when the Soviet system collapsed, very little work has been done on the evolution of the Bolshevik political order largely because political history is not in fashion. Of course a single article cannot definitively explain the origins of the communist dictatorship. It is a huge question that needs to be addressed in many dimensions (ideology, culture, politics and so on) and this text represents a first effort to sketch the outlines of a long-term project I started a few years ago. I have been collecting documents from central archives in Moscow (РГАСПИ – RGASPI), from republic archives (in Ukraine) and more local materials (*oblast’ /*

guberniia / uezd / raion) materials in Vinnitsa, Ukraine and Ekaterinburg in the Urals. The aim of this article is briefly to discuss the broadest outlines of the Anglo-American scholarship on the issue, and to indicate a few ways I propose to challenge some basic ways the issues are understood on the basis of the materials I have collected.

The first thing to grasp about early Anglo-American scholarship on 1917 and its aftermath is that it was a product of the Cold War, when the USSR was the enemy. The “totalitarian model” developed (among others) by Carl Friedrich and Zbigniew Brzezinski [Friedrich, Brzezinski] posited that “democracy” represented by the US was a perfect counterpoint to “totalitarianism” represented by the USSR. The US represented “government by the will of the people” and the USSR represented “government against the will of the people”. Friedrich and Brzezinski asserted that the US encouraged citizens to think for themselves, whereas Soviet citizens were told what to think. This view of the world divided between “good guys” and “bad guys” was grossly simplistic, but it nevertheless had a profound resonance in Anglo-American thinking for a generation. In this context, it is not surprising that the dominant view was that Bolshevism was inherently authoritarian; that the 1917 Revolution was a coup d'état and the new regime always lacked popular legitimacy; and that Leninism led inevitably to Stalinism [Schapiro, 1955; Laue; Pipes; Malia].

Since the late 1960s, there have been various challenges to basic tenets of the totalitarian “revisionists” like Robert Tucker and Stephen Cohen argued that Leninism and Stalinism were different political phenomena, and that one did not lead inevitably to the other. Cohen argued most forcefully that Stalinism was a perversion of Leninism [Tucker, 1973; Cohen]. In the 1980s a second wave of revisionists from among social historians variously attributed the model. Early origins of dictatorship to Russian backwardness [Lewin] and the impact of the Civil War [Fitzpatrick]. Studies of 1917 challenged the notion of a coup d'état, and identified elements of popular support [Rabinowitch; Smith, 1983]. And yet, in the Anglo-American vision of the roots of the communist dictatorship, the figure of Joseph Stalin still looms large. It remains the dominant view both among “traditionalists” and most “revisionists” that Stalin's personal ambitions; his lust for power; his control of the party machinery; his revengefulness and fear of enemies; his predisposition to concentrate power in the political centre together played the central role in the emergence of the dictatorship. Stalin was the principal author of the Soviet variant of totalitarianism [Deutscher; Conquest; Tucker, 1990; Khlevniuk; Kotkin].

This paper will concentrate mostly on the aftermath of 1917, but the larger project will start at the turn of the twentieth century, not only to trace the origins of the Bolshevik party, but also to explore the domestic and international context both of the Revolution and of the descent into dictatorship. My first point is that the situation was fluid and no outcomes were inevitable. There were plenty of reasons to be guardedly optimistic about the prospects for democratic change in Russia. The broader

trend across the developed world had been towards democracy, towards the extension of a democratic suffrage. Russia was a relative latecomer in the process, hampered of course by an autocratic regime resistant to change, by low levels of popular education, the small middle class and so on, but the direction of change was promising. The Bolsheviks were not anti-democratic in principle. The conspiratorial party – seen by historians so often as the ‘genetic’ origin of the party dictatorship – was not an end in itself, but a necessary means to achieve a state that would rule in the interests of working people. And the history of the revolutionary movement in Russia was a history of political debate – principled and often angry debate – shifting coalitions and occasional compromise. That is an essential ingredient of democracy.

My second and much more significant point is that historians tend to exaggerate the clarity of the choice between “democracy” and “dictatorship” (or totalitarianism, or authoritarianism) in early twentieth-century Europe. We tend to forget that it was far from clear to contemporary observers what “democracy” was, and even if it was a good thing. We tend to forget, for example, that in 1917, at the time of the Revolution, only a minority of the adult population of Great Britain had the vote [Sternhell; LeBon; Spengler].¹ To get the vote, one needed to own property – a qualification specifically intended to exclude the working class. While there was a general acceptance that things had to be done to improve the living and working conditions of the labouring classes, a substantial part of the European elite – and middle class – were staunchly opposed to giving workers the vote. They did not think that working people were capable of understanding complex issues of policy and thus to vote in an informed way. In that sense, the views of the Bolshevik leadership were rather similar to those of many European conservatives. Bolsheviks tended to accept that the working classes of the Russian Empire were backward and that the process of educating them and drawing them into government would take generations. In reference then to the Cold War-era literature on early Soviet politics, historians tended to filter the story of early Bolshevik Russia through the lens of the contemporary scene where the world was divided between democratic “good guys” (Europe and America) and the authoritarian “bad guys” of the USSR. Presenting the evolution of the early Soviet state as a story of authoritarian figures defeating the democrats entirely overlooked the parlous state of democracy in Europe at the time of the October Revolution. Why should the Bolsheviks embrace some form of “liberal” democracy when so many Europeans considered it to be dangerous, ineffective and rotten? And yet they did not reject democracy as such.

The Bolsheviks took power in the name of working people. There is no reason to question their commitment to end the exploitation of la-

¹ In Britain, a series of reform acts between the 1830s and 1920s gradually abolished property and gender qualifications on the vote. Some European countries were ahead of Britain in enacting universal suffrage, but most were slower primarily because they thought that universal suffrage would lead to revolution, if not the end of western civilisation.

bour by capital. That was no simple task, though it was far simpler than establishing a new political order from scratch, to come up with an alternative to liberal, representative democracy. They had almost no time to grapple with such questions before the Civil War began in earnest. As students of past revolutions, they knew well that existing elites would do everything in their power to crush Bolshevik power. It would be necessary to respond to violence not just with violence, but also with unity and discipline. The fate of the February Revolution presented other lessons for the Bolsheviks.

Joseph Stalin. 1918. At the front of the Civil War

The insistence of the Provisional Government on procedural norms, the rule of law, consultation and discussion inhibited them from getting things done, and that contributed to the descent into chaos. Bolsheviks knew that if their revolution were to succeed in creating a participatory proletarian state, they would need a highly centralised, disciplined, fearless and ruthless organisation, at least in the first instance.

In this context, Bolshevik political practice in the context of the civil war and after was not lacking a democratic, liberationist impulse. Here I do not mean to brush the more authoritarian, dictatorial actions under the carpet so to speak – the creation of the Cheka and the Red Terror; disbanding the Constituent Assembly; the suppression of the Kronstadt rebellion; the factionalism rule, though most of these can be seen as fundamentally defensive moves rather than as expressions of the sort of state the Bolsheviks wanted to create. “Soviet” government – government rooted in Soviet structures, from local soviets up to the Central Executive Committee – showed an impulse to create a responsive, consultative, participatory political order. The problem was that it did not work. It was, perhaps, too consultative and participatory in the circumstances. Discussion of crucial issues took too long when decisive leadership was needed [Cook; McAuley; Rigby; Collins; Pietsch].

Again, historians are too quick to forget that in the context of the First World War, the “democratic” states of Europe suspended the work of parliamentary opposition and invoked what were called governments of national unity. These “democratic” regimes created political police forces to silence opposition to the war. They engaged in widespread surveillance and mass propaganda to sustain morale and shape popular opinion [Justifying War...; Holquist; Englander]. When the war ended, the democratic regimes radically restrained political policing and surveillance. They restored the role of the formal opposition. They lifted controls on the press and disbanded the apparatuses of propaganda. And they extended the franchise. But for the Bolsheviks, there was not the same sort of clear transition from war to peace. In places, the civil war dragged on until 1923. The war with Poland (1919–1921) was perceived as an extension of the civil war by proxy. European states made no secret of their anti-Communism, such that the Bolsheviks had the sense that a new intervention could occur at any time [Harris, 2007].

The Bolsheviks did not abandon the Soviet structures. Rather, they gradually grafted on party structures via party “fractions” that could pre-decide issues by means of party discipline. The rise of the Party as the new locus of decision-making was not part of some grand plan, nor was there a conscious drift away “democracy” towards “dictatorship”. There was no contradiction in Bolshevik minds between “democracy” and the “dictatorship” of the proletariat. The European “democracies” tended to offer the electorate a choice between parties of traditional elites and parties of “labour”, but the labour parties tended to be reformist, accepting the existence of capitalism, the practical dominance of the “bourgeoisie”, and the continued exploitation of labour by capital. “Bourgeois democracy” ruled in the interests of the bourgeoisie, whereas the “dictatorship” of the proletariat was more democratic (at least in theory) because it ruled in the interests of the broader mass of working people. The “Lenin Levy” and campaigns for “Soviet construction” were substantially about bringing representatives of the labouring masses into administration with the longer term aim of overcoming their political backwardness and encouraging a popular engagement in the revolutionary project. To the extent to which the Bolsheviks had a coherent vision of democracy, it was a vision of direct democracy, in which, to use Lenin’s phrase, “every scullery maid must learn to govern the state” [Ленин, с. 306–307].

So what happened to this “democratic” spirit across the 1920s? The historiography overwhelmingly points the finger of blame at Joseph Stalin. The standard explanation, which dominates to the present day, is that he sought to accumulate total power, and that he used his position as General Secretary of the Party and its power over appointments to build a personal following [Kotkin; Trotsky, 1940]. The standard explanation tells us that Stalin was able to demonise his opponents, end any meaningful “intra-party democracy” and thus establish a monolithic orthodoxy that he alone defined. But there are big problems with the standard explanation.

The first problem with the standard explanation is that the General Secretary's power over appointments did not put him in a position to pack party and state bodies with people who would be personally loyal to him. Here we need to remember that the Bolshevik party was completely transformed in the first decade after the revolution. At the time of the February Revolution, the Bolsheviks were a 20,000 strong band of generally well-educated professional revolutionaries. But by the middle of the 1920s, party membership exceeded 500,000. It was then a mass-based party of power, with much lower levels of education on average. Stalin's primary responsibility

Joseph Stalin. 1924. Speech at the Second All-Union Congress of Soviets

when he took over as General Secretary in 1922 was to establish a basic administration of party records, to distribute cadres to a network of regional organisations that was expanding at a blistering pace and to develop basic administrative skills and a smoothly functioning apparatus of government. The records of the Party Secretariat show that this organisation was barely able to cope with the task, and that they were, for the most part, assigning cadres “completely blindly” [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 140. Л. 30]. There is very little archival evidence that Stalin used the Secretariat to appoint people on the basis of their loyalty to him [Harris, 2005]. We have to look for explanations of the descent into dictatorship elsewhere.

To understand the closing down of party debate and the imposition of a single orthodoxy, we have to look beyond the personality and ambitions of one man, Joseph Stalin. It is most instructive to look again at the transformation of the Bolshevik party, at its massive growth and the staffing of a vast array of state and party bodies. The Bolsheviks did not have a clear idea of how to build an apparatus of state when they seized power. For years after the Revolution, the local government was in chaos and often unable to deliver the most basic administrative functions. Particularly after Sverdlov's death in 1919, Lenin relied on Stalin more than anyone else to bring

order out of the chaos. As Sverdlov had done, Stalin focused on setting out clear divisions of responsibility and clear hierarchies of responsibility. He earned a reputation as a “centraliser”, though there is little reason to conclude he was building central power for its own sake or to build a dictatorship. His analysis of the challenges of local administration had Lenin’s support, and though Lenin criticised him on occasion for heavy-handed tactics, there was no division between the two on the centralising strategy [Smith, 1998; Suny, p. 210–212].²

Of course there were groups and individuals who objected to the tendency to centralism and pressed for various forms of democratic change as soon as the tide of the Civil War shifted in the Bolsheviks’ favour. Nikolai Osinskii, Timofei Saprionov and others coalesced in a loose organisation known as the Group of Democratic Centralism, arguing that War Communism had fed an excessive and “bureaucratic” concentration of power in the centre. They favoured a radical decentralisation of power and the “popular participation of the workers in government and economic administration as the most vital precondition of socialist construction” [Kowalski, p. 3; Daniels, ch. 4; Remington, p. 115–116]. The Workers’ Opposition, led by Alexander Shliapnikov, picked up their mantle in the early 1920s, again railing against centralisation and proposing that workers should elect councils that would direct the economy. Both groups had their supporters in the Party, but neither had enough support to shift the prevailing sentiment in favour of centralism and the enforcement of a single political line imposed from above. The argument against rushing democratic reform was reasonably clear and sensible. The Civil War was more or less over, but the industrial economy was a shambles, running at around fifteen percent of its pre-war capacity and desperately in need of investment. The countryside was in the grips of famine through 1922. The war with Poland (1919–1921) and various plots uncovered by the political police signalled to many Bolsheviks that the threat of counter-revolution remained very real. Giving control over a decimated economy to decentralised councils elected by illiterate and semi-literate workers was fraught with risks. There was nothing particularly “unbolshevik” in the proposals. They were just inappropriate to the current circumstances.

But when would the time be right for democratic reforms? By 1923, the New Economic Policy (NEP) was driving a clear recovery in the industrial economy. The famine had been brought to a close. The threat of counter-revolution had not especially receded, but there were high hopes for communist revolution in Europe. Trotsky made that case, as lead signatory of the *Declaration of the 46* (October 1923) and author of a *New Course* for the Party (December 1923). Trotsky had not supported the Democratic Centralists or the Worker’s Opposition. Indeed he had contributed to their defeat, though his 1923 proposals echoed certain elements of the platforms of these earlier groups [Priestland, ch. 1]. Trotsky argued that the current system of centralised command was choking off discussion in the Party.

² Most famously Lenin criticised Stalin for his conduct in the so-called “Georgian Affair”.

The emerging gulf between the secretaries who issued the commands (*verkhi*) and the rank and file who had to implement them (*nizy*) was not only causing discontent in the lower orders of the Party. More significantly, it was preventing the correction of mistakes made by the centre in the elaboration of NEP. Among other things, Trotsky demanded the election of all party committees by their members [Trotsky, 1943].³

Did Trotsky foresee and try to stop the emergence of a communist dictatorship? That is what Trotsky wanted people to think: over the years many historians have substantially accepted his accounts, but the archives indicate that they were more than a little self-serving. He was ill through much of 1923 with the consequences of malaria, attending the meetings of the Politburo infrequently. At the time, top party leaders were working long hours to address the problems of the emergent quasi-capitalist system of NEP: the Scissors Crisis, the structure of foreign trade, the role of trades unions and so on. Trotsky was given responsibility for perhaps the most important question: the organisation of industry. His work, largely completed at home and apart from the rest of the Politburo, increasingly turned him against NEP and its emphasis on the trade between town and countryside. When he presented his proposals to the Politburo, they were clearly incompatible with the direction his colleagues were taking, and they demanded changes [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 337; Д. 339. Л. 4, 342]. It was a fascinating moment because the transition to NEP had been difficult and fraught with crisis and controversy. For the first time, in the summer of 1923, there were signs that NEP might generate economic growth that could compensate for the compromise with “capitalist elements” [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 470; Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 56–62] but just at that moment, Trotsky was rallying the doubters.

The Politburo majority was horrified that their influential but largely absentee colleague was trying to undermine the immense work that they had undertaken in the previous nine months. In order to iron out some kind of workable compromise, they held a series of meetings with Trotsky, often at his flat in light of his continuing illness [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 476. Л. 4]. In early December, they thought they had settled on a mutually agreeable formulation, but within days, Trotsky began to publish the New Course articles in Pravda [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 400. Л. 1]. Stalin and the rest of the majority were furious. Trotsky seemed to be signalling his intention publicly to disagree with the policy platform he had only just agreed to. In short, in advocating freedom of policy discussion, elections to party bureaus and closing the gulf between the *verkhi* (bosses) and *nizy* (rank and file), he was not promoting democratic principles so much as identifying a way to rally the rank and file against the leadership. Stalin and the other members of the majority made it clear that they were not opposed to the electoral principle in party committees, but in the current conditions it was not going to be possible in all committees, every time

³ It was originally printed as a series of articles in Pravda in December 1923.

[Сталин, с. 368–369; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2569. Л. 71 (Сталин); Ф. 17. Оп. 84. Д. 476. Л. 9–10 (Бухарин); Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 63–72 (Дзержинский)]. In that regard, Stalin and the majority had ample support among party secretaries in district and provincial party organisations throughout the Soviet Union

Local organisations were prone to dysfunction, and Trotsky's demands were doomed to make matters worse. In the early 1920s, Stalin's Secretariat had standardised a clarified the responsibilities of local organisations, but infighting (*skloki*) remained a serious problem. Relations between Soviets and their executive committees (*ispolkomy*) frequently broke down. Soviet executive committees' relations with parallel party committee were often tense. District committees did not always get along with their bosses in the guberniia committees and so on. Most *skloki* were rooted in personality clashes, but they were exacerbated by lingering confusion about who was responsible for what, and the grave challenges of local governance in the early 1920s. Establishing an effective local administration and rebuilding the local economy after years of war, amidst famine in the countryside and mass unemployment in the cities, was always going to be an immensely difficult task, made even more difficult by meagre budgets and shortages of cadres with basic administrative skills. The challenges bred resentments, provoked infighting and the conflicts tended to paralyse organisations bringing their work to a standstill [Getty, ch. 5; Davies, Harris, ch. 1].

In this context, Trotsky's proposals were seen as a recipe for disaster [ДАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 19; Д. 47. Л. 54; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 45. Л. 9; Ф. 8. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–2]. Given the extremely low educational levels of the local party rank and file, giving them the power to elect party secretaries was likely to make a difficult situation even worse. Talented and experienced cadres were in extremely short supply such that it made sense that they should be assigned to organisations where the need was greatest. Where *skloki* paralysed organisations, moving the embattled cadres to another organisation was the preferred strategy [ДАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 12; Д. 44. Л. 6, 60; Д. 45. Л. 1, 6; ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 190. Л. 42–42 об]. Trotsky had demanded not only elections to all party committees, but also the end of *naznachenstvo*: the power of party cadre departments to assign party officials with organisations under their purview. It might have worked in Moscow or Petrograd where there was a much higher concentration of educated and experienced officials, but in the provinces, Trotsky's proposals looked like a serious threat to the basic administrative stability and early signs of economic growth that had only just emerged.

It is important to note that this does not mean that there was any principled opposition to democratic reform either in the Politburo majority or in the provinces. There was only recognition that it was premature. Both in the centre and the provinces there were serious and sustained efforts to train and promote new cadres. The majority acceded to Trotsky's call from the *New Course* of December 1923 to draw hundreds of thousands

of industrial workers into the Party. From the autumn of 1923, there was a campaign to monitor party bosses and to remove those who used their positions for personal gain. There were renewed efforts to encourage members of the public to attend party meetings and for party secretaries at all levels to make regular public speeches on the work of their organisations. They were directed to form networks of “study circles” in which the members of the public could learn more about and discuss party policy. There is plenty of evidence of a serious effort to prevent the emergence of a self-serving, authoritarian ruling caste, and to encourage members of the public to take an interest in what their government was doing [КПСС в резолюциях...]. The actions of the Politburo majority were consistent with Lenin’s injunction that “every scullery maid must learn to govern the state”. They were consistent too with a growing body of contemporary opinion in Europe that giving the vote to the ill-educated, “immature” working masses was a threat to political stability.

But when would the time be right to reverse the centralisation of power and allow the masses to exercise the skills the state was encouraging them to develop? There was never a shortage of reasons to put it off. Internal and external threats to the Revolution remained grave, at least in the eyes of the Soviet leadership. The demands of leadership and administration became ever more complex, especially with the beginning of the Five-Year plans in the late 1920s. The growing need for specialised skills and knowledge made Lenin’s hopes for the scullery maid seem naïve. In the provinces, the principal focus of party and state officials remained unchanged. Stable administration and economic growth took precedence over open policy discussion. Indeed the two were seen to be in conflict. Trotsky did not stop attacking the Politburo majority, and every subsequent episode in the dispute brought complaints that the progress of their practical work was disrupted. They enthusiastically responded to the majority’s calls for party unity and discipline, and raised few objections when, in 1927, Trotsky was ultimately expelled from the Party.

My intention here is not to absolve Stalin of responsibility for the descent into dictatorship, but rather to observe that the focus on the actions and intentions of one man results in a gross simplification of events. I have tried to argue here that the Anglo-American scholarship has tended to assert that there was a clear choice for the Bolsheviks between “democracy” and “dictatorship”, and that they opted for dictatorship. My first point was that democratic change in Europe at the turn of the twentieth century was fraught with controversy, and in a moment of crisis during the First World War democratic development was reversed in important respects. Soviet Russia was developmentally much farther behind Britain, France, Germany and other “democratic” states, and in a much more profound political crisis. In the first decade of Soviet power, Bolshevik leaders considered various institutional structures and pathways to embed a different vision of democracy, but they commonly accepted that it would take

generations to achieve. And because the end of the civil war did not end the sense of threat and crisis, they remained focused on the importance of discipline and unity. That combined with the transformation of the Party from a narrow group of professional revolutionaries to a mass party of power, and the subsequent weakness of commitment to open party discussion, particularly at the subnational level, gave Stalin the opportunity indefinitely to delay democratic development and to develop instead the mobilisational state that would carry out the “Great Break”. The strange coincidence in 1936 of the introduction of elections to party organisations on the one hand, with the beginning of the “great terror” is the subject of my on-going research.

Список литературы

- ДАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5; Д. 47; Ф. 1, Оп. 1, Д. 43; Д. 44; Д. 45.
 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3 (1922–1925). М. : Политиздат, 1986. 494 с.
- Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 4-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1966. Т. 34. С. 256–257.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 140; Ф. 17. Оп. 3. Д. 337; Д. 339; Ф. 17. Оп. 84. Д. 470; Ф. 17. Оп. 171. Д. 26; Ф. 17. Оп. 84. Д. 476; Ф. 17. Оп. 3. Д. 400. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2569; Ф. 17. Оп. 84. Д. 476; Ф. 17. Оп. 171. Д. 26.
- Сталин И. В.* Сочинения : в 50 т. Т. 7. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1952. 424 с.
 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 45; Ф. 8. Оп. 1. Д. 42; Ф. 1494. Оп. 1. Д. 190.
- Carr E. H.* The Russian Revolution from Lenin to Stalin. L. : Macmillan, 1979. 200 p.
- Cohen S. F.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: a Political Biography, 1888–1938. N. Y. : A. A. Knopf, 1973. 519 p.
- Collins D.* The Russian Red Guard of 1917 and Lenin’s Utopia // J. of Russian Studies. 1976. № 1. P. 3–12.
- Conquest R.* The Great Terror: Stalin’s Purge of the Thirties. L. : Macmillan, 1968. 633 p.
- Cook L.* Collegiality in the People’s Commissariats, 1917–1920 // Revolutionary Russia. 2013. № 1. P. 1–31.
- Daniels R. V.* The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1960. 524 p.
- Davies S., Harris J.* Stalin’s World: Dictating the Soviet Order. N. Haven : Yale Univ. Press, 2014. 340 p.
- Deutscher I.* Stalin: A Political Biography. L. : Oxford Univ. Press, 1949. 600 p.
- Englander D.* Military Intelligence and the Defense of the Realm: the Surveillance of Soldiers and Civilians in Britain during the First World War // Bulletin of the Society for the Study of Labour History. 1987. № 1. P. 24–32.
- Fitzpatrick S.* The Civil War as a Formative Experience // Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution / eds. A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington, Ind. : Indiana Univ. Press, 1989. 305 p.
- Friedrich C., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge ; Mass. : Harvard Univ. Press, 1956. 346 p.
- Getty J. A.* Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars and the Persistence of Tradition. N. Haven : Yale Univ. Press, 2013. 359 p.
- Gill G.* The Origins of the Stalinist Political System. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1990. 454 p.
- Harris J.* Encircled by Enemies: Stalin’s Perceptions of the Capitalist World, 1918–1941 // J. of Strategic Studies. 2007. № 3. P. 513–545.

Harris J. Stalin as General Secretary: The Appointments Process and the Nature of Stalin's Power // *Stalin: A New History* / eds. S. Davies, J. Harris. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005. P. 63–82.

Holquist P. Information is the Alpha and Omega of Our Work: Bolshevik Surveillance in its Pan European Context // *J. of Modern History*. 1997. № 3. P. 415–450.

Justifying War: Propaganda, Politics and the Modern Age / eds. by J. Fox, D. Welch. Basingstoke : Macmillan, 2012. 397 p.

Khlevniuk O. Master of the House: Stalin and His Inner Circle. N. Haven : Yale Univ. Press, 2009. 313 p.

Kotkin S. Stalin: Volume I. Paradoxes of Power, 1878–1928. N. Y. : Penguin, 2014. 976 p.

Kowalski R. The Bolshevik Party in Conflict: The Left Communist Opposition of 1918. Basingstoke : Macmillan, 1991. 244 p.

Laue T. H. Von. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930. Philadelphia : Lippincott, 1964. 242 p.

LeBon G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. L. : T. Fisher Unwin, 1896. 230 p.

Lewin M. State, Society and Ideology during the First Five-Year Plan // *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931* / ed. by S. Fitzpatrick. Bloomington ; Indiana : Indiana Univ. Press, 1978. 309 p.

Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. N. Y. : Free Press, 1994. 575 p.

McAuley M. Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917–1922. Oxford : Oxford Univ. Press, 1991. 461 p.

Pethybridge R. The Social Prelude to Stalinism. L. : Macmillan, 1974. 343 p.

Pietsch W. Revolution und Staat. Institutionen als Träger der Macht in Sowjetrußland 1917–1922. Cologne : Verlag Wissenschaft und Politik, 1969. 214 p.

Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. London : A. A. Knopf, 1993. 587 p.

Priestland D. Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power and Terror in Inter-war Russia. Oxford : Oxford Univ. Press, 2007. 487 p.

Rabinowitch A. The Bolsheviks Come to Power: the Revolution of 1917 in Petrograd. N. Y. : W. W. Norton, 1976. 393 p.

Remington T. Building Socialism in Bolshevik Russia : Ideology and Industrial Organisation, 1917–1921. Pittsburgh : Pittsburgh Univ. Press, 1984. 221 p.

Rigby T. H. Lenin's Government: Sovnarkom 1917–1922. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1979. 320 p.

Schapiro L. 1917: The Russian Revolutions and the Origins of Present-day Communism. Hounslow : Maurice Temple Smith, 1984. 239 p.

Schapiro L. The Origin of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State, First Phase, 1917–1922. L. : G. Bell and Sons, 1955. 397 p.

Service R. The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organisational Change, 1917–1923. Basingstoke : Macmillan, 1979. 246 p.

Smith J. The Georgian Affair of 1922 : Policy Failure, Personality Clash or Power Struggle? // *Europe-Asia Studies*. 1998. № 3. P. 519–544.

Smith S. A. Red Petrograd : Revolution in the Factories, 1917–18. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1983. 347 p.

Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Wien : Braumüller, 1918. 414 p.

Suny R. G. The Making of the Georgian Nation. Bloomington ; Indiana : Indiana Univ. Press, 1994. 448 p.

The Intellectual Revolt Against Liberal Democracy, 1870–1945 / ed. by Z. Sternhell. Jerusalem : Israel Academy of Sciences and Humanities, 1996. 397 p.

Trotsky L. Stalin: an Appraisal of the Man and His Influence. L. : Harper, 1940. 516 p.

Trotsky L. The Struggle for the New Course. N. Y. : N. Intern. Publ. Co., 1943. 265 p.

Tucker R. C. Stalin as Revolutionary, 1879–1929: a Study in History and Personality. N. Y. : W. W. Norton, 1973. 568 p.

Tucker R. C. Stalin in Power: the Revolution from Above, 1928–1941. N. Y. : W. W. Norton, 1990. 707 p.

References

- Carr, E. H. (1979). *The Russian Revolution from Lenin to Stalin*. L., Macmillan. 200 p.
- Cohen, S. F. (1973). *Bukharin and the Bolshevik Revolution: a Political Biography, 1888–1938*. N. Y., A. A. Knopf. 519 p.
- Collins, D. (1976). The Russian Red Guard of 1917 and Lenin's Utopia. In *J. of Russian Studies*. No. 1, pp. 3–12.
- Conquest, R. (1968). *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. L., Macmillan. 633 p.
- Cook, L. (2013). Collegiality in the People's Commissariats, 1917–1920. In *Revolutionary Russia*. No. 1, pp. 1–31.
- Daniels, R. V. (1960). *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press. 524 p.
- Davies, S., Harris, J. (2014). *Stalin's World: Dictating the Soviet Order*. N. Haven, Yale Univ. Press. 340 p.
- DAVO [State Archive of the Vinnytsia Region]. Stock 1. List 1. Dos. 5; Stock 1. List 1. Dos. 43; Dos. 44; Dos. 45.
- Deutscher, I. (1949). *Stalin: A Political Biography*. L., Oxford Univ. Press. 600 p.
- Englander, D. (1987). Military Intelligence and the Defense of the Realm: the Surveillance of Soldiers and Civilians in Britain during the First World War. In *Bulletin of the Society for the Study of Labour History*. No. 1, pp. 24–32.
- Fitzpatrick, S. (1989). The Civil War as a Formative Experience. In Gleason, A., Kenez P., Stites R. (Eds.). *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington, Ind., Indiana Univ. Press. 305 p.
- Fox, J., Welch, D. (Eds.) (2012). *Justifying War: Propaganda, Politics and the Modern Age*. Basingstoke, Macmillan. 414 p.
- Friedrich, C., Brzezinski, Z. (1956). *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press. 346 p.
- Getty, J. A. (2013). *Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars and the Persistence of Tradition*. N. Haven, Yale Univ. Press. 359 p.
- Gill, G. (1990). *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 454 p.
- Harris, J. (2005). Stalin as General Secretary: The Appointments Process and the Nature of Stalin's Power. In Davies S., Harris J. (Eds.). *Stalin: A New History*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 295 p.
- Harris, J. (2007). Encircled by Enemies: Stalin's Perceptions of the Capitalist World, 1918–1941. In *J. of Strategic Studies*. No. 3, pp. 513–545.
- Holquist, P. (1997). Information is the Alpha and Omega of Our Work: Bolshevik Surveillance in its Pan European Context. In *J. of Modern History*. No. 3, pp. 415–450.
- Khlevniuk, O. (2009). *Master of the House: Stalin and His Inner Circle*. N. Haven, Yale Univ. Press. 313 p.
- Kotkin, S. (2014). *Stalin: Volume I. Paradoxes of Power, 1878–1928*. N. Y., Penguin. 976 p.
- Kowalski, R. (1991). *The Bolshevik Party in Conflict: The Left Communist Opposition of 1918*. Basingstoke, Macmillan. 244 p.
- KPSS v rezoliutsiakh i resheniakh s'ezdov, konferentsii i plenimov TsK (1898–1986) (1986) [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. T. 3 (1922–1925). Moscow, Politizdat. 494 p.
- Laue, T. H. Von. (1964). *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930*. Philadelphia, Lippincott. 242 p.
- LeBon, G. (1896). *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. L., T. Fisher Unwin. 230 p.
- Lenin, V. I. (1966). Uderzhat li bolsheviki gosudarstvennuiu vlast'? [Can the Bolsheviks Retain State Power?]. In *Polnoe sobranie sochinenij*. Izd. 4. T. 34. Moscow, Politizdat, pp. 306–307.

Lewin, M. (1978). *State, Society and Ideology during the First Five-Year Plan*. In Fitzpatrick S. (Ed.). *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931*. Bloomington, Ind., Indiana Univ. Press. 309 p.

Malia, M. (1994). *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. N. Y., Free Press. 575 p.

McAuley, M. (1991). *Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917–1922*. Oxford, Oxford Univ. Press. 461 p.

Pethybridge, R. (1974). *The Social Prelude to Stalinism*. L., Macmillan. 343 p.

Pietsch, W. (1969). *Revolution und Staat. Institutionen als Trager der Macht in Sowjetrußland 1917–1922*. Cologne, Verlag Wissenschaft und Politik. 214 p.

Pipes, R. (1993). *Russia under the Bolshevik Regime*. N. Y., A. A. Knopf. 587 p.

Priestland, D. (2007). *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power and Terror in Inter-war Russia*. Oxford, Oxford Univ. Press. 487 p.

Rabinowitch, A. (1976). *The Bolsheviks Come to Power: the Revolution of 1917 in Petrograd*. N. Y., W. W. Norton. 393 p.

Remington, T. (1984). *Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organisation, 1917–1921*. Pittsburgh, Pittsburgh Univ. Press. 221 p.

Rigby, T. H. (1979). *Lenin's Government: Sovnarkom 1917–1922*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 320 p.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-economic History]. Stock 17. List 69. Dos. 140; Stock 17. List 3. Dos. 337; Dos. 339; Stock 17. List 84. Dos. 470; Stock 17. List 171. Dos. 26; Stock 17. List 84. Dos. 476; Stock 17. List 3. Dos. 400; Stock 558. List 1. Dos. 2569; Stock 17. List 84. Dos. 476; Stock 17. List 171. Dos. 26.

Schapiro, L. (1955). *The Origin of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State, First Phase, 1917–1922*. L., G. Bell and Sons. 397 p.

Schapiro, L. (1984). *1917: The Russian Revolutions and the Origins of Present-day Communism*. Hounslow, Maurice Temple Smith. 239 p.

Service, R. (1979). *The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organisational Change, 1917–1923*. Basingstoke, Macmillan. 246 p.

Smith, J. (1998). The Georgian Affair of 1922. Policy Failure, Personality Clash or Power Struggle? In *Europe-Asia Studies*. No. 3, pp. 519–544.

Smith, S. A. (1983). *Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917–18*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 347 p.

Spengler, O. (1918). *Der Untergang des Abendlandes*. Wien, Braumüller. 414 p.

Stalin, I. V. (1952). *Sochineniya*. T. VII. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 424 p.

Sternhell, Z. (1996). *The Intellectual Revolt Against Liberal Democracy, 1870–1945*. Jerusalem, Israel Academy of Sciences and Humanities. 397 p.

Suny, R. G. (1994). *The Making of the Georgian Nation*. Bloomington, Ind., Indiana Univ. Press. 448 p.

Trotsky, L. (1940). *Stalin: an Appraisal of the Man and His Influence*. L., Harper. 516 p.

Trotsky, L. (1943). *The Struggle for the New Course*. N. Y., N. Intern. Publ. Co. 265 p.

TsDOOSO [Center for Documentation of Social Organizations of Sverdlovsk Region]. Stock 4. List 2. Dos. 45; Stock 8. List 1. Dos. 42; Stock 1494. List 1. Dos. 190.

Tucker, R. C. (1973). *Stalin as Revolutionary, 1879–1929: a Study in History and Personality*. N. Y., W. W. Norton. 568 p.

Tucker, R. C. (1990). *Stalin in Power: the Revolution from Above, 1928–1941*. N. Y., W. W. Norton. 707 p.

The article was submitted on 17.01.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.246

УДК 342.843(470)"19"+342.843(4-01)"19"+342.81(470)"19"

**РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНЗЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.:
БУКВА ЗАКОНА И РЕАЛЬНОСТЬ***

Марина Саламатова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления,
Новосибирск, Россия

**VOTING QUALIFICATIONS IN RUSSIA AND ABROAD
IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY:
THE LETTER OF THE LAW AND REALITY**

Marina Salamatova

Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia

This article examines the evolution of electoral qualifications in Russia and European countries in the first third of the 20th century. The analysis of restrictions on voting in pre-revolutionary and Soviet Russia, as well as other countries, is made with reference to a wide range of sources: legislative acts, official statistics, and unpublished archival documents kept in the central and regional Russian archives. The author analyses typical documents (administrative documents, minutes and resolutions, reports, memoranda, information documents) from the funds of the People's Commissariat of Internal Affairs, the All-Russian Central Executive Committee, and the Central Committee of the Party, which helps her determine the number of persons subject to the deprivation of rights, the functions of qualifications in the Soviet electoral system, and the features of their application. Additionally, the author compares Russian

* *Citation:* Salamatova, M. (2017). Voting Qualifications in Russia and abroad in the First Third of the 20th Century: The Letter of the Law and Reality. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 708–726. DOI 10.15826/qr.2017.3.246.

Цитирование: Salamatova M. Voting Qualifications in Russia and abroad in the First Third of the 20th Century: The Letter of the Law and Reality // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 708–726. DOI 10.15826/qr.2017.3.246 / Саламатова М. Российские и зарубежные избирательные цензы в первой трети XX в.: буква закона и реальность // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 708–726. DOI 10.15826/qr.2017.3.246.

and foreign voting qualifications, which clarifies the similarities and peculiar features of their respective electoral systems. It is demonstrated that the voting qualifications of pre-revolutionary Russia, though having certain characteristics of their own, were otherwise consistent with the main trends in the development of the electoral systems of the European states of the early 20th century, while Soviet voting qualifications were among the most original ones in the world and considerably differed from electoral systems elsewhere. Soviet voting qualifications did not comply with the established principles of suffrage limitations around the world. The Bolsheviks radically democratised and abolished the generally accepted qualifications and, simultaneously, introduced restrictions untypical of other electoral systems (employment restrictions making it impossible for the unemployed to vote). Voter eligibility requirements were not only different from the global ones in their content but functionally too. The body responsible for imposing electoral restrictions in Soviet Russia performed a number of functions that were not characteristic of an electoral system in general. Instead of preventing the institutionally disaffected groups from taking part in voting, it was used as an instrument of social and political pressure on the economically active part of society, becoming a significant part of the discrimination policy of the state. This conditioned the connection of suffrage with limitations of a social and economic nature.

Keywords: voting qualifications; electoral system; electoral body; discrimination policy.

Предметом исследования является эволюция избирательных цензов в России и европейских странах в первой трети XX в. Ограничения избирательных прав в дореволюционной и советской России, а также в зарубежных странах изучаются на основе широкого круга источников: законодательных актов, материалов официальной статистики, неопубликованных документов из центральных и региональных российских архивов. Анализ традиционных для делопроизводства государственной и партийной власти документов из различных фондов (распорядительных, протокольно-резолютивных, отчетных, докладных, информационных) позволяет определить численность лиц, подлежавших лишению прав, функции цензов в советской избирательной системе, особенности их применения. Компаративистский анализ российских и зарубежных цензов конкретизирует их общие и специфические черты, роль в избирательных системах. Показано, что избирательные цензы дореволюционной России, обладая рядом особенностей, соответствовали европейским электоральным практикам начала XX в. и выборным традициям России. Советские избирательные цензы разрывали сложившиеся принципы установления ограничений избирательных прав в мире. Большевики радикально демократизировали и отменили общепринятые в электоральной практике цензы, одновременно ввели ограничения прав, не свойственные другим избирательным системам (трудовой ценз). Избирательные

цензы, помимо содержательных, имели значимые функциональные различия с мировой электоральной практикой. Институт лишения избирательных прав в Советской России выполнял не свойственные избирательной системе функции: вместо превентивного отстранения от участия в выборах неояльных власти групп он использовался как способ социально-экономического давления на хозяйственно активные слои населения, став важной частью дискриминационной политики государства. Это обусловило взаимосвязь избирательных прав с ограничениями социально-экономического характера.

Ключевые слова: избирательные цензы; избирательная система; электоральный корпус; дискриминационная политика.

Выборы – одна из важнейших ценностей современного общества, определяющая способы взаимодействия населения с властью. К числу наиболее значимых аспектов выборов относится определение круга их участников. Всеобщность выборов столетие назад была лишь требованием в программах большинства европейских социал-демократических партий. Интерес к истории избирательных цензов связан с переосмыслением политических и избирательных систем, роли представительных учреждений.

Изучение эволюции избирательных цензов в дореволюционной России происходило в рамках исследований, посвященных выборам в Государственную думу, земским учреждениям, истории представительных органов [Аврех; Демин; Кирьянов, Лукьянов]. Исключением стали работы правоведов 1920-х гг., для которых при всей методологической ограниченности был характерен более широкий подход к изучению эволюции цензов в контексте развития избирательных систем в мире [Бродович; Гурвич; Стучка]. В дальнейшем советская избирательная система рассматривалась правоведами как совершенная, «подлинно» демократичная, а действовавшие цензы только подтверждали ее превосходство по сравнению с буржуазными, поскольку отстраняли от участия в выборах незначительную часть населения [Василенков; Ким; Лепешкин]. Историки обосновывали целесообразность кратковременного введения ограничений избирательных прав классовым подходом – необходимостью подавления сопротивления «эксплуататорских классов» [Архипов; Морозов; Трифионов].

В последние два десятилетия цензы активно изучались в работах, посвященных ограничению избирательных прав. Институт лишения избирательных прав в Советской России пережил настоящий «исследовательский бум». В зарубежной историографии он рассматривается как способ преобразования российского общества в контексте социальной и репрессивной политики советского государства [Alexopoulos; Fitzpatrick; Kimerling]. В работах отечественных исследователей изучены разнообразные аспек-

ты применения советских цензов: от формирования политики по отношению к лишенным избирательных прав и особенностей ее реализации в различных регионах до социальных портретов различных групп «лишенцев», особенностей их поведения и процесса адаптации в обществе [Валуев; Морозова; Смирнова; Серокурова; Маргиналы в социуме]. Лишение избирательных прав являлось неотъемлемой частью советской электоральной системы, и для осмысления ее сущностных особенностей важно определить реальное значение и функции избирательных цензов. Рассмотрение российских избирательных цензов в широком компаративном аспекте, учитывающем развитие электоральных систем зарубежных стран первой трети XX в., может способствовать преодолению некоторой ограниченности исследований, посвященных лишению прав.

Цензы в российской и европейской практике начала XX в.

В современном правоведении под избирательными цензами принято понимать условия, которым должен соответствовать человек, чтобы реализовать избирательное право [Макарцев, с. 32]. Среди цензов выделяют технические, охранные и дискриминационные. *Технические* (в некоторых классификациях *естественные*) цензы выводят из числа избирателей недееспособных и несовершеннолетних лиц, а также не имеющих гражданства или постоянного места жительства. *Охранные* относятся к лицам, влияние которых на политику признается опасным или нежелательным для государственного строя (военнослужащим, государственным служащим, банкротам, должникам, осужденным). *Дискриминационные* направлены на ограничение избирательных прав лиц со слабой социально-правовой защищенностью. К таковым относят использование гендерного (отстранение женщин от выборов) и имущественного цензов [Сравнительное избирательное право, с. 16].

В российской дореволюционной избирательной практике широко использовались все перечисленные виды цензов. С помощью технических цензов отстранялись молодежь, кочевые народы и лица, состоявшие под опекой. При этом возрастной ценз в России был довольно высоким и охватывал молодежь до 25 лет [Положение о выборах в Государственную Думу, ст. 6, 7]. Охранные цензы чрезвычайно широко трактовались в Российской империи, охватывая самые разнообразные категории избирателей – от военных, состоявших на действительной службе, и представителей администрации – губернаторов, вице-губернаторов, градоначальников, их помощников и полицейских до лиц, признанных виновными в «порочащих» преступлениях, банкротов и лишенных духовного сана за пороки [Там же].

Наиболее массовым было действие дискриминационных цензов в российской дореволюционной системе: от участия в выборах отстранялось женское население страны. Наибольшим своеобразием в Российской империи обладал имущественный ценз. Правила его использования были чрезвычайно сложными, они определялись с учетом традиционной для царской России сословно-куриальной системы. В. А. Демин, анализируя проекты Положения о выборах 1905 г. и историю создания цензов, отмечает, что основная масса цензов в законе о выборах в Государственную думу была позаимствована из положений о земских выборах 1864 г. и Городового положения 1870 г. [Демин, с. 15]. Избиратели делились на курии и разряды в куриях, и к ним предъявлялись различные имущественные требования. Примечательно, что для третьей и четвертой курии (крестьян и рабочих) имущественный ценз не устанавливался вовсе, однако сами выборы были, соответственно, трех- и четырехстепенными. Имущественный ценз в дореволюционной России правильнее было бы называть сословно-имущественным, он восходил к средневековым традициям и в несколько модернизированном виде воспроизводил сословно-куриальную систему выборов.

Современники не скупались на критические отзывы, наиболее яростной критике система подвергалась представителями левых партий. Типичным было мнение, высказанное одним из лидеров меньшевистской партии Ф. И. Даном: «Среди избирательных систем всего мира русский избирательный закон занимает совершенно исключительное место. В нем собрано все, что есть наихудшего в какой-либо избирательной системе, измышления врагов народа всех племен и наречий послужили для правительства» [Дан, с. 2]. Бесспорно, что введение такой избирательной системы мало соответствовало ожиданиям левых радикальных партий. В программе РСДРП, принятой в 1903 г., содержалось требование «сосредоточения всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания», избранного на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права «всех граждан и гражданок, достигших двадцати лет» [Программа РСДРП].

Современные исследователи также весьма критично оценивают дореволюционные избирательные цензы, считая их «крайне архаичными» [Демин, с. 47]. Насколько справедливыми являются подобные суждения?

В начале XX в. в европейских государствах повсеместно использовались технические, охранительные и дискриминационные цензы.

В большинстве европейских стран в этот период действовал высокий *возрастной ценз*: в Англии, США, Италии, Франции, Португалии – 21 год, Австрии и Венгрии – 24 года, а в Бельгии, Германии, Голландии, Испании – 25 лет [Выборы во всем мире, с. 11–174; Craig, p. 13–20]. Активное избирательное право начиналось не ранее 21 года – возраста полного совершеннолетия, когда человек полу-

чал право вступать во владение наследством, мог совершать сделки и т. д. Этот ценз только после Второй мировой войны стал восприниматься как анахронизм. Понижение возрастного ценза до 18–19 лет началось в 1960–1970-е гг. (в Австрии возрастной ценз опустился в 1968 г., в Великобритании – в 1969 г., в ФРГ – в 1970 г., в США – в 1971 г., во Франции – в 1974 г., в Италии – в 1975 г., в Испании – в 1978 г., в Бельгии в – в 1979 г.) [Выборы во всем мире, с. 11–373; Craig, p. 13–20, 22–23; Chronicle of Parliamentary Elections, p. 94–261]. На общемировом фоне установление высокого возрастного ценза (25 лет) для участия в выборах в Государственную думу в Российской империи выглядело вполне обыденным.

Гендерный ценз, ограничивающий участие женщин на выборах, также был общепринятым. До 1917 г. женщины имели право участвовать в выборах лишь в Новой Зеландии, Австралии, Австрии, Дании, Исландии, Норвегии и Финляндии [Выборы во всем мире, с. 11–373]. В конце XIX в. женщины Англии и США получили избирательное право только на выборах в местные органы власти [Craig, p. 13–20, 22–23; Сравнительное избирательное право, с. 33]. В большинстве развитых европейских государств женщины получили избирательные права в результате длительной борьбы, в Англии – в 1918 г., в Германии и Венгрии – с 1919 г., в Испании – в 1931 г., во Франции и Италии — в 1945 г., в Бельгии – в 1948 г., и в Швейцарии лишь в 1971 г. [Выборы во всем мире, с. 11–373; Craig, p. 13–20, 22–23; Chronicle of Parliamentary Elections, p. 94–261]. Ограничение женского населения в избирательных правах в дореволюционной России вполне вписывалось в тенденции развития электральных систем начала XX в.

Ценз оседлости (постоянного проживания) не является редкостью до сегодняшнего дня во многих развитых демократических государствах, а в начале XX в. был общепринятым. Например, в ФРГ в определенной местности необходимо проживать не менее трех месяцев, во Франции – полгода [Выборы во всем мире, с. 11–373]. Наличие данного ценза на выборах объясняется необходимостью проживания в городе, районе (общине) с целью знакомства со спецификой, проблемами данной местности. Применение ценза оседлости имело в дореволюционной России определенную специфику. Помимо отстранения от выборов граждан, проживавших в уезде (городе) менее года, прав также лишались «бродячие инородцы». Ценз оседлости в царской России понимался буквально (кочевые народы не имели права голосовать). Русский публицист В. В. Водовозов объяснял введение ценза оседлости тем, что «бродячих инородцев сложно усчитать... и поголовной неграмотностью этого населения» [Водовозов, с. 383].

Профессиональный (служебный) ценз направлен на ограничение избирательных прав граждан по признаку профессиональной деятельности. Как правило, речь идет о лишении избирательных

прав военных, служащих правоохранительных органов, а также священнослужителей [Сравнительное избирательное право, с. 31]. Этот ценз сохраняет актуальность в государствах Латинской Америки и Африки (Мексика, Парагвай, Сенегал, Камерун). В начале XX в. он использовался в европейских государствах, в том числе и в дореволюционной России [Выборы во всем мире, с. 11–373]. Специфической чертой применения профессионального ценза являлось отстранение от выборов не только военнослужащих, но и высших чинов администрации и представителей полиции. Хотя неучастие администрации в выборах было традиционным для России, это можно рассматривать как попытку государства ограничить применение «административного ресурса» на выборах.

Для эволюции *имущественного ценза* в европейских государствах конца XIX – начала XX в. была характерна постепенная либерализация. Так, в Англии в результате трех избирательных реформ (1832, 1867, 1885 г.) был существенно расширен избирательный корпус, право голосовать было представлено всем собственникам земли или другой недвижимости (с доходом не менее десяти фунтов) и всем квартиронанимателям [Craig, p. 13–20, 22–23, 36–46]. Реформа 1885 г. значительно снизила имущественный ценз, расширив электоральный корпус до 30 % взрослого населения страны [Ibid]. Во Франции к началу XX в. имущественный ценз был отменен, по Конституции 1875 г. на выборах в Палату депутатов он не применялся [Выборы во всем мире, с. 373–374]. Наряду со столь демократичными подходами к определению электорального корпуса, в ряде стран Европы имущественный ценз продолжал действовать. Так, в Венгрии до 1908 г. применялся очень высокий имущественный ценз (ежегодный доход не менее 210 крон, уплата налога не менее 20 крон или владение домом не менее чем из трех комнат), в итоге электорат Венгрии составлял 5,9 % взрослого населения [Там же, с. 88–89]. В Италии до 1919 г. также использовался высокий имущественный ценз, право голоса предоставлялось только состоятельным налогоплательщикам, составлявшим 2,4 % взрослого населения страны [Там же, с. 192].

В отличие от европейских государств, в избирательной системе России имущественный ценз выполнял не вполне свойственную ему функцию. Если в Европе он использовался как основной способ ограничения избирательных прав малоимущих граждан, то в России – для отнесения к определенной курии и предоставления преимуществ или установления ограничений на выборах. Для ограничения прав беднейших слоев применялся не имущественный ценз, а многостепенность и куриальность выборов. Отчетливо эту особенность демонстрирует избирательный закон 1907 г., основные изменения которого затронули не избирательные цензы, а нормы представительства от разных курий. Первоначально в 1905 г. один

мандат депутата приходился на 2 тыс. выборщиков от землевладельцев, 7 тыс. выборщиков от первой и второй городских курий, 30 тыс. выборщиков от крестьян и 90 тыс. выборщиков от рабочих. Изменение норм представительства в 1907 г. привело к тому, что депутат избирался от 230 выборщиков от землевладельцев, 1 тыс. выборщиков первой городской курии, 15 тыс. выборщиков второй городской курии, 60 тыс. выборщиков от крестьян и 125 тыс. выборщиков от рабочих [Кириянов, Лукьянов, с. 76–89]. Перераспределение выборщиков в пользу землевладельческой и городских курий (в ущерб представительству крестьян и рабочих) позволило сформировать приемлемый для власти состав Государственной думы.

Мнение об архаичности дореволюционных избирательных цензов сильно преувеличено. Избирательные цензы, использовавшиеся в дореволюционной России, хотя и имели определенную специфику, тем не менее, находились в рамках развития европейских электоральных тенденций начала XX в. Гендерный, возрастной, профессиональный и ценз оседлости были аналогичны используемым в Европе в первой четверти XX в. Наиболее специфичным в дореволюционной избирательной системе было применение имущественного и профессионального цензов.

Наряду со схожими чертами, наблюдались и значимые различия российских и европейских цензов, затрагивавшие в первую очередь выполняемые функции в электоральных системах. В европейской практике избирательные цензы являлись основным инструментом формирования корпуса избирателей. В России цензы играли второстепенную роль в формировании электорального корпуса и обеспечении желательных для власти составов государственных органов, основным же способом являлось обеспечение неравного представительства от различных слоев.

Радикальные изменения в российскую избирательную систему внесла Февральская революция. Положение о выборах в Учредительное собрание, окончательно утвержденное Временным правительством 23 сентября 1917 г., демократизировало все принципы избирательной системы и отменяло большинство действовавших ранее цензов. Упразднялись все дискриминационные цензы (гендерный, имущественный и т. п.). Из технических цензов действовали только возрастной и ценз гражданства, при этом возрастной ценз существенно понижался по сравнению с действовавшим в царской России (до 20 лет). Заметно сократился перечень лиц, чье влияние на политику признавалось нежелательным: отстранялись от участия в выборах осужденные за порочащие преступления, несостоятельные должники, дезертиры и члены царской семьи [Положение о выборах в Учредительное собрание].

В Положении о выборах от 23 сентября 1917 г. последовательно проводился принцип всеобщего избирательного права, принцип пря-

мых, равных и тайных выборов, что не только шло вразрез с имевшимся электоральным опытом царской России, но также делало избирательную систему революционной России одной из самых передовых и демократичных в мире.

Казалось бы, у большевиков не было оснований для недовольства и ликвидации этой избирательной системы, поскольку она полностью учитывала их программные требования, в том числе теоретические марксистские установки. Однако результаты выборов в Учредительное собрание в 1917 г. отчетливо продемонстрировали большевикам, что с помощью традиционных институтов буржуазного представительства и реализации всеобщего равного прямого избирательного права они не смогут оказаться у власти и тем более ее удержать. Напомним, что большевики получили 24,5 % голосов на выборах в Учредительное собрание [Протасов, с. 27]. Представляется, это было одной из определяющих причин отказа от избирательной системы, введенной в ходе Февральской революции.

Избирательные цензы в Советской России (1918–1936)

Пришедшие к власти большевики отказались от всеобщего избирательного права, ввели избирательные цензы, изначально вызвавшие ожесточенную критику либеральной общественности и представителей социал-демократии. Наиболее болезненными для большевиков были обвинения европейских социал-демократов в извращении марксистской теории из-за нарушения принципа всеобщности избирательного права [Каутский, с. 56].

Несмотря на критику, большевики объявили институты буржуазного парламентаризма устаревшими, презюмировали мнимость универсальности всеобщего избирательного права, допускавшего многочисленные изъятия из принципа всеобщности [Ленин, т. 37, с. 257]. Взамен ликвидированных буржуазно-демократических политико-правовых институтов предлагалось создать принципиально новые формы организации власти, под которыми понимались Советы как органы диктатуры пролетариата. Советы как альтернатива существовавшим государственным органам создавались «исключительно революционными слоями населения по классовому принципу» и не предполагали предоставления прав «эксплуататорам» [Ленин, т. 30, с. 320]. Новой власти предстояло определиться с недостойными участия в новых органах власти.

Институционализация круга лиц, ограниченных в избирательных правах, произошла в Конституции 1918 г. Какие черты были характерны для советских цензов в 1918 г.? Во-первых, отметим радикальную демократизацию технических цензов и отмену дискриминационных цензов. Возрастной ценз был понижен до 18 лет, от-

менен ценз гражданства, гендерный и имущественный цензы также были отменены [СУ РСФСР, 1918, № 51, ст. 582]. От отмены или понижения этих цензов выиграли наиболее дискриминируемые в дореволюционной России слои населения – молодежь, женщины, национальные меньшинства. Предоставив им избирательные права, большевики привлекли на свою сторону молодую часть населения, ранее не реализовавшую свою политическую активность в легальном поле. В данном случае следует признать, что это шло вразрез как с дореволюционными российскими традициями, так и с общемировым опытом.

Вместе с тем, в рамках советской избирательной системы продолжали действовать охранные цензы, к числу которых можно отнести политический и трудовой. Политический ценз не был оригинален, как отмечалось выше, во многих избирательных системах он действовал и продолжает действовать. Для России его использование также было традиционным. В 1918 г. с помощью политического ценза отстранялись от выборов служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранного отделения, а также члены правившей ранее династии [Там же].

Несомненной новизной отличался трудовой ценз, который был нацелен на устранение из числа участников выборов лиц, влияние которых на политику могло оказаться опасным для молодого советского государства («классовых врагов»). Введение трудового ценза представляется вполне логичным в рамках большевистской доктрины «диктатуры пролетариата» и предоставления прав только «трудящимся». Трудовой ценз, по сути, был антиимущественным. От участия в выборах отстранялись граждане, обладавшие каким-либо имуществом или доходами: лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовые доходы, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники [Там же].

Введение трудового ценза было подвергнуто острой критике европейскими социал-демократами. К. Каутский усматривал в использовании трудового ценза не только возможность для произвольного его применения, полагая, что понятие «производительный и общепользительный труд» крайне растяжимо, и «работник на дому или мелкий мастер, имеющий подмастерье, может и жить, и чувствовать по-пролетарски, но он не пользуется избирательным правом» [Каутский, с. 51]. Советская избирательная практика, сложившаяся в 1920–1930-е гг., подтвердила правоту германского социал-демократа: применение трудового ценза осуществлялось произвольно и зависело от политической и экономической конъюнктуры.

Приведем сведения о численности лиц, отстраненных от участия в выборах (табл. 1).

Таблица 1

**Численность лиц, подпадавших под действие
избирательных цензов в РСФСР (1922–1935)¹**

Избирательные кампании	Число лиц, отстраненных от участия в выборах					
	Общее		В городах		В сельской местности	
	абсолютное значение	доля от населения старше 18 лет	абсолютное значение	доля от населения старше 18 лет	абсолютное значение	доля от населения старше 18 лет
1922	1 100 000	2,1	300 000	5,0	800 000	1,4
1923	1 000 000	2,0	300 000	5,0	700 000	1,3
1924	843 217	1,7	302 378	5,1	540 839	1,3
1925–1926	700 621	1,63	284 591	4,8	416 030	1,0
1926–1927	1 980 784	3,9	590 048	6,9	1 390 747	3,3
1928–1929	2 433 390	4,54	727 365	7,2	1 706 025	3,9
1930–1931	1 842 619	3,7	473 356	4,6	1 369 263	3,5
1934–1935	–	2,1	–	1,9	–	2,3

Общее число лиц, лишенных гражданских прав, никогда не превышало 5 % от населения страны (в 1929 г. в РСФСР – 2 млн 433 тыс. (4,54 % от взрослого населения), в СССР – 3 млн 716 тыс. (4,89 %)) [Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. 1, с. 94; Вып. 2, с. 43; ГАРФ. Ф. Р.-3316. Оп. 20. Д. 918. Л. 60–62]. Малочисленность «лишенцев» является аргументом для исследователей, не рассматривающих лишение избирательных прав как меру, направленную на отстранение от участия в выборах реальных или потенциальных против-

¹ Данные приведены по изданиям: [Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г., с. 5–7; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг., ч. 1, с. 6–7; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. 1. С. 12; Вып. 2. С. 5; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 гг., с. 31–32; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг., с. 19–20; ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 16–20; Ф. Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 334; Оп. 112. Д. 5. Л. 7; Ф. Р.-3316. Оп. 20. Д. 918. Л. 60–62].

ников, как способ влияния на исход выборов, которых опасались большевики. Следует признать, что вопрос о роли цензов в избирательной системе долгое время не являлся центральным и основательно не изучался. Между тем, понимание выполняемых функций цензов является принципиальным аспектом в осмыслении их роли и сущности в советской избирательной системе. Какие превентивные функции выполняли цензы в советской России, насколько они отличались от мировой электоральной практики?

Распространенное утверждение об отсутствии превентивной функции советских цензов представляется верным для периода, охватывающего вторую половину 1920-х и 1930-е гг., однако применительно к начальному периоду существования советской власти оно не вполне соответствует реальности.

На эту функцию избирательных цензов отчетливо указывают законодательные решения и практика их реализации в первые годы существования советского государства. В Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 23) была закреплена вполне легальная возможность «лишать прав или группы прав отдельных лиц, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции» [СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582]. Большевики обозначили базовый критерий определения круга избирателей и «лишенцев» – политическую лояльность по отношению к новой власти. Расплывчатость формулировки позволяла местным властям произвольно толковать норму и определять граждан, враждебно или лояльно настроенных к советской власти.

До 1925 г. общероссийское избирательное законодательство делегировало местным властям полномочия по определению круга лиц, участие которых было нежелательным на выборах в Советы [СУ РСФСР, 1921, № 11, ст. 72]. На местах предлагали ориентироваться на ситуацию в конкретном уезде или губернии и на «классовое чутье», решать, чье участие может угрожать формированию лояльных советской власти составов советов [Владимирский, с. 16].

Местная практика также подтверждает, что приоритетным принципом определения круга «лишенцев» в начале 1920-х гг. стала политическая целесообразность превентивного устранения от участия в выборах групп населения, враждебно или нелояльно настроенных к большевикам. Власти на местах видели противников в лицах, открыто сражавшихся или выступавших против советской власти – служивших в белых армиях и участвовавших в антисоветских восстаниях. Враждебно настроенными также считали различные категории «бывших» – помещиков, чиновников царского аппарата, предпринимателей, лишившихся имущества. Так, в Сибири после окончания Гражданской войны отстранялись от участия в выборах бывшие офицеры и чиновники армии Колчака, служащие и чиновники учреждений его правительства, сотрудники его милиции и контрразведки [ГАНУ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 169. Л. 12]. Калужский губернский исполком лишил избирательных прав бывших белых офи-

церов – «50 человек, состоявших ранее в “Союзе русского народа”» [ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 8.]. Тихвинский уездный исполком и Тамбовский губисполком сообщали, что лишили прав бывших помещиков и членов их семей [Там же. Л. 12]. Нижегородский губернский исполком к «неблагонадежным лицам, подлежащим лишению прав», относил следующие группы: «чиновников до пятого класса; лиц, замеченных в контрреволюционных проявлениях до Октябрьской революции, а также в годы Гражданской войны, бывших крупных лесопромышленников и торговцев, которые по своему идеологическому уклону настроены антисоветски, подстрекателей и активных участников антисоветских восстаний» [Там же. Л. 14]. Тамбовский губернский исполком счел настроенными антисоветски «участников бандитского движения, помещиков и лиц, по своему прошлому не внушающих к себе доверия» [Там же. Л. 15]. В автономной области Коми лишали прав «замеченных в контрреволюционных действиях при занятии местности белогвардейцами во время Гражданской войны, бывших белых и царских офицеров, эмигрантов, прибывших в 1922–1923 гг. из Болгарии и Франции, лиц, бывших наемными агентами у белогвардейцев по выдаче последним сведений о семьях красноармейцев» [Там же. Л. 103]. Наиболее оригинальной следует признать трактовку круга «лишенцев» Спас-Деменским уездным исполкомом, ограничившим в правах «ярких спекулянтов, барышников, самогонщиков и лиц, принимавших пассивное участие в убийстве милиционера Корнеева» [Там же. Л. 13].

Несмотря на разнообразие в основаниях для лишения избирательных прав, местная практика применения избирательных цензов в начале 1920-х гг. вполне укладывалась в схему превентивной меры, направленной на приоритетное отстранение от участия в выборах реальных или потенциальных противников новой власти.

Насколько опасения большевиков были оправданы, и могли ли отстраняемые лица повлиять на исход выборов? Представляется, что степень возможного влияния лиц, лишенных гражданских прав, существенно варьировалась в различных городах и регионах, зависела от политической ситуации в них, от поддержки большевиков населением. В регионах, где поддержка советской власти не была высокой и настроения были оппозиционными, противники большевиков вполне могли быть поддержаны населением, и тогда их участие действительно представляло бы угрозу правящей партии. Мятежными регионами в первую очередь могли стать окраины, где недавно закончились бои Гражданской войны, а также города с сильной оппозицией или большим числом «бывших».

При оценке потенциального влияния лиц, отстраненных от участия в выборах, отметим фактор их соотношения с числом избирателей в начале 1920-х гг. В первую очередь это касалось выборов в городах. Хотя ситуация с явкой горожан не была однородной, абсентеизм повсеместно был высоким, при этом в небольших провинциальных

городах явка характеризовалась чрезвычайно низкими показателями – от 9 до 23 % [ГАРФ. Ф. Р. -393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 37]. В отдельных городах явка составляла не более 5 % избирателей. По данным Д. М. Корчагина, в Приморско-Ахтарске в октябре 1922 г. из 18 тыс. избирателей явились 550 чел. (3 %), которые избрали 69 депутатов и 26 кандидатов к ним. Аналогичной была ситуация и на ст. Славянской Кубано-Черноморской области: в октябре 1923 г. из 14 064 избирателей на собрание явились 599 человек (4,3 %) [Корчагин, с. 72]. В этом случае число избирателей было сопоставимо с числом лиц, лишенных избирательных прав (в городах оно достигало 5–7 %), и это дает основание говорить о прямом политическом смысле отстранения от выборов противников большевиков для обеспечения победы. Однако для городов со значительным населением и более высокой явкой этот фактор не являлся существенным.

Наряду со сказанным отметим, что реальную угрозу политической монополии большевиков эти слои могли представлять только при условии проведения прямых открытых демократических выборов. Однако в первой половине 1920-х гг. избирательная практика была совершенно иной. Большевики делали ставку на использование жесткого административного ресурса, направленного на подавление оппозиционных партий и нелояльных слоев населения, манипулирование нормами представительства. На собраниях устоявшейся практикой стало голосование за списки кандидатов, заранее утвержденных партийными органами. В случае несогласия в ход шли угрозы, избирателей запирали в помещениях, вынуждали голосовать за лояльных власти кандидатов [ГАРФ. Ф. Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 307–315; Оп. 103. Д. 83. Л. 74–95]. Заместитель наркома внутренних дел В. Болдырев дал емкую характеристику выборов первой половины 1920-х гг.: «Выборы представляли не действительные выборы, а пустую канцелярскую процедуру “протаскивания” депутатов путем целого ряда ухищрений и нажима со стороны узкой группы правителей, боящихся потерять власть» [ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 1а. Д. 153. Л. 46]. В этих условиях хотя превентивная функция цензов и оставалась актуальной, ограничение избирательных прав рассматривалось властью в качестве дополнительного способа обеспечения политической монополии большевиков.

Ситуация с применением избирательных цензов изменилась в середине 1920-х гг. Эти перемены были обусловлены сменой избирательной модели, характеризовавшейся ослаблением административного давления на избирателей, либерализацией избирательного процесса, массовым участием населения в выборах. Несмотря на стремление власти подать итоги выборов 1925–1926 гг. как попытку захвата власти непролетарскими элементами [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 18–42], в условиях достижения определенного общественного консенсуса и отсутствия оппозиционных партий 3 % населения, отстраненные от участия в них, не могли рассматриваться в качестве

реальной политической угрозы и оказать значимое влияние на их исход. Поэтому превентивная функция избирательных цензов окончательно утрачивала свою актуальность.

Начиная с кампании 1926–1927 г. советские избирательные цензы приобрели функции, совершенно не свойственные для мировой электоральной практики. Ограничение избирательных прав становится частью политического и экономического курса, направленного на снижение роста частного сектора и вытеснение мелких собственников города и деревни, а лишение избирательных прав – мерой социально-экономического давления на наиболее хозяйственно активные слои города и деревни, частью дискриминационной политики, приобретая выраженный карательный характер. Примечательно, что только в Советской России составлялись списки лиц, лишенных избирательных прав, тогда как обычной избирательной практикой является составление списков избирателей.

Совершенно нестандартно для мировой практики выглядела взаимосвязь избирательных прав с ограничениями социально-экономического характера. Обычно отсутствие избирательного ценза не оказывает влияния на другие сферы жизни человека. Только в советской России наличие политических прав тесно увязывалось с экономическими и социальными правами, при этом государство последовательно расширяло перечень сопутствующих лишению избирательных прав дополнительных ограничений в различных сферах.

В нормативных актах для граждан, не обладавших избирательным цензом, предусматривались следующие ограничения: они лишались права служить в Красной армии, зачислялись в тыловое ополчение, в мирное время уплачивали налог; лишались права состоять в профсоюзах, занимать судебные должности (народного судьи, народного следователя, нотариуса, судебного исполнителя и народного заседателя); не могли являться членами потребительских кооперативов, усыновлять несовершеннолетних; лишались права получать пенсионное государственное обеспечение. Дополнительным ограничением для «лишенцев», проживавших в городах, являлся запрет на членство в жилищно-арендных кооперативах. В сельской местности лишение избирательных прав влекло за собой невозможность быть членом сельскохозяйственных кооперативов, ревизионных комиссий сельсоветов и волисполкомов комиссий и секций при волисполкомах и сельсоветах, крестьянских обществ взаимопомощи, сельским исполнителем; также устанавливался запрет на участие в общих собраниях жителей (сходах). Помимо этого, предусматривалась замена отбывания обязанностей сельского исполнителя денежной компенсацией [ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 134, 135]. В 1930-е гг. к этому списку добавились высокое налогообложение, увольнение из советских учреждений, исключение детей «лишенцев» из учебных заведений, выселение из жилья. Лица, ограниченные в избирательных правах, подвергались и психологическому давлению.

Они в первоочередном порядке попадали под «чистки» советского аппарата, подозревались своими соседями и сослуживцами в антисоветских настроениях, высмеивались в советской прессе. Многочисленные ограничения делали жизнь человека как в социальном, так и в бытовом плане совершенно невыносимой.

Столь массивное давление, оказываемое с помощью цензов, имело последствия, не только выходящие за пределы избирательной системы, но и не имевшие к ней отношения вовсе. Главным таким последствием стало разрушение традиционных слоев общества, а также новых, появившихся в годы нэпа (к числу которых относились мелкие хозяева города и деревни, предприниматели, торговцы, священнослужители и проч.). При этом в городе и сельской местности этот процесс имел различные проявления и последствия. Для горожан, обладавших большей социальной мобильностью и привыкших за предыдущее нестабильное десятилетие к перемене занятий, ситуация не приобретала катастрофического характера, став сигналом для смены рода деятельности и перехода из частного сектора в государственный [Маргиналы в социуме, с. 96–97]. Последующие репрессии в городе коснулись в первую очередь «бывших», священнослужителей и крупных предпринимателей, в то время как основная масса «лишителей» ограничилась сменой рода деятельности.

Для сельского населения все складывалось значительно драматичнее, поскольку для него это означало разрушение традиционного уклада жизни. Несмотря на сокращение своих хозяйств, крестьяне стремились оставаться мелкими собственниками, что противоречило целям государства – ликвидации единоличного крестьянского хозяйства и огосударствлению крестьян. Именно поэтому в сельской местности лишение избирательных прав послужило прологом последующих репрессий. Для большинства крестьян ограничение избирательных прав обернулось конфискацией имущества, ссылкой на спецпоселение, отбыванием наказания в тюрьмах и т. п. [Маргиналы в социуме, с. 97].

Последствия применения избирательных цензов в советской России делают вполне оправданным рассмотрение лишения избирательных прав в качестве инструмента трансформации структуры послереволюционного общества. В западной историографии сформировался подход к изучению лишения избирательных прав в советской России как способу «социальной инженерии» государства, «преобразования» общества [Alexopoulos; Fitzpatrick; Kimerling]. Данный подход нашел отражение и в современных отечественных исследованиях, оценивающих лишение избирательных прав как один из инструментов «глобальной реорганизации социальной структуры» послереволюционного общества, часть повседневной «маргинальности» (под которой понимается положение групп, находившихся внутри социума, но подверженных различным ограничениям и дискриминации) [Маргиналы в социуме, с. 4].

В России за первую четверть XX в. произошла смена трех избирательных систем, в рамках которых определение круга участников выборов происходило на принципиально разных основаниях. Дореволюционные избирательные цензы, не являясь передовыми и демократичными, тем не менее, вполне соответствовали основным тенденциям развития цензов европейских государств начала XX в. Советские цензы в содержательном смысле являлись одними из наиболее оригинальных в мировой электоральной практике и оказали значимое влияние на расширение избирательных прав в мире.

Несмотря на существенные различия дореволюционных и советских цензов, их парадоксальным образом объединяла нетипичная роль для мировой практики в избирательной системе. Избирательные цензы ни при самодержавии, ни при советской власти не играли определяющей роли в формировании электорального корпуса и обеспечении состава органов, желательных для власти. Основное значение приобретало преимущество в нормах представительства лояльных власти групп населения. Ключевой особенностью советских цензов стали не свойственные им функции, выполнявшиеся в избирательной и политической системах. Ограничение избирательных прав использовалось преимущественно как способ социально-экономического давления на неугодные власти слои населения послереволюционного общества.

Список литературы

- Аврех А. Я.* Столыпин и III Дума. М. : Наука, 1968. 520 с.
- Архипов В. А., Морозов Л. Ф.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е – нач. 30-х гг. М. : Мысль, 1978. 263 с.
- Балабанов М., Дан Ф.* Рабочие депутаты в первой Государственной Думе. СПб. : Изд. Н. Глаголева, 1907. 175 с.
- Бродович С. М.* Советское избирательное право. Л. : Госиздат, 1925. 131 с.
- Валуев Д. В.* Лицензы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск : Маджента, 2012. 155 с.
- Василенков П. Т.* Выборы советских представительных органов. М. : Изд-во МГУ, 1966. 82 с.
- Владимирский М.* Организация Советской власти на местах. М. : Госиздат, 1921. 147 с.
- Водовозов В. В.* Всеобщее избирательное право и применение его в России // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. М. : Весь мир, 2003. С. 380–401.
- Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг. М. : Власть Советов, 1935. 135 с.
- Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. : статистич. сб. : в 2 ч. / под ред. С. М. Гурвича, Н. А. Кокотова. М. : Изд-во НКВД, 1926. Ч. 1. Городские советы, сельские советы, волсьезды, волисполкомы. 256 с.
- Выборы во всем мире : Электоральная свобода и общественный прогресс : энцикл. словарь / сост. А. А. Танин-Львов. М. : РОССПЭН, 2001. 1112 с.
- ГАНО. Ф.1-П. Оп. 1. Д. 169.
- ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 1а. Д. 153, 156; Оп. 29. Д. 10а; Оп. 47. Д. 119; Оп. 60. Д. 117; Ф. Р.-1235. Оп. 101. Д. 151; Оп. 103. Д. 83; Оп. 104. Д. 23; Оп. 112. Д. 5; Ф. Р.-3316. Оп. 20. Д. 918.

- Гурвич Г. С.* Основы советской Конституции. М. : Госиздат, 1929. 261 с.
- Демин В. А.* Государственная Дума России: механизм функционирования. М. : РОССПЭН, 1996. 216 с.
- Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. К XI Всероссийскому съезду советов РСФСР. М. : Изд-во НКВД, 1924. 43 с.
- Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. : статистич. сб. М. : Власть Советов, 1930. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. 401 с.
- Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. : статистич. сб. М. : Власть Советов, 1930. Вып. 2. Выборы в городские советы. 153 с.
- Итоги выборов в советы РСФСР в 1930–31 гг. : статистич. сб. М. : ВЦИК, 1931. 198 с.
- Каутский К.* Диктатура пролетариата : От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике. М. : Антидор, 2002. 314 с.
- Ким А. И.* Советское избирательное право : Вопросы теории, избирательного законодательства и практики его применения. М. : Юрич. лит., 1965. 212 с.
- Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н.* Парламент самодержавной России : Государственная Дума и ее депутаты. 1906–1917. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. 168 с.
- Корчагин Д. М.* Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья) : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2003. 217 с.
- Ленин В. И.* Доклад о революции 1905 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1973. Т. 30. С. 306–328.
- Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 37. С. 235–338.
- Лепешкин А. И.* Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М. : Юрич. лит., 1966. 575 с.
- Макарецов А. А.* Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Новосибирск : НГТУ, 2009. 344 с.
- Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум : Сибирь (1920-е – 1930-е годы) / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск : Сибир. хронограф, 2004. 456 с.
- Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. Собр. 3. Т. 25. Отд. 1. 1905 г. СПб. : Гос. тип., 1908. С. 645–651.
- Положение о выборах в Учредительное собрание от 20.06.1917 г. // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. О. И. Чистяков. М. : Юрич. лит., 1984–1994. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. С. 129–189.
- Программа РСДРП, принятая на II съезде партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970) : в 12 т. 8-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 1. С. 267–274.
- Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание : История рождения и гибели. М. : РОССПЭН, 1997. 380 с.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54.
- Серокурова Л. А.* Политико-правовые аспекты лишения избирательных прав граждан Крымской АССР в 1920-е гг. // Вестн. МГУ. Сер. История. 2010. № 1. С. 76–84.
- Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции : 1917–1936 годы. М. : Мир истории, 2003. 296 с.
- Сравнительное избирательное право : учеб. пособие / науч. ред. В. В. Маклаков. М. : Норма, 2003. 208 с.
- Стучка П.* Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его Конституции. М. ; Л. : Госиздат, 1926. 291 с.
- Трифонов И. Я.* Классы и классовая борьба в начале нэпа (1921–1925 гг.) : в 2 ч. Л. : Изд-во ЛГУ, 1969. Ч. 2. Подготовка экономического наступления на новую буржуазию. 288 с.
- Alexopoulos G.* Rights and Passage: Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926–1936 : Ph. D. diss. Chicago : Univ. of Chicago. 1996. 276 p.

Chronicle of Parliamentary Elections and Developments. Vol. 17. Geneva : Intern. Centre for Parliamentary Documentation, Inter-Parliamentary Union, 1983.

Craig F. W. S. British electoral facts, 1832–1980. Ed. 4. Chichester : Parliamentary Research Services, 1981. 203 p.

Fitzpatrick S. Ascribing Class: the Construction of Social Identity in Soviet Russia // *J. of Modern History*. 1993. № 4. P. 120–141.

Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford : Oxford Univ. Press, 1999. 326 p.

Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // *The Russian Rev.* 1982. Jan. P. 27–41.

References

Alexopoulos, G. (1996). *Rights and Passage: Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926–1936: Ph. D. diss.* Chicago, Univ. of Chicago. 276 p.

Arkipov, V. A., Morozov, L. F. (1978). *Bor'ba protiv kapitalisticheskikh elementov v promyshlennosti i trgovle, 20-e – nach. 30-kh gg.* [The Struggle against the Capitalist Elements in Industry and Trade, 1920s – Early 1930s]. Moscow, Mysl'. 263 p.

Avrekh, A. Ya. (1968). *Stolypin i III Duma* [Stolypin and the 3rd Duma]. Moscow, Nauka. 520 p.

Balabanov, M., Dan, F. (1907). *Rabochie deputaty v pervoy Gosudarstvennoy Dume* [Worker Deputies during the First State Duma]. St Petersburg, Izd-vo N. Glagoleva. 175 p.

Brodovich, S. M. (1925). *Sovetskoe izbiratel'noe pravo* [The Soviet Electoral Law]. Leningrad, Gosizdat. 131 p.

Chronicle of Parliamentary Elections and Developments (1983). Geneva, Intern. Centre for Parliamentary Documentation, Inter-Parliamentary Union. Vol. XVII.

Craig, F. W. S. (1981). *British electoral facts, 1832–1980*. Ed. 4. Chichester, Parliamentary Research Services. 203 p.

Demin, V. A. (1996). *Gosudarstvennaya Duma Rossii: mekhanizm funkcionirovaniya* [The State Duma of Russia: The Functioning Mechanism]. Moscow, ROSSPEN. 216 p.

Fitzpatrick, S. (1993). Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia. In *J. of Modern History*. No. 4, pp. 120–141.

Fitzpatrick, S. (1999). *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, Oxford Univ. Press. 326 p.

GANO [State Archive of Novosibirsk Region]. F. 1-P. Inv. 1. Doc. 169.

GARF [State Archive of Russian Federation]. F. R-393. Inv. 1A. Doc. 153; Doc. 156; Inv. 29. Doc. 10A; Inv. 47. Doc. 119; Inv. 60. Doc. 117; F. R-1235. Inv. 101. Doc. 151; Inv. 103. Doc. 83; Inv. 104. Doc. 23; Inv. 112. Doc. 5; F. R-3316. Inv. 20. Doc. 918.

Gurvich, G. S. (1929). *Osnovy sovetskoy Konstitutsii* [Foundations of the Soviet Constitution]. Moscow, Gosizdat. 261 p.

Gurvich, S. M., Kokotov, N. A. (Eds.). (1926). *Vybory v Sovety RSFSR v 1925–1926 gg.* [Elections to Soviets in the RSFSR in 1925–1926]. Part 1. (Gorodskie sovery, sel'skie sovery, vols"ezdy, volispolkomy). Statisticheskii sbornik. Moscow, Izd-vo NKVD. 256 p.

Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1929 g. [Results of Council Elections in the RSFSR in 1929]. (1930). Iss. II. Vybory v gorodskie sovery. Statisticheskii sbornik. Moscow, Vlast' Sovetov. 153 p.

Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1929 g. [Results of Council Elections in the RSFSR in 1929]. (1930). Iss. I. Vybory v sel'skie, volostnye, rayonnye organy vlasti. Statisticheskii sbornik. Moscow, Vlast' Sovetov. 401 p.

Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1930–1931 gg. [Results of Council Elections in the RSFSR between 1930 and 1931]. (1931). Statisticheskii sbornik. Moscow, Vserossiyskaya Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya. 198 p.

Izbiratel'naya kampaniya po RSFSR v 1923 g. [The Election Campaign of the RSFSR in 1923]. (1924). K. XI Vserossiyskomu s"ezdu sovetov RSFSR. Moscow, Izd-vo NKVD. 43 p.

Kautskiy, K. (2002). *Diktatura proletariata. Ot demokratii k gosudarstvennomu rabstvu. Bol'shevizm v tupike* [The Dictatorship of the Proletariat. From Democracy to State Slavery. Bolshevism at a Deadlock]. Moscow, Antidor. 314 p.

Kim, A. I. (1965). *Sovetskoe izbiratel'noe pravo. Voprosy teorii, izbiratel'nogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya* [Soviet Suffrage. The Theory of Electoral Legislation and the Practice of its Application]. Moscow, Yurid. lit-ra. 212 p.

Kimerling E. (1982). Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936. In *The Russian Rev.* Jan., pp. 27–41.

Kir'yanov, I. K., Luk'yanov, M. N. (1995). *Parlament samoderzhavnoy Rossii. Gosudarstvennaya Duma i ee deputaty. 1906–1917.* [The Parliament of Autocratic Russia. The State Duma and its Deputies. 1906–1917]. Perm', Izd-vo Permskogo universiteta. 168 p.

Korchagin, D. M. (2003). *Sovetskie izbiratel'nye kampanii 1920-kh gg. (na materialakh Kubano-Chernomor'ya), dis. ... kand. ist. nauk* [The Soviet Electoral Campaign of the 1920s (with Reference to the Materials of the Kuban-Black Sea Region), PhD Thesis]. Moscow. 217 p.

Krasil'nikov, S. A. (Ed.). (2004). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920-e – 1930-e gody)* [Marginal People in Society. Marginal People as a Society. Siberia (1920s – 1930s)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 456 p.

Lenin, V. I. (1969). Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautskiy [The Proletarian Revolution and Renegade Kautsky]. In *Polnoe sobranie sochineniy.* 5-e izd. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury. Vol. 37, pp. 235–338.

Lenin, V. I. (1973). Doklad o revolyutsii 1905 g. [Report on the Revolution of 1905]. In *Polnoe sobranie sochineniy.* 5-e izd. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury. 55 Vols., Vol. 30, pp. 306–328.

Lepeshkin, A. I. (1966). *Sovety – vlast' trudyashchikhsya (1917–1936 gg.)* [Soviets Are the Power of the Working People (1917–1936)]. Moscow, Yurid. lit-ra. 575 p.

Makartsev, A. A. (2009). *Izбирatel'noe pravo i izбирatel'nyy protsess v Rossiyskoy Federatsii* [Suffrage and Election Process in the Russian Federation]. Novosibirsk, NGTU. 344 p.

Maklakov, V. V. (Ed.). (2003). *Sravnitel'noe izбирatel'noe pravo: ucheb. posobie* [Comparative Suffrage: Textbook]. Moscow, NORMA. 208 p.

Polozhenie o vyborakh v Gosudarstvennyu Dumu ot 6 avgusta 1905 g. [Provisions on the Elections to the State Duma as of 6 August, 1905]. (1908). In *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii.* Sobr. III. 45 Vols., Vol. XXV. Otd. I-e. 1905 g. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 645–651.

Polozhenie o vyborakh v Uchreditel'noe sobranie ot 20. 06. 1917 g. [Provisions on the Elections to the Constituent Assembly as of 20 June, 1917]. (1994). In Chistyakov, O. I. (Ed.). *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* T. 9. Zakonodatel'stvo epokhi burzhuaizno-demokraticeskoy revolyutsii. Moscow, Yurid. lit-ra, pp. 129–189.

Programma RSDRP, prinyataya na II s'ezde partii [The Programme of RSDRP Adopted at the Second Party Congress, 12 Vols.]. (1970). In *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TSK (1898–1970).* 8 izd. T. 1. Moscow, Politizdat, 1970, pp. 267–274.

Protasov, L. G. (1997). *Vserossiyskoe Uchreditel'noe sobranie: Istoriya rozhdeniya i gibeli* [The All-Russian Constituent Assembly: A Story of Birth and Death]. Moscow, ROSSPEN. 380 p.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-political History]. F. 17. Inv. 164. Doc. 54.

Serokurova, L. A. (2010). Politiko-pravovye aspekty lisheniya izbiratel'nykh prav grazhdan Krymskoy ASSR v 1920-e gg. [Political and Legal Aspects of Deprivation of Electoral Rights of Citizens of the Crimean Autonomous Republic in the 1920s]. In *Vestnik MGU (seriya "Istoriya")*. No. 1, pp. 76–84.

Smirnova, T. M. (2003) "Byvshie lyudi" Sovetskoy Rossii: strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917–1936 gody ["Former People" in Soviet Russia: Strategies of Survival and Integration. 1917–1936 Years]. Moscow, Mir istorii. 296 p.

Stuchka, P. (1926). *Uchenie o gosudarstve proletariata i krest'yanstva i ego Konstitutsii* [The Doctrine of the State of the Proletariat and the Peasantry and its Constitution]. Moscow, Leningrad, Gosizdat. 291 p.

Tanin-L'vov, A. A. (Ed.). (2001). *Vybory vo vsem mire. Elektoral'naya svoboda i obshchestvennyy progress* [Elections all over the World. Electoral Freedom and Social Progress]. Entsiklopedicheskiy slovar'. Moscow, ROSSPEN. 1112 p.

Trifonov, I. Ya. (1969). *Klassy i klassovaya bor'ba v nachale nepa (1921–1925 gg.)* [Classes and Class Struggle at the Beginning of the NEP (1921–1925)]. 2 Parts, Part 2. Podgotovka ekonomicheskogo nastupleniya na novuyu burzhuaziyu. Leningrad, Izd-vo LGU. 288 p.

Valuev, D. V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoj oblasti)* [The Disfranchised in the System of Social Relations (1918–1936) (with Reference to Materials of Smolensk Region and Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.

Vasilenkov, P. T. (1966). *Vybory sovetskikh predstavitel'nykh organov* [The Election of Soviet Representative Bodies]. Moscow, Izd-vo MGU. 82 p.

Vladimirskiy, M. (1921). *Organizatsiya Sovetskoy vlasti na mestakh* [The Structure of the Soviet Local Authorities]. Moscow, Gosizdat. 147 p.

Vodovozov, V. V. (2003). Vseobshchee izbiratel'noe pravo i primeneniye ego v Rossii [Universal Suffrage and its Application in Russia]. In *Politicheskie instituty, izbiratel'noe pravo i protsess v trudakh rossiyskikh mysliteley XIX–XX vv.* Moscow, Ves' mir, pp. 380–401.

Vybory v Sovety v Soyuze SSSR. 1934–1935 gg. [Elections to Soviets in the Soviet Union, 1934–1935. 2 Vols.]. (1935). Moscow, Vlast' Sovetov. 135 p.

The article was submitted on 19.03.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.247

УДК 070.22+94(470)"1917"+316.653

DAS ECHO DER RUSSISCHEN REVOLUTIONEN VON 1917 IN DER SCHWEIZER PRESSE – GRUNDSÄTZLICHES*

Piotr Bednarz

Maria Curie-Skłodowska University,
Lublin, Poland

THE PERCEPTION OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE SWISS PRESS: MAIN NOTES

Piotr Bednarz

Maria Curie-Skłodowska University,
Lublin, Poland

An important area of confrontation between liberal thought and nationalistic aspirations during World War I was propaganda. Switzerland is especially interesting in these terms due to its multiculturalism, the social split in political preferences between the combatant states, and the high percentage of foreigners. Therefore, the press of this neutral state became a platform for fierce war propaganda. In 1917, one of the most important issues discussed in Swiss newspapers was the Russian Revolution. The Swiss press devoted much attention to this subject. In Switzerland, the public hardly understood the difference between the February Revolution and the October Uprising, but was affected by the fall of tsarism, though the knowledge of the actual events in Russia was scarce. The Swiss perceived the October Revolution as a continuation of the March events and not as another coup d'état which completely transformed the political and social conditions in the enormous country to the east. The Swiss press serves as an example of liberal Russian propaganda in a neutral state. What is particularly noteworthy is how the issue of the Russian Revolution of 1917 was reflected in Swiss public opinion. Among other things, the author of the article aims to find out how rapidly the opinions of Swiss journals were spread among the public and started to influence its view of the Bolshevik regime.

Keywords: Swiss press; Russian Revolution of 1917; liberal propaganda; public opinion.

* *Citation:* Bednarz, P. (2017). Das Echo der Russischen Revolutionen von 1917 in der Schweizer Presse – Grundsätzliches. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 729–737. DOI 10.15826/qr.2017.3.247.

Цитирование: Bednarz P. Das Echo der Russischen Revolutionen von 1917 in der Schweizer Presse – Grundsätzliches // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 729–737. DOI 10.15826/qr.2017.3.247.

Важной областью конфронтации между либеральной мыслью и националистическими устремлениями во время Первой мировой войны была пропаганда. С этой точки зрения Швейцария особенно интересна с учетом ее мультикультурализма, разделения симпатий общества между враждующими сторонами и высокого процента иностранцев. В силу названных особенностей пресса этой нейтральной страны стала платформой для ожесточенной военной пропаганды. В 1917 г. одной из наиболее важных в швейцарских газетах была тема революции в России. В Швейцарии плохо понимали различия между Февральской революцией и Октябрьским восстанием. Общественное мнение этой нейтральной страны было впечатлено падением царизма, но о событиях в России здесь знали относительно мало. Швейцарцы видели Октябрьскую революцию как продолжение мартовских событий, а не как переворот, который полностью изменил политические и социальные условия огромной страны на Востоке. Швейцарская пресса служила примером влияния российской либеральной пропаганды в нейтральной стране. Представляет интерес то, как проблема Русской революции 1917 г. была представлена в швейцарском общественном мнении. Одной из целей исследования также является ответ на вопрос, насколько быстро мнения швейцарских журналов были способны влиять на суждения швейцарцев о режиме большевиков.

Ключевые слова: швейцарская пресса; Русская революция 1917 г.; либеральная пропаганда; общественное мнение.

Der Ausbruch der Revolution in Russland und der Sturz des Zarentums fanden in der Schweiz – ähnlich wie in anderen Ländern Westeuropas – ein breites Echo. Die russische Revolution wurde für den schweizerischen Journalisten ein sensationelles und dadurch attraktives Thema. Zunächst wurde die schweizerische öffentliche Meinung lediglich über die Ereignisse in Petersburg informiert.¹ In den Zeitungen erschien gewissermaßen eine Unfallchronik. Häufig widmeten sie viel Raum einer detaillierten Erörterung von Tatsachen, die mit dem „Staatsstreich“ zusammenhingen, und führten Kommentare und Aussagen der Teilnehmer des „Petersburger Putsches“ an. Die „Neue Zürcher Zeitung“, die größte und meinungsbildende Zeitung der Schweiz, informierte eingehend über fast alle Aspekte der Revolution. Manchmal publizierte sie eine dermaßen große Flut von Informationen, dass darunter ihre Überschaubarkeit leiden musste. Die Zeitung verlor daher ein wenig ihre Attraktivität als Plattform des Meinungsaustausches und wandte sich stärker dem informativen Bereich zu. Ein anderes Bild bot

¹ Eine interessante Erscheinung, die in der Zeit der Februarrevolution sich in den Pressemeldungen bemerkbar macht, ist die Aufgabe des Namens „Sankt Petersburg“ zugunsten von „Petrograd“, was verspätet kam, da der Name der Stadt bereits am Anfang des Krieges geändert worden war. Es scheint, dass das westliche Bewusstsein den neuen Namen erst angesichts der qualitativen Änderung des sozial-politischen Antlitzes von Russland zu akzeptieren bereit war. Die propagandistische Maßnahme der zaristischen Behörden blieb also fast unbemerkt, insbesondere in der deutschsprachigen Presse.

z. B. die Berner und die Basler Presse. Die informative Sphäre wurde hier zwar auch manchmal ausgebaut, dies geschah aber ohne Verzicht auf die Veröffentlichung von Feuilletons zur Lage in Russland (diese erschienen zwar auch in Zürich, ihre Zahl war aber geringer). Keine Änderung der inneren Struktur lässt sich hingegen im Luzerner „Vaterland“ feststellen. Man schrieb viel und bediente sich dabei eher des Grundsatzes „wir geben das wieder, was an uns gelangt“. Auch die französischsprachige Presse des Landes hat zuerst sehr viel Platz den Informationen aus Russland gewidmet, die Kommentare waren etwas eingeschränkt. Man wusste eben nicht was eigentlich in Russland passiert.

Bald begann aber eine Debatte über die Konsequenzen der Ereignisse in Russland für den weiteren Verlauf des Krieges. Man sondierte, welchen Einfluss der Regierungswechsel auf die revolutionären Bewegungen in Europa, namentlich in Deutschland oder Österreich-Ungarn, haben wird. Erneut erwachten Spekulationen über einen baldigen Separatfrieden Russlands mit den Mittelmächten (worüber man schon im Jahre 1915 geschrieben hat, nach der deutsch-österreichischen Offensive an der Ostfront). Relativ häufig erörterte man auch die Frage tiefer innerer Reformen, welche die bisherigen sozial-ökonomischen Strukturen im russischen Imperium verändern sollten.

Je mehr Zeit verfloss und je klarer die Situation wurde, desto mehr begann der Charakter der Kommentare des russischen Problems den politischen Optionen der schweizerischen Zeitungen zu entsprechen. Die radikalen und liberalen Zeitungen konzentrierten sich auf eine positive Darstellung der russischen Erschütterung, die konservativen hingegen, auch wenn sie kein besonderes Mitleid mit dem Zarentum hatten, verrieten keinen Enthusiasmus für die entstandene Situation.

Die schweizerischen Urteile über die Ereignisse in Russland wichen anfangs ziemlich stark voneinander ab. Nach den ersten Artikeln der deutschsprachigen Presse zu schließen, betrachtete die dortige öffentliche Meinung die Revolution nicht als eine Initiative liberaler politischer Kreise, sondern vielmehr als einen Umsturz, den die Arbeiter erzwungen haben. Die meiste Aufmerksamkeit widmete man daher in den Kommentaren nicht den politischen Salons, sondern den Erklärungen der Arbeiter- und Soldatenräte. Man erwoگ die Gefahren, die sich hinter dem Radikalismus der Sozialisten verbargen. So betrachtet, hat man in der alemannischen Schweiz auf die russische Revolution anfangs mit einer gewissen Unruhe reagiert. Es war nämlich kein Geheimnis, dass solche Zentren wie Zürich oder Basel für die radikalen Losungen aus dem Ausland ziemlich empfänglich waren. Ein wichtiger Umstand war, dass die Schweizer sozialistische Bewegung sich in manchen alemannischen Kantonen unter deutlichem Einfluss der deutschen Sozialdemokratie entwickelte, was später in gewisser Weise ihre propagandistische Aktivität mitprägte [Cusinay, Hauser, Schwank, S. 121–172; Wojtowicz, S. 182]. Manchmal war die Aktivität deutscher Gewerkschaften größer als jene der einheimischen sozialistischen Organisationen und eben in diesen gewerkschaftlichen Kreisen entstanden Impulse, welche die Gemüter der Ar-

beiter stark aufrüttelten [Degen, S. 70]. Die Vermittlung der deutschen Sozialisten bei der Übernahme der sozialistischen Ideen aus Russland konnte für den schweizerischen Arbeitsfrieden gefährlich werden.

Die Angst von einer Revolution in der Schweiz war aber nicht berechtigt. Die sozialistischen Kreise zeigten zwar ein gewisses Interesse für die Ereignisse in Russland, sie waren aber generell stark selbstbezogen und in solchen Zeitschriften wie der „Grütliener“ findet man nur selten Forderungen nach einem radikalen politischen Wandels, wie ihn das russische Beispiel vorzeichnete. Noch negativer war die Haltung der syndikalistischen Bewegung, insbesondere im französischsprachigen Teil des Landes. Die Genfer Zeitung „Le Peuple“ interpretierte die Situation als Machtübernahme bourgeoiser Kreise, die gleichermaßen dazu neigen, sowohl die Postulate der Arbeiter als auch des gefallenen zaristischen Regimes zu berücksichtigen. Prägend für die Interpretation der Ereignisse blieb die Vorstellung, dass der laufende Krieg ein Krieg der Kapitalisten sei. Erst nach der Revolution von November beobachtet man in der Schweiz den Aufschwung der sozialistischen Propaganda, die auch in diesem Lande zu einem Generalstreik geführt hat [Nabholz, Mural, Feller, Bonjour, S. 648–657; Gagliardi, S. 1684–1685; Degen, S. 72–82; Tanner, S. 145–152].

Obwohl es in den deutschsprachigen Publikationen manchmal skeptische Urteile gab, ist dennoch die Tendenz bemerkbar, der neuen Situation ihre positiven Aspekte abzugewinnen. Im Kontext der vorgenommenen Aufgabe des Aufbaus eines neuen, liberalen Staates erschienen zum ersten Mal während des Krieges im größeren Maße lobende Texte über die russischen politischen Eliten. Einen interessanten Artikel zu diesem Thema publizierten die „Basler Nachrichten“ [Basler Nachrichten, 03.04.1917, zweites Morgenblatt, S. 2]. Wir lesen dort über einen moralischen Sieg Russlands, das als ein Besatzer fremder Gebiete es vermochte, mit seiner Vergangenheit zu brechen und diese Vergangenheit offiziell zu verurteilen. Der Bankrott der deutschen Politik in Europa war in dieser Situation unvermeidlich und die Überwindung des preußischen Militarismus wurde eine notwendige Vorbedingung dafür, dass man im Nachkriegseuropa friedliche Verhältnisse gestaltet. Ähnliche Inhalte enthalten übrigens auch andere Artikel, die die Redaktion in einer 26 Seiten umfassenden Sonderbeilage veröffentlichte, die der russischen Revolution gewidmet war [Basler Nachrichten, 03.04.1917, Sonderausgabe].

Etwas anders betrachtete man das russische Problem am Genfer See. Generell herrschte hier von Anfang der Revolution eine optimistische Stimmung. Man hob hervor, dass die positive Seite des sonst so gebrandmarkten Krieges ein Niedergang des reaktionären zaristischen Regimes ist. Ein Lieblingsmotiv bei den Erwägungen über die Zukunft Russlands wurde jetzt die Demokratisierung dieses Landes. In diesem Kontext stellte man die meisten Fragen, die mit der russischen Beteiligung am Krieg, mit den nationalen oder sozialen Fragen verbunden waren. Diese Betrachtungsweise kann nicht verwundern, am Genfer See dominierten nämlich liberal-konservative bzw. katholische Tendenzen. Keine dieser zwei Strö-

mungen hatte einen Anlass, mit dem zaristischen Russland Mitgefühl zu empfinden. Zufriedenheit oder sogar Euphorie bekundeten alle Zeitungen am Genfer See, sowohl der „Journal de Genève“ als auch die „Gazette de Lausanne“, der „Courrier de Genève“ oder „La Suisse“. Negative Urteile erschienen in diesem Teil des Landes nur selten.

Bald lässt sich eine ähnliche Erscheinung auch in der deutschsprachigen Presse wahrnehmen, im Hinblick auf die Ereignisse in Russland war aber ihr Verhalten ein wenig differenzierter. Man soll nicht vergessen, dass es in diesem Teil des Landes nicht selten auch germanophile Zeitungen gab. Solche Titel wie z. B. „Berner Tagblatt“ waren der Meinung, dass der Sturz des Zarentums einfach eine Niederlage Russlands bedeutet und damit das Ende des Krieges und der Sieg der Mittelmächte erleichtern wird. Für solche Zeitungen waren die inneren Aspekte der russischen Revolution etwas weniger wichtig. Man konzentrierte sich eher auf die internationale Ebene und damit hat man eine Diskussion über die Lage Russlands in Europa nach dem Kriege angefangen. Auffällig wurde vor allem die Tendenz, die neue russische Regierung im Zusammenhang mit der Unabhängigkeit bzw. Autonomie solcher Völker wie Finnen oder Polen zu erörtern. Man schrieb z. B., dass das zaristische Russland eine polnische Republik als Nachbarn niemals dulden würde, dass die beiden Länder jetzt aber dazu verurteilt sind, miteinander friedlich auszukommen [Genevois, 01.04.1917, S. 1]. Man wies auf die Aktivitäten der demokratisch eingestellten polnischen Emigration in Russland hin, deren Einfluss auf den Gang der Dinge allerdings ein wenig überschätzt wurde [Tribune de Genève, 12.04.1917, S. 5]. Man berief sich auf die Urteile der polnischen Presse, die die echten, häufig opportunen Gründe aufdeckte, die vor der Revolution die Grundlagen der Politik der Nationaldemokratie gegenüber Russland bildeten [Basler Nachrichten, 03.04.1917, zweites Morgenblatt, S. 2].

Vom Standpunkt der bisherigen liberalen Propaganda in der Schweiz, war die Revolution ein außergewöhnlich günstiges Ereignis auch für die frankophilen Tageszeitungen, unabhängig davon, ob sie deutsch- oder französischsprachig waren. Für sie verschwand nunmehr der einzige Grund, der Russland von den westlichen Alliierten im Kampf um die Freiheit der unterdrückten Völker trennte. Besonders am Genfer See verknüpfte man sie mit der dortigen Vision vom Krieg des Liberalismus mit der Autokratie. Die romanische Presse hob daher diese Elemente in der Propaganda der neuen Führung in Petrograd hervor, die als Ankündigung eines Verzichts auf imperiale Ziele zugunsten der Anerkennung der Rechte der Völker auf die Unabhängigkeit verstanden werden konnten. Die öffentliche Meinung der Romandie² drückte jetzt in aller Offenheit ihre angestaute Frustration über die bisherige Politik Russlands aus. In den Zeitungen am Genfer See erschienen jetzt zahlreiche Artikel, die eine (manchmal vernichtende) Kritik des zaristischen Russland oder sogar des Zaren selbst enthielten.

² So bezeichnete man den französischsprachigen Teil des Landes.

Im Herbst 1917 brach in Russland eine nächste Revolution aus. In der Nacht vom 6. auf den 7. November verübten die Bolschewiki einen Staatsstreich und übernahmen die Macht im Land. In der Schweiz hielt man dieses Ereignis zunächst für eine nächste Etappe russischer Umwälzungen, nicht für einen radikalen Wandel der dortigen politisch-sozialen Bedingungen. Nicht einmal den liberalen Kreisen erschien die Revolution als etwas Verurteilenswertes. Man sah in ihr eher den Ausdruck demokratischer bzw. radikaldemokratischer Tendenzen, die sich in der Schweiz einer nicht geringen Beliebtheit erfreuten. Auf viel Verständnis (manchmal sogar auf offene Sympathien) stießen besonders die durch die Bolschewiki verbreiteten Parolen von der Selbstbestimmung des Volkes, die man häufig mit der Souveränität des Volkes gleichsetzte. Die Geschichte der letzten Monate zeigte gleichzeitig, dass die Befürchtungen um eine Arbeiter- und Bauerndiktatur in Russland und um das Vordringen der kommunistischen Ideen nach Westeuropa verfrüht waren. Die neue russische Regierung vertrat konsequent eine liberale Haltung und auch wenn sie jetzt gestürzt wurde, sah man darin eher eine Änderung der Staatsführung, eine Evolution ihrer politischen Struktur und nicht eine gefährliche Wende in der Sozialgeschichte. Eine gute Veranschaulichung dafür ist die Haltung der Zeitung „Der Bund“, die noch Anfang Januar 1918 unter dem Einfluss der „freiheitlichen“ Parolen, die die bolschewistische Propaganda verbreitete, über eine neue Formel des russischen Staates schrieb, der eine Föderation von freien, bisher unterjochten Nationen sein sollte. Symptomatisch ist der naive Schluss eines der Artikel zu diesem Thema: „Die Russen nehmen denn auch die Schweiz oder die Vereinigten Staaten Amerikas zum Vorbild“ [Der Bund, 06.01.1918, S. 1].

Wider die Erwartung der Redaktion der Berner Tageszeitung haben die Russen die Schweiz nicht als Muster gewählt und die Nachrichten aus dem Osten sorgten dafür, dass die Stimmen der schweizerischen Kommentare zunehmend nüchterner wurden. Für die Leser des „Bundes“ bot sich bald die Gelegenheit, die mit der russischen Revolution zusammenhängenden Fragen eingehend kennen zu lernen. Die Zeitung publizierte darüber im Sommer eine Reihe von Artikeln, die klar bewiesen, wie falsch ihre Urteile über die Revolution einige Monate früher waren.³ Man hat den Eindruck, dass die alemannische Presse schneller gesehen hat, wie das wahre Antlitz der Sowjetmacht aussieht – am Genfer See dauerte die Illusion eines Staates sozialer Gerechtigkeit länger.⁴ Negativ beurteilte man hier lediglich Rus-

³ Besonders interessant waren die im August erschienenen Beiträge: Russlands politische, soziale und wirtschaftliche Verhältnisse unter dem bolschewistischen Regime, T. I.1, Der Bund, 10.08.1918, S. 1; T. I.2, Der Bund, 11.08.1918, Extrablatt, S. 1; Die organisierte Anarchie in Russland, Der Bund, 22.08.1918, erste Ausgabe, S. 1.

⁴ Die Beliebtheit der sozialistischen Parolen in der romanischen Schweiz wuchs übrigens ständig und bildete eine nächste Trennungslinie innerhalb des Landes. Auch nach dem Krieg, in der Zeit des Grossen Hungers in der Ukraine, setzten sich manche romanische Journalisten für die ökonomisch-sozialen Grundsätze des sozialistischen Staates und für die humanitäre Hilfe für seine Bevölkerung ein. Es ist kein Werk des Zufalls, dass die Befürworter des Kommunismus in der Romandie noch in der Zeit des spanischen Bürgerkrieges zu Wort kamen. Nur dort wurden sie später rehabilitiert und sogar geehrt (u. a. durch Denkmäler und die Benennung von Straßen).

slands Austritt aus dem Krieg. Nach der Auffassung mancher Kommentare hörte das neue Russland nach und nach auf, ein Kämpfer für die Freiheit der Völker zu sein. Man schrieb sogar, dass es auf dieser Ebene eher den Namen eines Verräters der Entente verdient. Derartige Urteile erschienen bereits im November. Sie stützten sich auf verbreitete Informationen, wonach die Bolschewiki sich z. B. für eine „Autonomie Polens“ statt eine „Unabhängigkeit“ aussprachen [Journal de Genève, 07.11.1917, S. 1]. Aus der schweizerischen Perspektive schien übrigens, dass Russland als Staat überhaupt zu existieren aufhörte. Es wurde eine politische Leiche, deren Zersetzungsprozess immer neue Probleme offenbarte. Man erörterte nicht nur nationale, sondern auch gesellschaftliche und ökonomische Fragen und sogar Probleme geschichtsphilosophischer oder philosophischer Art, die eine Folge des Zusammenbruchs des riesigen Staates waren.

Man kann feststellen, dass nach der Revolution vom November die russische Thematik in der Schweizer Presse sehr von den Verhandlungen in Brest-Litowsk beeindruckt war. Der Separatfrieden wird bald ein häufig behandeltes Thema, das nicht nur in den Berichten von der Ostfront, sondern überhaupt in den Kriegsberichten zu dominieren begann. Den Deutschen schrieb man zu, dass sie sich als Befreier kleiner Völker aufspielen und dass ihre Haltung vom Ehrgeiz getragen ist, das Antlitz Osteuropas nach dem Krieg entscheidend mitzuprägen. In diesem Kontext erschienen neben den Analysen der Zukunft Russlands auch solche, die die Ukraine, Litauen, Kurland, Estland, Lettland und (zum ersten Mal in dieser Dimension) auch Weißrussland betrafen. Manchmal richtete man das Auge weiter nach dem Süden und erörterte die ukrainisch-rumänischen, ungarisch-ukrainischen oder rumänisch-bulgarischen Probleme, mit der Dobrudscha als Pflichtthema. Gleich häufig analysierte man, wie der Abbruch des Krieges im Osten die militärische Stärke der westlichen Alliierten beeinflussen wird. Nicht ohne Bewunderung in der alemannischen und Bitterkeit in der romanischen Presse schrieb man über das geschickte Manöver der Deutschen, deren Unterstützung für die Bolschewiki zu einer Auflösung der russischen Armee und ihrer Ausschaltung aus dem Spiel führte. Man entdeckte auch ein fast gänzlich unbekanntes, neues Volk im Osteuropa – die Ukrainer. Es scheint, dass die Schweizer erst in der Ära des Brest-Litovsk Friedens die Ukrainer als ein separates Volk wahrgenommen haben. Früher hat man sie einfach als Russen betrachtet – als Russen, die einen speziellen Dialekt sprechen. Der Frieden der Mittelmächte mit der Ukraine hat diese Optik verändert.

Wenn man die Publikationen in der Schweizer Presse über die russische Frage im Jahre 1917 allgemein betrachtet, ist zu bemerken, dass ihre Zahl deutlich stieg. Russland wurde damals nahezu ein Hauptthema in den Schweizer Zeitungen geworden, vor allem im April und dann am Ende des Jahres. Sonst war Russland für die Schweizer Leser eigentlich ein wenig interessantes Thema. Die dortige Öffentlichkeit achtete viel mehr darauf, was an der Westfront passierte und die entfernten russischen Vorkommnisse fanden weniger Interesse. Das Jahr 1917 war eine Ausnahme und man kann es sogar als ein „russisches Jahr“ in der Schweizer Presse be-

zeichnen. Wenn man die Pressepublikationen aus der zeitlichen Perspektive betrachtet, fällt besonders die Einstimmigkeit der geäußerten Urteile auf. Sie resultiert weniger aus der klaren Situation in Russland, sondern vielmehr aus der Wirklichkeit in der Schweiz. Man hat den Eindruck, dass der Sturz des Zarentums für die dortigen Journalisten (unabhängig davon, aus welchem Landesteil stammen) eine ausgezeichnete Gelegenheit bot, die liberalen Ideen zu manifestieren. Zuerst, nach der Februarrevolution, lobte die Schweizer Presse die Umwälzung in Russland als eine Wende des Landes in der Richtung der Völkerrechte. Das Bild Russlands änderte sich aber nach der Übernahme der Macht durch die Bolschewiki. Vor allem der Austritt Russlands aus dem Kriege nach dem Frieden von Brest-Litovsk wurde als ein Verrat an den Alliierten dargestellt. So wurde die erste Revolution von 1917 als ein gutes und die vom November 1917 als ein schlechtes Ereignis dargestellt. Natürlich ist eine solche kategorische Behauptung eine Vereinfachung, aber sie wird von den Quellentexte in gewissem Masse gedeckt.

Список литературы

- Basler Nachrichten. 03.04.1917. Zweites Morgenblatt; Sonderausgabe.
Cusinay D., Hauser T., Schwank M. Deutsche Sozialdemokraten in der Schweiz nach dem Erlass des Sozialistengesetzes (1878–1890) // *Zuflucht Schweiz. Der Umgang mit Asylproblemen im 19 und 20. Jahrhundert* / Red. C. Goehrke, W. G. Zimmermann. Zürich : Verlag Hans Rohr, 1994. S. 121–172.
Degen B. Das Basel der andern : Geschichte der Basler Gewerkschaftsbewegung. Basel : Z-Verlag, 1986. 199 s.
 Der Bund. 06.01.1918; 10.08.1918; 11.08.1918, Extrablatt; 22.08.1918, erste Ausgabe.
Gagliardi E. Geschichte der Schweiz von der Anfängen bis zur Gegenwart. Band 3. Zürich ; Leipzig : Orell Füssli Verlag, 1937. 211 s.
 Genevois. 01.04.1917.
 Journal de Genève. 07.11.1917.
Nabholz H., Muralt N. V., Feller R., Bonjour E. Geschichte der Schweiz. Band 2. Zürich : Schulthess, 1938. 691 s.
Tanner J. Geschichte der Schweiz im 20. Jahrhundert. Berlin : C. H. Beck Verlag, 2015. 676 s.
 Tribune de Genève. 12.04.1917.
Wojtowicz J. Historia Szwejcarii. Wrocław : Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1989. 309 s.

References

- Basler Nachrichten. 03.04.1917. Zweites Morgenblatt. S. 2; Sonderausgabe.
 Cusinay, D., Hauser, T., Schwank, M. (1994). Deutsche Sozialdemokraten in der Schweiz nach dem Erlass des Sozialistengesetzes (1878–1890) [German Social Democrats in Switzerland after the Adoption of the Socialist Law (1878–1890)]. In *Zuflucht Schweiz. Der Umgang mit Asylproblemen im 19. und 20. Jahrhundert* / Ed. Goehrke C., Zimmermann W. G. Zürich, Verlag Hans Rohr, pp. 121–172.
 Degen, B. (1986). *Das Basel der andern. Geschichte der Basler Gewerkschaftsbewegung* [The Basel of the Others. History of the Basel Trade Union Movement]. Basel, Z-Verlag. 199 p.

Der Bund. 06.01.1918; 10.08.1918; 11.08.1918, Extrablatt; 22.08.1918, erste Ausgabe.
Gagliardi, E. (1937). *Geschichte der Schweiz von der Anfängen bis zur Gegenwart* [History of Switzerland from the Beginning to the Present]. T. 3. Zürich, Leipzig, Orell Füssli Verlag. 211 p.

Genevois. 01.04.1917.

Journal de Genève. 07.11.1917.

Nabholz, H., Muralt, N. V., Feller, R., Bonjour, E. (1938). *Geschichte der Schweiz* [History of Switzerland]. T. 2. Zürich, Schulthess. 691 p.

Tanner, J. (2015). *Geschichte der Schweiz im 20 Jahrhundert* [History of Switzerland in the 20th Century]. Berlin, C. H. Beck Verlag. 676 p.

Tribune de Genève. 12.04.1917.

Wojtowicz, J. (1989). *Historia Szwajcarii* [History of Switzerland]. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 309 p.

The article was submitted on 12.04.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.248

УДК 94(470)"1917/1922"+94(477)"1919"+329.15+329.285+

929ЛевКаменев+929НесторМахно

**LEV KAMENEV CHEZ NESTOR MAKHNO
(GOULIAÏ-POLIÉ, MAI 1919):
UN RÉCIT EN QUATRE TEMPS***

Korine Amacher

Université de Genève,
Genève, Switzerland

**LEV KAMENEV AT NESTOR MAKHNO'S
(HULIAIPOLE, MAY 1919):
THE FOUR STAGES OF A NARRATIVE**

Korine Amacher

University of Geneva,
Geneva, Switzerland

This article is devoted to a meeting between the anarchist leader Makhno and the Bolshevik leaders Lev Kamenev and Kliment Voroshilov in early May 1919. This meeting took place in Ukraine, in Huliaipole, the headquarters of Makhno, as the civil war was raging. A detailed narration of Kamenev's expedition was published in the Soviet journal *Proletarskaya revoliutsiya* in 1925. Written by a member of the Soviet delegation, it is the only remaining testimony of the expedition and the meeting. It is this text, written by a member of the Soviet delegation, that Russian historians use when referring to the Bolshevik expedition in Ukraine and the meeting between Kamenev and Makhno. Until now, historians did not know the identity of its author. But this article brings to light the identity of the "anonymous chronicler" of the expedition, who happens to be Vladimir Sokolin, a Russian who grew up in Geneva and joined the Tsarist army before converting to Bolshevism and becoming Kamenev's secretary in November 1918. His archives are kept in Geneva and Moscow. Sokolin is the author of four texts about the expedition in which he participated. The texts were written at different times and in different political contexts: between 1919 and 1966

* *Citation*: Amacher, K. (2017). Lev Kamenev chez Nestor Makhno (Gouliaiï-Polié, mai 1919) : un récit en quatre temps. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 738–756. DOI 10.15826/qr.2017.3.248.

Цитуирование: Amacher K. Lev Kamenev chez Nestor Makhno (Gouliaiï-Polié, mai 1919) : un récit en quatre temps // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 738–756. DOI 10.15826/qr.2017.3.248.

in the USSR and Switzerland. After recounting the story of the texts, this article analyses their differences. Even though they seem minor at first sight, the differences allow us to think about the way past events are transmitted by a witness, as well as the use that historians can make of such accounts.

Keywords: Revolution; Civil War; Ukraine; Nestor Makhno; Lev Kamenev.

Исследование посвящено состоявшейся в начале мая 1919 г. встрече между главарем анархистов Нестором Махно и большевистскими вождями Львом Каменевым и Климентом Ворошиловым. Дело происходило на Украине, в Гуляйполе – ставке Махно, в самый разгар Гражданской войны. Встреча была описана чрезвычайно подробно в очерке, опубликованном в 1925 г. в журнале «Пролетарская революция». Этот рассказ одного из членов советской делегации – единственное сохранившееся свидетельство о поездке Каменева к Махно и общении главаря анархистов с большевистскими руководителями. На этот текст, подписанный инициалами, ссылаются все российские историки, анализирующие данный эпизод, однако никто из них не называет имени автора. В статье раскрывается личность «анонимного летописца» поездки большевиков к Махно. Это Владимир Соколин, русский, который вырос в Женеве, воевал в царской армии, примкнул к большевикам и в ноябре 1918 г. стал личным секретарем Каменева. Архив Соколина хранится в Женеве и в Москве. Соколин описал поездку, в которой он участвовал вместе с Каменевым, в четырех текстах. Все они созданы в разные эпохи (первый – в 1919, последний – в 1966 г.), в разных местах (в СССР и Швейцарии) и в разных политических обстоятельствах. Автор излагает историю создания этих четырех версий, а затем анализирует их различия. На первый взгляд они кажутся незначительными, но позволяют сделать выводы как об особенностях воспроизведения прошлого очевидцами событий, так и о способах использования подобных свидетельств историками.

Ключевые слова: революция; Гражданская война; Украина; Нестор Махно; Лев Каменев.

En 1919, la guerre civile fait rage en Ukraine. Rouges, Blancs, Verts, troupes d'intervention de l'Entente, paysans insurgés, tous combattent pour leurs propres objectifs. L'Armée rouge entre à Kiev pour la deuxième fois en février 1919. Le Directoire ukrainien, qui a remplacé l'Hetmanat de Pavlo Skoropadsky en novembre 1918, se replie alors en Podolie. À sa tête, Symon Petlioura remplace Volodymyr Vynnytchenko. Nikifor Grigoriev, dit l'ataman Grigoriev, a rallié l'Armée rouge à la fin du mois de janvier et a intégré la division soviétique d'Ukraine commandée par le marin Pavel Dybenko. En mars, les Français sont chassés de Kherson, Nikolaïev et Marioupol. En avril, les bolcheviks occupent Odessa, que

Nestor Makhno avec ses
compagnons d'armés. 1918

Nestor Makhno among
his comrades-in-arms. 1918

les troupes françaises évacuent. L'armée insurrectionnelle du chef anarchiste Nestor Makhno, composée de plusieurs dizaines de milliers d'hommes, a elle aussi rallié l'Armée rouge en janvier 1919. Makhno contrôle de vastes territoires autour de Gouliaï-Polié, son village natal et son fief. C'est là que les dirigeants bolchéviques Lev Kamenev et Kliment Vorochilov ont une entrevue avec lui au début du mois de mai 1919. Les forces soviétiques viennent de perdre Marioupol, Lougansk a aussi passé aux mains des

Blancs. Le 7 mai, Lénine envoie un télégramme à Kamenev. Il craint une catastrophe si le Donets n'est pas libéré rapidement. Il demande donc à Kamenev d'être « diplomatique » avec les troupes de Makhno tant que la ville de Rostov n'est pas prise [Ленин, т. 50, с. 307]. Les bolcheviks se méfient en effet de Makhno. Certes, les makhnovistes collaborent avec les bolcheviks, mais ils dénoncent en même temps avec virulence les réquisitions de blé qui partent pour Moscou et d'autres villes affamées, la « dictature des commissaires » et les exactions des « commissions extraordinaires » (« Tchéka »). Les rapports avec les bolcheviks sont donc tendus, entachés de méfiance, même si l'accord entre les bolcheviks et les makhnovistes a été reconduit après la visite le 29 avril à Gouliaï-Polié de Vladimir Antonov-Ovseenko, commandant des armées rouges du front ukrainien. La rencontre entre Makhno, Kamenev et Vorochilov a donc lieu quelques jours plus tard, le 7 mai, le jour de l'envoi du télégramme de Lénine et peu de temps avant la rupture de l'alliance entre les bolcheviks et les makhnovistes. En effet, dès le début du mois de juin 1919, Trotsky s'en prend avec violence aux « bandes de Makhno », qui, écrit-il le 2 juin, se livrent à un véritable « pillage organisé » de la région de Marioupol et représentent dès lors « le pire visage de la guérilla » :

Nous n'avons pas d'autre pouvoir que celui qui est élu par l'ensemble de la classe ouvrière et du paysannat laborieux. En conséquence, les commandants nommés par le pouvoir soviétique central sont mis en place par la volonté des millions de travailleurs, tandis que les commandants des bandes de Makhno reflètent les intérêts d'une infime clique anarchiste, qui prend appui sur les koulaks et l'obscurantisme [Trotsky, p. 668-671].

Désormais, le mot d'ordre est d'« éliminer » les « ennemis de l'armée rouge ouvrière et paysanne, profiteurs, koulaks, émeutiers, suppôts de

Makhno ou de Grigoriev », comme l'écrit Trotsky dans son « ordre du jour » N° 107 du 6 juin [Ibid., p. 681]. La rupture entre les bolcheviks et Makhno facilite l'offensive du général blanc Anton Denikine, qui, soutenu par l'Entente, chasse l'Armée rouge d'Ukraine l'été 1919. Il faudra attendre décembre 1919 pour que les bolcheviks reprennent Kharkov, Marioupol et Kiev (encore occupée durant un mois en 1920 par les troupes polonaises et nationalistes ukrainiennes), qu'ils viennent à bout de la résistance des paysans, et qu'ils s'assurent lentement le contrôle de l'Ukraine. Quant à Makhno, il fuit l'Ukraine en 1921 et s'installe en France en 1925, où il meurt en 1934.

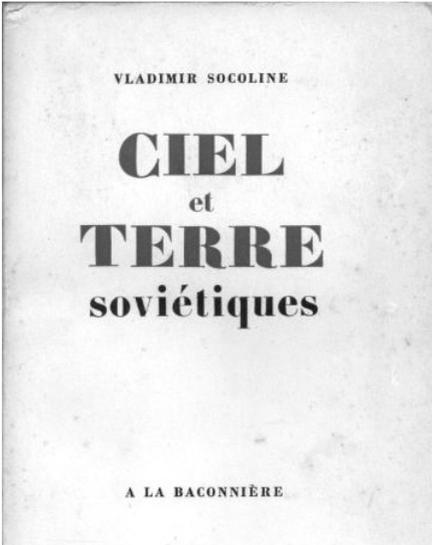
De Moscou à Genève : entre « chronique anonyme » et autobiographie

L'expédition de Kamenev dans l'Ukraine de mai 1919 a été relatée dans un récit, publié en 1925 dans la revue soviétique *La révolution prolétarienne* (*Пролетарская революция*). Le but de l'expédition, écrit son auteur, est « 1) d'aplanir les différends entre Moscou et Kiev ; 2) de faire connaître aux chefs ukrainiens la situation dans le Nord ; 3) d'étudier les perspectives du transport et du ravitaillement ukrainiens ; 4) de trouver des solutions pratiques pour apporter de l'aide au Centre et au Nord affamés » [Экспедиция, с. 123]. Ce texte, signé avec les initiales V. S., est extrêmement précis. L'auteur reproduit les discussions, évoque les faits, jour après jour, heure après heure. Les dialogues pointent les pommes de discorde entre Makhno et les bolcheviks : le rôle de l'armée insurrectionnelle du chef anarchiste, l'antisémitisme et les pogroms, les réquisitions des denrées agricoles, la Tchéka et les « commissaires » : « Vous nous avez aidé à libérer Marioupol », dit Kamenev, évoquant la prise de Marioupol en mars 1919. « Nous avons pris Marioupol », lui répond un makhnoviste. « Vos éléments réquisitionnent le blé destiné aux ouvriers affamés », dit Kamenev. « Ce blé est réquisitionné par les tchékistes qui fusillent les paysans affamés », lui répond-on [Ibid., с. 135]. Un peu plus tard, Kamenev évoque « la protection des paysans pauvres », ce qui provoque la colère des makhnovistes : « nous sommes tous des paysans pauvres ». D'ailleurs, « un paysan sans cheval n'est plus un paysan ». « Nous serons toujours prêts à accueillir des révolutionnaires », ajoutent-ils, mais « les paysans ne veulent pas des gens qui ne sont pas de chez eux » [Ibid., с. 138].

Ce texte constitue le seul témoignage connu à ce jour et rédigé par un membre de la délégation soviétique. C'est sur ce récit que les éditeurs russes d'un recueil de matériaux sur Makhno [Нестор Махно, с. 137, 859] et les biographes russes de Makhno [Веллер; Голованов] se fondent lorsqu'ils évoquent l'expédition bolchévique en Ukraine et la rencontre entre Kamenev et Makhno. C'est également sur ce texte qu'Alexandre Skirda, le biographe de Makhno en France, s'appuie pour relater cette rencontre [Skirda]. Aucun ne connaît l'identité de l'auteur du rapport. L'un d'eux émet toutefois un commentaire :

Le chroniqueur anonyme de l'expédition du dirigeant bolchévique nous a laissé une description fort intéressante de ce voyage, d'autant plus intéressante que transperce un étonnement sincère du spectacle auquel assiste un citadin éloigné de la vie des masses populaires révolutionnaires [Голованов, гл. 12] (traduction de l'auteur de l'article. – K. A.).

L'intuition n'a pas trompé le biographe de Makhno. Le « chroniqueur anonyme » est effectivement un citadin « éloigné de la vie des masses populaires révolutionnaires », dont seul le destin exceptionnel a rendu

Mémoires de V. Sokoline " Ciel et Terre soviétiques ". Suisse, 1949. Couverture

Memoirs of V. Sokoline's *Ciel et terre soviétiques* (Switzerland, 1949). Front cover

possible sa rencontre avec le dirigeant bolchévique Kamenev. Vladimir Chapiro-Socoline est né à Genève en avril 1896. Comme tant d'autres jeunes hommes et jeunes femmes de l'Empire russe, ses parents sont venus étudier la médecine en Suisse, où ils militent aussi contre le tsarisme. Vladimir Chapiro passe les vingt premières années de sa vie dans une famille genevoise. En 1915, ses études secondaires achevées, il s'engage dans l'armée tsariste avant d'être réformé pour blessures. Converti au bolchevisme, il devient le secrétaire personnel de Kamenev en novembre 1918. Entre 1920 et 1923, période durant laquelle il prend le nom de Socoline, il effectue diverses missions semi-officielles à l'étranger. À son retour en URSS en 1923, Socoline travaille à nouveau pour Kamenev,

puis est envoyé comme éducateur dans l'appareil « de base », notamment à Grozny, dans le Caucase. Affecté au commissariat du peuple des Affaires étrangères, Socoline entame au début des années 1930 une carrière classique de diplomate soviétique avant d'être nommé en 1937 sous-secrétaire général de la Société des Nations à Genève. Rappelé à Moscou suite à l'exclusion de l'URSS de la Société des Nations en décembre 1939, Socoline refuse de rentrer. Il obtient – difficilement – le droit de rester en Suisse. Jusqu'à la fin de sa vie, Socoline défendra l'URSS dans ses écrits et ses conférences dans une Suisse profondément antisoviétique. Durant des années, Socoline sera soupçonné par les autorités suisses d'être un espion à la solde de l'Union soviétique et sera soumis à une surveillance discrète mais vigilante. Ses dossiers d'archives, conservés à Berne et à Genève, témoignent de l'ampleur de l'anticommunisme en

Suisse durant la guerre froide. En 1981, sa demande de naturalisation lui est refusée, l'Office fédéral de la Police à Berne considérant que les « idées directrices » de ses « activités passées » sont « inconciliables avec les conceptions démocratiques » de la Confédération helvétique. « Dans ces conditions, nous n'avons pu acquérir la conviction que vous deviendrez un citoyen respectueux de nos institutions et envisageons de rejeter votre requête » [AFB, p. 14]. Socoline est âgé de 85 ans. Il décède à Genève trois ans plus tard, à la veille de la perestroïka.

Entre ce refus de naturalisation, que Socoline vécut comme « un coup affreux » [Ibid., p. 11], et sa visite chez Makhno, une vie entière s'est écoulée. Sa présence à Gouliäi-Polié aux côtés des bolcheviks Kamenev et Vorochilov fait partie des « activités passées » de Socoline qui n'auraient guère arrangé ses chances d'obtenir la nationalité suisse si les autorités en avaient eu connaissance. Toutefois, elles semblent tout ignorer de la vie de Socoline dans la Russie soviétique de 1918–1919, même si Socoline publie en 1949 une autobiographie dans laquelle il évoque longuement cette période de sa vie, ainsi que la rencontre Kamenev-Makhno [Socoline]. La rencontre avec Makhno semble avoir profondément marqué Socoline. En 1966 encore, à l'occasion du 80e anniversaire de la naissance de l'anarchiste, il lui consacre un texte. Une note rajoutée à la main sur le manuscrit mentionne la publication, en 1925, du récit de l'expédition bolchévique dans une revue soviétique. Ainsi, seul ce texte, écrit en 1966 et conservé dans les archives genevoises de Socoline, permet de faire le lien avec le récit publié en 1925 dans *La révolution prolétarienne*, dont seuls les spécialistes de Makhno connaissent l'existence, sans toutefois connaître l'identité de son auteur. En effet, le récit publié dans la revue soviétique est signé V. S. Or, en 1919, le secrétaire de Kamenev s'appelait encore Vladimir Chapiro. Pour que les historiens russes puissent retrouver l'identité de l'auteur, il aurait fallu qu'il signe V. Ch. Toutefois, cela n'aurait vraisemblablement pas suffi : dans son récit, Socoline parle de lui à la troisième personne (le « secrétaire de Kamenev »). Il mentionne une seule fois un certain Chapiro, sans dire qu'il s'agit de lui, ni que Chapiro et le secrétaire de Kamenev ne font qu'une personne. Enfin, le secrétaire russo-suisse de Kamenev a laissé peu de traces officielles et c'est uniquement en étudiant attentivement son itinéraire que l'on retrouve sa présence discrète auprès du dirigeant bolchévique.

Socoline est donc l'auteur de trois textes relatant les deux expéditions auxquelles il a participé (en avril 1919 dans la région de la Volga et en mai 1919 en Ukraine) : le premier texte, conservé dans les archives de Kamenev, a été rédigé entre 1919 et 1925. On ignore la date exacte d'écriture [РАСПИИ, Л. 1–60] ; le second texte, publié dans *La révolution prolétarienne* en 1925 dans la section « articles et souvenirs », est presque identique au texte conservé dans les archives de Kamenev [Экспедиция] ; le troisième texte est le récit de l'expédition publié en Suisse en 1949 [Socolin]. Enfin, il faut encore évoquer le texte de 1966, dont le manuscrit est conservé dans les

archives genevoises de Socoline [À propos de Makhno. BGE. F. 1–17]¹. Si ce texte ne relate pas l'expédition bolchévique en Ukraine, il évoque la rencontre entre Kamenev et Makhno. Les quatre textes, y compris celui qui est conservé dans les archives de Kamenev, relèvent de la catégorie des mémoires. Hormis le texte rédigé en 1966, ces récits sont presque identiques.

L'écriture du passé en contexte

Une comparaison détaillée de ces textes écrits dans des contextes différents montre qu'ils divergent sur un certain nombre d'aspects. Si ces divergences semblent à première vue mineures, elles suggèrent une réflexion sur la transmission des événements du passé par un témoin, ainsi que sur l'utilisation de tels récits par les historiens. Dans ce cas précis, une question adjacente que l'on pourrait se poser est celle de savoir si des situations *a priori* plus muselées politiquement (dans l'URSS de 1925, on ne peut déjà plus écrire ce que l'on veut) produisent des textes moins fiables, ou moins dignes de confiance, que ceux produits dans des situations de type démocratique (la Suisse de l'après-guerre).

Dans le texte conservé dans les archives de Kamenev ainsi que dans le texte publié en 1925, les documents produits durant l'expédition bolchévique (télégrammes, lettres des dirigeants soviétiques, discours, tracts, etc.) sont retranscrits, ce qui confère à ces deux récits impersonnels l'allure de rapports officiels. Dans l'autobiographie de Socoline, ces sources sont présentes mais elles sont résumées et fondues dans le récit des événements. De plus, même si de nombreuses parties du texte en français sont une traduction des textes en russe, Socoline écrit à la première personne du singulier, il se positionne clairement comme un acteur important de l'expédition, dont l'organisation semble centrée autour de lui. Enfin, le texte conservé dans les archives de Kamenev comprend certains détails que l'on ne retrouve plus dans le récit publié dans *La Révolution prolétarienne* en 1925, notamment le fait que Vorochilov et Kamenev furent accompagnés durant une partie de l'expédition en Ukraine de leurs épouses, et que les fils de Trotsky se trouvaient avec leur père dans le train blindé se rendant à Kiev, où Kamenev attend Trotsky. Evoquer dans un récit publié en URSS et consacré à la guerre civile que les dirigeants bolchéviques étaient accompagnés par des membres de leur famille aurait peut-être amoindri la valeur de cette expédition à caractère hautement militaire.

Les contextes politiques dans lesquels s'inscrit l'écriture de ces textes sont différents, et Socoline en a conscience. Son autobiographie est publiée en 1949, au début de la guerre froide, dans une Suisse dont les relations officielles avec l'URSS n'ont été établies que trois ans auparavant. On perçoit dès lors chez Socoline, qui restera toujours le « défenseur de

¹ Ce texte, comme de nombreux autres textes de Socoline, semble avoir été publié. Toutefois, nous n'avons pas encore retrouvé la trace de cette publication, les textes de Socoline ayant souvent paru dans des revues ou journaux suisses locaux, difficiles à retrouver aujourd'hui.

la Révolution d'Octobre » [À propos de Makhno. BGE. F. 1], le désir de convaincre le lecteur suisse du bien-fondé du régime soviétique. Dans son autobiographie, il évoque ainsi « la tendance fondamentale de l'URSS à la pacification des peuples, à l'unité dans le respect du génie propre de chacun » [Socoline, p. 261]. S'il mentionne certaines « méthodes » utilisées en URSS, que « l'humanisme repousse », il souligne qu'elles ne furent pas instaurées « par principe, comme chez les fascistes, mais par 'nécessité' temporaire » [Ibid., p. 270]. Socoline ne s'attarde pas sur la terreur et les purges staliniennes. Il garde le silence sur la lente chute politique de Kamenev, sur son procès et son exécution en août 1936. Son autobiographie, publiée alors que l'URSS, même dans le contexte de la guerre froide naissante, est toujours auréolée de la victoire soviétique, ne comporte aucune critique envers le régime soviétique, ni envers Staline. Socoline, qui l'a côtoyé au début des années 1920, le décrit comme un dirigeant plutôt sympathique, humain, apprécié de ses subordonnés et aimant plaisanter, parfois sur le dos de ses camarades, concède-t-il toutefois, comme il l'écrit ici :

Staline, taquin jovial, bousculeur impétueux, inquiétait un peu ses pairs par un optimisme négateur de l'insurmontable. Il aimait le style plébéien à l'état naturel et, malgré la vénération qu'il portait déjà alors à la science et à la technique, il se méfiait passablement des allures et des raisonnements par trop 'intellectuels'. On le disait alors plus brusque que méchant, plus épris de certitudes que rongé de soupçons. Les victimes de ses nombreuses farces lui faisaient une réputation de sournois, ce dont il était le premier à rire. 'Donc ça a porté', disait-il [Socoline, p. 50].

En ce qui concerne plus particulièrement les deux expéditions bolchéviques auxquelles Socoline a participé, dans les récits soviétiques, Socoline retranscrit les discours de Kamenev, qui pourfend les « ennemis impérialistes » et « contre-révolutionnaires » ... « qui jettent leurs dernières forces pour casser le pouvoir des ouvriers et des paysans en Russie » [ПТА-СПИ. Л. 8 ; Экспедиция, с. 121]. En revanche, dans le texte de 1949, Socoline évite de retranscrire des discours propagandistes peu susceptibles de rencontrer l'oreille compréhensive des lecteurs suisses. Il insiste en revanche fortement sur l'aspect moral de l'action des bolcheviks, une insistance qui aurait été inutile dans un texte publié en URSS :

Le plus important était d'avoir administré la preuve que nous agissions pour empêcher des grands centres de mourir de faim tout en faisant de notre mieux en faveur de ceux dont le travail était indispensable... Comment nous y prenions-nous pour sortir d'une situation qui semblait inextricable ? Nous donnions l'exemple. À travers mille erreurs, malgré beaucoup d'incompétence, l'organisation l'emportait sur le chaos, la foi en la cause sur une réalité de famine et de ruines .

Socoline souligne également le soutien de la population locale :

Nous pûmes constater que partout où les travailleurs voyaient qu'il ne s'agissait pas de caprices bureaucratiques ou d'ordres sans explications ils nous aidaient de grand cœur, prenaient des initiatives et dans beaucoup de cas persévéraient après notre départ .

Il évoque « l'héroïsme des volontaires, ouvriers et paysans », le sacrifice pour la cause juste des bolcheviks, ainsi que l'« accueil chaleureux », voire les « ovations » de la population des villes, qui, après avoir été sous la « fêrule des Allemands et des Blancs », perçoit les bolcheviks comme des sauveurs ayant refoulé les « tortionnaires » [Ibid., p. 57, 58, 59, 61, 63].

Attardons-nous maintenant sur la façon dont Kamenev et Makhno apparaissent dans les différents textes. Dans les deux textes soviétiques, Kamenev est la figure centrale du récit. Kamenev « organise les comités de défense, soude les organisations ouvrières » [РГАСПИ. Л. 29]. C'est lui qui « dirige la défense du Donbass » et son train « est le laboratoire pour la direction de la défense de ce nerf central et vital que constitue le Donbass » [РГАСПИ. Л. 29; Экспедиция, с. 133]. Socoline reproduit ses discours, ses télégrammes, ses tracts. Ses discours captivent l'auditoire makhnoviste pourtant peu acquis à la cause bolchévique. Ainsi, lorsqu'il explique aux hommes de Makhno le rôle de la Tchéka, abhorrée des makhnovistes, on entend à peine quelques faibles soupirs dans l'assistance. Makhno souligne même « que dans les grandes lignes, il est d'accord avec Kamenev et que tous les insurgés sont pour le pouvoir soviétique et la 'collaboration avec les bolcheviks' » [РГАСПИ. Л. 36; Экспедиция, с. 138]. En revanche, dans le texte publié en Suisse, le rôle de Kamenev est en quelque sorte gommé. Là où il nommait Kamenev, Socoline évoque le plus souvent « un de nos délégués », un « chef du parti » ou « nos dirigeants ». Les actions prêtées auparavant personnellement à Kamenev sont devenues collectives, par l'emploi réitéré du prénom « nous » [Socoline, p. 59–78]. Quant au long et passionnant discours de Kamenev prononcé devant les makhnovistes, il s'est transformé « en un tableau saisissant de la Révolution » brossé par « nos délégués » [Ibid., p. 73]. Enfin, dans les deux textes soviétiques ainsi que dans le texte de 1949, Socoline écrit que dans la rue principale de Gouliaï-Polié, pleine de monde, grise et sale mais inondée du soleil printanier d'Ukraine, des « détachements d'honneur attendent les bolcheviks ». Makhno « exalte les exploits de l'armée rouge accourue au secours du peuple insurgé d'Ukraine ». Il dit « en russe à ses gars terribles »² « les liens indissolubles qui unissent pour l'éternité les fils

² Ce n'est que dans le texte français que Socoline souligne que Makhno s'exprime en russe. Makhno, souvent perçu comme un anarchiste « ukrainien », ne parlait pas l'ukrainien, qu'il apprit seulement en exil [Skirda, 1982, p. 398]. Il est intéressant de noter que Socoline, qui dans plusieurs écrits exprime ses doutes au sujet de l'existence d'une nation ukrainienne, éprouve le besoin de mentionner que Makhno s'exprime en russe, langue majoritairement utilisée dans l'Empire russe.

de l'Ukraine à leurs frères travailleurs de Russie » [РГАСПИ. Л. 34; Экспедиция, с. 136; Socoline, p. 70]. Puis, dans les textes soviétiques, c'est au tour de Kamenev de parler :

Au nom du gouvernement soviétique et des ouvriers et des paysans russes, il exalte les hauts faits des 'valeureux partisans', qui ont lutté avec succès contre le joug des envahisseurs, des propriétaires et des généraux blancs. Les compagnons héroïques de Makhno lutteront avec l'Armée rouge contre les ennemis des travailleurs jusqu'à la victoire complète des ouvriers et des paysans [РГАСПИ. Л. 35; Экспедиция, с. 137].

Dans le texte de 1949, on retrouve la même scène. Toutefois, ce n'est plus Kamenev qui parle, mais Vorochilov³, à qui Socoline fait prononcer, à quelques mots près, le même discours qu'il attribue à Kamenev dans les récits soviétiques [Socoline, p. 71]. On pourrait bien sûr imaginer que si longtemps après les faits, la mémoire de Socoline lui a joué un tour. Il est toutefois permis d'en douter, son récit de l'expédition en français étant, en certains endroits, une traduction exacte des deux textes soviétiques. Comment donc interpréter cette transformation des faits, qui aurait été difficile en 1925, du vivant du dirigeant bolchévique encore incontesté qu'était alors Kamenev et que Socoline, par ailleurs, côtoyait toujours ? Dans la Suisse de 1949, personne ne contredira Socoline sur un événement inconnu et impossible à vérifier. En URSS par contre, même si les luttes pour le pouvoir au sein du Parti communiste ont commencé dès la mort de Lénine en 1924, Staline n'a pas encore remporté la victoire. Socoline n'aurait donc pu, en 1925, amoindrir aussi facilement le rôle de Kamenev durant la guerre civile.

Ainsi, consciemment ou non, Socoline a opéré dans son autobiographie un effacement discret, mais réel, du dirigeant exécuté en 1936. Certes, Socoline ne réécrit pas l'histoire selon la vision soviétique de 1949, auquel cas il aurait dû transformer Kamenev en un monstre, défigurer les faits, voire les taire, ce qui aurait été pour lui une mission impossible, tant Kamenev a joué un rôle central dans sa vie. Les souvenirs sur Kamenev sont par ailleurs rares. Son entourage, ses collaborateurs, sa famille, presque tous ont disparu dans les purges après son exécution en 1936. Dès cette date, le dirigeant bolchévique devient une « figure du silence ». Socoline n'aurait pu publier son récit des expéditions dirigées par Kamenev durant la guerre civile après son exécution en 1936. L'article consacré à Kamenev est même supprimé du deuxième tirage de la 1ère édition de la *Grande Encyclopédie soviétique* (juin 1937) [Amacher]. Dès lors, tant le récit de l'expédition dirigée par Kamenev,

³ Socoline souligne que Vorochilov répond en *ukrainien* au discours prononcé en *russe* de Makhno. Vorochilov était originaire d'un village situé près de Lougansk, en Ukraine. Dès lors, à la différence de Makhno « l'Ukrainien », Vorochilov, représentant de Moscou, parle l'ukrainien, en tous les cas est capable de s'exprimer en ukrainien. Socoline juge bon de le mentionner, peut-être pour mettre en avant la bonne volonté des dirigeants bolchéviques à l'égard des paysans ukrainiens.

publié en URSS en 1925, que le récit publié en Suisse en 1949 par Socoline, constituent des exceptions, ce qui en renforce la valeur historique. Toutefois, dans le texte de 1949, en diminuant le rôle joué par Kamenev, Socoline semble démontrer qu'il a, d'une certaine façon, lui aussi intégré le fait que Kamenev ne peut plus apparaître comme un des grands dirigeants bolchéviques de la guerre civile.

Quant à Makhno, Socoline en brosse une vision positive dans tous ses textes. Dans les récits soviétiques, les portraits de Makhno sont identiques. On observe cependant quelques différences entre les textes soviétiques et français. Dans les premiers, si le portrait de Makhno est nuancé, par moment légèrement admiratif, Makhno et ses hommes apparaissent cependant comme des traîtres potentiels, ce qui correspond à la vision officielle de Makhno en 1925. La rencontre entre Makhno et Kamenev se termine sur une conclusion qui ne laisse planer aucun doute :

Il était de plus en plus clair que les makhnovistes devaient être chassés du bassin du Donbass et qu'un sérieux nettoyage devait être réalisé dans leur milieu. Les anarchistes qui entouraient Makhno, les émigrés arrivés d'Amérique et d'Angleterre, publiaient leur organe *Le tocsin (Nabat)*, qui montait les masses contre les commissaires, la Tchéka, les soviets [РГАСПИ. Л. 36–37; Экспедиция, с. 138–139] (traduction de l'auteur de l'article. – K. A.).

Dès lors, les « promesses et serments de Makhno d'être un allié fidèle n'étaient pas du tout un motif de tranquillité » [Ibid.].

Le thème de la trahison est en revanche très peu présent dans le texte français. Socoline souligne avant tout le courage de Makhno. Et à la différence des textes soviétiques, le récit de la rencontre Makhno-Kamenev se clôt sur un tableau radicalement opposé : après les « clameurs enthousiastes » suscitées par les discours des uns et des autres, Vorochilov entonne un chant populaire de sa voix de « ténor splendide », sur des paroles « du grand Chevtchenko, mort, traqué, en 1861 » :

Quand je mourrai recouvrez-moi de terre / Sur la colline au bord du Dniepr / Au-dessus des espaces où s'étend notre Ukraine... Le chant grandit, s'élève, s'érige en cantique. Des femmes pleurent, les gars ont des yeux pleins d'extase. Le dernier couplet retentit comme un chœur d'archanges. On ne peut croire des voix humaines capables d'un tel prodige d'harmonie, de puissance et de beauté [Socoline, p. 71].

Les membres de l'expédition bolchévique quittent le camp de Makhno fort tard dans la nuit, grisés par les chants et les danses :

Les vergers, les maisons blanches affirmaient une volonté de vie et de paix. La musique des voix était de grandeur et d'amour. Grisé de contrastes,

titubant du sinistre au sublime, je m'arrachai aux rêves trop tangibles d'un moyen âge transfiguré, pour suivre mes compagnons qui reprenaient la route [Ibid., p. 74].

Peu après la rencontre entre Kamenev et Makhno, l'ataman Grigoriev, rallié comme Makhno aux Rouges en janvier 1919, retourne sa veste. Durant quelques jours, l'incertitude règne. Grigoriev réussira-t-il à attirer Makhno de son côté ? Dans les textes soviétiques, Socoline écrit que Makhno hésita entre les deux camps durant quelques jours [ПРАСПИ. Л. 4; Экспедиция, с. 148]. Dans le texte français, il rappelle au contraire que Makhno resta « fidèle à sa parole » et qu'en juillet 1919, ce fut par les hommes de Makhno que Grigoriev fut abattu [Socoline, p. 76, 79]. Enfin, dans tous les lieux repris par Grigoriev, des pogroms ont éclaté. Le plus violent, à Elizavetgrad, a causé des milliers de morts. Et à un Grigoriev pogromiste, auteur de l'« Universal », un manifeste « contre-révolutionnaire, antisémite et anarchisant » [Ibid., p. 76], Socoline oppose dans son autobiographie les gestes nobles de Makhno, ses paroles dignes et sa condamnation de l'antisémitisme et des pogroms.

Même si Socoline évoque la potentielle trahison de Makhno dans le récit publié en URSS en 1925, sa description de l'anarchiste est éloignée de la vision soviétique de Makhno [Aunoble]. Celle-ci s'imposa dès la fin du mois d'avril 1919, lorsque Makhno fut soumis à une véritable campagne de dénigrement dans la *Pravda*. Trotsky est le plus virulent : Makhno, affirme-t-il le 4 juin lors d'un entretien avec les représentants de la presse de Kharkov, attire à lui « tous les éléments de décomposition, de décadence, de révolte et de putréfaction » [Trotsky, p. 673]. La littérature soviétique suit rapidement. En 1924, dans son récit *La débâcle* (*Ледоход*), dans lequel la vérité historique est, par le jeu de l'écriture romanesque, malmenée d'une façon caricaturale, Boris Pilniak décrit Makhno comme un ivrogne antisémite [Пильняк]. Hors d'URSS, on s'accorde fort bien de cette version. En 1922, un officier blanc, N. V. Guerassimenko, publie à Berlin *Batko Makhno. Mémoires d'un garde blanc* (*Батько Махно. Мемуары белогвардейца*) [Герасименко]. Ce texte inspire Joseph Kessel lorsqu'il écrit *Makhno et sa juive*, un récit publié pour la première fois en 1926 et dont le succès ne se démentira pas au vu de ses nombreuses rééditions⁴. Le chef anarchiste y apparaît comme un personnage antisémite à outrance, dévoré par des pulsions malsaines [Kessel]. Quant aux « Mémoires » de Guerassimenko, ils sont publiés en 1928 en URSS [Герасименко], où s'enracinera pour longtemps l'image d'un Makhno « anarcho-koulak ».

Toutefois, dans l'URSS des années 1920 et du début des années 1930, et de façon plutôt étonnante au vu de la défiguration à laquelle est soumis Makhno, ceux qui ont croisé sa route, ou qui l'ont côtoyé, peuvent encore en proposer des portraits nuancés, voire positifs, à l'image de Socoline

⁴ Le récit de Joseph Kessel a été réédité tel quel en 2001, ce qui a suscité des réactions très critiques Cf.: [Thibaudat].

dans son récit publié en 1925, ou du bolchevik Vladimir Antonov-Ovseenko dans ses « notes sur la guerre civile » [Антонов-Овсеевко]⁵. De tels portraits auraient difficilement pu être publiés après la massive réécriture de l'histoire opérée par Staline au milieu des années 1930, dont les résultats sont visibles dans *L'histoire du parti communiste (bolchévique) d'URSS (История ВКП(б). Краткий курс)*, publié en 1938 et qui deviendra la matrice des manuels scolaires d'histoire en URSS. Dans le chapitre consacré à la guerre civile, Makhno et les « Verts » n'apparaissent tout simplement pas. Il en va de même de Kamenev et d'Antonov-Ovseenko, exécutés respectivement en 1936 et en 1938 [История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), с. 215–236]. Toutefois, à la différence de Kamenev, Makhno ne disparaît pas complètement des textes soviétiques. Dans la première édition de *La Grande Encyclopédie soviétique*, Makhno est dépeint comme un vulgaire bandit contre-révolutionnaire, porté sur la boisson, et qui, avec ses hommes, des anarcho-koulaks et des gardes blancs, se livre à des pillages, assassine les Juifs et les communistes. Et si Makhno noue des alliances avec les bolcheviks durant la guerre civile, ce n'est que pour mieux les trahir [Большая советская энциклопедия]. À quelques variantes près, on retrouve cette vision dans les deux éditions suivantes de la *Grande Encyclopédie soviétique* (1954 et 1974).

« Lorsqu'il n'y a pas de témoins, les légendes naissent »⁶ : de la valeur des témoignages

En 1966, dans son texte écrit à l'occasion du 80e anniversaire de la naissance de Makhno, Socoline s'arrête sur la vision soviétique du dirigeant anarchiste [À propos de Makhno. BGE. F. 1–17]. Il cite le portrait de Makhno brossé par l'écrivain soviétique Konstantin Paoustovski dans son *Histoire d'une vie (Повесть о жизни, 1962)*, dont une partie vient d'être publiée en français [Paoustovski, 1964]. Socoline s'étonne de la façon dont les « sources » peuvent varier :

Que de surprise, parfois, en confrontant les sources : un grand écrivain, admirable de talent, de courage et de véracité, a vu, ce qui s'appelle vu, un tableau que, témoin moi aussi, je n'aurais jamais imaginé. Voici ce qu'il dit de la vision

⁵ La description de Makhno par Antonov-Ovseenko est, comme l'écrit Alexandre Skirda, « surprenante en ce temps-là pour un bolchévik » [Skirda, 1982, p. 130]. Antonov-Ovseenko écrit d'ailleurs dans une note, comme pour se justifier, qu'au vu des événements qui ont suivi, son témoignage pourrait paraître « idéaliser outre mesure » Makhno, qu'il rencontra à Gouliiaï-Polié quelques jours avant Kamenev. Il ajoute cependant qu'il a « juste voulu être objectif ». En effet, ce n'est que plus tard, écrit-il, que « la makhnovchtchina... montra clairement son vrai visage contre-révolutionnaire, ses traits koulako-pogromistes ». Viennent ensuite les accusations classiques formulées en URSS contre Makhno : banditisme, saoulerie, etc. [Антонов-Овсеевко, т. 4, с. 113].

⁶ Александр Серегин, « Несколькo слов вначале », préface à l'ouvrage de Н. В. Герасименко, mis en ligne en 2011 (la version mise en ligne est l'édition publiée en URSS en 1928 avec une introduction de l'historien Pavel Chtchegolev). Cf. : [Герасименко, 1928].

rapide d'un carrosse, arrimé sur la plateforme d'un wagon de marchandises découvert, traversant une gare : 'dans le landau, à demi couché sur le siège arrière en maroquin rouge, il y avait un petit homme fluet au visage livide, terreux, en chapeau de feutre noir et en casaquin déboutonné... Toute son attitude exprimait la paresse, la tranquillité repue, la langueur. Le bras pendant, il tenait un revolver avec lequel il jouait mollement, le faisant sauter et le rattrapant au vol... Une frange moite descendait sur son front étroit qu'il plissait. Ses yeux – les yeux méchants en même temps que vides d'un putois ou d'un paranoïaque – étincelaient d'une fureur d'énergumène, d'une frénésie destructrice qui ne s'apaisaient sans doute jamais... C'était Nestor Makhno... Il leva paresseusement son revolver et... tira. Pourquoi ? Allez donc le savoir. Peut-on deviner ce qui se passe dans la tête d'un monstre déchaîné ?' À peu près à la même époque, je rencontrai Makhno. J'avais été frappé par son grand front lisse et le beau regard calme de ses grands yeux bleus. Rapide, exact dans ses mouvements, comme dans ses propos, il étonnait à force de modestie et de sérieux plein d'à-propos. Avec beaucoup de simplicité, il nous avait montré quelques arbres où des occupants, peu au courant du patriotisme russe, s'étaient balancés, la corde au cou. Une heure avant notre rencontre, il avait abattu lui-même un agitateur qui approuvait des tracts pogromistes. Ses commentaires, à cette occasion, étaient sobres et réfléchis [À propos de Makhno. BGE. F. 11–12].

Dans le texte de Socoline perce aisément une volonté de rendre justice à Makhno, dont Paoustovski écrit que la seule vue de son visage lui avait fait monter une « nausée de dégoût » à la gorge [Paoustovski, p. 213]. Socoline tente même une timide critique de ce qu'il appelle pudiquement le « point de vue officiel sur la makhnovchtchina », terme dépréciatif désignant ce mouvement : la vision soviétique « simplifiait quelque peu le problème. Lénine et, plus tard, Trotsky avaient légèrement esquissé une analyse du mouvement, mais la manière courante de le présenter consistait à dire qu'il s'agissait d'une entreprise d'insurgés anarchisants, répandus en 1918–1921 parmi les gros bonnets de la paysannerie ukrainienne » [Ibid. F. 14].

Enfin, Socoline évoque certes la « défection » et les « oscillations » de Makhno, mais il souligne aussi son courage et sa loyauté :

Makhno combattit loyalement, avec une grande efficacité, prenant des initiatives hardies, allant jusqu'à tuer de sa main un autre chef de bande, Grigoriev, qui le sommait de reprendre le combat contre les communistes [Ibid. F. 15].

Et malgré la tonalité très soviétique de certaines de ses réflexions⁷, Socoline souhaite dans ce récit rappeler le rôle que Makhno « joua dans l'épopée de la Révolution » [Ibid. F. 17].

⁷ « Quels qu'en fussent les drames concrets et les allures pittoresques, le makhnovisme, avec ses oscillations, ne faisait que traduire l'incapacité classique des mouvements paysans de mener une politique indépendante, soit de la bourgeoisie, soit du prolétariat » [À propos de Makhno. BGE. F. 16].

On sait combien les témoignages et les perceptions d'un événement ou d'une personne varient d'un auteur à l'autre et d'une époque à l'autre. Le portrait de Makhno brossé par Paoustovski, qui a surpris Socoline tant son propre souvenir de Makhno en est éloigné, est à cet égard évocateur. Aux textes de Socoline relatant la visite de Kamenev chez Makhno, il faudrait pouvoir confronter les témoignages des makhnovistes qui furent présents durant la rencontre. Or, à la différence du secrétaire de Kamenev qui passera sa vie entière à écrire, à raconter, à témoigner, les makhnovistes ne prenaient guère de notes. Quelques témoignages existent toutefois. Piotr Archinov, collaborateur de Makhno et de Voline, l'évoque brièvement dans sa *Makhnovchtchina*. Il souligne que les adieux furent chaleureux. Kamenev, écrit Archinov, embrassa Makhno et affirma que « les bolcheviks sauront toujours trouver une langue commune avec les makhnovistes comme avec de véritables révolutionnaires » [Archinov, p. 101–102]. Cette description correspond à celle de Socoline. La conclusion d'Archinov diffère en revanche : Archinov soupçonne Kamenev de n'être venu à Gouliäi-Polié que dans le but d'effectuer une reconnaissance des lieux avant de réaliser une grande offensive contre les makhnovistes [Ibid., p. 102] : une idée reprise par Voline et que réfute Alexandre Skirda, le biographe de Makhno pourtant peu favorable aux bolcheviks [Voline, p. 165 ; Skirda, p. 133].

En 1993, dans l'Ukraine indépendante, où Makhno connaît une nouvelle vie après des décennies soviétiques de dénigrement [Aunoble], paraît un ouvrage intitulé *Les Chemins de Nestor Makhno* (Дороги Нестора Махно). Il s'agit d'un montage de documents historiques et de souvenirs de Viktor Bélach, qui fut le commandant d'un régiment de Makhno puis le chef d'état-major de son armée insurrectionnelle. Dans cet ouvrage, publié par le fils de Viktor Bélach, on apprend que juste avant la visite de Kamenev à Gouliäi-Polié, Makhno aurait exprimé ses inquiétudes à Viktor Bélach, se demandant quelles étaient les raisons cachées de la venue du dirigeant bolchévique. La rencontre entre Kamenev et Makhno est ensuite relatée sur la base du récit de Socoline publié dans *La Révolution prolétarienne* en 1925. Si le fils de Viktor Bélach ne remet aucunement en doute ce récit, l'estimant suffisamment digne d'intérêt et proche des faits pour en inclure des morceaux entiers dans *Les Chemins de Nestor Makhno*, il soupçonne néanmoins « le secrétaire de Kamenev » d'avoir très bien su quel était le véritable but de la visite de Kamenev et d'avoir écrit son récit en « nettoyant où il fallait nettoyer et en omettant ce qu'il fallait omettre » [Белаш А. В., Белаш В. Ф., с. 175–176].

Si, comme on l'a vu, et pour de multiples raisons, les récits, les témoignages ainsi que les perceptions des événements varient d'un auteur à l'autre et d'une époque à l'autre, Maurice Halbwachs a rappelé dans *Les Cadres sociaux de la mémoire* (1925) combien les souvenirs et leur retranscription varient aussi chez une même personne, changent de tonalité, selon les contextes, les espaces et les univers mentaux dans lesquels ils s'insèrent, et les interlocuteurs ou lecteurs auxquels ils s'adressent [Halbwachs]. Socoline ne fait pas exception. Il a lui aussi fait varier les sources. L'analyse croisée de ses

textes a montré que chaque récit met en avant certains faits au détriment d'autres, ou alors les relate de façon légèrement différente. En témoigne le discours de Kamenev, devenu en 1949, pour des raisons qui nous échappent, celui de Vorochilov, malgré le fait que son autobiographie est publiée en Suisse, où Socoline n'est soumis à aucun type de censure institutionnelle, comme c'était le cas en URSS.

Ainsi, ce n'est pas toujours le laps de temps qui a passé entre l'événement lui-même et la production du récit de l'événement qui amoindrit la valeur historique, la conformité ou la précision d'un récit. Le texte de 1949 est très précis lorsque Socoline veut être précis. Et l'on sait que la censure institutionnelle peut produire des effets plus importants, plus déformants que le temps qui s'est écoulé entre les événements et leur mise en récit. Toutefois, nous avons parfois affaire à des silences, à des déformations qui sont moins visibles, plus subtiles, et qui montrent que l'écriture dans un contexte démocratique n'est pas toujours une garantie pour une production plus fidèle de la réalité. On pourrait donc conclure en affirmant que si l'historien n'avait en sa possession que le texte de 1949, la perception des faits en serait faussée, en raison de la légère réécriture de l'histoire (effacement de Kamenev) que Socoline opère. En ce qui concerne Makhno en revanche, les textes de 1949 et de 1966 semblent refléter ce que Socoline a toujours pensé de Makhno. Sa fascination pour le dirigeant anarchiste transperce d'ailleurs déjà dans les textes soviétiques, même si Makhno y est décrit, conformément à la vision soviétique, comme un chef de bande susceptible de trahir les bolcheviks à tout instant.

Toutefois, si l'historien n'avait à sa disposition que les récits soviétiques, l'événement aurait perdu de sa vie. En effet, dans le texte publié en Suisse, Socoline parle de lui à la première personne, il se place au centre de l'événement, laisse libre cours à ses souvenirs, raconte des anecdotes, évoque des détails qu'il aurait été de mauvais ton de publier en URSS dans *La Révolution prolétarienne*, notamment sa course folle en side-car dans les vieilles rues de Kiev, avec Konopo, le chef du train de la délégation soviétique. De même, il aurait été indélicat d'évoquer la propension à la gourmandise, voire à la goinfrerie de la délégation bolchévique. À leur arrivée dans une ville de Sébastopol tout juste reconquise, Socoline explique que les membres de la délégation succombèrent comme un seul homme « à la tentation du café au lait, du vrai pain blanc » :

On découvre une boutique où l'on vend des boîtes de sardines et des œufs. Un goinfre va jusqu'à en manger trois en un seul repas. C'est l'orgie et un de nos dirigeants en fait la remarque sur le ton du mécontentement le plus sérieux. Nos billets de banque impériaux font une grande impression sur les boutiquiers de la ville et le soir venu nous avons tous sombré dans la gourmandise [Socoline, p. 65].

De même, aurait-il été possible d'évoquer en URSS en 1925 qu'au moment où, en Ukraine, des détachements de bolcheviks réquisitionnaient les

récoltes des paysans pour nourrir les villes affamées, leurs dirigeants étaient grassement nourris à Gouliaï-Polié ? Socoline écrit que cela faisait des années qu'il n'avait rien mangé d'aussi bon. D'ailleurs, si dans le texte conservé dans les archives de Kamenev, de même que dans celui publié en Suisse, le menu est détaillé, dans le texte publié en URSS, il est certes écrit que les dirigeants bolchéviques furent invités à manger chez Makhno, mais toute indication précise du menu a disparu [Экспедиция, с. 137].

Or ce sont ces anecdotes, dont on ne pourra jamais vérifier le caractère véridique, qui donnent à ce récit autobiographique publié presque trente ans après les faits une impression de proximité avec l'événement que les récits soviétiques, pourtant à certains égards plus conformes aux faits, ne transmettent pas, en raison de leur caractère impersonnel, froid, qui rappelle le style des rapports administratifs. Un infime détail mis en lumière permet parfois de faire revivre l'événement. Enfin, le texte de 1949 est le seul où transparaisent les questionnements qui semblent avoir torturé Socoline dès les années de la révolution déjà, et qui permettent de mieux comprendre l'atmosphère complexe de cette période : comment concilier la nécessité de la violence et de la terreur, seuls gages, selon lui, de la victoire des bolcheviks, avec ce lancinant désir de paix, que l'on perçoit, par exemple, mais pas uniquement, dans sa description poétique de la soirée passée dans le « campement cosaque » de Makhno ?

Quant à notre question initiale, à savoir si des situations *a priori* plus muselées politiquement produisent des textes moins fiables que ceux qui sont écrits dans des situations de type démocratique, on pourrait répondre à la lumière de cet exemple que ce n'est pas toujours le cas. Avoir à sa disposition plusieurs sources écrites par un même acteur sur le même événement mais à des époques et dans des contextes différents semble plus important et rappelle combien il est complexe de retracer *ce qui a vraiment été* en se fondant sur une seule source, quel que soit le contexte, démocratique ou autoritaire, qui l'a produite. Quant à la visite de Kamenev chez Makhno, relatée par un acteur secondaire de l'histoire qui s'est retrouvé à un moment donné de sa vie au centre de la « grande histoire », elle aurait eu toute sa place dans le récit soviétique de la guerre civile si ses deux protagonistes principaux, Kamenev et Makhno, n'étaient pas devenus des « ennemis du peuple ».

Список литературы

Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне : в 4 т. М. ; Л. : Гос. воен. изд-во, 1924–1933. 271 + 298 + 350 + 343 с.

Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно. Киев : Проза, 1993. 592 с.

Большая советская энциклопедия. М. : ОГИЗ, 1938. Т. 38. 832 стлб.

В. С. Экспедиция Л. Б. Каменева для продвижения продгрузов к Москве в 1919 году // Пролетарская революция. 1925. № 6 (41). С. 116–154.

Веллер М. И. Махно. М. : АСТ, 2007. 304 с.

Герасименко Н. В. Махно // Историк и современник : ист.-лит. сб. / ред.-изд. И. П. Петрушевский. Берлин, Изд. О. Л. Дьякова. 1922–1924. Т. 1–5. Т. 3. – 304 с. Т. 3.

Герасименко Н. В. Батько Махно : Мемуары белогвардейца. М. ; Л. : ГИЗ, 1928 // Румянцевский музей [интернет-портал]. URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/302> (дата обращения: 08.07.2016).

Голованов В. Я. Нестор Махно. М. : Молодая гвардия, 2008. URL : <http://www.e-reading.club/book.php?book=86841> (дата обращения: 08.07.2017).

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) : Краткий курс. М. : ГИПЛ, 1938. 351 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 50. 623 с.

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921 : Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М. : РОССПЭН, 2006. 1000 с.

Пильняк Б. А. Ледоход // Пильняк Б. А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Терра – Книжный клуб, 2003. Т. 2. С. 453–477.

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 134.

AFB. Dos. E 4260-03/2005/268/30453 (Dossier Socoline-Welsh, Vladimir, 02.04.1896).

Amacher K. Lev Kamenev, historien d'Alexandre Herzen: un intellectuel entre deux rives // *Rev. des Etudes slaves*. 2012. № 1 (83). P. 185–206.

Archinov P. Makhnovchtchina. L'insurrection révolutionnaire en Ukraine de 1918 à 1921. Paris : Spartacus, 2010. 256 p.

Aunoble E. La figure de Nestor Makhno, ou les tribulations d'un héros révolutionnaire // *Le retour des héros : La reconstitution des mythologies nationales à l'heure du postcommunisme* / eds. K. Amacher, L. Heller. Louvain-la-Neuve : Bruylant – Academia, 2010. P. 35–51.

BGE. Ms.fr. 7929. Doss. 11. F. 1–17. «À propos de Makhno» (Papiers Vladimir Socoline, 19e–20e s.).

Halbwachs M. Les Cadres sociaux de la mémoire. Paris : Albin Michel, 2011. 367 p.

Kessel J. Makhno et sa juive. Paris : Gallimard, 2001. 86 p.

Marie J.-J. Histoire de la guerre civile russe, 1917–1922. Paris : Tallandier, 2015. 432 p.

Paoustovski C. L'Histoire d'une vie. Une ère inconnue commence... Paris : Gallimard, 1964. Vie. III. 248 p.

Skirda A. Nestor Makhno : Le Cosaque de l'Anarchie. La lutte pour les soviets libres en Ukraine 1917–1921. Paris : A. S., 1982. 476 p.

Socoline V. Ciel et terre soviétiques. Neuchâtel : À la Baconnière, 1949. 275 p.

Thibaudat J.-P. Sur les traces de « Makhno l'égorgé » // *Liberation* [site]. URL: http://www.liberation.fr/grand-angle/2003/12/25/sur-les-traces-de-makhno-l-egorgeur_456436 (consulté : 10.07.2016).

Trotsky L. Écrits militaires. 1. Comment la Révolution s'est armée. Paris : L'Herne, 1967. 999 p.

Voline V. La révolution inconnue. Livre Troisième : Les luttes pour la véritable Révolution sociale (1918–1921). Genève : Entremonde, 2010. 298 p.

References

AFB. Dos. E 4260-03/2005/268/30453 (Dossier Socoline-Welsh, Vladimir, 02.04.1896). Amacher, K. (2012). Lev Kamenev, historien d'Alexandre Herzen: un intellectuel entre deux rives. In *Revue des Etudes slaves*. № 1 (83), pp. 185–206.

Antonov-Ovseenko, V. A. (1924–1933). *Zapiski o grazhdanskoy voyne* [Notes about the Civil War]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo. T. 1–4. 271 + 298 + 350 + 343 p.

Archinov, P. (2010). *Makhnovchtchina. L'insurrection révolutionnaire en Ukraine de 1918 à 1921*. Paris, Spartacus. 256 p.

Aunoble, E. (2010). La figure de Nestor Makhno, ou les tribulations d'un héros révolutionnaire. In Amacher, K., Heller, L. (Eds). *Le retour des héros. La reconstitution des mythologies nationales à l'heure du postcommunisme*. Louvain-la-Neuve, Bruylant – Academia, pp. 35–51.

Belash, A. V., Belash, V. F. (1993). *Dorogi Nestora Makhno* [The Roads of Nestor Makhno]. Kiev, Proza. 592 p.

BGE. Ms.fr. 7929. Doss. 11. F. 1–17, « À propos de Makhno » (Papiers Vladimir Socoline, 19e–20e s.).

Bolshaya sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopaedia]. (1938). Moscow, OGIZ, T. 38. 832 stlb.

Danilov, V., Shanin, T. (Eds.). (2006). *Nestor Makhno. Krest'yanskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921. Dokumenty i materialy* [The Peasant Movement in Ukraine. 1918–1921. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN. 1000 p.

Gerasimenko, N. V. (1922–1924). Makhno. In *Istoriya i sovremennik* : in 5 t. Berlin, Ol'ga D'yakova i Ko. T. 3. 304 p.

Gerasimenko, N. V. (1928). *Bat'ko Makhno. Memuary belogvardeyca* [Batko Makhno. Memoirs of a White Guard]. Moscow, Leningrad, GIZ. URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/302> (mode of access: 08.07.2017).

Golovanov, V. Ya. (2008). *Nestor Makhno*. Moscow, Molodaya gvardiya. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=86841> (mode of access: 08.07.2017).

Halbwachs, M. (2011). *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris, Albin Michel. 367 p.

Istoriya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bolshevikov). Kratkiy kurs [The History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks). Short Course]. (1938). Moscow, GIPL. 351 p.

Kessel, J. (2001). *Makhno et sa juive*. Paris, Gallimard. 86 p.

Lenin, V. I. (1970). *Polnoe sobranie sochineniy* [A Complete Collection of Works]. Moscow, Izd. politicheskoy literatury. T. 50. 623 p.

Marie, J.-J. (2015). *Histoire de la guerre civile russe, 1917–1922*. Paris, Tallandier. 432 p.
Paoustovski, C. (1964). *L'Histoire d'une vie. Une ère inconnue commence...* Paris, Gallimard. T. III. 248 p.

Pil'nyak, B. A. (2003). Ledokhod. In Pil'nyak B. A. *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Collected Works in Six Volumes]. Moscow, Terra – Kniznyi klub. T. 2. P. 453–477. RGASPI. Stock 323. List 1. Dos. 134.

Skirda, A. (1982). *Nestor Makhno. Le Cosaque de l'Anarchie. La lutte pour les soviets libres en Ukraine 1917–1921*. Paris, A. S. 476 p.

Socoline, V. (1949). *Ciel et terre soviétiques*. Neuchâtel, À la Baconnière. 275 p.

Trotsky, L. (1967). *Écrits militaires. I. Comment la Révolution s'est armée*. Paris, L'Herne. 999 p.

V. S. (1925). Ekspeditsiya L. B. Kameneva dlya prodvizheniya prodgruzov k Moskve v 1919 godu [The Expedition of L. B. Kamenev for the Forwarding of Food to Moscow in 1919]. In *Proletarskaya revolyuciya*. No. 6 (41), pp. 116–154.

Veller, M. I. (2007). *Makhno*. Moscow, AST. 304 p.

Voline, V. (2010). *La révolution inconnue. Livre Troisième: Les luttes pour la véritable Révolution sociale (1918–1921)*. Genève, Entremonde. 298 p.

The article was submitted on 20.03.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.249

УДК 821.161.1-223+141.82+316.423.3

MAYAKOVSKY'S *BEDBUG*: REVOLUTION, TIME, AND UTOPIA* **

Giovanni Maniscalco Basile

Istituto Di Teoria E Tecniche Dell'informazione Giuridica
Università Di Roma,
Roma, Italy

No battle plan ever survives contact with the enemy.
Helmut von Moltke

...История уж кончилась, а ты и не заметил.
(...History has ended and you didn't even notice.)
Andrey Platonov

Irony is just death walking among us.
Kim Stanley Robinson

In Russia, the very idea of a Communist revolution – from 1905 onwards – meant both hope and dread. This attitude is quite clearly shown in a very significant part of the Russian literary process, from 1908 to the beginning of the Stalin era. An obvious thread, in fact, connects Aleksandr Bogdanov (*Red Star*, 1908), Evgeny Zamyatin (*We*, 1921) and Vladimir Mayakovsky (*The Bedbug*, 1929): the growing awareness that the Communist revolution, as Lenin had conceived it, was little more than a model and that a model could not describe – much less forecast – a complex reality (a complex system) like a social and political one. As a result of this awareness, hope and a dark prophecy (Bogdanov) slowly turn into despair (Mayakovsky). The model is subsumed by Vladimir Mayakovsky's dystopian satire of *The Bedbug* and *The Bathhouse* which propose a new paradigm of dystopia: a bottleneck in the flow of the information produced by blind

* This essay is the second 'episode' in a study on Russian dystopian thought in the second decade of the 20th century: the first, *The Algebra of Happiness: Evgeny Zamyatin's We*, was published in *Quaestio Rossica*, n. 4, 2015, p. 19–39. Hopefully, a third 'episode' will follow with an analysis of Andrej Platonov's *Chevengur*. The critical literature about Mayakovsky's *The Bedbug* is quite extensive. In this essay, I chose to refer only to that part which has direct relevance for the interpretative hypothesis I propose. Critical excerpts quotes written in languages other than English (Italian, Russian) were translated by me.

** Citation: Basile, G. M. (2017). Mayakovsky's *Bedbug*: Revolution, Time, and Utopia. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 757–776. DOI 10.15826/qr.2017.3.249.

Цитирование: Basile G. M. Mayakovsky's *Bedbug*: Revolution, Time, and Utopia // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 757–776. DOI 10.15826/qr.2017.3.249.

adherence to a preconceived project that prevents the discovery and the implementation of *la volonté générale* in so complex a system as *human society*.

Keywords: Mayakovsky; *The Bedbug*; *The Bathhouse*; communism; revolution; utopia; dystopia.

Для периода господства революционных идей в России начала XX в. были характерны противоречивые настроения надежды и страха. Это ярко проявлялось и во многих произведениях русской литературы, начиная с 1908 г. и вплоть до сталинской эпохи. Такие представления были связующей нитью для творчества Александра Богданова (*Красная Звезда*, 1908), Евгения Замятина (*Мы*, 1921) и Владимира Маяковского (*Клоп*, 1929): по их изменениям можно проследить то, как в сознании людей росло убеждение, что коммунистическая революция – всего лишь абстрактная модель. А модель не может описать и, тем более, предсказать сложную реальность, включающую в себя социальную и политическую системы. Из осознания этого факта, по мнению автора, и происходит мрачное пророчество А. Богданова (соединенное с надеждой), которое затем перерастает в отчаяние у В. Маяковского. Эта модель представлена в сатире Маяковского – в «Клопе» и «Бане», в которых возникает новая парадигма антиутопии: информационная ограниченность, вызванная слепым следованием заранее заданному замыслу, препятствует открытию и внедрению *volonté générale* (всеобщей воли как результата ограничения людьми своих прав) в такой сложной системе как человеческое общество.

Ключевые слова: В. Маяковский; «Клоп»; «Баня»; коммунизм; революция; утопия; антиутопия.

Unlike the great revolutions in Europe [Hill; Russell C.; Tilly; Goldstone], whose outbreak was sudden, unexpected, and inspired by ideals and 'ideologies' which were not always clearly defined, the future destiny of the Communist Revolution was quite precisely outlined by Karl Marx in his works, from the *Communist Manifesto* to the *Grundrisse* and the *Critique of the Gotha Program*.

'Without revolutionary theory there can be no revolutionary movement...?' – said Vladimir Ilych Lenin, who, in *State and Revolution* and *What is to be Done*, enriched Marxist theory with all the social and political conditions of Russia [Ленин, с. 24]. In this country, the proletarian workers who needed to become conscious of the chains binding them in order to break them were relatively few in number compared to the vast peasant population.

As a revolutionary theory implies the existence of a 'model' predicting its outcomes,² the Russian Revolution of 1917 was born from a model,

² 'Even in Russia, social democratic doctrine arose and developed among the intellectuals... To their social position, the founders of the contemporary scientific socialism, Marx and Engels, were bourgeois intellectuals' [Ленин, с. 24]. 'So... the political consciousness of class can be brought to the worker only from the outside, i. e., from the outside of the economic struggles of the sphere of relations between workers and owners. The only field from which it is possible to reach this consciousness is the field of relationships of all classes, in all sections of the population with the State and with the Government...' [Ibid.].

a prediction made by intellectuals: this was precisely the engine that would move it along its course.

At some stage, the generations of Russians who had dreamed of a revolution (usually intellectuals raised within a bourgeois culture) found that a worrying question was buried deep in Leninist theory: what would become of them after the advent of Communism? What would proletarian culture be like in a collectivist society? If a vanguard was necessary to foment the revolution in proletarian and peasant Russia because the masses were ignorant of what they had to do, what would become of that vanguard once its 'pedagogical' and political task had been accomplished and a new culture had become hegemonic? Although the peace after class struggle would involve everyone, including revolution-

Vladimir Mayakovsky.
Photo taken by P. A. Otsup

ary intellectuals, the political thought of those years, particularly through the mirror of literature, shows that concern (and sometimes even fear) about the consequences of the revolution was widespread among the leading characters of Russian literary life in the second decade of the twentieth century [Burbank].

It has been said that Romanticism was nothing but the attempt to recover, on an individual basis, a collective *sacrum* [Brook] (faith in an omnipotent God, provident and imposer of an ethics) that, with the birth of the Copernican science and the Enlightenment, had gradually lost its legitimacy. Considered in these terms, the Communist Revolution was an attempt to recreate the collective *sacrum* – namely, an ethics – on the basis of common reason, thus delegitimising the individual *sacrum* of Romanticism. The revolution, therefore, implied nothing less than the abandonment by the individual of the ability to establish his own *sacrum* and the mandate given to a concord and homogeneous body. It was not, consequently, a matter of simply changing the government or regime, but of transforming the individual's attitude towards his own behaviour from a self-determined ethics to a hetero-determined one.

It is true that if a transformation is really harmonious and homogeneous, then it should take place smoothly, but it is also true that over the course of a revolutionary process no one really knows what kind of homogeneity can be achieved. The main figures of Russian culture during the 1917 Revolution felt that the world with which they were dealing was more complex and unpredictable than was written in the 'holy books', and that the revo-

lution would be quite different from a simple and automatic change from an unjust and oppressive world to a just and fair one. Hence the ambivalent attitude mentioned: there was hope for the fulfilment of a dream but also fear of landing in a nightmare.

A Red Star

The first to address this problem was Alexander Aleskandrovič Bogdanov (A. A. Malinin).¹ Leader of the 1905 insurrection in Moscow, Bogdanov was initially Lenin's friend but later became his ideological opponent: it was against him that Vladimir Ilyč wrote the polemic *Materialism and Empiriocriticism*. Bogdanov devoted himself to solving an issue that was not fully analysed in Lenin's programmatic works: once the revolution had been won and the means of production had become collective property, what would the 'superstructure' of the new society be like? What culture would the revolutionary proletariat create? The monumental and unfinished *Tektologya*, the General Science of Organisation, clearly demonstrates Bogdanov's ideas about proletarian culture: to the division of technical knowledge that had allowed the bourgeoisie to dominate production processes by means of the monopoly of the organisational science, Bogdanov opposes multidisciplinary and self-organised proletarian knowledge.

Before the publication of *Tektologya* (1912–1917), Bogdanov wrote a novel in which the fate of revolutionary intellectuals in a communist state was faced dramatically for the first time: this 1908 novel was entitled *Red Star* [Богданов; see also: Basile 1989]. In his *Roman-Utopia*, Bogdanov imagines a Russian revolutionary, Leonid, being taken to Mars (the titular red star) shortly after the failed 1905 insurrection: once there, he learns that a fully communist civilisation has existed on Mars for many centuries. He lives in the new order he had until then only dreamed about, making wonderful discoveries about harmony and 'quiet happiness'. Far from being comfortable though, Leonid gradually goes mad and has to be brought back to Earth in order to heal from the lethal delusions that haunt him on Mars, some of which even lead him to murder. The author himself tells us the reasons for the protagonist's madness: Leonid is a revolutionary intellectual who grew up in a bourgeois culture and therefore belongs to a class culture incompatible with that of the proletarians who built Communism on Mars. The madness of the protagonist is due to his cultural inability to adjust to a proletarian society.

Therefore in 1908 Bogdanov already foresaw the difficulties awaiting the enlightened revolutionary intellectual in a world of where Communism

¹ Dystopian literature, in the form of science fiction, was nothing new when Bogdanov wrote *Red Star* and, *a fortiori*, when Yevgeny Zamyatin wrote *We*. The novels of H. G. Wells were well known [The reception...]. In the first years of the twentieth century, L. B. Afanas'yev (*Putešestvie na Mars. Fantasticheskaya Povest*) [Афанасьев] and N. F. Fyodorov (*Večer v 2217 godu*) [Федоров] described horrendous states, modelled after the Wellesian *The Sleeper Awakes*. For a rich and well-structured bibliography of science fiction utopias and dystopias from the early twentieth century to the thirties, see [Bottero].

had been achieved. As the protagonist of the novel experiences, the communist Red Star is a world where 'quiet happiness' reigns. But what is such 'quiet-happiness' to Leonid Bogdanov?

On Mars, all human activity takes place in silence. Factories emit harmonious sounds rather than metallic clanging; birth and death are regulated in a completely non-traumatic way; children are educated in state schools to put aside the distinction between 'mine' and 'yours'; suicide is allowed and benevolently assisted. Daily life goes smoothly and the work is constituted by truly collective cooperation. Nothing has changed for five centuries, although men and women have become similar to each other in terms of their appearance, to the point that Leonid, much to his embarrassment, mistakes a man for Netti, the Martian woman with whom he falls in love.

Leonid, although he seems to appreciate Martian peace, is unable to integrate into this world of collective work: even the romantic relationship with his second Martian mistress, Enno, is described with such coldness as to freeze the hottest of erotic enthusiasms.

Неизменно кроткая и добрая Энно не уклонялась от этой близости, хотя и не стремилась к ней сама [Богданов].

(Always calm and gentle, Enno did not refuse this intimacy, even though she hadn't asked for it.)²

Был оттенок мягкой грусти в ее ласках – ласках нежной дружбы, которая все позволяет... [Ibid].

(There was always a tinge of sadness in her sweet caresses – the caresses of a tender friendship that allowed everything).

Even the literature is *спокойная и неподвижная, как смерть* (quiet and still as death) [Ibid.]. 'The literature of the new world... did not provide peace nor repose... the themes were simple, the acting excellent, but life remained far away... The dialogues of the heroes were quiet and polite... but the feelings they expressed were subdued, as if they didn't want to evoke any emotion.' All of this seems to have little to do with the dream of true Communism.

However, in *Red Star*, we find a prophecy about the future fate of terrestrial Communism.

Sometime during his visit, Leonid comes across the records of a committee meeting dealing with the energy emergency on Mars. While some members propose asking the people of Earth to share their resources, Sterni, one of Martians who flew the ship that took Leonid to the Red Star, makes a shocking proposal, triggering the insanity of the protagonist: the total de-

² Translation of quotations from Bogdanov's book was made by the author of the article. The full text of the book cf.: [Bogdanov].

struction of humanity on Earth. Sterni's reasoning is linear. A capitalist world like Earth will never spontaneously share its resources and will resist with open warfare, guerrilla combat, terrorism, and any other available means. It is not realistic to hope that a portion of the planet (perhaps Russia if and when Communism is achieved) will accede to the Martian requests. In fact:

Затем отдельные передовые страны, в которых социализм восторжествует, будут как острова среди враждебного им капиталистического, а частью даже докапиталистического мира. <...> Но даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом [Богданов].

(Where socialism resists and eventually wins its fight, its character will be deeply, and for a long time to come, perverted by long years of siege, terror, and militarism, until the inevitable consequence: a barbaric patriotism.)

Sterni's ruthless analysis is nothing less than a prophecy (formulated in 1908!) of Socialism in One Country. Furthermore, *Red Star* looks like a futuristic intuition of Zamyatin's 'revolutionary entropy' [Basile, 2015].

The Decline of Enthusiasm

From the October Revolution to Vladimir Mayakovsky's *Bedbug*, a decade passed during which revolutionary Russia faced the civil war, the New Economic Policy, and the beginning of Stalinism.

Будущее искусство расцветет в своих возможностях достижений как некий вселенский вертоград, где блаженные и мудрые люди будут хоровадно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего дерева, имя которому социализм, или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представлялся – где нет податей за пашни, где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу... [Есенин, 1967, с. 190–191].

(Future art will flourish in all its possibility as a universal city, where people blissfully and wisely will rest in a circle under the shady branches of a giant tree, whose name is Socialism, or Heaven, because Heaven in the creation of the muzhiki is portrayed as a place where there are no tributes on the fields, where the izby are new, roofed with cypress planks, where a decrepit time, wandering through the meadows, invites to a common table every race.)³

Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого. Ведь идет совершенно не тот соци-

³ Translation of quotations from Yesenin was made by the author of the article.

ализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений [Есенин, 1999, т. 6, с. 114–116].

(I am very sad now that history is going through the hard time of killing the personality as a living thing, because it is absolutely not the socialism that I thought about, but a precise and premeditated one, like a St Helena, with no glory or dreams. It is hard for a living person, it is hard for those who build bridges towards invisible worlds, because these bridges are cut and destroyed under the feet of generations to come.)

Between Sergei Yesenin's ruminations, only two years had elapsed: only two more years separated the poet from a (suspicious) suicide by hanging in his room at the Hotel Angleterre in Leningrad.

The Futurist movement, led by representatives of art with little experience of politics, is cloaked with the colours of anarchy... October has purged, formed, reorganised. Futurism has become the Left Front of the Arts, i. e.: "We".

...October has taught us the work.

<...>

The revolution taught us many things.

<...>

L. E. F. knows.

N. Aseev, B. Arvatov, O. Brik, B. Kušner, V. Mayakovsky, S. Tret'yakov, N. Chuzhak [Micheli, p. 148].

Just a few years passed between the manifesto of L. E. F. [Levy Front Iskusstv (1923)] and the composition of *The Bedbug* (1928): only two more years separated him from suicide (1930) [Jakobson].⁴

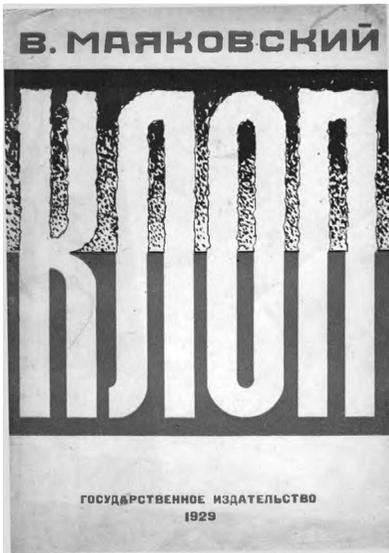
The Bedbug

The Bedbug (*Klop*, 1928) is the first of Mayakovsky's 'extreme maturity' plays, and it is also the deepest and most complex.⁵ *The Bedbug's* subtitle is *Feericheskaya Komedya* (Faerie Comedy): however, it is really an unexpected and extraordinarily bitter comedy against the petty-bourgeois slag remaining in the Soviet society of the late twenties. Equally, it is also a still almost unexplored mine of dystopian themes that go beyond the 'here and now', disguised as the elsewhere – elsewhere of Yevgeny Zamyatin's *We* [Basile, 2015].

The *Feeričeskaya Komedya* has a very complex structure, with a double unity of place and time. The first place is Tambov. The second is

⁴ About Vladimir Mayakovsky's suicide in the [Vitale].

⁵ *Banya* [Bathhouse] (1929) and the second *faerie*, *Moskva gorit* (Moscow is on fire) (1930), the latter an apology for the Revolution from 1905 to 1917, followed later.

First edition of V. Mayakovsky's 'faerie comedy' *The Bedbug* (1929).
Front cover

the whole world. Time is also divided into a double unit, into two 'advents'. In the first, the revolution has been accomplished. The Bolsheviks have won, and one of them, the protagonist of the play Prisyppkin, intends to take advantage of his position as a revolutionary to obtain all the pleasures that the surviving bourgeoisie can guarantee him. So he abandons Zoya Berezkina, his ancient proletarian girlfriend, who then attempts suicide: *Мы разошлись, как в море корабли* ("We came apart like ships at sea") [Маяковский, т. 11, с. 224], says Prisyppkin (soon to marry the daughter of a wealthy hairdresser) to Zoya.

In Tambov market, all kinds of whimsical goods are on sale: perfumes, buttons that attach themselves, fur lined bras. To prepare

for the wedding, Prisyppkin – who now calls himself Skryppkin – must learn to dance the fox-trot [Vitale]. Oleg Bayan, a sort of pimp, tries to teach him, but Skryppkin misses the steps because a bug has slipped under his new clothes and irritates him with its biting. During the wedding party, the guests, more or less drunk, make such a mess that a fire starts: the ballroom floor gives way under their weight and Skryppkin and his bug fall down into the cellar, where they are embedded in a block of ice.

50 years (or ten five-year plans) later, in 1979, Prisyppkin-Skryppkin is thawed out and revived, along with the bedbug. This is the second advent. Our hero discovers that in the world of mature Communism, words like 'love' and 'suicide' have no meaning; indeed, they have been forgotten. The world of the second advent is cold, rational, and devoid of feelings: it is an icy world that gives off a sharp odour of phenol [Ripellino, p. 184]. Prisyppkin ends up in a zoo cage with only the bedbug for company, screaming in despair at his solitude: meanwhile, zoo visitors look at him through the bars while listening to cheerful marching music.

The paradoxical plot of Mayakovsky's *Feeričeskaya Komedyja* hides an enormous wealth of meaning, symbols and hidden allusions. The first level of meaning is what Mayakovsky himself says in his commentary to the staging of the comedy directed by Vsevolod Meyerhold:

The problem that we face is the unveiling of today's petty bourgeois. The first four acts take place nowadays. The action takes place around Prisyppkin, a former factory worker, a former member of the party, who

celebrates his 'red wedding' with the daughter of a hairdresser, the manicurist Elzevira Renaissance. This part ends with a fire, which breaks out during the intoxicated and boisterous party organised after the wedding. During the fire, all the characters perish. Only one corpse cannot be found: that of Prisyppkin. In the second part, the spectator is transported into the future, after ten Soviet five-year plans.

Our descendants find Prisyppkin's frozen corpse and decide to revive him.

In this way, a typical middle-class specimen appears in the new world. All attempts to make a man of the future out of him fail. After many vicissitudes, he is finally locked in a cage at the zoo and presented as a unique specimen of 'philisteus vulgaris'. Eventually, the protagonist addresses the zoo visitors and, over their heads, the public of the theatre, inviting them to take a seat beside him in the cage.

This is only the external schema of my work, the plot doesn't say much. I'm reworking it after numerous readings made in circles and by Komsomol workers. <...>

Would you like to know whether I like the comedy? I will love it if the petty bourgeois do not like it [Mayakovsky, 1980, p. 290–291].⁶

Mayakovsky hence self-interprets his Faerie Comedy as a satire of the petty bourgeoisie that exploited the NEP. Ripellino, in his essay on Russian avant-garde theatre [Ripellino], agrees with such an interpretation of *The Bedbug*, noting the harshness of the criticism and the gaudiness and profanity of not only Prisyppkin-Skryppkin before and after his awakening, but also of his mentor Bayan, who teaches him the fox-trot, the Renaissance family, and the guests at the wedding party.

There are numerous indications, however, that tell us that Mayakovsky is actually speaking about something else. This is not only because he declares that *this is only the external schema of my work... I'm reworking it...* but also because some clues lead us in a completely different direction from the one declared by the poet. This places a paradox before the interpreter, the so-called 'Zapp's Paradox'.⁷ This implies that sometimes we have to go beyond the author's statements and look more deeply into in the womb from whence meaning emerges so as not to violate, as stated by Umberto Eco, 'the rights of the text'.⁸

For this reason, one must go far beyond Mayakovsky's interpretation. As said before, the clues are many. First, there is the name of the main character, Prisyppkin. *Prisyppka* means dust, soil, talc or powder spread to cover up something. The main character, therefore, seems to have the literary task

⁶ About the anti-bourgeois pre-history of the material, see: [Russel, p. 17].

⁷ 'To understand a message is to decode it. Language is a code. But every decoding is another coding. ... The classical tradition of striptease, however, goes back to Salome's dance of the seven veils and beyond... When we have seen the girl's underwear we want to see her body... but is our curiosity and desire satisfied? <...> gazing into the womb we are returned into the mystery of our own origins. Just so in reading' [Lodge].

⁸ 'The limits of interpretation coincide with the rights of the text (which is not to say that they coincide with the rights of the author)' [Eco, p. 14].

of hiding something under a cosmetic layer, perhaps the middle-class reality concealed under the mantle of the party and the victorious revolution. But Prisyipkin is renamed Pierre Skrypkin, a name that is 'true romance': Pierre perhaps implies Pierre Bezukhov in *War and Peace*, while Skrypkin recalls Mayakovsky's poem *Скрипка и немножко нервно* (*Skrypka i nemnozhko nervno*) (1914).

Then there is the name of Skrypkin's new fiancée, Elzevira Renaissance, a woman of few words as the root of the name, 'Elsevier', suggests. Throughout the Faerie, Elzevira says little more than the phrase *Начнем, скрипочка? Начнем?* ("Shall we begin, skrypočka? Shall we begin?") [Маяковский, т. 11, с. 236]. Above all, however, we should note the name Renaissance: the woman of the Renaissance – between mirrors and the chintzy decorations and amidst the luxury of unnecessary objects bought at the market by the vulgar and reluctant Skrypkin's future mother-in-law. Her name suggests the 'rebirth' that lasts one evening and ends with a fire and the collective death of comrades of the new life.

Mayakovsky's dramatic prose is full of quirks and allusions which are now difficult to decipher. But the fabric of the first advent unfolds without ambiguities. Its world is one where the revolution has been transformed in an orgy of things that Communism should have repudiated: consider how the party card has become a bargaining chip. The gap in time between the present day and the future is actually a long moment of unconsciousness. Skrypkin wakes up immediately after the melting of the ice block in which he had spent 50 years without knowledge of the passage of time. He then undergoes a second Renaissance, again a timeless one.

In the world where Skrypkin wakes up, there are no more horses but only cars: his memories of passion and music may be infectious and generate a disastrous epidemic of banned feelings. Zoya Berezkina, his first girlfriend, no longer remembers why she decided to commit suicide after Prisyipkin dumped her. She does not remember if his eyelashes were soft or if he was a passionate lover. The professor who performs Prisyipkin's thawing has to look in the dictionary for the meaning of the word 'suicide'.

When the bedbug, frozen with him, moves away from our hero, the desperate phrase he utters is the same he used when abandoning Zoya: *Мы разошлись, как в море корабли...* ("Like ships in the sea we grew apart...") [Маяковский, т. 11, с. 256]. Thus, the choice to be put in a zoo cage along with the bedbug is a sign of desperate love and a longing for solitude without respite.

The two lives of Prisyipkin – Skrypkin are two lives without hope, with the intermezzo of a trip inside a block of ice: two lives without time bound to each other in a timeless journey. Time in fact is one of the central elements in Mayakovsky's philosophy and poetry.

Граждане!
 Сегодня рушится тысячелетнее «прежде».
 Сегодня пересматривается миров основа.
 Сегодня
 до последней пуговицы в одежде
 жизнь переделаем снова
 [Маяковский? 1955–1961, т. 1, с. 136].

(*Citizens!*
The millennial 'Before' is now collapsing.
Today's worlds are recreated from their Foundation.
Today until the last button all will bounce back to life again.)

In 1917, when the poem was composed, the counter had rolled back to zero: no 'before' exists, only a future where life can be rebuilt from the ground up. The violent collapse of the 'Before' seems to happen at the end of the third part of *The Bedbug*. The Tambov full of petty-bourgeois vulgarity disappears in the stillness of death. The world of Awakening (of the future) exists as a nowhere, or perhaps as a total-where. The world of ten five-years plans has expanded to Siberia, Shanghai, Rome, Madrid, and Chicago, connected with the proto-telematic links through which Prysipkin's resurrection is decided: the *locus* becomes a non-place, or an all-inclusive place. It is not the happy island of Utopia, but perhaps something rather similar to Zamyatin's Only State: a world without borders or points of reference.

The problem of time is central to the latest production of Mayakovsky and the fulcrum of *The Bedbug* [Thomson; Stahlberger]. It also appears in a poem composed shortly after *The Bedbug* that can perhaps be deemed Mayakovsky's poetic-political testament, *Во весь голос* (*Vo Ves Golos – At the Top of My Voice*).

Уважаемые
 товарищи потомки!
 Роясь
 в сегодняшнем
 окаменевшем г...,
 наших дней изучая потемки,
 вы,
 возможно,
 спросите и обо мне.
 <...>
 агитпроп
 в зубах навяз,
 и мне бы
 строчить
 романсы на вас,–

доходней оно
и прелестней.
Но я
себя
смирял,
становясь
на горло
собственной песне.

<...>

Потомки,
словарей проверьте поправки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада» [Маяковский, т. 10, с. 279–284].

*(My most respected
comrades of posterity!
Rummaging among
these days'
petrified crap,
exploring the twilight of our times,
you,
possibly,
will inquire about me too.*

<...>

*Agitprop
sticks
in my teeth too,
and I'd rather
compose
romances for you-
more profit in it
and more charm.
But I
subdued
myself,
putting my heel
on the throat
of my own song.*

<...>

*Men of posterity
examine the flotsam of dictionaries:
out of Lethe
will bob up*

*the debris of such words
as 'prostitution',
'tuberculosis',
'blockade')
[Mayakovsky, 1960].*

A number of recent studies⁹ have linked depression with the perception of time, or rather its absence: the depressed do not see a future and cannot tolerate a perpetual present. Desperation is precisely the product of their inability to foresee a light in the darkness of their moments, hours, and days. The dystopian writer seems to suffer from the same syndrome.

To Mayakovsky, though, this inability is more factual and more tragic. One needs to see what his 'present' and 'future' represent and how the daily banality of Bogdanov's Red Star resembles the *окаменевшем г...* (*petrified crap*), *наших дней изучая потемки* (*the twilight of our days*), and the *романсы*¹⁰ that Mayakovsky refuses to write. Here we are evidently facing the conflict between an actual reality and a strongly desired one, between an impossibility and a desire stronger than common sense that crashes into a wall which the very same desire helped to erect.

Mayakovsky, together with his companions in LEF, wrote, *The LEF knows*. But this knowledge forced the poet to *становясь на горло собственной песне* (*put his heel on the throat of his own song*) [Маяковский, т. 10, с. 280–281]. It is easy to see the resemblance and the further correspondence between the icy greyness that replaces the enthusiasm of Bogdanov's hero for the achievements of Martian Communism and Mayakovsky's despair.

In both cases, the revolutionary intellectual's joy at the success of the revolution shatters against his inability to adapt to a society that has produced a proletarian and communist structure and superstructure. In fact, the Communism about which both Bogdanov and Mayakovsky had dreamed does not correspond to their expectations. It is motionless and entropic; it is not *тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний* (*the socialism that I thought about, but a precise and premeditated one, like a St Helena, with no glory or dreams*) [Есенин, 1999, т. 6, с. 114–116].

But in the two writers' Communism, there is more than a hunch (Bogdanov) and an unfulfilled dream (Mayakovsky). There is prophecy and the awareness of its realisation. This connection between Bogdanov and Mayakovsky shows that *The Bedbug* has a quite different meaning from the mere pillorying of a petty bourgeois who prefers a bedbug to Communism: it is instead the confession of the failure of both a personal project and a collective one, each bound to one another in a terrible 'forever'. The theme of the Soviet system's immobility comes back, a year after *The Bedbug*, in the drama *The Bathhouse* (*Banya*, 1930).

⁹ The rich bibliography quoted in it: [Spinnato].

¹⁰ Romances.

«Баня» – драма в шести действиях с цирком и фейерверком, направленная против бюрократизма, против узости, против покоя.

<...>

«Баня» чистит и моет.

...

«Баня» защищает горизонты, изобретательство, энтузиазм.

Главная линия – борьба изобретателя т. Чудакова, придумавшего машину времени, с неким главначупсом (главным начальником по управлению согласований) т. Победоносиковым [Маяковский, т. 12, с. 202].

(The Bathhouse, a drama in six acts, with a circus and fireworks, is directed against the bureaucracy, against insularity, against stagnation.

<...>

The Bathhouse cleans and washes.

<...>

The Bathhouse defends the vastness of horizons, the spirit of initiative and enthusiasm.

<...>

Its political idea is to fight insularity, ordinary administration, bureaucracy, in favour of quick work in a Socialist perspective.)

The Bathhouse tells the story of Čudakov, who invents a time machine and tries to guide the project through a gauntlet of bureaucracy.

С моей машиной ты можешь взвихрить растянутые тягучие годы горя, втянуть голову в плечи, и над тобой, не задевая и не рая, сто раз в минуту будет проноситься снаряд солнца, приканчивая черные дни. Смотри, фейерверочные фантазии Уэльса, футуристический мозг Эйнштейна, звериные навыки спячки медведей и игогов – всё, всё спрессовано, сжато и слито в этой машине [Маяковский, т. 11, с. 280].

(With my machine, you can twirl the sticky and interminable years of pain, you can pick up your head between your shoulders, and the projectile of the Sun will pass over you without touching or hurting you a hundred times a minute, giving the coup de grace to all black days. See, the fancy pyrotechnics of Wells, Einstein's futurist brain, bears' animal hibernation, everything is fully packed, condensed, and merged into this machine.)

Pobedonosikov, the Director-General of the Office for Coordination (*his merits and seniority in the party succeeds in planning everything*), hinders him with the invincible power of bureaucracy until the bureaucrat himself decides to use the machine and go into the future. But the time machine betrays his expectations and takes only labourers and workers to the glorious future of Socialism, leaving Pobedonosikov and all others like him behind. Pobedonosikov, left behind by the time machine and by the Phosphorescent Woman of the Future who chooses who should

be sent to 2030, exclaims: *И она, и вы, и автор – что вы этим хотели сказать, – что я и вы не нужны для коммунизма?! [Маяковский, т. 11, с. 347]. (What do you mean with this – you and the author – maybe that guys like me are not necessary to Communism?)*

The picture drawn by Mayakovsky in this 'drama in six acts with a circus and fireworks' apparently opens up a hope denied in *The Bedbug*: there is a bright future for socialism, but only for proletarians. However, the subtext (among other elements, like the names of the protagonists) disproves this optimistic message: in order to achieve this bright future, a miracle is needed. So, despite the happy ending, only the bad guys win.

The enemy in *The Bedbug* is the petty bourgeoisie, while in *The Bathhouse* it is the senseless bureaucracy that imposes deadly stagnation on the socialist system. In the two plays of the last years of his life, Mayakovsky depicts two futures: a cold one 'reeking of phenol' and a different, bright one, unattainable without an impossible miracle invented by a mad scientist. The fight against bureaucracy and the immobility of a betrayed Communism is unavoidably lost.

A Short Final Digression

I said at the beginning that the Bolshevik Revolution, unlike other major European revolutions, was born with a plan in mind. But while one can plan a building or an automobile, it is difficult to design relatively banal events like a meeting between friends, the opening of a shoe store, or a wedding party (as in the case of *The Bedbug*).

These events, along with other much larger ones, belong to the category of complex adaptive systems whose components are able to respond and adapt to the conditions of a constantly changing environment. In a complex adaptive system, the micro-structures that compose the macro-structure (the complex adaptive system) implement a series (for all practical purposes unlimited) of circular feedback (feedback loops) [Holland]. These are part of the process of the system's adaptation: they ensure the system's survival whilst also making its evolution unpredictable.

All attempts made so far to find laws capable of accurately describing the chronological evolution of a complex adaptive system have been unsuccessful. Since a human society is a vastly complex adaptive system, no science has been developed even distantly resembling the Psychohistory of Isaac Asimov [Asimov].

A project, in fact, is essentially a model, a simplified picture of the chronological development of a given system. But to be validated by reality, such an image must refuse to predict the feedback loops from which emerge unexpected the new qualities, typical of complex adaptive systems, that make the whole more than the arithmetic sum of its parts. A model must be simple; but without forecasting feedback loops (which is virtually impossible), it describes an essentially 'non-adaptive', immovable system.

So, no revolutionary project makes sense if the revolution designed is not the final revolution which brings the system's evolution to an end. But, as the protagonist of Yevgeny Zamyatin's *We* discovers at his own expense, a final revolution is not conceivable, as a final number is not conceivable. The 'projected' revolution must therefore renounce the 'time' of its evolution and transform the passionate early revolutionary zeal into the rigid conservatism of a society of Philistines: the Church-State, Yevgeny Zamyatin's Only State, and Mayakovsky's Communism of ten five-year plans.

The renunciation of time has yet another sinister aspect that explains the worries of the intellectual revolutionaries as they anticipated the October Revolution and then experienced its reality. The Enlightenment created the illusion that man can, with time and information, forecast his future and even determine its course. Obviously not every man, but only those who possess the necessary instruments: the intellectuals, scientists, and philosophers. The discovery or, as in the cases of Bogdanov and Mayakovsky, the intuition that complexity prevents anyone from using this faculty, both simultaneously prophetic and demiurgic, puts before them a terrible dilemma: should they plan a 'final revolution' or reconcile themselves with the course of events and their unpredictable outcomes? In the first case, adherence to the plan would result in a social system that looks like a prison; in the second, the very structure of the system would make impossible any sensible individual or collective choice.

Faced with these two alternatives, Bogdanov, Zamyatin, and Mayakovsky (and, in his own way, Andrej Platonov) each built a particular utopia of time inside a dystopia. A utopia the exact opposite of a wonderful society, terrible and cold as a morgue [Brown, p. 330], is represented in their works: it is a utopia of movement in which society, like Zamyatin's Scythian [Замятин], travels towards an unreachable last number where the unpredictability of a complex world does not matter. A complex world makes man unable to reach sensible choices because the consequences of any choice are not predictable, while a simple world (a world built according to a plan) puts everyone before choices made by others once and for all: they travel along the road of the Scythian, which has no beginning and no end.

Our future is not tied to the slow movements of blind, dumb, subterranean forces. We're taking it in hand, says Vasily Slepcev in *Salvage*, the last of Tom Stoppard's *The Coast of Utopia* trilogy about the intellectual antecedents of the Russian Revolution [Stoppard; Basile, 2009]. 'But history has no culmination! There is always as much in front as behind. There is no libretto. History knocks at a thousand gates at every moment, and the gatekeeper is chance', Alexander Herzen says to Karl Marx. The deep intuition that one can read in the works of Bogdanov, Zamyatin, and Mayakovsky does not concern so much fear or rejection of the consequences of the Communist Revolution, but rather the fact that Communism was wrong because it was a plan and that the plan itself was a 'dystopia'.

The line drawn from the three authors is only the beginning of the twentieth-century response to the Enlightenment hope that man

will come to know his future and take control of nature and his destiny. The hopes of the great late fifteenth-century humanists who believed they could reach the Platonic σοφία and the certainties that nineteenth-century technology lent to science were all in vain: in the macrocosm and in the microcosm, God plays dice.¹¹

Along the road about which Stoppard writes, where there are thousands of open gates, one can find love and hate, guilt and redemption, death and resurrection. And this is the utopia that lies behind the ghastly coldness of the different Only States, their euthanasia hospitals, their torture of dissidents, and their Room 101s for the conversion of rebels. Behind a present-past, a future can be glimpsed that promises a new *sacrum*: with every stride, the gallop of the Scythian generates new hope. As Kim Stanley Robinson writes in *The Years of Rice and Salt* [Robinson]:

For we see immediately that what we call history has at least two meanings to it: first, simply what happened in the past, which no one can know, as it disappears in time, and then second, all the stories we tell about what happened ... Besides in the memory 'which disappears over time', the Russian Revolution resides in the stories that Bogdanov (*ante litteram*), Zamyatin, and Mayakovsky tell us, in a new and wonderful utopia beyond the inevitable horrors.

Список литературы

Афанасьев Л. Б. Путешествие на Марс : фантаст. повесть // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». № 2. С. 275–330. № 3. С. 483–554. СПб. : Тов-во А. Ф. Маркс, 1901.

Богданов А. А. Красная звезда. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/page/bogdanov-krasnaya-zvezda.html> (дата обращения: 14.09.2016).

Есенин С. А. Письмо Е. И. Лившиц, 11 августа 1920 г., Минеральные Воды // Есенин С. А. Полн. собр. соч. : в 7 т. М. : Наука ; Голос, 1999. Т. 6. Письма. С. 114–116.

Есенин С. А. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Худож. лит., 1967. Т. 4. 328 с.

Замятин Е. И. Скифы ли? // Замятин Е. И. Соч. : в 5 т. М. : Рус. книга, 2003. Т. 4. С. 285–295.

Ленин В. И. Что делать // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1968. Т. 6. 1963. XVI + 619 с.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / АН СССР ; ИМЛИ им. А. М. Горького. М. : Худож. лит., 1955–1961.

Федоров Н. Ф. Вечер в 2217 году. СПб. : Типолит. «Герольд», 1906. 32 с.

Asimov I. Foundation. Massachusetts : John Curley, 1981. 435 p.

Basile G. M. The Algebra of Happiness : Yevgeny Zamyatin's *We* // *Quaestio Rossica*. Т. 3. 2015. № 4. P. 19–39. DOI 10.15826/QR.2015.4.124.

Basile G. M. The Coast of Utopia di Tom Stoppard : La costa di nessuna terra // *Annali di Ca' Foscari-Rivista delle Facoltà di Lingue e Letterature Straniere dell'Università di Ca' Foscari di Venezia*. 2009. Vol. 48 (1–2). P. 41–53.

Bogdanov A. Red Star: The First Bolshevik Utopia / transl. by C. Rougle ; eds. L. R. Graham, R. Stites. Bloomington ; Indianapolis : Indiana Univ. Press, 1984. URL: https://archive.org/stream/BogdanovRedStar/Bogdanov%20-%20Red%20Star%20-%201984_djvu.txt (mode of access: 12.08.2016).

¹¹ The opposite of what Alfred Einstein wrote to Niels Bohr on 4 December 1926: “God doesn't play dice with the universe” [Born, Einstein].

- Born M., Einstein A.* The Born-Einstein Letters 1916–1955 : Friendship, Politics and Physics in Uncertain Times. L. : Palgrave Macmillan, 2005. 235 p.
- Bottero G.* La Letteratura Utopica degli Anni '20. Utopie Tecniche e Sociali nella Russia Post-rivoluzionaria // Doctoral thesis discussed at the University of Ca' Foscari Venice, 2004–2005. Courtesy of the Author.
- Brook P.* Melodramatic Imagination. N. Haven : Yale Univ. Press, 1976. 235 p.
- Brown E. J.* Mayakovsky : A Poet in the Revolution. Princeton : Princeton Univ. Press, 1973. 386 p.
- Burbank J.* Intelligentsia and Revolution : Russian Views of Bolshevism 1917–1920. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1986. 340 p.
- Eco U.* I limiti dell'interpretazione. Milano : Bompiani, 1990. 369 p.
- Goldstone J. A.* Revolutions : A Very Short Introduction. N. Y. : Oxford Univ. Press, Kindle ed., 2014. 168 p.
- Hill C.* The Intellectual Origins of English Revolution. Oxford : Clarendon Press, 1980. 333 p.
- Holland J. H.* Complexity: a Very Short Introduction. N. Y. : Oxford Univ. Press ; Kindle ed., 2014. 112 p.
- Jakobson R. O.* Una generazione che ha dissipato i suoi poeti. Il problema Majakovskij / ed V. Strada. Milano : SE, 2004. 79 p.
- Lodge D.* Small World. L. : Secker & Warburg, 1984. 339 p.
- Mayakovsky V.* The Bedbug and Selected Poetry / transl. by M. Hayward, G. Reavey ; ed. by P. Blake. N. Y. : Meridian Books, 1960. 317 p.
- Mayakovsky V.* Teatro e altri scritti // Opere : 4 vols / a cura di I. Ambrogio ; trad. di I. Ambrogio, G. Crino, M. De Micheli, G. Ketoff, M. Socrate, P. Zveremich. Roma : Ed. Riuniti, 1958.
- Mayakovsky V. V.* Revolucya (Poetokhronika) // V. Mayakovsky. Poesie / ed. G. Carpi. Milano : BUR, 2008. 512 p.
- Mayakovsky V. V.* Tutte le opere. Vol. 4, 8. Milano : PGreco Ed., 2012. 888 p.
- Micheli M. de.* Le avanguardie artistiche del Novecento. Milano : Feltrinelli, 1977. 426 p.
- Ripellino A. M.* Majakovskij e il teatro russo d'avanguardia. Torino : Einaudi, 2002. 279 p.
- Robinson K. S.* The Years of Rice and Salt. N. Y. : Random House Inc., Kindle ed., 2003. 784 p.
- Russell R.* Introduction // V. Mayakovsky. The Bedbug / ed. R. Russell. Kendal : Durham Univ. Modern Language Series, 1985. 127 p.
- Russell C.* The causes of the English Civil War : the Ford Lectures delivered in the University of Oxford, 1987–1988. Oxford : Clarendon Press, 1990. 256 p.
- Spinnato A.* Melancolia : Fenomenologia e mito. Palermo : Sellerio, 2006. 84 p.
- Stahlberger L. L.* The Symbolic System of Majakovskij. Mouton : The Hague, 1964. 151 p.
- Terras V.* Mayakovsky and Time // The Slavic and East Europ. J. № 2 (13). Summer 1969. P. 151–161.
- The reception of H. G. Wells in Europe / eds. by P. Parrinder, J. S. Partington. L. ; N. Y. : Thoemmes Continuum, 2005. 464 p.
- Thomson R. D. B.* Mayakovsky and His Time Imagery // The Slavonic and East European Rev. Vol. 48, No. 111 (Apr., 1970). P. 181–200.
- Tilly C.* European Revolutions, 1492–1992. Oxford : Blackwell, 1993. XV + 262 p.
- Vitale S.* Il defunto odiava i pettegolezzi. Milano : Adelphi ; Kindle ed., 2015. 284 p.

References

- Afanas'yev, L. B. (1901). Puteshestvie na Mars [Journey to Mars]. Fantasticheskaya Povest'. In *Ezheimesyachnye literaturnye prilozhenia k zhurnalu "Niva"*. No. 2, pp. 275–330. No. 3, St Petersburg. Tovarishchestvo A. F. Marks, pp. 483–554.
- Asimov, I. (1981). *Foundation*. Massachusetts, John Curley. 435 p.
- Basile, G. M. (2009) The Coast of Utopia di Tom Stoppard: La costa di nessuna terra. In *Annali di Ca' Foscari-Rivista delle Facoltà di Lingue e Letterature Straniere dell'Università di Ca' Foscari di Venezia*. 48, 1–2, pp. 41–53.

Basile, G. M. (2015). The Algebra of Happiness: Yevgeny Zamyatin's *We*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 3. 2015. Iss. 4, pp. 19–39. DOI 10.15826/QR.2015.4.124.

Bogdanov, A. A. *Krasnaya Zvezda* [Red Star]. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/page/bogdanov-krasnaya-zvezda.html> (mode of access: 14.09.2016).

Born, M., Einstein, A. (2005). *The Born-Einstein Letters 1916–1955 : Friendship, Politics and Physics in Uncertain Times*. L., Palgrave Macmillan. 235 p.

Bottero, G. (2004/2005). *La Letteratura Utopica degli Anni '20. Utopie Tecniche e Sociali nella Russia Post-rivoluzionaria*. Doctoral thesis defended at the University of Ca' Foscari Venice. Courtesy of the Author.

Brook, P. (1976). *Melodramatic Imagination*. N. Haven, Yale Univ. Press. 235 p.

Brown, E. J. (1973). *Mayakovsky: A Poet in Revolution*. Princeton, Princeton Univ. Press. 386 p.

Burbank, J. (1986). *Intelligentsia and Revolution : Russian Views of Bolshevism 1917–1920*. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press. 340 p.

Eco, U. (1990). *I limiti dell'interpretazione*. 369 p. Milano, Bompiani.

Esenin, S. A. (1967). *Sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow, Khudozhestv'ennaya literatura. 328 p.

Esenin, S. A. (1999). Pis'mo E. I. Lifšic [Letter to E. I. Lifšic], 11 August 1920, Mineral'nye Vody. In Esenin S. A. *Polnoye sobranie sochinenii v 7 t.* Vol. 6. Pis'ma. Moscow, Nauka, Golos, pp. 114–116.

Fyodorov, N. F. (1906). *Večer v 2217 godu* [An Evening in 2217]. St Petersburg. The typolithography "Herold". 32 p.

Goldstone, J. A. (2014). *Revolutions: A Very Short Introduction*. N. Y., Oxford Univ. Press, Kindle ed. 168 p.

Hill, C. (1980). *The Intellectual Origins of the English Revolution*. Oxford, Clarendon Press. 333 p.

Holland, J. H. (2014). *Complexity: A Very Short Introduction*. N. Y., Oxford Univ. Press, Kindle ed. 112 p.

Strada V. (Ed.). (2004). Jakobson, R. O. *Una generazione che ha dissipato i suoi poeti. Il problema Majakovskij*. Milano, SE. 79 p.

Lenin, V. I. (1963). Chto Delat' [What is to be Done]. In *Sochineniya*. Ed. 5. Vol. 6. Moscow, Gospolitizdat. XVI + 619 p.

Lodge, D. (1984). *Small World*. L., Secker & Warburg. 339 p.

Mayakovsky, V. V. (1956–1961). *Polnoye sobranie sochinenii v 13 t.* [Complete Works, 13 Vols.]. AN SSSR. IMLI im. A. M. Gor'kogo. Moscow. Khudozhestv'ennaya literatura.

Mayakovsky, V. V. (2008). *Revolucya (Poetokhronika)* [Revolution (Poetic Chronicle)]. In V. Mayakovsky. *Poesie*. Ed. G. Carpi. Milano, BUR. 512 p.

Mayakovsky, V. V. (2012). *Tutte le opere*. Vol. 4, 8. Milano, PGreco Ed. 888 p.

Mayakovsky, V. (1960). *The Bedbug and Selected Poetry* / transl. by M. Hayward, G. Reavey; ed. by P. Blake. N. Y., Meridian Books. 317 p.

Mayakovsky, V. (1980). Teatro e altri scritti, in *Opere*, 4 voll., a cura di Ignazio Ambrogio, traduzioni di Ignazio Ambrogio, Giovanni Crino, Mario De Micheli, Giovanni Ketoff, Mario Socrate, Pietro Zveteremich, Roma, Editori Riuniti; 8 Vols.

Micheli, M. de. (1977). *Le avanguardie artistiche del Novecento*. Milano, Feltrinelli. 426 p.

Ripellino, A. M. (2002). *Majakovskij e il teatro russo d'avanguardia*. Torino, Einaudi. 279 p.

Robinson, K. S. (2003). *The Years of Rice and Salt*. N. Y., Random House Inc., Kindle ed. 784 p.

Russell, R. (1985). Introduction. In V. Mayakovsky. *The Bedbug*. Ed. R. Russell. Kendal, Durham Univ. Modern Language Series. 127 p.

Russell, C. (1990). *The Causes of the English Civil War: The Ford Lectures delivered in the University of Oxford, 1987–1988*. Oxford, Clarendon Press. 256 p.

Spinnato, A. (2006). *Melancholia. Fenomenologia e mito*. Palermo, Sellerio. 84 p.

Stahlberger, L. L. (1964). *The Symbolic System of Mayakovsky*. Mouton, The Hague. 151 p.

Terras, V. (1969). Mayakovsky and Time. In *The Slavic and East European J.* XIII, 2, Summer 1969, pp. 151–161.

The Reception of H. G. Wells in Europe (2005). P. Parrinder, J. S. Partington (Eds.). London, N. Y., Thoemmes Continuum. 464 p.

Thomson, R. D. B. (1970). Mayakovsky and His Time Imagery. In *The Slavonic and East European Review*. Vol. 48, no. 111 (Apr., 1970), pp. 181–200.

Tilly, C. (1993). *European Revolutions, 1492–1992*. Oxford, Blackwell. XV + 262 p.

Vitale, S. (2015). *Il defunto odiava i pettegolezzi*. Milano, Adelphi, Kindle ed. 284 p.

Zamyatin, E. I. (2003) Skifi li? [Scythians?] In Zamyatin E. I. *Sochineniya*. Moscow, Russkaya Kniga. Vol. 4, pp. 285–295.

The article was submitted on 25.04.2017

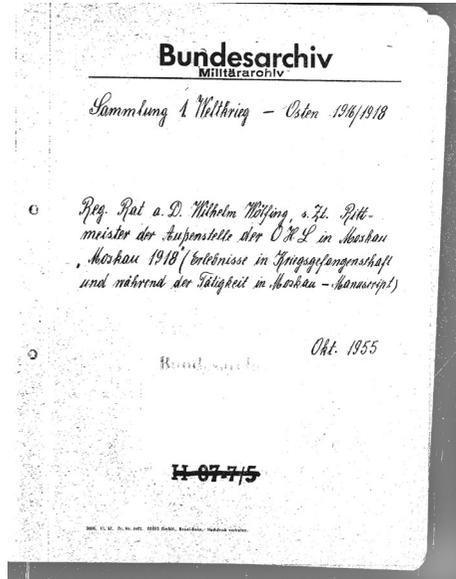

Origines

Вильгельм Вёльфиг. 1904. Участник корпуса Вандалия в Гейдельберге

Wilhelm Wölfig. 1904. Member of the corps Corps Vandalia Heidelberg

Первая страница архивного дела В. Вёльфига

First page of the archives of W. Wölfig

DOI 10.15826/qr.2017.3.250

УДК 94(100)"1914/19"+94(470)+94(430)+821.112.2-94

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ НЕМЕЦКОГО ОФИЦЕРА ВИЛЬГЕЛЬМА ВЁЛЬФИНГА

Николай Баранов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

WORLD WAR I AND THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE MEMOIRS OF GERMAN OFFICER WILHELM WÖLFING

Nikolai Baranov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This is the first publication of the memoirs of W. Wölfing, a German reserve officer and participant in World War I. This unique archival document contains information about his time in captivity in Siberia between 1915 and 1917 and his activity as an official representative of the German High Command in Moscow in 1918. The text of the memoirs is kept in the Federal Military Archive of Germany in Freiburg. It has never been published in Germany or translated into Russian previously. The text has a pronounced anti-Bolshevik tone: equally, its author presents the development of events between 1917 and 1918 as being unsupported by the German government, which makes it possible to consider the position of Wölfing as an alternative to the preservation of the German Empire and the destruction of the Bolshevik regime. The author's biography combines typical and unique features: a certified lawyer; a reservist on the Eastern front during World War I; an uhlan sent on air reconnaissance; and a German officer who led a carefree life in Russian captivity and made an adventurous escape in 1918. After the signing of the Brest Peace Agreement between Germany and Soviet Russia, he headed the Moscow Office of the the German High Command's Foreign Policy Department; in this capacity, he was engaged in propaganda work, promoted emigration, and was an advocate of a military interven-

* *Citation:* Baranov, N. (2017). World War I and the Russian Revolution in the Memoirs of German Officer Wilhelm Wölfing. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 779–804. DOI 10.15826/qr.2017.3.250.

Цитирование: Baranov N. World War I and the Russian Revolution in the Memoirs of German Officer Wilhelm Wölfing // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 779–804. DOI 10.15826/qr.2017.3.250 / Баранов Н. Первая мировая война и Русская революция в воспоминаниях немецкого офицера Вильгельма Вельфинга // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 779–804. DOI 10.15826/qr.2017.3.250.

tion in Russia to overthrow the Bolsheviks. His status as a diplomat allowed him to establish broad and diverse contacts. He had contacts among representatives of the Bolshevik leadership, including the Chekists (Radek, Peters), “former people” hostile to the new government (Patriarch Tikhon, Prince Lvov), cultural activists, and many foreigners. The memoirs contain many details of Russian everyday life in the wartime conditions before the Revolution and at the beginning of the post-revolutionary period. They also make it possible to clarify prevailing ideas about the nature of the political processes that took place in 1918, primarily in regards to the extent to which the Bolsheviks influenced the events of the November Revolution in Germany and the possible alternatives to Russian history between 1918 and 1919.

Keywords: World War I; Russia; Germany; revolution; Treaty of Brest.

Впервые публикуется уникальный архивный документ – воспоминания немецкого офицера резерва, участника Первой мировой войны В. Вельфинга о пребывании в русском плену в Сибири в 1915–1917 гг. и деятельности в Москве в качестве официального представителя немецкого верховного командования в 1918 г. Текст воспоминаний хранится в Федеральном военном архиве ФРГ во Фрайбурге. Он никогда ранее не публиковался в Германии и не переводился на русский язык. Текст имеет ярко выраженную антибольшевистскую направленность; его автор представляет не поддержанную германским правительством концепцию развития событий 1917–1918 гг., что позволяет рассматривать позицию Вельфинга как альтернативный вариант сохранения Германской империи и уничтожения большевистского режима. В известной нам биографической информации об авторе сочетаются типичные и уникальные черты: дипломированный юрист; резервист на восточном фронте Первой мировой войны; улан, посланный на авиаразведку; германский офицер, который вел беззаботную жизнь в русском плену, а в 1918 г. совершил авантюрный побег и после подписания Брестского мира между Германией и советской Россией возглавил московское представительство внешнеполитического отдела германского верховного командования, в этом качестве занимался пропагандистской работой, содействовал эмиграции и выступал за военную интервенцию в Россию для свержения большевиков. Статус дипломата позволил ему установить широкие и разнообразные контакты. В круг его общения входили представители большевистского руководства, включая чекистов (Радек, Петерс), враждебных новой власти «бывших» (патриарх Тихон, князь Львов), деятелей культуры, многих иностранцев. Воспоминания содержат множество подробностей повседневной жизни в России в условиях войны до революции и в первый послереволюционный период. Они также позволяют уточнить сложившиеся представления о характере политических процессов, происходивших в 1918 г., прежде всего о степени влияния большевиков на события ноябрьской революции в Германии и о возможных альтернативах российской истории в 1918–1919 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; Германия; революция; Брестский мир.

Эпохальные события 1914–1918 гг. не только явились зримым рубежом между «долгим XIX» и «коротким XX» веком. Они имели собственную напряженную динамику, обусловленную небывалыми переменами во всех сферах жизни народов, связанных с формированием массового общества и явлением на авансцену истории «человека толпы». Первая мировая война привела к разрушению четырех мировых империй и способствовала подъему глобальной революционной волны. Наиболее значительной по масштабу и последствиям, многие из которых ощущаются до сих пор, стала русская революция. Ее главными результатами стали гибель империи, Гражданская война и затянувшаяся на 70 лет попытка создания советского общественного строя. Очевидно, что историческое значение событий 1917 г. и последующих лет в России надолго останется предметом не только академического интереса, но и острых общественно-политических дискуссий. Разыскание и введение в оборот новых исторических источников, способствующих уточнению наших представлений о событиях той поры, остается остроактуальной задачей.

Значительный интерес для этой темы представляют суждения иностранца – современника, очевидца и в известной степени активного участника событий, пусть и написанные по памяти более 30 лет спустя. К тому же немца – представителя страны, которая, будучи главным противником России на полях сражений Первой мировой войны, в известной степени разделила ее судьбу – пережила революцию, свержение монархии, потерпела поражение в войне, оказалась на грани гражданской войны. При этом в отношении России автор, в значительной степени свободный от воздействия накала идеологических, политических и социальных страстей, сопровождавших противоборство «белых» и «красных», все-таки демонстрирует взгляд извне на ситуацию, которую наблюдал изнутри.

О самом авторе известно очень немного. Вильгельм Вельфинг (18 сентября 1883 г. Берлин – 17 октября 1972 г., Берлин, 89 лет) – сын евангелического военного священника прусской армии Макса Вельфинга. Учился на юридическом факультете Геттингенского университета. В 1903 г., стал членом студенческой корпорации «Вандалия». Корпорантами были также его отец (корпорация «Ганновер») и дед (корпорации «Франкония Йена», «Лузатия Лейпциг»). Еще несколько семестров Вильгельм учился в Берлинском университете имени Фридриха-Вильгельма и сдал там первый государственный экзамен по юриспруденции.

Стажировался как юрист во Франкфурте-на-Одере. Там же с четырьмя другими корпорантами из разных университетов создал «Комиссию пяти для исследования влияния пива на немецкие университеты». Дружба пяти любителей пива продолжалась всю жизнь. Во время стажировки частным порядком изучал русский язык. В 1911 г. был назначен прусским правительственным ассессором в небольшой город Штайнфурт вблизи Мюнстера.

Принимал участие в Первой мировой войне сначала в звании лейтенанта, впоследствии – ротмистра резерва западнопрусского уланского полка № 1 имени российского императора Александра III (который был шефом полка с 1864 по 1894 г.). В 1915 г. во время разведывательного полета на невооруженном самолете-разведчике «этрих таубе» совершил вынужденную посадку за русской линией фронта и попал в плен. Награжден двумя «железными крестами».

В 1921 г. женился на Этель Паркинсен, проживавшей в Берлине англичанке из Лондона. Вместе с ней и ее рано овдовевшей сестрой начал ходить под парусом по озеру Ванзее. Приобрел 20-метровую яхту (кеч), которую назвал в честь жены «Этси IV». На ней совершил многочисленные дальние путешествия, в том числе в Норвегию. В 1929 г. в составе команды из 11 человек принял участие в регате Плимут – Сантандер. В трансатлантической гонке Бермудские острова – Куксхафен, посвященной берлинской летней Олимпиаде 1936 г., «Этси IV» была самой старой из девяти участвовавших яхт.

Во время Второй мировой войны с 1942 по 1945 г. служил в звании майора люфтваффе в отделе вооружений в Берлине. После войны проживал в Западном Берлине [Burchard-Motz].

Что именно в октябре 1955 г. для 72-летнего Вельфинга стало побудительным мотивом к написанию коротких (23 страницы) воспоминаний о его пребывании в России в 1915–1918 гг., не вполне ясно. Возможно, признаки хрущевской «оттепели» вообще и в отношениях с Западной Германией в частности (сентябрьский визит канцлера Аденауэра в Москву, установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ, возвращение на родину почти 40 тысяч последних немецких военнопленных). Машинописный текст воспоминаний хранится в военном архиве, филиале Федерального архива во Фрайбурге (фонд РН 3 «Большой генеральный штаб прусской армии / Верховное командование германских вооруженных сил», дело 51 «Собрание Первая мировая война – Восток 1916/1918») и доступен для использования в виде микрофильма. Обстоятельства, при которых документ попал в архив, неизвестны. Единственное упоминание о Вельфинге и его воспоминаниях удалось обнаружить только в подстрочнике докторской диссертации современного немецкого историка Максимилиана Терхалле [Terhalle, 2006, S. 33; Terhalle, 2009, S. 43].

Язык источника грамотный, стиль простой и ясный, с незначительной долей просторечных оборотов, особых трудностей при переводе не было. Названия населенных пунктов, особенно тех, что возникли и существовали на стыке славянского, германского и балтийского миров, даются в авторской редакции.

Содержание источника за внешней простотой изложения на самом деле довольно сложно. Воспоминания исторического персонажа «второго плана» содержат такие детали, которые не видны с высот господствующего положения первых лиц уровня императора Вильгельма II или фельдмаршала Людендорфа. Автору нет необ-

ходимости в оправдании или жестком следовании официальным политическим установкам, в то же время текст не свободен от искажений, местами – от преувеличения автором собственной роли и значения. Главная мысль сводится к тому, что Вельфинг, будучи в советской столице, настаивал на использовании военной силы для свержения большевиков. По его мнению, это в 1918 г. не представляло особого труда. Однако политическое и военное руководство Германии не прислушалось к его рекомендациям, не в последнюю очередь из-за ведомственной конкуренции. В тексте сквозит пренебрежительное отношение к дипломатам – представителям германского МИДа, характерное для прусского военного сословия. В целом при характеристике событий в России преобладает спокойный тон с оттенком иронии, в воспоминаниях отчетливо просматривается искренняя симпатия автора к простым людям и стране. При этом отметим, как разительно отличается почти идиллическая картина жизни в офицерском лагере для военнопленных от описания событий 1918 г.

Перевод на русский язык предпринят впервые. Источник публикуется впервые.

Москва 1918

Советское государство было рождено в октябре 1917 года при деятельном содействии Германии, которая отправила «отца ребенка» Ленина в plombированном вагоне через Швецию в Петроград. После того как Ленин выполнил предназначавшуюся ему задачу окончания войны на Востоке, с ним в марте 1918 года был заключен мир в Брест-Литовске. Для обеих сторон это был весьма сомнительный государственный договор. Чтобы вообще сохранить жизнь своему бессильному в военном отношении новому государству, Ленин признал отодвинутые очень далеко на восток границы с потерей Польши, Прибалтики и Украины. Германия, в свою очередь, признала новое государство, которое было носителем коммунистической идеи, установила с ним дипломатические отношения и тем самым ввела в международное сообщество.

Молодое российское государство было поначалу хилым младенцем, жизнь которого многие годы висела на волоске. Однако впоследствии в течение жизни одного поколения оно неожиданно мощно развилось и превратилось в гиганта, оказывавшего существенное влияние на судьбу Европы. Тем не менее, в кризисные годы, с 1918-го по 1921-й, как Германия, так и Антанта всерьез разрабатывали план по свержению коммунистического режима в Москве. Если бы по отдельности или даже совместно ими были приняты необходимые для реализации этого намерения решения, кто знает, какими путями пошла бы история Европы в случае успеха.

Я попал на войну как офицер резерва в 1914 году и в июне 1915 года, выполняя обязанности наблюдателя авиаотряда, оказался в русском плену. Мы были сбиты у Радома¹ в излучине Вислы довольно далеко за линией фронта в результате прямого попадания в мотор и смогли безопасно приземлиться, после чего самолет сгорел, а мы вдвоем [с пилотом] скрылись в большом лесу. На третью ночь под утро в утренней мгле нас схватили у линии фронта.

Офицеры русского полка приветствовали вензель Александра III на погонах моей уланки² и угостили нас, полуголодных, хорошим завтраком. После бесконечных допросов в высоких штабах я вместе с шестью другими офицерами в июле 1915 года (2) оказался в Ветлуге под Костромой к северу от Москвы, где провел полгода. Здесь нас посетила одна из контролирующих комиссий Красного Креста, и ее симпатичная немецкая участница графиня Икскуль по моей просьбе обещала позаботиться о нашем переводе в большой лагерь³. В результате я оказался в Сибири, где провел один год в Томске и более года в Омске. Мне хочется дать хотя бы короткое описание тех лет, так как оно иллюстрирует резкие различия между тем временем и обстоятельствами Второй мировой войны.

В Омске в 1917 году нас было 900 офицеров, из них 300 немцев, остальные – австрийцы и венгры. Ежемесячно мы получали 50 рублей, то есть 100 марок. Почта, посылки и денежные переводы приходили безукоризненно. На продовольствие хватало около 20 рублей. Мы решали этот вопрос самостоятельно, и я выполнял функции заготовителя в городе, для чего мне была предоставлена свобода передвижений до вечерней поверки. За 25 рублей я купил небольшую лошадь и тележку, которая прибывала в лагерь всегда полностью нагруженной. До начала 1918 года мясо (половина туши бычка), масло и белый хлеб имелись в неограниченных количествах, поскольку большие запасы из богатой центральной Сибири невозможно было перевезти через Урал. Ограниченные транспортные средства в первую очередь должны были доставлять за восемь тысяч километров через всю Сибирь японские боеприпасы и вооружение. Цены были минимальными. Я припоминаю, что кролик стоил 20 копеек (40 пфеннигов). Собственно, нужно было заботиться только об алкоголе. У нас были большие глиняные кувшины, в которых бродил туркестанский изюм, и получалось красное вино. В большом шкафу была сооружена маленькая винокурня. Она дополнялась [полной алкоголя] большой красной железной бочкой из-под горючего, которую я каждый раз тайно контрабандой доставлял в лагерь.

Не были обойдены вниманием также наши духовные и интеллектуальные запросы. Здесь существовала довольно богатая библиотека, составленная из книжных посылок всем 900 обитателям лагеря. В ней были либретто, партитуры любого рода, включая симфонии, театральные постановки и оперетты, в которых юные венгерские фенрихи⁴ отлично исполняли женские роли. Мы хорошо ориентиро-

вались в военном и политическом положении, поскольку в нашем распоряжении имелась преимущественно московская и петроградская пресса. В своем бараке я ежедневно переводил и зачитывал вслух сообщения с фронта и интересные политические статьи. Состояние здоровья также было хорошим. Санитарный уход в лагере обеспечивал собственный врач, кроме того, уже тогда Омск и Томск были крупными городами, так что я, например, помог одному своему товарищу пройти крайне важное для него амбулаторное лечение в городе. За (3) два половиной года моего пребывания в плену мне не известно ни единого случая смерти. Обобщенно можно сказать, что большинство из нас вело беззаботную приятную жизнь. Не так легко было только главам семей, которых мучили мысли об оставшихся на родине семьях. Замечу, это был офицерский лагерь, с рядовыми обходились совершенно по-другому. Лучше всего содержались те, кого после утренней проверки женщины-крестьянки забирали на полевые работы вместо своих призванных на фронт мужчин.

Многие российские немцы из Южной и Западной России в 1915 и 1916 году были «эвакуированы» в Сибирь, так что даже в Омске в 1917 году имелась их маленькая колония, которая совершенно естественно установила с нами отношения. Так что у меня были различные возможности обмениваться мнениями, которые имели для меня особое значение при оценке ситуации в России. Она постепенно становилась более чем интересной. В марте 1917 года дело дошло до первой абсолютно бескровной так называемой «революции Керенского», результатами которой стали отречение царя и образование правительства народного фронта⁵, которое состояло из представителей либеральной буржуазии и тех, кто находился левее. Внешнеполитический курс – борьба на стороне союзников до победного конца. Премьер-министр Керенский энергично старался оживить боевой дух уже очень уставшего от войны народа. Но русский народ после трех лет тяжелых кровавых жертв с нетерпением ожидал мира и стремился связать победу революции со стабилизацией международной обстановки. Это, пожалуй, основная причина того, что уже через полгода в начале ноября 1917 года в ходе второй революции власть смогли взять большевики. Ленин, который 16 апреля прибыл в Петербург через Финляндию, незамедлительно исполнил порученное ему задание вывести Россию из войны. Он выдвинул лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», чтобы прежде всего добиться всеобщего мира. Под этим лозунгом он смог привлечь на свою сторону размещенные в Петербурге полки, с помощью которых сумел взять столицу и вместе с тем управление страной в свои руки.

Что характерно для обеих революций – каждый раз исход дела решался в Петербурге, и вся огромная страна фатально подчинялась этому почти без всякого кровопролития. На этот раз развязка далась ценой ожесточенных боев в городе и была окончательно обеспечена захватом Зимнего дворца. (4) Вместе с тем война для России

если не де-юре, то все же де-факто закончилась, и мне в Омске пришлось время подумать о возвращении домой. В декабре мои приготовления были окончены. Российский немец из окрестностей Динабурга⁶, у которого я покупал дрова для печей в лагере, отдал мне свои личные документы. Другой, по имени Гардер, заработавший много денег на торговле, дал мне 20 тысяч рублей с заданием обменять их в Берлине на марки, и они были зашиты в одежду. Лагерному начальству я обещал прислать из Москвы сообщение о строгости контроля. Затем в начале января 1918 года я отправился в путь, одетый в тяжелый сибирский овчинный тулуп и высокую меховую шапку. Образ русского дополняла острая бородка «а-ля Булганин»⁷. Излишне говорить о высоких валенках, которые носили в холода. Мой багаж помещался в маленьком легком сундучке.

Никакого расписания, разумеется, не было. Кто хотел ехать, отправлялся на станцию и терпеливо ждал там часами или даже полдня, когда придет поезд. Простые русские имели в качестве основы своего пропитания длинный шнур с сушеными кусочками хлеба через плечо, на поясе маленький чайник и в карманах куски прессованного так называемого кирпичного чая. Его можно было заваривать в кипятке, который имелся на железной дороге повсеместно. Этого им было достаточно на день. Это, как и многое другое, я уже изучил в ходе многодневной частной поездки в 1916 году, в которой я очутился следующим образом. Я был тогда в маленьком лагере в Томске вместе с еще примерно 50 немцами. Мы подружились с тремя докторшами из расположенного в лесу маленького лазарета для пленных, куда мы охотно переселялись на некоторое время с действительными или придуманными заболеваниями. Там мне удалось при помощи одной из наших подруг симулировать высокую температуру и таким образом избежать пересылки. Но все же двумя неделями позднее я один под охраной двух степенных пожилых русских ополченцев был послан в Омск. Эта трехдневная поездка, в ходе которой я снова мог убедиться в добродушии русского народного характера, была идиллической. Оба солдата беспокоились обо мне, как хорошие слуги о своем господине. Дело дошло до того, что в общем плацкартном вагоне третьего класса они почли за обязанность освободить для меня место рядом с симпатичной девушкой.

(5) Многодневная поездка из Омска в Москву в январе 1917 года (две тысячи километров до Урала) прошла для меня без происшествий и без какого-либо контроля, о чем я тотчас письмом и телеграфом сообщил на конспиративный адрес в Омске. Ссылаясь на это сообщение, многие обитатели лагеря условились с вышеупомянутым Гардером о получении денег в кредит и точно так же отправились по домам. Гардер, который сам позже смог с семьей добраться до Берлина, получил все эти суммы назад в правильном пересчете на марки.

В Москве я пробыл только один день и затем поехал дальше в Петербург, чтобы оттуда совершить прыжок к свободе. Я поселился в при-

личном пансионе и прожил там неделю безо всяких претензий вплоть до проверки со стороны ночного патруля, который, впрочем, уделил мне и моим заученным словам немного внимания, так как искал только контрреволюционеров. Но даже в худшем случае опасность не была смертельной хотя бы из-за того, что по ходу «общечеловеческого братания» на время была отменена смертная казнь – мероприятие, которое, как известно, позже снова стало использоваться советскими властями во все большем масштабе.

Уже моя первая попытка найти благоприятную возможность для выезда из России имела полный успех. Я отправился в шведское посольство, во время войны представлявшее интересы Германии, где меня самым любезным образом принял лично посол генерал Брендстрем⁸. Известно, что его дочь Эльза на протяжении всей войны самоотверженно посвящала себя уходу за немецкими военнопленными. Я также имел возможность бегло с ней познакомиться во время одного из ее визитов в лагерь. Она вполне заслужила почетное прозвище «сибирский ангел», и радостно отметить, что Стокгольм почтил ее память тем, что один из цветных оконных витражей ратуши был украшен ее портретом. Из разговора с генералом Брендстремом, его сотрудником и третьим доверенным лицом я узнал, что существует безопасно организованный маршрут в Швецию по суше через Хапаранду⁹, который стоит тысячу рублей и требует трех недель пути. Но, с другой стороны, с определенным риском также возможно перейти на немецкую сторону через линию фронта, поскольку в последнее время боевые действия полностью прекращены и, в частности, разведчики беспрепятственно переходят линию фронта во многих местах, особенно когда отмечаются братания. Тогда, поначалу с оговорками, я принял решение идти через фронт, так как мог таким образом быстрее всего достичь Динабурга – следующего пункта по магистральной железной дороге.

(6) Казалось, война действительно уже утратила свой угрожающий масштаб, потому что мне сообщили без каких-либо серьезных опасений адрес одного русского штабного врача в Динабурге, который был поляком и участником работавшего на Германию польского подпольного движения. Тем самым для меня вопрос решился окончательно. Я передал мой багаж вплоть до кое-какого белья шведской миссии с условием, что вещи будут переданы военнопленным, если в течение двух недель от меня ничего не будет слышно. Рукописи, и среди них тетрадь с рисунками, я попросил генерала Брендстрема выслать на адрес моего отца в Берлине, они туда аккуратно дошли.

Когда я вечером задолго до отправления поезда, который уже во второй половине следующего дня должен был прибыть в Динабург, пришел на вокзал, поезд был уже так переполнен, что какое-то количество людей занимало места снаружи, как это было в то время принято повсеместно на железной дороге. С некоторым усилием мне удалось заполучить убогое сидячее место на железной ступеньке

между двумя вагонами, где я провел большую часть ночи, усиленно растирая лодыжки, чтобы уберечь их от обморожения до тех пор, пока ранним утром мне не посчастливилось протиснуться внутрь вагона. В Динабурге, где находилось командование этого участка фронта, все произошло согласно плану. Господин штабной врач в тот же день к полудню пригласил меня к себе, затем я должен был проехать на санях до подходящего участка немецкого фронта. Все оставшееся время я провел в парной бане и ресторане. Многочасовая поездка в санях проходила большей частью в стороне от дорог, не раз возникали молчаливые паузы, если вблизи раздавались голоса, которые, вероятно, доносились от русских постов. Кроме меня и двух возниц, там был еще один человек – агент. Только занялось серое утро, была сделана остановка, мне указали удаленное на сотню метров место, до которого я должен был добраться. Спустя полчаса, размахивая своим носовым платком, я достиг немецкой передовой.

Прием был крайне холодным: меня рассматривали с очевидным недоверием. Было действительно странно, что относительно хорошо и по-русски одетый гражданский в хорошей физической форме пришел через поле пешком со стороны значительно удаленной отсюда русской линии фронта и утверждал, что является немецким пленным офицером. Все же мои рассказы были выслушаны с интересом, кое-как меня разместили и указали мне, (7) что я должен ждать решения вышестоящих инстанций. Но уже на второй день картина полностью изменилась. Я был направлен в командование армии, был гостем начальника генерального штаба полковника фон Кесселя, размещен на ночь на вилле для почетных гостей и уже в считанные дни после этого ехал в поезде в Берлин к родителям.

Содержательный отчет о времени, проведенном мной в военном плену, оказался куда более объемистым, чем я поначалу намеревался. Однако он показал, что я имел хорошую возможность познакомиться со страной и людьми, усовершенствоваться в языке, из русских книг почерпнуть сведения об исторических и экономических основах страны, и прежде всего получать из ежедневной прессы представление о политических событиях и больших переменах последнего времени. Эти обстоятельства способствовали тому, что вскоре после моего возвращения генеральный штаб проявил интерес к дальнейшему использованию меня как военного. Мне были сделаны два предложения: или заняться задачей возвращения военнопленных из Сибири, где находилось их значительное число, или содействовать решению вопроса о военно-политическом положении на востоке. Первая задача была очень заманчивой, поскольку уже тогда было ясно, что из-за хаоса в России эвакуация может быть успешной большей частью только морским путем через дальневосточные порты, в этой связи встал вопрос о моем командировании туда. Но я склонился в пользу второго варианта, поскольку осознавал огромное значение того, как будут дальше выстраиваться отношения Германии с великим русским сосе-

дом. Командировка во Владивосток по моему предложению некоторое время спустя была поручена моему товарищу по бараку в Омске Герберу, который также говорил по-русски.

В марте 1918 года, через несколько недель после моего возвращения, Германия заключила с советской Россией уже упомянутый мной мир в Брест-Литовске и направила в Москву в качестве посла графа Мирбаха¹⁰, в то время как в здание российского посольства на Унтерден-Линден торжественно въехал г-н Иоффе¹¹ со своим штабом. На западе Людендорф¹² готовился к последнему большому наступлению. Я был вначале прикомандирован к учреждению в Берлине, которое носило название военного отдела министерства иностранных дел, но позднее было правильное переименовано в иностранный отдел (8) верховного командования. Оно находилось под началом полковника Гефтена¹³. Его главной задачей было распространение военных и общих пропагандистских материалов за границей в нейтральных странах. Чтобы показать, что ежедневные обсуждения проблем психологической войны в маленьком учреждении были интересными, отмечу, что нашим сотрудником был писатель Бернгард Келлерман¹⁴. Органами нашего учреждения были филиалы в столицах нейтральных стран. Соответственно, уже в мае 1918 года были созданы два таких филиала в Москве и Петербурге. Я, молодой ротмистр резерва, был очень рад, когда по приказу генерального штаба был назначен руководителем филиала в Москве – новом месте пребывания правительства. Таким образом, уже в конце мая я снова оказался там, где в январе пребывал в качестве военнопленного, и до конца года оставался в русской столице, в которой начал по-домашнему обжиться большевизм.

Из обилия событий и моих собственных впечатлений этого судьбоносного для Германии, России и всей Европы лета я представлю пару примечательных сюжетов, произошедших на сцене Москвы, которая после заключения мира на востоке находилась несколько в тени событий и позднее в публицистике, посвященной первому году жизни коммунистического государства, получила недостаточное внимание. Отчасти это объясняется тем, что после отъезда миссий стран Антанты в новом великорусском государстве вряд ли еще оставались другие европейцы, кроме изрядного количества немцев. Ленин в Брест-Литовске поступил, вероятно, мудро, уступив немцам все, чего они требовали, чтобы для начала хотя бы сохранить жизнь своему государству. Поэтому старая российская империя была поделена на три большие части – московское государство, отделившуюся Украину со столицей в Киеве и своим главой государства гетманом Скоропадским, при котором для контроля находился генерал Эйхгорн¹⁵, и к северу – польское и балтийское пространство под контролем [германского] главного командования на Востоке в Ковно во главе с генералом Гофманом¹⁶. Граница находилась всего в 400 километрах от Москвы возле Орши, затем она проходила через Псков на север у Нарвы до Финского залива. Такое положение со-

хранялось до поражения [Германии] на западе. Затем судьба Восточной Европы снова начала стремительно меняться. Однако если заглянуть глубже, уже в драматические месяцы этого лета 1918 года политическое руководство как Антанты, так и Германии интенсивно (9) занималось проблемой европейского восточного пространства. И те, и другие понимали, что условия Брест-Литовска и в зависимости от исхода войны, и сами по себе нужно рассматривать как временные. Поэтому Франция и Англия, собственно, как и Германия, в течение всего года принимали устремившийся за пределы своей страны поток русской буржуазной эмиграции. Обе стороны тогда оказывали существенную материальную и идейную поддержку этим эмигрантам и вместе с ними готовили реставрацию и ликвидацию большевизма. Таким был политический фон моего пребывания в Москве.

Посольство Германии разместились в пустовавшем из-за революции патрицианском доме относительно далеко от центра города в квартале Арбат. Я поселился на маленькой вилле поблизости отсюда, где до меня квартировал французский военный атташе. Она была достаточно большой, чтобы разместить на ней также часть моего персонала, который состоял из двух офицеров, двух гражданских и двух солдат. Посольству я не подчинялся, но бывал там почти каждый день за совместным обедом, за которым постоянно собирался достаточно широкий круг людей, дополнявшийся визитерами из Германии, в основном предпринимателями и журналистами. Когда я появился в конце мая, посольство все еще полностью находилось под впечатлением от покушения, жертвой которого 14 днями ранее прямо в здании посольства пал посол граф Мирбах¹⁷. Оба террориста были левыми социал-революционерами, которых не устраивала внешнеполитическая линия Ленина. Они смогли беспрепятственно покинуть дом после того как расстреляли посла из револьвера. Тогда хозяином дома стал советник посольства Рицлер¹⁸. У меня сложилось впечатление, что он был даже рад, когда несколькими неделями позже покинул посольство в Москве, получив ожидаемое им назначение в Псков. Туда же вместе с ним убыл и военный атташе майор Шуберт¹⁹, в то время как я по моей просьбе остался в Москве. Из гражданских служб здесь осталось только генеральное консульство под руководством г-на Хаушильда²⁰. Однако его деятельность ограничивалась, как правило, в основном рутинной работой. Его сообщения направлялись в МИД, а мои – его военному конкуренту полковнику фон Гефтену, так что мы маршировали разными дорогами. Я припоминаю только одну небольшую совместную акцию. Среди моих трех гражданских служащих был один профессиональный фотограф, при помощи которого я мог получать фотографии, иллюстрировавшие деятельность (10) большевистского режима. Например, это были гигантские транспаранты, вывешенные на московских церквях, с лозунгом «Религия – опиум для народа». Этот человек однажды бесследно исчез, так что я через несколько

дней пришел к убеждению, что он, если еще жив, должно быть, схвачен политической полицией, которая тогда называлась «чрезвычайной комиссией», сокращенно – ЧК. Я уговорил г-на Хаушильда съездить со мной на Лубянку, главную квартиру ЧК, для розыска. Наряду с Дзержинским, вторым ее шефом был латыш Петерс²¹, который нас принял. Он без лишних слов подтвердил, что мой человек находится в их руках, но будет мне снова возвращен. Он вернулся уже на следующий день без каких-либо следов физических увечий. Однако при этом он был настолько напуган, что не рассказывал ничего из того, что с ним произошло. Он был, если так можно выразиться, доведен до крайности и просил только, чтобы его при любых обстоятельствах сразу отправили домой, что я и был вынужден сделать, к добру или к худу.

Суть моей основной работы состояла в распространении пропагандистских материалов, которые в наступательном и оборонительном смысле призывали к борьбе с западными державами или также должны были усилить в глазах русских почтение к германской «культуре», как, например, фильм о работе известного врача-протезиста Зауэрбруха²². Малоизвестно, что мы тогда могли издавать в Москве газету «Мир», которую я ежедневно снабжал нашими фронтовыми комментариями о войне во Франции. Однако мы ни в коем случае не могли открыто говорить о том, что было в данном случае главным побудительным мотивом немцев. Уже тогда это был тот же вопрос, который и сегодня занимает весь западный мир: каковы цели и намерения большевизма и каким способом они будут достигаться? Среди немцев, которые прибыли тогда в Москву, находились два известных журналиста – Альфонс Паке от «Франкфуртской газеты»²³ и фон Фосс, издатель «Восточного экспресса» из Берлина²⁴. Из моих бесед с ними я установил, что первый прибыл в Москву с предвзятым антибольшевистским мнением, другой – с благосклонным отношением и желанием поучиться. Через несколько недель я вынужден был убедиться, что они под впечатлением того, что здесь видели и слышали, поменялись точками зрения. Паке под воздействием идеалистической стороны коммунистической идеи стал (11) сторонником мирного сосуществования, как бы назвали его сегодня, в то время как Фосс превратился в убежденного антибольшевика. Как можно видеть, уже тогда Запад ничуть не был единоклубен в оценке этого феномена.

После того, как я пробыл несколько недель в Москве, я вынес окончательный приговор большевистскому государству, который соответствовал тому, что я в большей степени эмоционально ощущал раньше.

В определенном смысле решающее значение для этого имел принятый в начале мая закон, запрещающий любую частную торговлю и преследовавший ее по закону как спекуляцию. Товары должны были поступать к потребителям только путем распределения.

Такая безусловно утопическая реализация идеологических целей на практике, само собой разумеется, не оправдала себя и была в течение следующих лет заменена экономической политикой, известной как НЭП. Приверженцы учения Маркса о том, что ход истории зависит от устройства экономики, затеяли в то время странную игру. Однако моя неприязнь к диктатуре пролетариата постоянно возрастала, прежде всего в ходе моего общения с представителями гонимой буржуазии. Из их сообщений становилось ясно, что власти были заняты непреклонным последовательным преследованием всех, кто по рождению, образованию и наличию собственности принадлежал к классу «буржуев». Иллюстрацией этих известий была не дававшая мне спать ночная стрельба в городе.

Поначалу моя позиция вела только к тому выводу, что я старался пребывать в контакте с представителями старого режима и избегать представителей нового. Тогда меня время от времени посещал адвокат Николай Михайлович Пыльцов²⁵, который благодаря жень-бе на богатой вдове вступил во владение большим даже по понятиям русских имуществом. Однажды он пришел ко мне и посетовал, что он не может выпить ничего тонизирующего, при том, что в замурованном подвале его городского дворца хранится богатый запас превосходного вина. К сожалению, во дворце были расквартированы матросы из Кронштадта, которые прибыли в Москву для укрепления достигшей революции. Но все же мы смогли оформить датированный задним числом договор, согласно которому я купил это вино, и я должен был запросить официальное разрешение властей на его вывоз. (12) Сказано – сделано. Я поехал к Радеку, начальнику отделения центральной Европы в комиссариате иностранных дел²⁶, в его грязную маленькую частную квартиру и получил запрошенное удостоверение, после чего на его вопрос, о скольких бутылках идет речь, я заявил – от 100 до 150. Тогда пошли дальше к матросам. Начальник (комендант) с величайшим удивлением вынужден был узнать, на каких сокровищах он проживал. На основании наброска в арке ворот после удаления штукатурки была пробита дверь, которая служила входом в подвал. Нас ожидал сюрприз: там внизу лежали несколько тысяч бутылок, которые хранились в нишах подвала отсортированными по происхождению. Меня не удивило, что главарь матросов теперь отказывался выдать мне вино на основании моей бумажонки. Так как все происходило поздно – в конце дня, мы заключили сделку: запереть подвал и поставить на ночь двойную охрану, для чего я отправил для посменного дежурства обоих моих солдат.

Я был, естественно, озабочен состоянием дел, но матросы, очевидно, тоже. Так что после оглашения официального решения мы оба разошлись налегке с пустыми руками. Когда я пришел следующим утром, мой часовой сообщил мне, что матросы ночью каким-то образом смогли проникнуть с заднего хода в подвал, и большинство из них напились допьяна. Таким образом, медлить было опасно, и я очень обрадовался,

когда смог быстро прийти к разумному соглашению о разделе всего запаса. Я установил, что почти все немецкие вина были из винограда урожая знаменитых 1893 и 1904 годов, русские покупали именно наилучшее, так как пошлина взималась вне зависимости от качества по количеству. Я потребовал их, а также бордо и бургундское. Матросы были счастливы, что они могли оставить себе крымские вина, крымское шампанское и прежде всего водку. В тот же самый день они доставили мои примерно 1500 бутылок на грузовике в мой дом. Пыльцов, в свою очередь, был рад тому, что отныне каждые несколько дней он мог уносить несколько бутылок. Впрочем, он из благодарности предоставил обильный запас в мое распоряжение. Я со своей стороны, чтобы выказать мою благодарность, съездил вскоре после этого по железной дороге в удаленный примерно на 40 верст (километров) поселок Тучково, где на высоком берегу Москвы-реки у него был загородный дворец. (13) Он был еще в хорошем состоянии и свободен даже от прислуги. Управляющий вручил мне некоторое количество приобретенного Пыльцовым для повседневного употребления столового серебра. На обратном пути в Москве я в первый раз был задержан и допрошен полицией, однако был беспрепятственно освобожден после предъявления дипломатического паспорта.

В конце июня я принял решение по возможности перейти к активным антибольшевистским действиям. Я известил мое руководство в Берлине, что оставлять государственный аппарат в руках приверженцев коммунистической идеи опасно не только для Германии, но и для всей Европы, и что по возможности нужно заняться устранением этого нежелательного режима в Москве. Я вернусь к судьбе этого сообщения позже. В Берлине моя позиция не встретила возражений. Косвенным подтверждением тому стало мое новое назначение в подчинение полковнику, затем генералу Гофману, которому я также должен был сообщать с тех пор о моей деятельности.

В моем стремлении оказать помощь преследуемой буржуазии я должен отметить последовавший вскоре хороший результат: мне удалось подкупить высокопоставленного чиновника из центрального [советского] ведомства. От него я получал по твердой цене бланки проездных документов, так называемые командировки, в которых я мог проставлять имя путешественника и пункт назначения. Мои подопечные, таким образом, могли беспрепятственно доехать до пограничного города Орши, откуда заботу о них брали на себя мои коллеги в Минске. Мою тогдашнюю деятельность можно сравнить с тем, что сегодня делают русские дипломатические представительства во всем мире. Вскоре после этого я получил приказ верховного командования на Востоке явиться для доклада в Ковно²⁷ и прибыл туда согласно отметке в моем паспорте 13 августа. Я рассказал генералу Гофману о притеснении буржуазии, представители которой умоляли о вступлении немецких войск. Я указал ему на факт, что русский солдат ушел домой в деревню и пока что не го-

тов снова брать в руки винтовку, так что при вторжении не нужно ожидать серьезного сопротивления. Кроме находившейся в процессе становления государственной полиции, в Москве наличествовала только, как ни странно, латышская охрана под началом номинального главнокомандующего Вацетиса²⁸. В случае реальной опасности, как мне сообщили, его можно было бы переманить обещаниями (14) создания собственного латышского государства. Гофман со своей стороны дал мне понять, что наступление на Москву является вопросом ближайшего времени. Насколько серьезным было это его намерение, следует из того факта, что он при прощании засунул мне в карман полмиллиона царских рублей, чтобы использовать их в Москве для дальнейшей подготовки.

Надо было ковать железо, пока горячо, поэтому чуть позже я также съездил в Киев, столицу новой Украины, для доклада тамошним представителям министерства иностранных дел, среди которых был и Дирксен, хорошо мне знакомый будущий посол²⁹. Хотя я расписал яркими красками возможности политического и в первую очередь экономического сотрудничества между Германией и Россией после восстановления частнособственнического хозяйства, они не проявили большого воодушевления в отношении плана военной интервенции против Москвы.

Осенние месяцы я прожил там в ожидании наступления Гофмана. Кроме составления отчетов, моя деятельность ограничивалась тем, чтобы стремиться помогать буржуазным элементам и расширять связи с ними. Мой транспортный коридор процветал. Депутаты Думы, например Масленников³⁰, офицеры и даже представительницы женского пола отправлялись по моему пути на Запад. Частично я должен был снабжать их деньгами на проезд; у меня до сих пор сохранилась квитанция о сумме, которую получили от меня три дочери бывшего премьер-министра князя Львова³¹. Они благополучно высадились в Копенгагене у родственников. Из пестрого разнообразия личностей, с которыми я активно взаимодействовал, приведу еще несколько примеров.

Большевизм в ряду своих многочисленных побед провозгласил также уничтожение церкви. Поэтому я со всей осторожностью нанес визит митрополиту и архиепископу православной церкви Тихону³². Он показал мне, отставному улану, немецкую кавалерийскую пику, которую он приказал переделать в пастырский посох, чтобы им во время войны благословлять идущие на фронт войска. После того, как я намекнул ему на возможность вторжения немецких войск, мы договорились, что он в этом случае велит звонить в церковные колокола.

(15) Другой личностью из церковного круга был князь Александр Борисович Голицын³³, член Священного Синода – высшего церковного административного учреждения. У него был прекрасный дом поблизости от нашего посольства, и я неоднократно бывал там. Его сыну, ротмистру, удалось бежать из тюрьмы и с одним из моих проездных

удостоверений через Оршу оказаться на свободе³⁴. Во время одного из моих визитов команда ЧК, которая, скорее всего, выследила меня, решила обыскать дом. Молодая жена ротмистра находчиво смогла незаметно всунуть мне в присутствии чекистов упаковку в тысячу рублей купюрами, которые тем самым были спасены, так как я смог беспрепятственно удалиться, предъявив дипломатический паспорт. Князь несколько позже передал мне в надежные руки свой семейный архив. Он до сих пор находится у меня. Среди прочего там есть документы на владение земельными участками, включая выписки из кадастра на два очень больших имения в Средней России и на купленный из владений царя виноградник под Новороссийском на русской Ривьере, кроме того, царские указы о назначениях, из них один относится к Наполеоновской эпохе и датирован 1812 годом. После 1918 года я никогда больше не слышал об этой семье.

Через посредников я некоторое время вел переговоры об использовании моего пути эвакуации с известным генералом Брусиловым³⁵. В результате он не пошел на мое предложение. Я хотел заполучить его как ценную вывеску для предприятия Гофмана. Удивительным образом через несколько дней в мою дверь постучался даже француз. Это был г-н Юже, журналист, сотрудник издававшейся в Петрограде газеты «Журналь де Петроград», который во время войны был известен под псевдонимом Жан Д'Овернь. Хотя на Западе между нашими народами еще бушевала война, я стал часто с ним встречаться. Мы сошлись в общем понимании смертельной опасности большевизма для западной культуры. Так как у него была крайне необычная для француза навязчивая идея, что Франция должна освободиться от политической привязанности к Англии, я дал ему возможность уехать в Берлин для последующей его разработки при помощи министерства иностранных дел.

Тогда французы и англичане были, по мнению Ленина, «поджигателями войны», и с ними обращались как с врагами. Например, Брюс Локкарт³⁶, (16) который в своих книгах сообщает также и о русском периоде своей службы при английском «форин офисе», тем же самым летом 1918 года несколько месяцев сидел в московской тюрьме.

Так как 16 июля 1918 года свершилась судьба царской семьи, я хочу обратиться к этому сюжету. 15 марта 1917 года царь отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила. Сам он и его семья оставались в Царском Селе под Петроградом. Король Георг V предложил им убежище в Англии, и Керенский уже готовил их отъезд, причем Германия обещала не подвергать их опасности в этой поездке. Однако она постоянно откладывалась из-за жесткой оппозиции радикалов, вплоть до того, что 17 июля, когда все было готово, английский посол Бьюкенен со слезами на глазах в устной ноте военному министру Керенского Терещенко объявил, что его правительство отзывает свое предложение. Ллойд Джордж уступил натиску лейбористов, которые упрекали семью царя в германофильстве, – бесславная глава английской истории.

15 августа 1917 года [царская] семья была перевезена в Сибирь, где она жила год под строгой охраной в стесненных обстоятельствах. 16 июля 1918 года царь, царица, молодой царевич и три их дочери³⁷ по приговору Екатеринбургского совета были убиты. Немецкий посол граф Мирбах весной напрасно хлопотал за них в Москве.

Заслуживает упоминания еще одно разрушительное последствие свержения общественного строя: частные художественные коллекции стали почти бесхозными. Многие были бесцеремонно сожжены или уничтожены при грабежах, другое украдено или спрятано. Большая часть, однако, была распродана на черном рынке гораздо ниже реальной стоимости ворами или самими собственниками, которые нуждались в наличных деньгах на эмиграцию и взятки. Дошло до того, что, например, антиквары из ранее процветавшей в Москве фирмы не могли себе представить, что они должны делать со множеством оставшихся у них на руках ценностей. По их настоятельным просьбам я позволил им повесить несколько ценных картин в моем доме. Они так и остались там после безрадостного окончания моей деятельности и отъезда. На этот богатый художественный рынок набросился молодой немецкий спекулянт – торговец произведениями искусства, которому удалось (17) прибыть в Москву с большими денежными средствами. Я не знаю, много ли он приобрел. Трудность заключалась в вывозе антиквариата из России. Однако я слышал, что, например, в доме банкира Рябушинского однажды ночью ему для осмотра предъявили ранее замурованное произведение Рембрандта. Каждая революция в собственных интересах щадит две категории граждан – врачей и художников.

Однако театры не пострадали: Шаляпин пел в опере, шли знаменитые постановки Станиславского, балет так же, как и известное кабаре «Синяя птица»³⁸, мог демонстрировать силу своего притягательного искусства. Легкие жанры искусства по-прежнему были представлены в огромном ресторане-варьете «Яр». Разумеется, алкоголь был тогда в принципе запрещен, так что принесенное с собой там можно было пить втихаря только из кофейных чашек. Зато там выступали цыгане. Тот, кто знал старую Россию, представляет, что русские с их так называемой широкой натурой всегда умели отмечать и маленькие, и большие праздники. Их неизменными участниками становились цыгане со своими песнями, в которых переходы от озорства к меланхолии могут сделать даже трезвого человека пьяным. Так как в богатые дома их больше звать не могли, а большевистские бонзы только начали набирать силу, для меня, жившего холостяцкой жизнью, не составляло труда пригласить вечером небольшой ансамбль в свой дом, когда я давал маленький прощальный праздник с одним из моих отъезжавших эмигрантов с превосходным немецким благородным вином. Однако бедные преследуемые представляли доказательства, что *joie de vivre*³⁹ не убить в человеке даже в самые суровые времена. При исполнении кавказской застоль-

ной песни с упоминанием имени каждого из присутствующих меня называли «Вася» – сокращение от имени Василий. Мои немногочисленные гости представляли действительно пеструю смесь. Однажды привели знаменитую приму-балерину Гельцер⁴⁰, невзыскательная естественность которой произвела на меня впечатление.

В этом очерке современной истории я не могу не упомянуть, что в особенной московской атмосфере лета 1918 года сохранялись глубокие человеческие связи. Прикомандированный к посольству секретарь фон Й. познакомился благодаря мне с очаровательной русской Ольгой Адольфиной Б., молодой вдовой швейцарца, и после женился на ней в Германии. (18) Мои отношения с женским полом были сложнее. Посланник одного нейтрального государства собирался уезжать по делам, связанным с дипломатическими отношениями с новой Россией. Через одного общего знакомого российского немца он пригласил меня на маленький ужин. Во время кофе появилась красивая молодая женщина, которая не понимала по-немецки, так что он мог через некоторое время совершенно открыто спросить, не возьму ли я себе его подругу, которую он не может увезти с собой. Тогда я обещал ему, что буду по возможности помогать ей в трудных случаях, но, к сожалению, не могу взять на себя далеко идущие обязательства.

Уже лето и осень подходили к концу, а главное командование на Востоке не шевелилось, и сводки с фронта во Франции становились все безрадостнее. Я предчувствовал что-то недоброе. Однако я был поражен как громом среди ясного неба, когда 8 ноября получил зашифрованную телеграмму из Берлина с распоряжением свернуть мои дела. Через один или два дня стало известно, что в Германии произошла революция, и я тотчас получил известие о последствиях этих событий для нас в Москве. Оно пришло от моего собственно сотрудника Ракова.

С молниеносной быстротой, поскольку, очевидно, все было подготовлено заранее, в Москве был сформирован немецкий Совет рабочих и солдатских депутатов, влиятельным членом которого стал известный «красноколпачник» и брат моего Ракова. Эти свирепые парни потребовали расстрела немецких офицеров, однако до дела не дошли, в основном, скорее всего, из-за возражений со стороны русских. Однако русскими совет был признан как единственное правомочное представительство немецких интересов. Я, естественно, сразу же посетил Радека, ответственного за связь со мной в комиссариате иностранных дел, и получил от него подтверждение. Он заявил мне, что по сравнению с тем, что произошло теперь в Германии, русская революция была только бурей в стакане воды. Тем самым наши роли поменялись. Так же, как я ожидал падения московского режима, он ждал теперь победы большевизма в Германии. Мой Раков, который также стал членом и даже секретарем Совета, сообщил мне затем прямо-таки удивительные вещи. Сначала он заверил меня, что может гарантировать мне и моим людям сохранение жизни и личной собственности.

Но все, что (19) имело отношение к служебной деятельности, я должен был передать ему, в первую очередь сейф. Кроме значительной суммы денег, за которую я получил расписку, в нем содержались лишь безобидные вещи. Мы не были арестованы, однако я фактически был под домашним арестом и мог покидать дом только в крайнем случае. Он был старым коммунистом и немецким руководством партии был назначен надзирать за моим учреждением. По причине знания им русского языка – раньше он некоторое время занимал небольшую должность в банке в Петербурге – это ему удавалось без всяких трудностей. Его жена как курьер Коммунистической партии во время войны неоднократно бывала на Балканах. Он [высоко] ценил меня лично и был бы рад, если бы при новом положении дел я стал сотрудничать на его стороне. Он сообщил мне также с дружеским смешком, что мой русский шофер был вынужден доносить куда следует обо всех моих перемещениях и встречах. Этот русский участвовал в антибольшевистском путче в Ярославле, потом бежал в Москву и по хорошей рекомендации был взят мной на службу.

Известия Ракова были крайне неприятны для меня. Однако я мог считать за счастье, что мне, поскольку я никогда не выказывал ему недоверия, было позволено открыто выражать мою антибольшевистскую позицию, а также, само собой разумеется, отправлять все зашифрованные сообщения только через двух моих офицеров.

Следующие две недели прошли без каких-либо особенных происшествий. Мы находились в полном неведении относительно того, что происходило в Германии и разрешат ли нам выезд домой. Затем, однако, поступило долгожданное распоряжение готовиться к отъезду. Я лишь позже узнал, что мы должны были благодарить генерала Гофмана, так как он поставил послу Иоффе жесткое требование сначала обеспечить выезд из России немецких представительств, а затем – возвращение из Берлина в Россию советских представительств. В основном речь шла о генеральном консульстве в Москве, тем более что существовала возможность даже включить в его состав и эвакуировать некоторое количество российских немцев.

(20) Уже при отправлении на вокзале стало ясно, что бывшее уважение к Германии резко пошло на убыль. В прошлом венгерский военнопленный по имени Шилажи, с которым, как ни странно, я познакомился в 1917 году в Омске, теперь стал чекистом и в самой грубой форме руководил контролем, в частности, приказывал открыть для досмотра многие чемоданы. Его было легко узнать по чрезвычайно оттопыренным ушам, именно по ним я потом опознал его в марте 1919 года в Берлине, где он служил официантом в элитном ресторане «Маскот». Так я убедился в том, о чем мне говорили еще в Москве, – что большевики усердно готовили коммунистические войска для заграницы. Впрочем, как известно, сам Радек уже в феврале 1919 года находился в Берлине и оттуда консультировал участников организации «Спартак».

Согласно штемпелю в моем паспорте, мы уже 2 декабря 1918 года благополучно прошли немецкий паспортный контроль в Видбаллене. В Берлине на месте моей службы на Унтер-ден-Линден рядом с кафе «Виктория» я нашел только маленький остаток бывлой команды, который был занят ликвидацией учреждения.

Немецкая восточная политика в 1918 году была подвержена колебаниям и оказалась не очень удачной. Кажется спорным, так ли необходим был Брестский мир, были ли его преимущества настолько велики, чтобы компенсировать его недостатки. По-видимому, тогда усталость русских от войны была недооценена, а их наличные боевые возможности переоценены. Эти ошибочные представления привели к тому, что запланированное наступление на Москву летом 1918 года не состоялось. Тогда еще можно было бы свергнуть этот с самого начала противоестественный, пришедший к власти в условиях военного поражения и военной усталости режим. Становится очень грустно, когда думаешь о том, что политическое решение в пользу генерала Гофмана нашло позитивный отклик во многих влиятельных инстанциях. Адмирал Гинце⁴¹ и министерство иностранных дел были за него. Их сбили с этого курса те, кто поначалу испытывали большое доверие к большевикам как партнерам по мирным переговорам, например И. Криге⁴². Сам Людендорф также колебался. Он писал в своих военных мемуарах: «Мы вполне могли теми частями, которыми располагали на Востоке, нанести быстрый удар по Петербургу, а с помощью донских казаков – и по Москве. Это было бы лучше, чем длительное время безуспешно обороняться от большевизма на широком фронте. Последнее требовало больше сил и нервного напряжения, чем короткая решительная операция, которая, к тому же, укрепила бы моральный дух армии. Мы устранили бы враждебное нам по своей сути советское правительство и помогли бы установить дружественную Германии власть, которая действовала бы не против нас, а заодно с нами. Это явилось бы чрезвычайно благоприятной предпосылкой для дальнейшего успешного ведения войны»⁴³. Однако он боялся неизвестности, того, как все будет развиваться в случае нарушения Брестского мира. Если бы он мог предвидеть будущее, возможно, он действовал бы иначе.

Я очень жалею, что 8 ноября 1918 года должен был сжечь копии моих донесений из Москвы, которые имеют отношение к этому вопросу. Они вносят вклад в историю этого кризиса. Мне неизвестно, попали ли они вместе с другими документами заграничного отдела Верховного главнокомандования в имперский архив и затем в конце концов после 1945 года в руки одной из держав-победительниц. Мои запросы в имперский архив в 1930-е годы были отклонены на том основании, что с этими документами могут ознакомиться только представители законных органов власти.

Уже в январе 1919 года сразу после моего возвращения я смог убедиться в Берлине, что, несмотря на проигранную войну и бес-

порядки, министерство иностранных дел пришло к окончательному убеждению в необходимости приложить все усилия для реставрации [старого режима] в России. Я был уволен с военной службы. Однако запросил многомесячный отпуск в качестве прусского государственного служащего, чтобы дальше заниматься русскими проблемами.

Выше я уже писал, что Европа была переполнена иммигрантами из России. Они повсеместно приобретали все большее влияние на политику на Востоке, поэтому не только у нас, но и в Англии, и во Франции антибольшевизм был так силен, что можно было начать политическую кампанию против Москвы и наряду с этим подготовку военного нападения путем организации и вооружения русских белых кадров. Однако даже если в этом смысле существовало определенное взаимопонимание между Антантой и Германией, дело не дошло до единых действий, так как в обстановке взаимной ревности было неясно, как делить шкуру еще не убитого медведя.

В Берлине в феврале 1919 года эти политические и военные приготовления выглядели следующим образом: по соглашению с министерством иностранных дел было создано «западно-русское» правительство. Я принимал участие в переговорах с его представителями, на которых от министерства иностранных дел присутствовал г-н фон Блюхер⁴⁴. Припоминаю, что уже были напечатаны собственные бумажные деньги. Важным основанием процесса формирования военных сил стало объединение 1400 русских белых офицеров, (22) которые в результате жесткого отбора из двух миллионов русских военнопленных были рекомендованы для борьбы как надежные люди. Из них можно было рассчитывать на 50 тысяч человек. Сначала существовало намерение по соглашению с Антантой перебросить их в вооруженную ей армию Деникина на юге России. Однако затем политики и военачальники договорились, что по инициативе Германии будет осуществлено самостоятельное наступление через Прибалтику в направлении Динабурга. Его должны были поддержать организованный в Либаве как центре балтийский ландвер и немецкий добровольческий корпус. Тогдашний немецкий посланник в Либаве доктор Бурхард поддержал эти подготовительные мероприятия и переслал мне в Берлин с представителем ландвера господином фон Роппом⁴⁵ меморандум о тамошних планах. В общем, я был активно задействован в подготовке этой акции. Так как мой отпуск закончился, в апреле 1919 года по моему желанию я был направлен как регистратор в правительство в Кёнигсберге, так как хотел наблюдать за развитием событий. Мое собственное участие в небольшой, но важной части русской истории на этом заканчивается.

Описанная белорусская акция в Курляндии под военным руководством князя Авалова⁴⁶ закончилась довольно быстрым провалом. Примечательно, что английская корабельная артиллерия даже подвергла обстрелу с моря участников этого предприятия,

что показывает, что большая свора, которая атаковала русского медведя со всех сторон, совершенно не имела согласия между собой. Можно только вообразить, сколь много угроз и атак было направлено тогда и впоследствии против Москвы.

Кроме Авалова, в Курляндии в Эстонии (в Латвии. – *Прим. ред.*) действовал генерал Юденич, который из Нарвы угрожал Ленинграду. Финляндия с помощью графа Гольца⁴⁷ добилась свободы в борьбе против русских и также находилась прямо перед старой столицей.

В Мурманске и Архангельске стоял английский экспедиционный корпус. В Сибири против большевизма боролись чехословацкие соединения и адмирал Колчак. На юге России вступили в бой вооруженные Антантой небольшие армии Деникина и Врангеля, а на Кубани наступали донские казаки под командованием генерала Краснова, с которым через Каспийское море поддерживали связь англичане. Но (23) не было руководителя, который мог бы объединить все эти усилия и управлять ими. Все же достойно удивления, что молодое большевистское государство смогло защитить себя от всех этих атак после произошедшей в 1918 году демобилизации. В значительной степени это было заслугой Троцкого. Он прибыл из Америки в Россию в 1917 году вскоре после Ленина и стал при нем комиссаром по военным делам. С его энергией и силой убеждения ему снова удалось мобилизовать русского солдата. За это ему оплатили черной неблагодарностью. Однако большевизм, «конь бледный», как его называет сэр Самуэль Хор (лорд Темплвуд)⁴⁸ в своей книге «Четвертая печать» со ссылкой на Апокалипсис (6 : 7, 8), продемонстрировал жизнеспособность.

После моих перипетий в России долгое время я мечтал о том, чтобы однажды вновь выбрать местом жительства Москву и в форме посреднической деятельности для немецкой промышленности сотрудничать на экономической основе и содействовать решению важной задачи восстановления дружеских отношений между обоими великими соседними народами.

Я уже даже нашел для этого конторские помещения на Тверской. Это желание исходило в значительной степени из того, что я испытывал сильное расположение к простым русским людям и народному русскому характеру. Из-за железного занавеса, который отгородил Россию от Западной Европы, в этом мне было отказано. Поневоле у меня теперь есть собственный взгляд: он отвернулся от слона и обратился к киту. Я женился на англичанке для долгого счастливого брака и на досуге как убежденный приверженец парусного спорта бороздил моря. Но даже в этих странствиях я иногда мечтал о России [ВА-МА РН 3/51. Федеральный архив – военный архив. Собрание «Первая мировая война 1916/1918». Л. 1–23. Подлинник. Машинопись. Пер. с нем].

Комментарии

¹ Город в центральной Польше, с 1815 по 1915 г. губернский город в составе Российской империи, в августе 1915 г. был оккупирован австро-венгерскими войсками.

² Автор служил в звании ротмистра резерва в западнопрусском уланском полку № 1 имени российского императора Александра III. Уланка в данном случае – форменная куртка.

³ Икскуль-Гилленбанд Александрина (Üxküll-Gyllenband Alexandrine von, 1873–1963) – графиня, активистка немецкого Красного Креста, одна из немногих, кто под патронажем Международного комитета Красного Креста могли посещать немецких военнопленных в России.

⁴ Младшее офицерское звание (соответствует прапорщику).

⁵ Имеется в виду Временное правительство. Автор использует термин, появившийся только в середине 30-х годов XX в.

⁶ С 1893 г. – Двинск, современный Даугавпилс (Латвия).

⁷ Булганин Николай Александрович (1895–1975) – во время написания мемуаров министр обороны (1953–1955), председатель Совета Министров СССР (1955–1958). Носил небольшую бородку клинышком.

⁸ Брэндстрем Эдвард (Brändström Edvard, 1850–1921) – шведский военный, дипломат. Генерал-лейтенант (1914). В 1885–1891 гг. – военный атташе, в 1906–1918 гг. – посланник Швеции в России. Его дочь Эльза, родившаяся в Санкт-Петербурге (1888–1948), с началом Первой мировой войны добровольно стала сестрой милосердия при русской армии. С 1915 г. от имени шведского Красного Креста совершала неоднократные поездки по лагерям немецких и австро-венгерских военнопленных в Сибири для организации им помощи. В межвоенный период пять раз номинировалась на Нобелевскую премию мира.

⁹ Город на севере Швеции, непосредственно граничит с финским городом Торнио.

¹⁰ Мирбах-Харфф Вильгельм фон (Mirbach-Harff Wilhelm von, 1871–1918) – граф, германский дипломат, с апреля 1918 г. посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве. Убит левыми эсерами 6 июня 1918 г.

¹¹ Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) – советский дипломат и партийный деятель. С апреля 1918 г. полпред РСФСР в Германии. 6 ноября 1918 г. был выслан за активное участие в подготовке революции.

¹² Людендорф Эрих (Ludendorff Erich, 1865–1937) – немецкий военачальник, с августа 1916 по октябрь 1918 г. состоял в должности генерал-квартирмейстера. Заместитель начальника германского генерального штаба Пауля Гинденбурга.

¹³ Гефтен Ганс фон (Haefthen Hans von, 1870–1937) – с июля 1916 г. руководитель военного отдела министерства иностранных дел (с июня 1918 г. – иностранный отдел верховного командования). В 1931–1935 гг. – президент рейхсархива в Потсдаме.

¹⁴ Келлерман Бернгард (Kellermann Bernhard, 1879–1951) – немецкий писатель и поэт левого направления.

¹⁵ Эйхгорн Герман фон (Eichhorn Hermann von, 1848–1918) – германский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (24 декабря 1917 г.). С 26 января 1915 до 5 марта 1918 г. – командующий 10-й армией на Восточном фронте. С 31 марта 1918 г. – главнокомандующий группы армий «Киев». 30 июля 1918 г. был убит в Киеве эсером Б. М. Донским.

¹⁶ Гофман Макс (Hoffmann Max, 1869–1927) – германский генерал и дипломат. С 30 августа 1916 г. – начальник штаба Восточного фронта. Представлял германское командование на переговорах в Брест-Литовске.

¹⁷ Очевидно, фактическая ошибка. Убийство Мирбаха произошло 6 июля 1918 г.

¹⁸ Рицлер Курт (Riezler Kurt, 1882–1955) – германский дипломат и философ.

¹⁹ Шуберт Вильгельм (Schubert Wilhelm, 1879–1972) – германский военный, с марта 1941 по июль 1942 г. – руководитель экономического штаба «Ост».

- ²⁰ Хаушильд Герберт (Hauschild Herbert, 1880–1928) – германский дипломат.
- ²¹ Петерс Яков Христофорович (1886–1938) – профессиональный революционер, один из создателей и первых руководителей ВЧК. Заместитель председателя ВЧК Феликса Дзержинского, врио председателя ВЧК с 7 июля по 22 августа 1918 г.
- ²² Зауэрбрух Фердинанд (Sauerbruch Ferdinand, 1875–1951) – немецкий хирург, один из основоположников грудной хирургии. С 1910 г. руководил кафедрой хирургии Цюрихского университета, с 1918 г. – одноименной кафедрой в Мюнхенском университете. В 1928–1950 гг. возглавлял кафедру хирургии в Берлинском университете.
- ²³ Паке Альфонс (Paquet Alfons, 1881–1944) – немецкий журналист и писатель, пацифист.
- ²⁴ Фосс Карл Иоганн фон (Voss Karl Johann von, 1884–1938) – немецко-балтийский журналист.
- ²⁵ Пыльцов Николай Михайлович (1876–1936) – присяжный поверенный. Его жена Любовь Герасимовна – дочь известного московского купца и мецената Г. И. Хлудова. Супруги владели построенной в 1911 г. усадьбой Любвино вблизи станции Тучково.
- ²⁶ Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) – деятель международного социал-демократического и коммунистического движения.
- ²⁷ *Совр.* Каунас (Литва). С 1916 г. – место пребывания германского верховного командования на Востоке.
- ²⁸ Вацетис Иоаким Иоакимович (1873–1938) – латыш, советский военачальник. Один из руководителей подавления левозероковского мятежа в Москве в июле 1918 г. С июля 1918 г. – командующий Восточным фронтом, с 1 сентября 1918 по 9 июля 1919 г. – главнокомандующий всеми Вооруженными силами РСФСР.
- ²⁹ Дирксен Герберт фон (Dirksen Herbert von, 1882–1955) – немецкий помещик, дипломат и писатель. В середине 1918 г. возглавил отдел прессы и пропаганды в посольстве Германии в Киеве. В 1928–1933 гг. – посол Германии в СССР.
- ³⁰ Масленников Александр Михайлович (1858–1950) – депутат Государственной думы III и IV созыва от Саратовской губернии. Входил во фракцию кадетов, затем прогрессистов.
- ³¹ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – министр-председатель Временного правительства 2 (15) марта – 7 (20) июля 1917 г.
- ³² Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин; 1865–1925) – с 21 ноября (4 декабря) 1917 г. Патриарх Московский и всея России, первый после восстановления патриаршества в России.
- ³³ Голицын Александр Борисович (1855–1920) – князь, шталмейстер, помещик, в 1901–1909 гг. предводитель дворянства Владимирской губернии.
- ³⁴ Голицын Борис Александрович (1880–1947) – русский офицер и общественный деятель, депутат IV Государственной думы от Владимирской губернии.
- ³⁵ Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – русский и советский военачальник.
- ³⁶ Локхарт (правильно – Локхарт) Роберт Гамильтон Брюс (Lockhart Robert Hamilton Bruce, 1887–1970) – британский дипломат, тайный агент, журналист, писатель. С января по сентябрь 1918 г. – глава специальной британской миссии при Советском правительстве. В сентябре был арестован. В октябре 1918 г. был выслан из советской России за участие в «заговоре трех послов».
- ³⁷ Ошибка: у императора Николая II и императрицы Александры Федоровны было четыре дочери – Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия.
- ³⁸ Очевидно, автор имеет в виду популярный театр миниатюр «Летучая мышь», где гвоздем репертуара был спектакль «Синяя птица» – пародия на постановку МХТ.
- ³⁹ Жизнерадостность (*фр.*).
- ⁴⁰ Гельцер Екатерина Васильевна (1876–1962) – балерина. С 1898 по 1935 г. выступала на сцене Большого театра. С 1910 г. в составе антрепризы С. П. Дягилева принимала участие в гастрольных поездках за рубеж.

⁴¹ Гинце Пауль фон (Hintze Paul von, 1864–1941) – германский государственный деятель, дипломат. С 1903 г. – морской атташе, с 1908 г. – военный уполномоченный в Петербурге. С 1911 по 1918 г. занимал пост посла последовательно в Мексике, Пекине и Христиании. С 9 июля до начала октября 1918 г. был министром иностранных дел Германии. После ноябрьской революции ушел в отставку.

⁴² Криге Иоганнес (Kriege Johannes, 1859–1937) – германский дипломат, участник переговоров в Брест-Литовске.

⁴³ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне : Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918. М. : Центрполиграф, 2007. С. 595–596.

⁴⁴ Блюхер Виперт фон (Blücher Wipert von, 1883–1963) – германский дипломат. Как и автор, член студенческой корпорации «Вандалия – Гейдельберг», участник заключения мирного договора с Советской Россией в Рапалло.

⁴⁵ Ропп Георг фон дер (Ropp Georg von der, 1893–1973) – прибалтийский немец, барон, уроженец Литвы, доброволец прибалтийского ландесвера.

⁴⁶ Бермондт-Авалов Павел Рафаилович (1877–1974) – князь, русский офицер, генерал-майор (1919), представитель прогерманского течения в белом движении в Прибалтике.

⁴⁷ Гольц Рюдигер фон дер (Goltz Rüdiger von der, 1865–1946) – граф, германский военный. В годы Первой мировой войны дослужился до должности командира так называемой «Остзейской дивизии», действовавшей в Прибалтике. Во главе германского экспедиционного корпуса участвовал в гражданской войне в Финляндии на стороне буржуазного правительства, поддерживал К. Маннергейма. Участвовал в создании прибалтийского ландесвера. 22 мая 1919 г. войска под его командованием заняли Курляндию и Ригу. После отставки фон дер Гольца эти вооруженные силы перешли под командование Бермондта-Авалова.

⁴⁸ Хор Сэмюэль (Hoare Samuel, 1880–1959) – английский разведчик, консервативный британский политик, государственный деятель 1920–1930-х гг. Глава резидентуры британской разведки в Петрограде в 1916–1917 гг.

Список литературы

Bundesarchiv – Militärarchiv. Sammlung 1. Weltkrieg – Osten 1916/1918. Reg. Rat a. D. Wilhelm Wölfing, s. Zt. Rittmeister der Außenstelle der OHL in Moskau “Moskau 1918” (Erlebnisse in Kriegsgefangenschaft und während der Tätigkeit in Moskau – Manuskript). Okt. 1955.

Burchard-Motz H. Nachruf auf Wilhelm Wölfing // *AHV der Vandalo-Guestphalia*. 1973. 5. Jan.

Terhalle M. Otto Schmidt (1888–1971): Gegner Hitlers und Intimus Hugenbergs : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn. 454 S.

Terhalle M. Deutschnational in Weimar : Die politische Biographie des Reichstagsabgeordneten Otto Schmidt (-Hannover) 1888–1971. Köln u. a. : Böhlau Verlag, 2009. 449 S.

References

Bundesarchiv – Militärarchiv. Sammlung 1. Weltkrieg – Osten 1916/1918. Reg. Rat a. D. Wilhelm Wölfing, s. Zt. Rittmeister der Außenstelle der OHL in Moskau “Moskau 1918” (Erlebnisse in Kriegsgefangenschaft und während der Tätigkeit in Moskau – Manuskript). Okt. 1955.

Burchard-Motz, H. (1973) Nachruf auf Wilhelm Wölfing. In *AHV der Vandalo-Guestphalia*. 5. Jan.

Terhalle, M. (2006) Otto Schmidt (1888–1971): Gegner Hitlers und Intimus Hugenbergs : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn. 454 S.

Terhalle, M. (2009) Deutschnational in Weimar : Die politische Biographie des Reichstagsabgeordneten Otto Schmidt (-Hannover) 1888–1971. Köln u. a., Böhlau Verlag. 449 S.

Disputatio

Морис Бенеvский. Портрет. Гравюра XVIII в.
Неизвестный художник

Maurice Benyovszky. Portrait. Engraving
of 18th century. Unknown artist

DOI 10.15826/qr.2017.3.251

УДК 910.4(091)+141.81+821.161.1-94+929М.Беневский

**В ПОИСКАХ НОВОГО ЭДЕМА:
«ИМПЕРАТОР МАДАГАСКАРА» МОРИС БЕНЕВСКИЙ
И ЕГО РУССКИЕ СПУТНИКИ***

Валерий Мароши

Новосибирский государственный
педагогический университет,
Новосибирск, Россия

**A QUEST FOR A NEW EDEN:
“EMPEROR OF MADAGASCAR” MAURICE BENYOVSZKY
AND HIS RUSSIAN COMPANIONS**

Valery Maroshi

Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia

This article explores the strategies of the famous 18th-century European adventurer Maurice Benyovszky and the reasons that inspired his Russian companions to follow him on a dangerous journey after the uprising in Kamchatka in 1771. The quest for new colonies by Russian fugitives is connected with the transformation of the archetype of Eden in different topoi and plots of travelogues and fiction. The dream of colonising a distant exotic island was part of the “Eden aspirations” of the 18th century. In his memoirs, Benyovszky repeatedly expressed a dream to establish a European colony on an exotic island and even drafted memoranda of its principles. However, Benyovszky’s memoirs, which contained imaginary descriptions of islands, were heavily influenced by the genres of geographic utopias, robinsonades, and pirate novels, which also included descriptions of “pleasant places”. Benyovszky describes a fictional colony in the Commander and Aleutian Islands, founded by the noble

* *Citation:* Maroshi, V. (2017). A Quest for a New Eden: “Emperor of Madagascar” Maurice Benyovszky and His Russian Companions. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 807–825. DOI 10.15826/qr.2017.3.251.

Цитирование: Maroshi V. A Quest for a New Eden: “Emperor of Madagascar” Maurice Benyovszky and His Russian Companions // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 807–825. DOI 10.15826/qr.2017.3.251 / *Мароши В. Поиски нового Эдема: «император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники* // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 807–825. DOI 10.15826/qr.2017.3.251.

pirate and Russian fugitive Ivan Okhotin. He creates a biography of his imaginary double, a fighter for freedom who controls the uninhabited islands. In his memoirs, he fabricates an idyll of an imaginary desert island of Humidity that nevertheless brings salvation to the travellers and expands the size of the idyll even more for Usma Island, where the travellers get a most cordial welcome. On the island of Formosa, they have to take part in an imaginary war. His projects resulted in the creation of a French colony on the island of Madagascar between 1774 and 1776, which was joined by some of his Russian companions: this was followed by Benyovszky being proclaimed “emperor” of the island. Benyovszky’s return to the island in 1785 and his death in a fight with the French demonstrate that the establishment of a colony based on the principles of reason and mutual benefit of the colonists and aboriginal people was very valuable to him. The author makes an attempt to reconstruct the ideal of a “new Eden” on the basis of the genre conventions and popular travelogues of the mid-18th century.

Keywords: M. Benyovszky; Eden; travel; utopia; robinsonade, travelogue.

Исследуются стратегии европейского авантюриста XVIII в. Мориса Беневского и причины, побудившие его русских спутников последовать за ним в опасное путешествие после мятежа на Камчатке в 1771 г. Поиск новых колоний русскими беглецами во время путешествия во главе с Беневским рассматривается как трансформация архетипа Эдема в разных топосах и сюжетах травелогов и художественной литературы. Мечты о колонизации отдаленного экзотического острова – часть этих «эдемских устремлений» XVIII в. В мемуарах Беневского они выражаются в постоянном прожектёрстве о создании на острове европейской колонии, нашедшем выражение в составлении своеобразных меморандумов о принципах ее существования. Однако для последующей деятельности Беневского и его мемуаров, содержащих вымышленные описания островов, явственнее оказывается влияние жанров географической утопии и робинзонады, а также пиратского романа, которые тоже включали в себя описания «приятных мест». Беневский описывает вымышленную колонию на Командорских и Алеутских островах, созданную «благородным пиратом», русским беглецом Иваном Охотиним. Он придумывает биографию своего сюжетного двойника – борца за свободу, который контролирует необитаемые острова. В мемуарах он фабрикует идиллию необитаемого, но спасительного для путешественников «острова Влаги», еще более расширяя ее масштаб для острова Усма, на котором путники находят самый гостеприимный прием, и отчасти для острова Формоза, на котором им приходится принять участие в воображаемой войне. Продолжением этой проективной активности стало создание им в 1774–1776 гг. французской колонии на острове Мадагаскар, в которой приняли участие некоторые из его русских спутников, и провозглашение его правителем острова. Возвращение Беневского на остров в 1785 г. и его смерть в сражении с французами доказывают, что создание колонии на острове с благоприятной природной средой и дружелюбным населением на основе принципов разума и взаимной выгоды колонистов и аборигенов продолжало быть осо-

бенно значимым для него. В статье сделана попытка реконструкции идеала «нового рая», исходя из жанровых конвенций и популярных травелогов середины XVIII в.

Ключевые слова: М. Беневский; Эдем; путешествие; утопия; робинзоида; травелог.

Граф Морис Беневский (1746–1786), уроженец Венгерского королевства, еще с конца XVIII в. стал идеальным героем европейского мифа о свободолюбивом европейце, возглавившем дерзкий бунт и побег ссыльных из отдаленного угла тиранической и варварской России – с полуострова Камчатка. Кроме того, его активность и предприимчивость в самых разных географических и политических направлениях (Япония, Франция, Англия, Австро-Венгрия, США, Мадагаскар) привели к тому, что он превратился и в одного из самых известных «*aventurier*», искателей приключений Нового времени. Этого авантюриста с размытой национальной идентичностью («восточноевропейской») воспринимали и воспринимают как своего в силу разных исторических и биографических обстоятельств словаки, венгры, поляки и евреи. Благодаря публикации и переводу на основные европейские языки до предела беллетризованных воспоминаний Беневского [Benyowsky, 1790] сначала в странах Восточной Европы, а затем и в России / Советском Союзе появляются литературные произведения, в которых в той или иной степени были усилены мелодраматические или романтические коллизии его мемуаров и травелогов¹. Уже в наши дни Беневский стал главным персонажем нескольких документальных и художественных теле- и кинофильмов в Венгрии и Словакии.

Русские источники с первой трети XIX в. изображают Беневского не библейским Моисеем, который вывел своих спутников из пустынь Камчатки и океана в цивилизованную Европу, а демоническим соблазнителем, использовавшим простодушных русских как сообщников мятежа и побега [Берх; Щебальский; Сгибнев]. Его «Воспоминания» – ложь и демонстрация непомерного тщеславия и жажды самообогащения *par excellence*, по крайней мере на тех страницах, которые посвящены Камчатке и побегу. В советское время фигура «борца за свободу» была переоценена радикальным образом, а сам Беневский, так и оставшись авантюристом, превратился в поклонника утопии Т. Кампанеллы в романе Н. Смирнова. Колониально-

¹ Драма А. Коцебу «Беневский, или Заговор на Камчатке» (Kotzebue A., «Graf Benjowsky oder die Verschwörung auf Kamtschatka», 1795), «Биография», написанная Мором Йокаи (Jókay Móricz, «Gr. Benyovszky Móricz életrajza. Sajat emlékiratai és útleírásai», 1887–1888), в Польше – незаконченная поэма Ю. Словацкого («Beniowski», 1840–1841) и роман В. Серошевского («Beniowski», 1916), в Чехословакии – роман словака Й. Нижнанского «Dobrodružství Mórica Veňovského» («Приключения...», 1933) и др.; в России – повесть Д. Л. Мордовцева «Беглый король» (1893), в послереволюционное время – «протоцпреалистический» роман приключений для подростков Н. Г. Смирнова «Государство солнца» (1928).

утопический вектор намерений Беневского Смирнов своей художественной интуицией уловил довольно точно, хотя объяснялись они отнюдь не чтением Кампанеллы.

Число научных публикаций о Беневском давно перевалило за тысячи. Однако чем объективнее исследователи из самых разных стран пытались разобраться в хитросплетениях его судьбы и вымысла, тем более обескураживающими оказались результаты этих усилий разделить реальное и воображаемое, отслоить географический и исторический контекст от нарциссического мифотворчества нашего героя. После появления работ А. Перси [Percy, 1962; Percy, 1978] общий тренд мнений о деятельности Беневского, по сути, сблизился с одиозно прогосударственными оценками российской историографии XIX в. В отличие от европейской, она была основана на материалах следственного дела и показаниях свидетелей, а не на мемуарах Беневского, не опубликованных в России и по сию пору.

Факты истории и географии отступили на второй план перед необходимостью анализа имиджевой самопрезентации Беневского как нарратора, романной эффектности и литературности его сюжетных ситуаций и лейтмотивов. Не претендуя на исчерпывающий охват этого аспекта словесной деятельности Беневского, сосредоточимся на мотивном комплексе, связанном с жанрами утопии и робинзонады. Это мотивы поиска экзотического «земного рая», локализованного на отдаленном острове в тропическом климатическом поясе Мирового океана. В мемуарах Беневского он выражается в постоянном прожектерстве о создании на том или ином подходящем для этого острове европейской колонии и даже в составлении своеобразных меморандумов о принципах существования таких поселений. Совокупность архетипических по своему происхождению мотивов (понимаемых и в своем изначальном смысле как «движущие факторы») позволяет понять стратегию как некоторых русских спутников Беневского, так и его самого во время и после побега. Мы имеем в виду и описания воображаемых и реально существующих островов в мемуарах графа, и организацию французской колонии на Мадагаскаре (1774–1776), в которой наряду с сотнями французов приняла участие и часть его русских соратников по побегу, и неожиданное возвращение Беневского на остров в 1785 г.

Многие путешественники эпохи Просвещения, попадавшие из европейской или русской ойкумены в экзотические миры Востока, Юга или тропиков, впадали в две крайности – или видели вокруг исключительно варварство и дикость [Вульф], или грезили об утраченном человеческим сообществом земном Эдеме с непугаными животными и невинными аборигенами. Проблема поиска новых колоний русскими путешественниками-беглецами во главе с Беневским будет продолжением магистральной для нас темы трансформаций архетипа Эдема в топосах русской литературы и в локусах русских травелогов [Мароши, 2015; Мароши, 2016].

Этот архетип в античной поэзии был еще связан с устойчивым топосом идеального пейзажа, благословенного богами места. Исчерпывающий набор его мотивов дан в фундаментальной книге Е. Курциуса [Curtius]. В отечественном литературоведении его свойства удачно обобщил М. Н. Эпштейн: «Мягкий ветерок... доносящий приятные запахи; 2) вечный источник, ручеек, утоляющий жажду; 3) цветы, широким ковром устилающие землю; 4) деревья, раскинувшиеся широким шатром, дающие тень; 5) птицы, поющие на ветвях. В пасторали к ним добавлялся мирно пасущийся скот, зеленая трава и луга» [Эпштейн, с. 131]. Однако Курциус, сосредоточившись на систематизации всех риторических *locis communis*, сравнительно мало уделил внимания тому, в какую более общую сюжетную ситуацию они встраивались. Из приведенных им контекстов ясно, что первоисточником всех дальнейших вариаций стал сюжет возвращения на свой остров гомеровского Одиссея, в котором локусы как счастливых, так и опасных для него и его спутников островов будут выполнять ретардирующую функцию.

В мифопоэтически ориентированной сюжетологии путь героя домой будет признан одной из важнейших фаз «мономифа», универсальной схемы мифа и многих эпических произведений [Campbell, 2004]. Как тут не вспомнить новеллу Х. Л. Борхеса «Евангелие от Марка» о «двух историях» (впоследствии Борхес увеличит число вечных сюжетов до четырех):

Кроме того, ему пришло в голову, что люди поколение за поколением пересказывают всего лишь две истории: о сбившемся с пути корабле, кружащем по Средиземноморью в поисках долгожданного острова, и о Боге, распятом на Голгофе [Борхес, с. 271–272].

По пути на родной остров Итака, как известно, герою приходится посетить немало островов. Среди них особо выделяются острова «искушения» для героя и его спутников, где они могут задержаться надолго или остаться навсегда (остров лотофагов, остров Схерия феаков, остров Кирки Ээя, остров Калипсо Огигия). Описание идиллического пейзажа (сад Алкиноя, лес вокруг пещеры Калипсо) и безмятежной жизни обитателей отдаленных островов стало позже прообразом античного рая, Элизия. Гомеровские острова превратятся в «блаженные острова» в «Трудах и днях» Гесиода («*ἐν μακάρων νήσοισι*» [Hesiod, p. 25]) — сакральную страну где-то на периферии мира или даже в ином мире, где обитают заслужившие бессмертия.

Миф о блаженных островах и их блаженных жителях, пользующихся покровительством богов, — один из примеров представлений об «окраинных» народах, которые характерны для многих культур древности (Ирий и остров Буян у славян, Авалон у ирландцев и т. д.). Позже в философской литературе сформируется жанр утопического философско-географического романа, целью которого было изобраа-

жение справедливого социального порядка, существующего на экзотическом изолированно расположенном в океане острове (острова Священный и Панхайя Евгемера Мессенского и Диодора Сицилийского, «*nova insula Utopia*» Т. Мора, Капробана Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона и др.). Прообразом нового жанра принято считать описание острова Атлантиды в диалоге Платона «Критий», где изображалась жизнь необычайного народа атлантов среди гармоничной природы на огромном острове в Атлантическом океане.

На первый план выдвигаются разумность и гармоничность государственного и социального мироустройства островного государства, что не отменяет удобства и красоты его природного ландшафта, в описании которого проступает «гомеровский» первотекст:

Местность вокруг храма покрыта разнообразной растительностью, не только приносящей плоды, но и радующей глаз. На равнине растут кипарисы огромной величины, платаны, лавры и мирты, между которыми бьют многочисленные родники. Недалеко от священной ограды бьет такой сильный родник сладкой воды, что он обращается в реку, по которой могут плыть лодки. Вода из этой реки проведена в разные концы равнины, она орошает леса из высоких деревьев, где множество людей проводит летнее время и где масса птиц вьет гнезда и услаждает слух своим пением. Там много различных садов и лугов с разнообразными кустами и цветами. <...> Там были пальмы с могучими стволами и прекрасными плодами, разных сортов ореховые деревья, приносящие жителям богатое пропитание. Вдобавок ко всему этому там растет в большом количестве виноград разных сортов, лозы его вьются высоко, их переплетения приятны глазу и доставляют радость без приложения труда... [Диодор].

В позднейших утопиях идеальный Город оттеснит на задний план природу античного *locus amoenus*, а у христиан ветхозаветный земной Эдем уступит место невидимому небесному граду Новому Иерусалиму. Эдемский сад был локализован далеко на востоке, в отличие от античных блаженных островов и утопий, находившихся на западе и юге. Однако к XVI в. идея возможного существования такого рая в отдаленном пространстве уступила место представлению о навсегда утраченном во времени раю [Scafi]. В европейской живописи и литературе мотивы античного топоса «приятного места» с экзотическими деревьями и растениями, плодами, мирно пасущимися животными, источниками воды не только будут сохранены в жанрах идиллии и пасторали, но и помогут детализировать словесные описания или визуальные изображения Эдема.

В XVII в., по авторитетному мнению М. Новака, в европейской литературе три взаимосвязанных «фикциональных типа» поддерживали друг друга: утопия, поиски нового рая («*the quest for a new paradise*» [Novak, p. 111] и робинзонада (еще до появления рома-

на Дефо, который лишь закрепил ее номинацию). Их объединяли многие схожие черты: мотив кораблекрушения и высадки персонажа-европейца на незнакомый отдаленный остров, имеющий более или менее определенную локализацию на географической карте, контакты с иным типом человеческого общества (в диапазоне от дикарского до высокоразвитого), экзотический ландшафт. Эпоха великих географических открытий, предполагавшая вхождение в необычную или не тронутую человеком природную среду, встречи с обнаженными, но часто кроткими и простодушными аборигенами, живущими «естественной» жизнью, напоминали европейцам об их собственной утраченной невинности, искушали возможностью создания такого «рая для себя», чаще всего в виде колонии. Начавшаяся индустриализация Англии и повсеместное развитие рынка в Западной Европе вызывали желание вернуться в патриархальную сельскую идиллию с ее автаркией землевладельца. Поэтому даже в «Жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» Д. Дефо (1719), классической робинзонаде, герой создает себе «country house», «bower» в «очаровательной долине», ландшафт которой столь похож на идеальный пейзаж европейской поэзии:

В конце этого пути было открытое место, заметно понижавшееся к западу. Родничок же, пробивавшийся откуда-то сверху, тек в противоположном направлении, то есть на восток. Вся окрестность зеленела, цвела и благоухала, точно сад, насаженный руками человека, в котором каждое растение блистало красой весеннего наряда. Я спустился немного в эту очаровательную долину и с тайным удовольствием, хотя и не свободным от примеси никогда не покидавшей меня грусти, подумал, что все это мое, я — царь и хозяин этой земли; права мои на нее бесспорны, и если б я мог перевести ее в обитаемую часть света, она стала бы таким же безусловным достоянием моего рода, как поместье английского лорда. Тут было множество кокосовых пальм, апельсиновых и лимонных деревьев, но все дикорастущих, и лишь на немногих из них были плоды... [Дефо].

Принципиальное отличие состоит лишь в том, что все это теперь — владения европейца, ставшего полновластным хозяином этого рая, будущей колониальной утопии.

Не менее популярными, чем собственно вымысел, были отчеты путешественников, прежде всего компиляции капеллана Рихарда Уолтера (в тогдашней транскрипции — Вальтера) по материалам записок знаменитого английского адмирала Джорджа Ансона, совершившего в 1740–1744 гг. кругосветное путешествие для грабежа испанских владений в Тихом океане. Первый русский перевод «Робинзона Крузо» вышел в 1760–1762 гг., и у нас нет точных сведений, читал ли роман Бенековский или кто-то из его спутников (можно предположить, что читал, к 1760-м гг. мировая робинзонада уже была очень

обширной). Однако именно о наличии книги русского (или французского) перевода Ансона с вложенными туда «ландкартами» в Большерецком остроге сообщают разные свидетели, она фигурирует даже в следственном деле как любимая книга одного из самых активных соратников Беневского – бывшего лейб-гвардии поручика Петра Алексеевича Хрущева: «Однажды эту книгу купил поручик лейб-гвардии Измайловского полка Петр Алексеевич Хрущев и провез с собой через всю Сибирь в ссылку на Камчатку. С этого “Путешествия около Света” Хрущев рисовал кроки (наброски), а Чурин и Бочаров вели корабль» [Хмельнов, Чухраев].

Русские стали участниками мятежа и побега Беневского по самым разным причинам: ссыльные офицеры и придворные были убеждены в несправедливости всего государственного устройства России и нелегитимности власти Екатерины, поддерживая либо Петра III, либо Павла I (см. их «Объявление Сенату...», которое цитируется историками из следственного дела [Там же]); «простые люди» – промысловые охотники, моряки, часть солдат отчасти поверили в таинственную миссию Беневского, связанную с доставкой «зеленого конверта» от цесаревича Павла в Европу, отчасти надеялись добыть золото или шкуры котиков на отдаленных островах. В Большерецком остроге объединились небольшие группы маргинализированных пассивариив, которым было нечего терять.

Все вместе очевидно устали от жизни на Камчатке, которая казалась многим «адам на земле». Характерно первое впечатление мореплавателя Головнина:

Камчатка представляла нам такую картину, какой мы еще никогда не видывали: множество сопок и превысоких гор с соединяющими их хребтами были покрыты снегом, а под ними чернелись вдали леса и равнины. Некоторые из вершин гор походили на башни, а другие имели вид ужасной величины шатров. Это подало повод острякам из наших матросов сказать, что тут черт лагерем расположился; другие же из них говорили, что Россия сюда обратилась задом. Первая мысль была удачна; и в самом деле, я думаю, что Мильтон в поэме своей «Потерянный рай» не мог бы лучше уподобить военный стан сатаны, когда он вел войну против ангелов, как если бы сравнил оный с камчатскими горами в осеннее время [Головнин, с. 215].

Казавшаяся бесконечной зима, отсутствие перспективы для большинства ссыльных и служивых людей, однообразная пища («И присланы все мы на свое содержание, где всегда зима, и хлеба нет, а покупают дорогой ценой, и питаемся все рыбой» (цит. по: [Вахрин])). (Ср. первое впечатление только что приехавшего Беневского: «...he presented us with a dinner according to the custom of the country, which consisted of boiled fish, roasted fish, and fish powdered and made into bread» («...он предложил нам обед, состоящий из рыбы сваренной,

обжаренной, измельченной в порошок и превращенной в хлеб»²) [Венуовски, р. 70] – все это вряд ли как-то выделяло Камчатку среди других сибирских окраин империи.) Но люди, избравшие своим «предводителем» Беневского, хотели вырваться в другое пространство – у многих из них оно ассоциировалось со свободой, теплом, добычей золота и меха. Нечего и говорить, что на несколько месяцев они получают непривычную жару, бесконечную кашку, скученность на корабле, соленую рыбу и плохую воду.

Лидером среди них наравне с Беневским стал человек, не подписавший общее «Объявление...», но обладавший до его приезда наибольшим авторитетом среди других русских ссыльных. У него была «волшебная книга» – русский перевод записок о путешествии Вальтера-Ансона, который для тех времен вышел с удивительной оперативностью (через три года) и был сделан Василием Лебедевым по немецкому переводу книги [Вальтер, 1751]. Именно ее чтение определило устремленность воображения Хрущова к далекому югу, а карты из нее стали основой путевого курса русского галиота «Св. Петр» в южные моря.

Похоже, что либо эту книгу прочитали еще до плавания все грамотные люди в Большерецке, либо она стала настольным пособием уже в плавании по Тихому океану. Во всяком случае, единственный русский травелог этого плавания, предельно краткие «Записки...» канцеляриста Ивана Рюмина, больше похожие на «поденные записки», содержат три ссылки на Ансона [Рюмин, 1822, № 5, с. 386–387, № 6, с. 452–453, № 7, с. 4–5] (у Беневского – всего одна). Уже первый русский историк и исследователь В. Берх, допущенный к материалам дела, увидел в обаянии этой увлекательной книги, точнее, одного из ее разделов, чуть ли не главную причину заговора, организованного думвиратом Беневского и Хрущова: «Хрущов, с которым они составили план своего спасения, был человек отличного ума и с большими познаниями. В библиотеке его находилось путешествие Лорда Ансона. Очаровательное описание Марианского острова Тиниана, которое приводит каждого читателя в восхищение, подало им мысль мечтать о переселении в сию прелестную страну» [Берх, с. 10–11]. Выше было отмечено, какое значение в эпоху Просвещения для еще не состоявшихся путешествий приобрело воображение читателя и автора. Стоит добавить, что именно Хрущов, поступив на службу во французскую армию, поедет с Беневским на Мадагаскар. Увы, он умрет от лихорадки через четыре месяца после прибытия.

Мемуарам Беневского вполне можно доверять:

On the 5th (5 декабря 1770 г., так в дневнике Беневского, на самом деле это должно было произойти в сентябре. – В. М.) I arose and examined the whole cabin, which appeared to be very well furnished; but what surprized me the most

² Здесь и далее перевод цитат из книги М. Беневского принадлежит автору статьи.

agreeably was, an alcove of the same kind as that in which I slept, which was filled with French, Russian, English, German, and Latin books, placed in order. I found Anson's *Voyage* lying on a table, and began to read it with pleasure, but had scarcely finished the first page before Mr. Crustiew entered and embraced me. Our first conversation turned on this famous voyager, and my friend informed me that for six years past he had deliberated in his own mind on the means of quitting Kamchatka, and making his way to the Marian islands. The account of the island of Tinian, as described in that publication, had struck the imagination of Mr. Crustiew so forcibly, that the island, in his opinion, was nothing less than paradise³ [Benyowsky, p. 79].

Ирония рассказчика по поводу искренней веры Хрущова очевидна: Беневский по прошествии более чем десяти лет после описываемых событий явно представлял себе устройство земного рая иным.

Из следственного дела штурмана Герасима Измайлова, позже вышесказанного Беневским на один из Курильских островов, известно, что ему была первоначально поставлена задача плыть на Тиниан:

Идти вдоль Курильских островов до Восемнадцатого острова. Здесь взять курильца-толмача и следовать до Двадцать четвертого острова (Хоккайдо), где стоит город Матмай — здесь иметь зимовку, а прозимовав во оном, простиратца между лежащими Лангронскими островами (другое название Марианских островов. — В. М.) к двум, состоящим к зюйд-осту в ширине северной 15 градусов 30 минут, а в длине 247 градусов островам Ктсинану (Тиниан. — В. М.), а паче в Гуам, которые де владения Гишпанского, и на оных имеется губернатор и бывают из Гишпании на те острова корабли, на коих де уже и в самое Гишпанское государство плавание возымеют (цит. по: [Вахрин]).

Таким образом, первоначально Беневский и Хрущов собирались добраться именно до испанских владений Тиниана и Гуама, а не до португальского Макао, откуда беглецы и отплыли во Францию.

Тиниан, один из островов Марианского архипелага в Тихом океане, стал местом пребывания флотилии Ансона в течение двух месяцев по пути к Филиппинам. Именно здесь английские моряки сумели отдохнуть после тяжелого перехода по Тихому океану, излечиться от цинги. Неудивительно, что жизнь на острове показалась им раем: «...after having kept the sea for some months, we were going to take

³ «Я встал и осмотрел весь домик, который был очень хорошо обставлен; но то, что приятно удивило меня, был альков того же рода, что и мой, который был заполнен книгами на французском, русском, английском, немецком, латыни, расставленными в строгом порядке. Я нашел "Путешествие" Ансона, лежавшее на столе, и начал читать его с удовольствием, но едва закончил первую страницу, как г-н Хрущёв вошел и обнял меня. Наш первый разговор был об этом знаменитом путешественнике, и мой друг сообщил мне, что в течение шести лет он размышляет о различных способах побега с Камчатки и возможности добраться до Марианских островов. Описание острова Тиниан в этой книге поразило воображение г-на Хрущёва настолько, что остров, по его мнению, был настоящим раем».

possession of *this little paradise*»⁴ [Walter, p. 306]. Как и остров Робинзона, он был почти необитаем: несколько индейцев и один испанец присматривали здесь за разведенным европейцами скотом и домашней птицей. Тем не менее, он произвел на англичан впечатление благоустроенной плантации:

For the prospect of the country did by no means resemble that of an uninhabited and uncultivated place, but had much more the air of a magnificent plantation, where large lawns and stately woods had been laid out together with great skill, and where the whole had been so artfully combined, and so judiciously adapted to the slopes of the hills, and the inequalities of the ground, as to produce a mod striking effect, and to do honour to the invention of the contriver⁵ [Ibid., p. 306].

Путешественников здесь восхитило все – от свойств почвы («The soil is everywhere dry and healthy»⁶) до рельефа и чистой воды:

The land rises by easy slopes, from the very beach where we watered to the middle of the Island; thou the general course of its ascent is often interrupted and traversed by gentle descents and vallies; and the inequalities, that are formed by the different combinations of these gradual swellings of the ground, are most beautifully diversified with large lawns, which are covered with a very fine trefoil, intermixed with a variety of flowers, and are skirted by woods of tall and well-spread trees, most of them celebrated either for their aspect or their fruit. The turf of the lawns is quite clean and even, and the bottoms of the woods in many places clear of all bushes and underwoods; and the woods themselves usually terminate on the lawns with a regular outline, not broken, nor confused with straggling trees, but appearing as uniform, as if laid out by art. Hence arose a great variety of the most elegant and entertaining prospects, formed by the mixture of these woods and lawns, and their various intersections with each other...⁷

⁴ «После нескольких месяцев, проведенных в море, мы готовились вступить в обладание этим маленьким раем».

⁵ «Перспектива этого острова ничем не напоминает необитаемые и неводеланные места, это скорее зрелище великолепной плантации, где большие газоны и величественные леса были заложены с большим мастерством и где все было так искусно спланировано и так разумно приспособлено к склонам холмов, к неровностям почвы, как будто для того, чтобы произвести наибольший эффект и сделать честь хозяину этих мест».

⁶ «Почва повсеместно суха и здорова».

⁷ «Земля поднимается пологими склонами от берега, где мы набирали воду, вплоть до середины острова; этот подъем часто прерывается пологими скатами и долинами; но все неровности, образованные различными вариациями этого постепенного возвышения местности, красивейшим образом разнообразятся большими лугами, покрытыми прекрасным трилистником и разнообразными цветами; ихгибают рощи высокие широко раскинувшихся деревьев, большинство из них вызывает интерес своим внешним видом или плодами. Дёрн лугов вполне чист и ровен, нижние ярусы рощ во многих местах свободны от кустов и подлеска, а сами рощи обычно переходят в лужайки правильной формы; последние не изломаны, не теряются среди выступающих деревьев, но выглядят так, словно это творения человеческих рук. Это создает огромное разнообразие самых изящных эффектных видов, образованных этими рощами и лужайками».

<...>

...near the center of the Island there were two considerable pieces of fresh water⁸ [Ibid., p. 308, 311].

Остров, как и Эдем, представлял собой огромный сад, изобилующий экзотическими фруктами и овощами:

But this place was not only extremely grateful to us from the plenty and excellency of its fresh provisions, but was as much perhaps to be admired for its fruits and vegetable productions... For in the woods there were inconceivable quantities of coco-nuts, with the cabbages growing on the same tree. There were besides guavaes, limes, sweet... oranges, and a kind of fruit, peculiar to these Islands, called by the Indians Rima, but by us the Bread Fruit, for it was constantly eaten by us during our stay upon the Island instead of bread. Besides the fruits already enumerated, there were many other vegetables extremely conducive to the cure of the malady we had long laboured under, such as water-melons, dandelion, creeping purslain, mint, and sorrel ; all which, together with the fresh meats of the place, we devoured with great eagerness, prompted⁹ [Ibid., p. 311].

Пасущийся на лугах скот, свиньи и обилие расплодившейся домашней птицы (*fowls*) являли собой истинно эдемскую «пастораль без пастухов»:

The fortunate animals too, which for the greatest part of the year are the sole lords of this happy soil, partake in some measure of the romantic cast of the Island, and are no small addition to its wonderful scenery. For the cattle, of which it is not uncommon to see herds of some thousands feeding together in a large meadow, are certainly the most remarkable in the world. <...> The cattle on the Island we computed were at least ten thousand; and we had no difficulty in getting near them, as they were not shy of us [Ibid., p. 309]¹⁰.

⁸ «...возле центра острова было два озера чистой воды».

⁹ «Но это место было не только чрезвычайно благодатно для нас вследствие изобилия и превосходства своего свежей пищи, но благодаря его восхитительным фруктам и овощам. В лесу было немислимое количество кокосовых орехов с кочанами капусты, растущими на этом же дереве. Кроме того, там росли гуавы, лаймы, сладкие... апельсины и особый фрукт, который встречается только на этих островах, называемый индейцами «римма» а нами – «хлебный плод», он стал нашей повседневной едой во время пребывания на острове, заменяя хлеб, кроме перечисленного, есть много овощей, крайне необходимых, чтобы вылечить болезни, коими мы долго страдали, такие как арбузы, одуванчик, ползучий портулак, мята и щавель; все это мы пожирали с большим рвением вместе со свежеприготовленным мясом».

¹⁰ «Счастливые животные в течение большей части года являются единственными владыками этой благодатной земли, внося свой вклад в романтический облик этого острова и дополняя прекрасные пейзажи. Крупный рогатый скот пасется тысячными стадами на большом лугу – одно из самых замечательных зрелищ, которое можно увидеть в нашем мире. <...> Скота мы насчитали минимум десять тысяч голов; они паслись рядом с нами, так как они не опасались нас».

Все это не мешало англичанам с удовольствием их съедать: «Their flesh was extremely well tasted, and was believed by us to be much more easily digested, than any we had ever met with»¹¹ [Ibid., p. 309]. Добавим к этому изобилие непуганой домашней и дикой птицы («by great plenty of wild fowl»)¹² [Ibid., p. 310].

Уже упомянутый выше В. Головнин, тоже читавший Ансона и посетивший Тиниан в начале XIX в., едва мог скрыть свое разочарование: реальность почти не изменилась, но то, что он увидел, не отвечало ни его практическому смыслу, ни воображению путешественника, тоже подпитываемому чтением Ансона:

Марианская, или Ладронская купа состоит из двенадцати островов и занимает место на земном шаре между северными широтами 13° и 20°, а в долготе восточной от Гринвича 146° – все они почти на одном меридиане. Главнейшие из них суть Гуахан. (Иностранцы остров сей называют Гуам, но сами испанцы дают ему имя Гуахан, которое и я сохранил.) Тиниан, столь много, хотя и без причины, прославленный в путешествии лорда Ансона, Сайпан... прочие же малы и незначительны.

Острова сии, будучи весьма изобильны съестными припасами, бедны во всех других отношениях. Они не только не приносят никакой пользы испанской короне, но еще она терпит от них убыток. <...> Но многие здешние жители, хотя родились здесь, скучают, а особливо из рабочего народа. Множество из них неотступно просились в нашу службу. <...> Ныне же разведены бараны, козы, собаки, лошади, а рогатого скота на всех островах считается до 30 тысяч, и большею частью на острове Тиниане [Головнин, с.126].

Единственная ссылка на Тиниан Ансона в «Записках» Ивана Рюмина появилась на фоне описания «земного рая» на острове Усма (современная Осима), на котором беглецы и останавливались с 19 по 31 июля 1771 г. Здесь они встретили самый радушный прием за все время своего путешествия. Восхитила русского писаря и невиданная местная природа:

Оный остров представляет в себе множество превысоких гор, которые все покрыты разными плодоносными деревьями, то есть апельсинами, цитронами, лимонами, померанцами, пальмовыми и кокосовыми орехами и другими нам не известными деревьями; на том же острове растет множество лесного винограду... вкусом очень кисел; ...на том же острову растет на деревьях особый фрукт, нам незнаемый, величиною с небольшую тыкву, видом померанцевой или лимонной, который имеет на себе по поверхности несколько таких частиц, каковые бывают на орехах сибирских шишки... то в самой середине останется наподобие

¹¹ «Их мясо было очень вкусным, и мы были согласны во мнении, что оно необыкновенно легко переваривается».

¹² «изобилием дикой птицы».

круглого яблока очень желтое тело, которое вкус имеет самый сладкий и так приятный, что превосходит хорошей дыни; ибо тот вкус несколько походит на дыню, и сказывают, что весьма здоров; уповательно этот фрукт господин Ансон назвал растущим на дереве хлебом на острове Таниан, потому что он питателен [Рюмин, 1822, № 7, с. 452–453].

Для тех, кто не читал Ансона, Беневский и Хрущов придумали более простую версию:

Время уже объяснить средство, которое употребили Беневский и Хрущев, склонив в свою пользу такое большое число людей. Они уверяли всех, что недалеко от Камчатки лежит остров, изобилующий золотом до такой степени, что легко нагрузить оным весь корабль [Берх, с. 16–17].

Беневский во время этого плавания разыгрывал сюжет Одиссея, возвращающегося в любимую Европу к любимой жене. Поэтому он легко избавлялся от ненужного балласта – корабля или все время чем-то недовольных спутников. Тем не менее, разные типы островов – Робинзона или Ансона – продолжали «искушать» воображение и самого Беневского-путешественника, и его потенциального читателя-европейца, поэтому он постоянно обсуждает со своими русскими спутниками план устройства будущей колонии. Так, Беневский выдумал обстоятельства своего посещения нескольких Командорских и Алеутских островов – Беринга, Лисьего [Benyowsky, 1904, p. 278–300], на которых якобы создал процветающую колонию бежавший от правительства благородный русский пират Иван Охотин, сюжетный двойник самого Беневского (европеец по происхождению, попал в опалу, ссылку, взбунтовался, нуждается в помощи Европы, готов воевать с Россией).

По мере удаления от российских берегов на юг эти мифические острова приобретают все более экзотический колорит воображаемого «Тиниана». Так, 17–19 июля обессиленные от голода и жажды путешественники якобы высаживаются на необитаемом «острове Влагги», где в изобилии есть не только вода, но и ананасы, бананы, кокосы, дикие свиньи и т. п., а главное – признаки жильного золота и даже месторождения алмазов [Ibid., p. 331–338]. Здесь соратники впервые мечтают не только о колонии в таком «приятном месте», но и о новой империи: «The associates being delighted with the project of forming a new colony, which might hereafter become an empire»¹³ [Ibid., p. 340]. Симптоматично, что едва оторвавшись от одной империи беглецам хочется основать новую – вот он, русский имперский инстинкт! С этого «квазилокуса» между Беневским и его спутниками, если верить его мемуарам, начинается постоянное обсуждение возможности создания колонии на том или ином острове. Напомним, что зенитом карьеры

¹³ «Мои соратники с восторгом обсуждали план создания новой колонии, которая в дальнейшем могла стать империей».

Беневского на Мадагаскаре, по его собственной версии (проверить ее не представляется возможным), станет роль «Амранџакэ», избранного туземцами «императора» северо-восточной части острова.

Апофеоз условного «Тиниана» как будущей колонии наступает на уже упомянутом выше острове Усмай, вожди которого вдобавок к уже знакомой нам тропической экзотике наделяют путешественников временными женами и заключают с Беневским договор о возможности возвращения на этот «счастливый остров» [Ibid., p. 378–393]. Вероятно, И. Рюмин был не в курсе походов своего «предводителя», хотя природа, еда и нравы аборигенов произвели, как мы убедились выше, сильное впечатление и на него. Беневский утверждает даже, что несколько его спутников якобы пожелали остаться на нем.

На острове Формоза Беневский теряет нескольких спутников убитыми, устраивает дикарям эпический разгром, участвует в войне на стороне «своих» аборигенов против чужих (ср. второй роман о Робинзоне Крузо) и пишет подробный план устройства новой колонии [Ibid., p. 412–455]. Отметим, что на всех трех обитаемых островах (посещение Японии выпадает из этого ряда, так как там уже существовало сильное государство) он каждый раз встречает либо европейца (Don Hieronimo), либо потомка европейца (Охотин, Nicholas), который либо становится его посредником в контактах с местным населением, либо обладает наибольшим авторитетом.

Достоверно известно, что Беневский действительно первоначально вынашивал план возвращения на Формозу, предложив французскому королю создать там колонию. Из-за неудобства логистики ее пришлось заменить на Мадагаскар, рядом с которым уже находилась островная колония Франции Иль-де-Франс. На обоих островах Беневский и его русские спутники останавливались по пути в Европу, однако в их записках это лишь зафиксировано без малейших намеков на какие-либо впечатления. Очевидно, Мадагаскар стал новым «островом надежды» для самого Беневского и части его соратников. И здесь у него уже был литературный прототип из романа Д. Дефо «Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона» (1720), в котором юный мятежник Синглтон с португальцами был высажен капитаном на острове Мадагаскар. В ходе развития сюжета о приключениях и пиратстве европейцев на просторах Африки и океанов персонажи покинут остров, но природа и аборигены Мадагаскара охарактеризованы рассказчиком с самой лучшей стороны «...they brought us fowls and flesh afterwards in good plenty»¹⁴ [Defo, 1840, p. 16–17]; «...we soon found the country was very pleasant and fruitful»¹⁵ [Ibid. p. 31]; «We found the place full of cattle and provisions»¹⁶ [Ibid., p. 36].

Беневскому удалось с помощью дружественных по отношению к нему англичан создать легенду, что на Мадагаскаре *была якобы*

¹⁴ «...они впоследствии принесли нам в большом количестве куриц и мяса».

¹⁵ «...мы вскоре обнаружили, что эта страна очень приятна и плодородна».

¹⁶ «Мы нашли место, изобилующее скотом и другой провизией».

реализована программа «гуманного колониализма» (см.: [M²Leod]). Тем не менее, его возвращение на остров в 1785 г. и смерть в сражении с французами доказывают, что создание колонии на острове с благоприятной природной средой и дружелюбным населением на основе принципов разума и взаимной выгоды колонистов и аборигенов продолжало быть особенно значимым для него. Однако мадагаскарский дневник Беневского, включенный в «Мемуары», больше похож на отчет чиновника и не содержит никаких эстетически значимых описаний. К сожалению, Беневский предпочитал выдумывать «факты», а не живописные картины, поэтому он охотнее использовал жанры дневника, судебного журнала, делового письма, описи, договора, исторического или географического очерка, прибегая к «романическим» приемам только в сюжетостроении своих записок. Возможно, он не обладал талантом «изобразителя» или надеялся придать мемуарам большую достоверность, возможно, наконец, и то, что перевод Николсона с его рукописи на французском сильно уступал оригиналу.

Самые образованные и впечатлительные русские спутники Беневского не оставили своих записок, а его мемуары и травелоги не всегда содержат какие-то яркие детали, поэтому нам пришлось реконструировать ту сферу их «воображаемого», которая была связана с идеалом «нового рая», исходя из жанровых конвенций и популярных травелогов середины XVIII в.

Список литературы

Берх В. Н. Побег графа Бениовского с Камчатки во Францию // Сын Отечества. 1821. Ч. 27–28. С. 3–23.

Борхес Х. Л. Проза разных лет. М. : Радуга, 1984. 320 с.

Вальтер Р. Путешествие около света, которое в 1740, 41, 42, 43, 44 годах совершил адмирал лорд Ансон, будучи главным командиром над эскадрой военных кораблей его великобританского величества, отправленную для поисков в Южное море, собранное из его записок и документов и под собственным его смотрением на свет изданное Рихардом Валтером, проповедником на бывшем в том походе корабле его величества, Центурионе; [просмотренное Бенжаменом Робенсом], а с немецкаго на российский язык переведенное Академии наук переводчиком Васильем Лебедевым. Со многими грьдорованными фигурами и ландкартами. СПб. : [Б. и.], 1751. 491 с.

Вахрин С. Встречь солнцу // Библиотека «Северной пачифики» : каталог. URL: <http://www.npacific.ru/np/library/katalog.htm> (дата обращения: 10.10.2016).

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу : Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М. : Новое лит. обозрение, 2003. 560 с.

Головнин В. М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. М. : Географгиз, 1961. 480 с.

Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо / пер. В. Шишмаревой. URL: <http://iknigi.net/avtor-daniel-defo/705-robinzon-kruzo-daniel-defo/read/page-5.html> (дата обращения: 10.10.2016).

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. URL: <http://simposium.ru/ru/node/9834> (дата обращения: 10.10.2016).

Мароши В. В. «Идеальный пейзаж» в травелогах русских путешественников о Центральной Азии // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы : коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. 462 с. С. 37–69.

Мароши В. В. Зверинцы и зоосады в русской литературе XIX – начала XX в.: между раем и адом // Quaestio Rossica. 2015. № 1. С. 177–192.

Рюмин И. Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским // Северный архив. 1822. № 5. С. 375–395; № 6. С. 447–463; № 7. С. 3–21.

Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 6. С. 37–69.

Хмельнов И., Чухраев Э. Бунтующий флот России: от Екатерины до Брежнева. URL: <http://iknigi.net/avtor-igor-hmelnov/126782-buntuuyuschiy-flot-rossii-ot-ekateriny-ii-do-brezhneva-igor-hmelnov/read/page-7.html> (дата обращения: 10.10.2016).

Щебальский К. Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге, и о последствиях оногo // Русский архив. 1865. № 4. С. 417–438; № 7. С. 859–895.

Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной... : Система пейзажных образов русской поэзии. М. : Высш. школа, 1990. 303 с.

Adams P. G. Travelers and Travel Liars, 1660–1800. N. Y. : Dover Publ., 1980. 292 p.
Benyowsky M. A. The Memoirs and Travels of Mauritius August Count de Benyowsky, Magnate of the Kingdom of Hungary and Poland. One of the Chiefs of the Confederation of Poland: Consisting of his Military Operations in Poland, his Exile into Kamchatka, his Escape and Voyage from that Peninsula through the Northern Pacific Ocean, Touching at Japan and Formosa, to Canton in China, with an Account of the French Settlement, he was Appointed to Form upon the Island of Madagascar / transl. from the Original Manuscript by W. Nicholson. L. ; Dublin : [S. n.], 1790. Vol. 1–2. 422 + 399 p.

Benyowsky M. A. The Memoirs and Travels of Mauritius August Count de Benyowsky, Magnate of the Kingdom of Hungary and Poland, One of the Chiefs of the Confederation of Poland Consisting of his Military Operations in Poland, his Exile into Kamchatka, his Escape and Voyage from that Peninsula through the Northern Pacific Ocean, touching at Japan and Formosa, to Canton in China, with an Account of the French Settlement he was appointed to form upon the Island of Madagascar. L. ; Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1904. 686 p.

Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Princeton : Princeton Univ. Press, 2004. 246 p.

Curtius E. R. Ideal Landscape // Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages. N. Y. ; Evanston : Harper & Row Publ., 1953. P. 183–203.

Defoe D. The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe. URL: http://www.planetpublish.com/wp-content/uploads/2011/11/Robinson_Crusoe_BT.pdf (mode of access: 10.10.2016).

Defoe D. The Life, Adventures, and Piracies of Captain Singleton. With a Prefatory Notice. Oxford : Talboys, 1840. 345 p.

Hesiod. The Epics of Hesiod. L. : Whittaker, 1861. 308 p.

M'Leod L. Madagascar under Benyowsky // Madagascar and Its People. L. : Longman, Green, Longman, Roberts, & Green, 1865. P. 25–47.

Novak M. E. Edenic Desires // Transformations, Ideology, and the Real in Defoe's Robinson Crusoe and Other Narratives: Finding The Thing Itself. Lanham : Rowman & Littlefield, 2014. P. 111–129.

Scafi A. Mapping Paradise: A History of Heaven on Earth. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2006. 398 p.

Walter R. B. Voyage Round the World in the Years MDCCXL, I, II, III, IV by George Anson, Esq; Commander in Chief of a Squadron of His Majesty's Ships, Sent upon an Expedition to the South-Seas. Compiled From Papers and Other Materials of the Right Honourable George Lord Anson, and Published under his Direction, by R. Walter, M. A. Chaplain of his Majesty's Ship the Centurion in that Expedition. Ill. with Forty-Two Copper-Plates. L. : John and Paul Knapton, 1748. 530 p.

References

- Adams, P. G. (1980). *Travelers and Travel Liars, 1660–1800*. N. Y., Dover Publ. 292 p.
- Benyowszky, M. A. (1790). *The Memoirs and Travels of Mauritius August Count de Benyowsky, Magnate of the Kingdom of Hungary and Poland. One of the Chiefs of the Confederation of Poland. Consisting of his Military Operations in Poland, his Exile into Kamchatka, his Escape and Voyage from that Peninsula through the Northern Pacific Ocean, Touching at Japan and Formosa, to Canton in China, with an Account of the French Settlement, he was Appointed to Form upon the Island of Madagascar* / transl. from the Original Manuscript by W. Nicholson. L., Dublin, S. n. Vol. 1–2. 422 + 399 p.
- Benyowszky, M. A. (1904). *The Memoirs and Travels of Mauritius August Count de Benyowsky, Magnate of the Kingdom of Hungary and Poland, One of the Chiefs of the Confederation of Poland Consisting of his Military Operations in Poland, his Exile into Kamchatka, his Escape and Voyage from that Peninsula through the Northern Pacific Ocean, touching at Japan and Formosa, to Canton in China, with an Account of the French Settlement he was appointed to form upon the Island of Madagascar*. L., Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. 686 p.
- Berh, V. N. (1821). *Pobeg grafa Beniovskogo s Kamchatki vo Franciyu* [The Escape of Count Benyovszky from Kamchatka to France]. In *Syn Otechestva*. Ch. 27–28, pp. 3–23.
- Borhes, H. L. (1984). *Proza raznyh let* [Selected Prose]. Moscow, Raduga. 320 p.
- Campbell, J. (2004). *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton, Princeton Univ. Press. 246 p.
- Curtius, E. R. (1953). Ideal Landscape. In Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. N. Y., Evanston, Harper & Row, Publ, pp. 183–203.
- Defoe, D. *Zhizn' i udivitel'nye priklyuchenija Robinzona Kruzo* [The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe] / transl. by V. Shishmareva. URL: <http://iknigi.net/avtor-daniel-defo/705-robinzon-kruzo-daniel-defo/read/page-5.html> (mode of access: 10.10.2016).
- Defoe, D. (1840). *The Life, Adventures, and Piracies of Captain Singleton. With a Prefatory Notice*. Oxford, Talboys. 345 p.
- Defoe, D. *The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe*. URL: http://www.planetpublish.com/wp-content/uploads/2011/11/Robinson_Crusoe_BT.pdf (mode of access: 10.10.2016).
- Diodorus Siculus. *Istoricheskaja biblioteka* [Historical Library]. URL: <http://simposium.ru/ru/node/9834> (mode of access: 10.10.2016).
- Golovnin, V. M. (1961). *Puteshestvie na shljupe "Diana" iz Kronshtadta v Kamchatku, sovershennoe pod nachal'stvom flota lejtenanta Golovnina v 1807–1811 godah* [The Journey on the Diana Sloop from Kronstadt to Kamchatka, Made under the Command of Lieutenant Golovnin between 1807 and 1811]. Moscow, Geografiz. 480 p.
- Hesiod (1861). *The Epics of Hesiod*. L., Whittaker. 308 p.
- Epstein, M. N. (1990). *Priroda, mir, tajnik vselennoj...: Sistema pejzaznyh obrazov russkoj poezii* [Nature, the World, the Hiding Place of the Universe... : A system of Landscape Images of Russian Poetry]. Moscow, Vysshaja shkola. 303 p.
- Khmelnov, I., Chukhraev, E. *Buntuyushchij flot Rossii: ot Ekateriny do Brezhneva* [The Rebellious Navy of Russia: From Catherine the Great to Brezhnev]. URL: <http://iknigi.net/avtor-igor-hmelnov/126782-buntuyuschiy-flot-rossii-ot-ekateriny-ii-do-brezhneva-igor-hmelnov/read/page-7.html> (mode of access: 10.10.2016).
- Maroshi, V. V. (2015). Zverincy i zoosady v russkoj literature XIX – nachala XX v.: mezhdru raem i adom [Menageries and Zoos in the Russian Literature of the 19th and Early 20th Centuries: Between Heaven and Hell]. In *Quaestio Rossica*. No. 1, pp. 177–192.
- Maroshi, V. V. (2016). "Ideal'nyj pejzazh" v travelogah russkih puteshestvennikov o Central'noj Azii ["The Ideal Landscape" in the Accounts of Russian Travellers in Central Asia]. In Pecherskaya, T. I., Konstantinova N. V. (Eds.). *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaja monografija*. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, pp. 37–69.
- M'Leod, L. (1865). Madagascar under Benyowsky. In *Madagascar and Its People*. L., Longman, Green, Longman, Roberts, & Green, pp. 25–47.

Novak, M. E. (2014). Edenic Desires. In *Transformations, Ideology, and the Real in Defoe's Robinson Crusoe and Other Narratives: Finding the Thing Itself*. Lanham, Rowman & Littlefield, pp. 111–129.

Ryumin, I. (1822). Zapiski kanceljarista Rjumina o prikljuchenijah ego s Beniovskim [The Travel Notes of Chancellor Ryumin about His Adventures with Benyovszky]. In *Severnyj Arhiv*. No. 5, pp. 375–395; No. 6, pp. 447–463; No. 7, pp. 3–21.

Scafi, A. (2006). *Mapping Paradise: A History of Heaven on Earth*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 398 p.

Sgibnev, A. S. (1869). Istoricheskij ocherk glavnejshih sobytij v Kamchatke [Historical Essay of the Main Events in Kamchatka]. In *Morskoy Sbornik*. No. 6, pp. 37–69.

Shchekalsky, K. (1865). Zapiska o bunte, proizvedennom Beniovskim v Bol'shereckom ostroge, i o posledstvijah onogo [A Note on the Riot Organised by Benyovszky in the Bolsheretsky Prison and Its Consequences]. In *Russkij Arhiv*. No. 4, pp. 417–438; No. 7, pp. 859–895.

Vahrin, S. *Vstrech' solncu* [Towards the Sun]. URL: <http://www.npacific.ru/np/library/katalog.htm> (mode of access: 10.10.2016).

Walter, R. (1751). *Puteshestvie okolo sveta, kotoroe v 1740, 41, 42, 43, 44 godah soverшил admiral lord Anson, buduchi glavnyim komandirovom nad jeskadroju voennyh korablej ego velikobritanskogo velichestva, otpravlennoju dlja poiskov v Juzhnoe more, sobrannoe iz ego zapisok i dokumentov i pod sobstvennym ego smotreniem na svet izdannoe Rihardom Valterom, propovednikom na byvshem v tom pohode korable ego velichestva, Centurione; [prosmotrennoe Benzhamenom Robensom], a s nemeckago na rossijskij jazyk perevedennoe Akademii nauk perevodchikom Vasil'em Lebedevym. So mnogimi grydorovannymi figurami i landkartami* [Voyage Round the World in the Years MDCCXL, I, II, III, IV by George Anson, Commander in Chief of a Squadron of His Majesty's Ships, sent upon an Expedition to the South-Seas...]. St Petersburg, S. n. 491 p.

Walter, R. B. (1748). *Voyage Round the World in the Years MDCCXL, I, II, III, IV by George Anson, Esq; Commander in Chief of a Squadron of His Majesty's Ships, Sent upon an Expedition to the South-Seas*. Compiled From Papers and other Materials of the Right Honourable George Lord Anson, and Published under his Direction, by R. Walter, M. A. Chaplain of his Majesty's Ship the Centurion in that Expedition. Ill. with Forty-Two Copper-Plates. L., John and Paul Knapton. 530 p.

Wulf, L. (2003). *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: Map of Civilization in the Consciousness of the Enlightenment] / transl. by I. Fedjukin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 560 p.

The article was submitted on 05.02.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.252

УДК 22-288.2+27-36

THE ANGELOLOGY OF THE *EXPLANATORY PALAEA* AND THE PROBLEM OF THEODICY* **

Irina Dergacheva

Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

The *Explanatory Palaea* (Rus. *Tolkovaya Paleya*) is now known to us in the form of over 15 texts dating back to between the 14th and the 17th centuries. It provides a full description of cosmogenesis, the creation of Adam, the structure of the human body, the interaction between soul and body, and the forms of spiritual substances. It also contains natural scientific representations of physical phenomena. Together with the explanation of ontological problems, it describes the structure of the universe, the earth, and the next world. Like the Biblical books of the Old and New Testament, the *Explanatory Palaea* establishes the principal worldview to be found in medieval Russian texts. The descriptions in it are accompanied by polemics and invectives against the Jews, who refused to accept the main principles of Christian doctrine, pagans, and Muslims. The aforementioned makes it possible to view the *Explanatory Palaea* as a historic ancient Russian manuscript, truly outstanding due to its absolutely unique worldview and its incomparable religious, philosophical, and scientific content. Of special interest is the depiction of the disruption of noumenal beings and the emergence of the binary opposition between good and evil as a result of the fall of the archistrategos of the tenth angelic order. The Genesis catastrophe results in the emergence of evil, a phenomenon originally not included in the divine conception of the creation of the world.

Keywords: *Tolkovaya Palaea*; theodicy; angelology; hermeneutics; cosmology; exegesis.

Толковая Палея дошла до нас более чем в 15 списках XIV–XVII вв. В ней подробно описаны космогенез, сотворение Адама и устройство человеческого организма, взаимодействие души и тела, формы духов-

* This article was prepared with the financial support of the Russian Humanities Foundation (RHF). Project № 16-04-00523.

** *Citation:* Dergacheva, I. (2017). The Angelology of the *Explanatory Palaea* and the Problem of Theodicy. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 826–837. DOI 10.15826/qr.2017.3.252.

Цитирование: Dergacheva I. The Angelology of the *Explanatory Palaea* and the Problem of Theodicy // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 826–837. DOI 10.15826/qr.2017.3.252.

ных сущностей, даны естественнонаучные трактовки физических явлений. Наряду с толкованием онтологических проблем, описаны устройство вселенной, устройство земли и топосы иного мира. Как и библейские книги Ветхого и Нового Заветов, Палея считается произведением мировоззренчески установочным и ключевым в иерархии памятников средневековой русской письменности. Описательные моменты сопровождаются в памятнике полемическими толкованиями и инвективами против иудеев, не принявших основные положения доктрины христианства, а также полемическими выпадами против язычников и магометан. Все это позволяет рассматривать Толковую Палею как памятник древнерусской мысли, который со стороны его идейно-мировоззренческого, религиозно-философского и естественнонаучного содержания имеет совершенно особое значение среди памятников письменности Древней Руси. Особый интерес представляет изображение раскола ноуменальных сущностей и появление бинарных оппозиций добра и зла в результате падения Архистратига десятого ангельского чина. Результатом бытийственной катастрофы становится появление зла как явления, не заложенного в Божественную концепцию творения мира.

Ключевые слова: Толковая Палея; теодицея; ангелология; герменевтика; космология; экзегеза.

The *Explanatory Palaea* is an incredibly sophisticated compilation of all sources known in medieval Rus. The doctrine of the angelic orders described in the *Palaea* is based on the Old and New Testaments, as well as the exegesis of the Church Fathers who conceptualised and developed these beliefs.

In the books of the Old and New Testaments, the word 'angel' occurs 348 times in various forms [Симфония для Библии]. In particular, there are many descriptions of angels appearing to the righteous in the Old Testament, for through them the Lord reveals His existence and declares His will to the first Christians. Dionysius the Areopagite emphasises that:

...Закон... был дал нам через ангелов... И славных наших отцов, [живших] до закона и после [того], как был дан закон, возводили к Божеству ангелы, или научая, что должно делать и проводя к прямому пути истины от прелести и жизни нечестивой, или истолковательно открывая священные чины, или сокровенные видения надмирных тайн, или некие Божественные предсказания [Макаров, Мильков, Смирнова, с. 242–243].

(... *The law... was given to us by angels... And our glorious fathers, [who lived] before the law, and after the law was given, were sent up to God by angels, who either taught them what is supposed to be done and led them to the right path of truth from the delights and wicked life, or explained [to them] sacred orders, secret visions of transcendent mysteries, or certain divine predictions.*)

Angels appear in key events in worldly history. They serve God, singing a chant (Seraphims in Isaiah 6 : 3); they are present before God when He declares His will (Job 1 : 6); they appear at God's command to help a man (Isaiah 6 : 7) or to punish one (2 Sam 24 : 16); and they announce the people's future destiny (Dan 8 : 16–26) and deliver their prayers to God (Tob 12 : 12; Rev 5 : 8; 8 : 3). The appearance of angels accompanies many events in the Gospels: Archangel Gabriel sends the good news to Zechariah and the Virgin Mary (Luke 1 : 19; 26); angels glorify the Nativity (Luke 2 : 9–14); they help the Saviour in his agony at Gethsemane (Luke 22 : 43); they proclaim His Resurrection (Matt 28 : 5–7); and they explain the meaning of the Ascension of Christ to the apostles (acts 1 : 10–11):

Сам Иисус, надсущностная Причина наднебесных сущностей... благопокорно повинуется указаниям Отца и Бога, [даваемым] через ангелов [Палея Толковая, с. 245].

(Jesus himself, the superior Cause for all heavenly hosts... humbly obeys the commands of the Father and God [given] through angels.)

In particular, much is said about the role of angels in the fate of the world and humanity in the Apocalypse. Led by Archistrategos Michael, they have been fighting the battle against Satan from the beginning of time and will accompany Christ during His Second Coming.

The *Palaea* begins with a story about creation of the world: this contains extensive interpretations borrowed from the works of Severian of Gabala and Basil the Great, St John Chrysostom's interpretation of the Book of Genesis, Epiphanius of Cyprus' writings, and John the Exarch's *Hexaemeron*. Here, the appearance of angels precedes the creation of the earthly world:

Превечный Бог, безначальный и бесконечный, будучи Богом сил, сначала сотворил огненных духов – своими ангелами и слугами, – как о том божественный Давид писал в 103-м псалме. Всего Бог сотворил 10 чинов: первый чин – ангелы, второй чин – архангелы, третий чин – начала, четвертый – власти, пятый – силы, шестой – престолы, седьмой – господства, восьмой – многоокие херувимы, девятый чин – шестикрылые серафимы; к десятому чину [относились] те, кто превратился в демонов [Там же, с. 13].

(The pre-eternal God, beginningless and endless, being God of heavenly hosts, first created the fire spirits to be his angels and servants, – the divine David wrote in Psalm 103. In total, God created 10 orders: the first one – angels, the second – archangels, the third – principalities, the fourth – powers, the fifth – virtues, the sixth – thrones, the seventh – dominions, the eighth – many-eyed cherubim, the ninth – six-winged seraphim; and those who turned into demons [belonged] to the tenth order.)

Next, the Lord built a hierarchy: «Над всеми силами каждого чина Господь Бог поставил старшин, воевод и начальников чинов» (*Over all the hosts of each order, the Lord set elders, commanders and order chiefs*) [Там же].

Here, the connection between the two worlds – the noumenal and the material – is the unity of two structures, spirit and matter. The metaphysical space is placed above the material space of phenomena.

After describing the creation of angels, the author of the *Palaea* asks:

Отчего Моисей не начал описывать [творение] с ангелов, но, не упомянув ни словом о множестве вышних сил, начинает с неба и земли? [Там же].

(Why did Moses not begin the description [of creation] from angels but from heaven and earth, without mentioning the numerous higher forces?)

Why does he tell us that «В начале сотворил Бог небо и землю» (*In the beginning God created the heaven and the earth*) (Genesis 1 : 1). After asking the question, the author of the *Palaea* answers it himself:

Божественный Моисей, оставив все вышнее, немедленно приступил к описанию [творения неба и земли], дабы сыны израильские оставили египетское безбожие; ибо уши их полны египетских соблазнов [Там же, с. 14].

(The divine Moses, having put away everything that was higher, immediately proceeded to the description [of the creation of heaven and earth] so that the children of Israel would leave Egyptian miscreance, because their ears were full of the temptations of Egypt).

The primacy of the creation of the invisible world has been a subject of theological disputes for centuries. However, this opinion, shared by the author of the *Palaea*, became the most common one among the Fathers of the Church and was included in the catechisms and manuals of dogmatic theology. It was supported by Basil the Great, Gregory the Theologian, John Chrysostom, Ambrose of Milan, Anastasius the Sinaite, and others.

In the first homily of the *Hexaemeron*, Basil the Great wrote the following on the creation of the world of the highest spirit:

Еще ранее бытия мира было некоторое состояние, соответствующее премирным силам, превысшее времени, вечное, всегда продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создания – мысленный свет, приличный блаженству любящих Господа, разумные и невидимые природы и все украшение умозерцаемых тварей, превосходящих наше разумение, так что нельзя изобрести для них и наименований. Они-то наполняют собою сущность невидимого мира, как научает нас Павел, говоря:

ибо Им создано все... видимое и невидимое: Престолы ли, Господства ли, Начальства ли, Власти ли (Кол 1 : 16), и ангельские воинства, и архангельские чиновачалия [Творения иже во святых отца нашего Василия Великого].

(The birth of the world was preceded by a condition of things suitable for the exercise of supernatural powers, outstripping the limits of time, eternal and infinite. The Creator and Demiurge of the universe perfected His works in it, spiritual light for the happiness of all who love the Lord, intellectual and invisible natures, all the orderly arrangement of pure intelligences who are beyond the reach of our mind and of whom we cannot even discover the names. They fill the essence of this invisible world, as Paul teaches us: "For by Him were all things created that are in heaven, and that are in earth, visible and invisible whether they be thrones or dominions or principalities or powers" (Col 1 : 16) or virtues or hosts of angels or the dignities of archangels.)

Gregory the Theologian expressed it similarly: «...прежде всего Он вымышляет ангельские и небесные силы» (...*God created first of all the angelic heavenly powers*). His opinion was shared by John of Damascus:

Я же соглашаюсь с Богословом. Ибо надлежало, чтоб прежде всего была создана постигаемая только умом сущность [Св. Иоанн Дамаскин, с. 121].

(For myself, I am in harmony with the Theologian. For it was fitting that the mental essence should be the first created.)

Jerome, John Chrysostom, and Ambrose of Milan all agreed with them:

К заключению о том, что ангелы могли быть сотворены прежде всякой материальности, подводит книга Иова, в которой говорилось, что творение в первый день мироздания осуществлялось Богом при общем радостном ликовании «сынов Божиих» (Иов. 38 : 4–7) [Там же, с. 529].

(The Book of Job allows us to conclude that the angels could be created before any materiality. The Book of Job states that the creation on the first day of creation was performed by God with a cheerful rejoicing of "sons of God".)

However, one also finds other ideas in the exegetical literature. In the apocryphal Book of Jubilees from the Old Testament, the act of the creation of the angels is simultaneous with the creation of heaven and the elements:

Ибо в первый день Он сотворил небеса, которые вверху, и землю, и воды, и всех духов, которые Ему служат, и Ангелов лица, и Ангелов прославления, и Ангелов духа огня, и Ангелов духа ветров, и Ангелов облачных духов мрака, и града и инея, и Ангелов долин, и громов и мол-

ний, и Ангелов духов холода и зноя, зимы и весны, осени и лета, и Ангелов всех духов Его творений на небе, и на земле, и во всех долинах, и духов мрака и света, и утренней зари, и вечера, которые Он приготовил по предвидению Своей премудрости [Книга Юбилеев].

(For on the first day He created the heavens which are above and the earth and the waters and all the spirits which serve before Him – the angels of the presence, and the angels of sanctification, and the angels [of the spirit of fire and the angels] of the spirit of winds, and the angels of the spirit of clouds, and of darkness, and of snow and of hail and of frost, and the angels of the valleys and of the thunder and of the lightning, and the angels of the spirits of cold and of heat, and of winter and of spring, and of autumn and of summer, and of all the spirits of his creatures which are in the heavens and on the earth, (He created) the abysses and the darkness, eventide [and night], and the light, dawn and day, which He hath prepared in the knowledge of his heart.)

V. V. Milkov notes that 'this view is further consistently reproduced by the author of the *Palaea*, who relied on Epiphanius of Cyprus and Antiochian sources of the compilation which preserved the Old Testament apocryphal interpretation. But all the arguments stating that the angels of the elements occur together with the elements disagree with the earlier statement on the primary creation of angels. This unresolved contradiction is probably related to the character of the compilation of the work. Generally, the angelology of the *Palaea* dates back to the Old Testament apocryphal tradition, which had developed the motifs of the Book of Jubilees and associated the appearance of spiritual essences with the first day of creation' [Палея Толковая, с. 529].

Indeed, as soon as the author of the *Palaea* begins to describe in detail the duties of the angels, he definitely associates their appearance with the first day of creation:

[Ангелы же] суть служебные духи, посылаемые на службу: ангелы облаков, ангелы тумана, ангелы града, ангелы льда, ангелы туч, ангелы изморози, ангелы инея, ангелы мороза, ангелы росы, ангелы звуков, ангелы молнии, ангелы грома, ангелы зноя, зимы и лета, весны и осени – словом, всех созданий Его. Все эти дела (вещи), неизреченные, непостижимые и недоступные уму, Владыка Господь Бог в первый день своею мудростью сотворил [Там же, с. 17].

([The angels] are ministering spirits sent out to serve: the angels of clouds, the angels of mist, the angels of hail, the angels of ice, the angels of thunderclouds, the angels of frost, the angels of hoar, the angels of frost, the angels of dew, the angels of voices, the angels of lightning, the angels of thunder, the angels of heat, of winter and summer, spring and autumn, and, in a word, of all His creatures. All these things and deeds, indescribable, incomprehensible, unconceivable, the Lord has prepared in the first day in the knowledge of his heart.)

The text of the *Palaea* is riddled with apocryphal allusions and is intertextual. The author, a brilliant exegetical scholar when analysing the Scriptures on topics that interest him, complements their content with texts he learned from apocryphal books. For example, when referring to the description of the angelic ministry by St Paul from the books of the New Testament, he complements them with information about St Paul's ascent into heaven from the apocryphal Vision of St Paul [Мильков]:

И в Послании коринфянам апостол Павел сказал: «Не подобает мне хвалиться, ибо я приду в видении явления Господня. Знаю человека во Христе, который 14 лет тому назад (или в теле, или вне тела, не знаю, Бог ведает) восхищен был до третьего неба и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать, и был перенесен в рай» (2 Кор. 12 : 1–4) [Палаея Толковая, с. 33–34].

(And in Corinthians the Apostle Paul said, "It is doubtless not profitable for me to boast. I will come to visions and revelations of the Lord: I know a man in Christ who fourteen years ago— whether in the body I do not know, or whether out of the body I do not know, God knows – such a one was caught up to the third heaven. And I know such a man – whether in the body, or out of the body I do not know, God knows – how he was caught up into paradise and heard inexpressible words, which is not lawful for a man to utter".)

One can find the most detailed teaching about angels in the exegetical interpretation of the Scriptures from Dionysius the Areopagite's book *On the Celestial Hierarchy*. Nine orders are divided into three hierarchies: the first are thrones, cherubims, and seraphims; the second are dominions, virtues, and powers; and the third – principalities, archangels, and angels. This detailed description of the 'angelic order' is supplemented by the explanation of the origin of the names of angels, their numerology (*Chapter 14. What does the number of angels given [to us] in the Scriptures mean?* [Там же, с. 276]), and their images (*Chapter 15. What are the images of the angelic forces: what is firelikeness or humanlikeness, what are eyes, hands, ears, nostrils and so on* [Там же, с. 277]). A description of the hierarchy of the angelic forces is given in detail in the apocryphal 'Testament of Adam' [Порфирьев, с. 172–173].

The noumenal nature of angels is described in philosophical terms by A. P. Shcheglov: "The angels *per se* are builders of space-time constraints, and not the very substance of matter and form. What is inherent in the ultimate ontological grounds belongs to the Supreme Being and not to immanent phenomena. Creations, even those at the highest level of creation, cannot know the Absolute, much less create something infinite. Angels in the old Russian view are a multiple *vous*, i. e. a mind-managing fixed substance" [Щеглов, 2007, с. 21].

The sequence between the first and second hierarchies is broken in the *Palaea*, as dominions and thrones, listed one after another, should be placed in the reverse order. Shcheglov drew attention to the fact that

the order of the angelic hierarchy goes not from top to bottom, but marks the ascent from the 'earthly to the heavenly'. As a consequence, the hierarchical structure of the world order is the reverse of that offered by authoritative theological opinion [Щеглов, 1988, с. 227].

The description of the angels emphasises their strength of mind, freedom of will, incorporeality (although in the material world they have the ability to temporarily obtain a body), existence beyond any dimensions (an angel, being merely a mind, does not occupy space), and infinity of existence. They do not possess verbal speech, but communicate among themselves via thought:

Ангелам по природе [свойственно] понимать смысл слов безмолвно и сноситься друг с другом только мысленно [Палея Толковая, с. 13].

(The angels [inherently] understand the meaning of words silently and communicate with each other only mentally.)

Sometimes angels are permitted to foresee the future:

Того же, что должно быть, не ведают ни ангелы, ни падшие с небес. Если же будущее бывает открыто, то посланными от Бога ангелами, который велит им провозвестить Его своим угодникам. И то, что говорят ангелы, [действительно] сбывается [Там же, с. 59].

(Those things that must be neither the angels nor those fallen from heaven know. If the future is disclosed, it is disclosed by the angels sent from God, Who tells them to announce it to His saints. And what the angels tell [really] comes to be true.)

The *Palaea* constantly emphasises the fact that the angels are 'ministering spirits who are sent forth to minister' (Heb. 1 : 14). The Scriptures say: «звездам и обоим светилам совершать движение по воздуху при помощи разумных сил» (*the stars and the two great lights are to move in the air with the help of intelligent force*) [Там же, с. 33]. However, the ministering function of angels has its limits in time:

В конце веков ангелы освободятся от обязанностей своей службы, которую они исполняют ради человека. О конце века сказал в Евангелии Сам Бог: «Ибо тогда силы небесные поколеблются, и звезды, словно листья, спадут с неба на землю» (Мф. 24 : 29–30). Небесными силами Он называет ангелов; падение звезд на землю произойдет из-за освобождения ангелов от своей службы управления звездами [Там же, с. 33].

(Immediately after the tribulation of those days the angels will be free of the service that they perform for mankind. God himself spoke of the end of times in the Gospel: "For then the powers of heaven shall be shaken, and the stars, like

leaves, shall fall from heaven to earth” (Matt. 24 : 29–30). The powers of heaven are what he calls angels; the stars shall fall to earth due to the release of the angels from their service of star maintenance.)

However, long before the apocalyptic transformation of the earth, the divine harmony was broken by the distortion of the essence of one of the angels of the tenth angelic order, resulting in the split of the noumenal world:

В этот день [творения] один из ангелов по имени Сатана, который был старейшиной десятого чина, увидел, как Бог украсил ту твердь, о которой мы говорили, то есть небо и землю, преисполнился гордыней и подумал: «Как прекрасна вселенная, но не вижу на ней жителей; приду на землю и возьму ее и буду обладать ею и буду как Бог, и поставлю престол свой на облаках». И тотчас сверг его Господь с небес за гордость помысла его [Там же, с. 57].

(On that day [of creation], one of the angels named Satan, who was the elder of the tenth order, saw how God had adorned the firmament which we talked about, that is, the heaven and the earth, and became filled with pride, and thought: “How beautiful the universe is, but I do not see residents there. I shall come to earth and take it and possess it, and be like God, and I shall set my throne on the clouds.” And the Lord immediately cast him down from heaven for the pride of his thought.)

The subordinates of the archistrategos were also punished: they were scattered all over the underworld, cast down to the earth, or suspended in the air:

Вслед за ним, словно песок, просыпавшийся с небес, пал подначальный ему десятый чин: одни пролетели в преисподнюю, другие пали на землю, третьи повисли в воздухе [Там же].

(After him, like sand spilled from heaven, the tenth order, subordinate to him, also fell: some flew into the underworld, others fell to earth or were suspended in the air.) [Там же].

From this point, the existential opposition of good and evil has permeated the noumenal and material worlds.

Archistrategos Michael, the commander of the army of the Lord and elder of the second order, explains the essence of the universal tragedy: «Внемлем, ибо с нами свет, и ныне, обличенные светом, вы стали тьмой!» (*We listen, for we are the light, and now, exposed by the light, you have become the darkness!*) [Там же, с. 58]. Thus, angels, entities of the noumenal world, turn into their opposite, i. e., devils. The author of the *Palaea* thoroughly describes their fate:

И бесы, слышавшие глас архангела Михаила, тут же были повешены в воздухе. Первые же падшие бесы, которые провалились в преисподнюю, теперь как глухие и с тех пор ничего в мире не знают. А те из них, которые пали на землю, те ходят по земле, причиняя зло своими соблазнами. Последние же из них архангельским гласом оставлены в воздухе, и они, повиснув, творят пакостей сколько могут [Там же].

(And the devils who heard the voice of the Archangel Michael were immediately suspended in the air. The first fallen devils that fell into the underworld are now like the deaf and since then they have known nothing in the world. And those of them who fell to earth are walking over the earth, causing evil by their temptations. The last of them are left in the air by the Archangel's voice and they, having been suspended, do as much mischief as they can.)

The new commander of the demons, «Сатана, бывший старейшиной в чине, стал начальником земного чина [бесов] и получил власть над землей» (*Satan, a former elder in the order, became commander of the earthly order [of demons] and got the power over the earth*) [Там же].

The *Palaea* describes the sorcery of the demons in detail:

То же, что бесы «пророчествуют» волшебникам, чародеям, колдунам и прорицателям, то не все прямо сбывается. Иногда они знают, что случится в далеком будущем, и иной раз, по промыслу, об этом говорят. Иногда же они обвораживают маловеров и, увлекая их к погибели, смущают их кознями и соблазнами, обольщают ложью их ум. Даже если иногда они говорят истину, то итог их слов все равно ведет к злу, заставляя лгать. Потому не следует им верить, ибо очевидно, что после падения бесам уже нет покаяния, как и людям после смерти [Там же, с. 59].

(Not everything that the demons prophesise to magicians, enchanters, sorcerers, and soothsayers is to come true. Sometimes they know what will happen in the distant future, and now and then, by Providence, they talk about this. But sometimes they bewitch those of little faith and, dragging them to perdition, confuse them by wiles and temptations, deceiving their mind with lies. Even if sometimes they speak the truth, ultimately their words still lead to evil, making people lie. That is why one should not believe them, for it is evident that after the fall, the devils have no repentance, like people have none after death.)

The invectives against witchcraft in the *Tale of the Past Years* may have been borrowed from this particular source: 'In the ridicule of the sorcery common among the pagans, the author (of the *Tale of the Past Years*. – I. D.) shows extraordinary erudition. He brings up the story from the times of the Greek king Domitian about the magician Apollonius of Tyana, who performed demonic miracles everywhere from Rome to Byzantium. Although he had some success in these miracles, expelling numerous snakes

and scorpions from cities, calming horses' rage, and exterminating gnats in Antioch, all of this was done with demonic force. The demons helped the magician in his sorcery not only during his life: they also possessed his soul after death. Even at the tomb of the magician, demons, wearing his face and name, continued to deceive gullible people' [Дергачева, с. 98].

Since the fallen angels turned into demons of darkness, existence has been influenced by opposed noumenal powers. The angelic world remains unchanged, but a tenth of its noumenal space has defected from it, i. e., the archistrategos of the tenth angelic order (Lucifer and his angels who were turned into demons). Since the earth, or rather the part of it known as the underworld, became their place of residence, a modern cosmic set-up was established, presented via a binary opposition: heaven, a noumenal sphere for the original angelic entities, is opposed to the earth, which is vulnerable to Lucifer and the evil and corruption brought by his armies. This opposition, which permeates medieval cosmology, is related to the advent of evil. The topoi are localised: earth vs. heaven, heaven vs. hell, life vs. death, eternity vs. finiteness, good vs. evil, spirit vs. matter, and right vs. left. The world is dichotomous: there is heaven, where the souls of the righteous go, and hell, where sinners languish, and between lies a material world, i. e., the earth.

Thus, the text of the *Palaea* confirms ideas characteristic of medieval Russian philosophy: that evil had no original existence, that it is finite, and that it was not a part of the Divine plan of creation. The energy of Lucifer and his demons is an emanation of evil; everything that they touch becomes mortal and finite, they corrupt everything, including themselves, and are approaching their own destruction. However, at the moment when the universe is transfigured into the New Jerusalem, when 'heaven and earth reunite' at the end of times, Lucifer will cease to exist, and with that evil will disappear from the world.

Список литературы

Дергачева И. В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М. : Крузь, 2014. 352 с.

Иоанн Дамаскин, св. Точное изложение православной веры: творение св. отца нашего Иоанна Дамаскина [репринт. изд.]. М. : Братство свт. Алексия ; Ростов н/Д : Приазов. край, 1992. 464 с.

Книга Юбилеев, или Малое Бытие. 2-й вып. Ветхозаветных апокрифов / [Соч.] доц., акад. свящ. А. Смирнова. Казань : Типолит. ун-та, 1895. 2008 с. URL: http://roy-allib.com/read/avtor_neizvesten/kniga_yubileev.html#0 (дата обращения: 12.11.2016).

Макаров А. И., Мильков В. В., Смирнова А. А. Древнерусские Ареопагитики // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 3 (1). М. : Крузь, 2002. 589 с.

Мильков В. В. Видение апостола Павла // Древнерусские апокрифы. СПб. : РХГИ, 1999. С. 528–581.

Палея Толковая / науч. ред. А. Н. Камчатнов. М. : Согласие, 2012. 651 с.

Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань : Университет. тип., 1872. 309 с.

Симфония для Библии // Библия-онлайн [сайт]. URL: <http://bible.by/symphony/letter/1/> (дата обращения: 18.11.2016).

Творения иже во святых отца нашего Василия Великаго, Архиепископа Кесарии Каппадокийския : в 3 ч. 3-е изд. М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1891. Ч. 1. 332 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 956 с.

Щеглов А. П. Философские аспекты древнерусских представлений о природе зла // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Вып. 47. Т. 9. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 14–26.

Щеглов А. П. Комментарии к Толковой Палее // Волшебная гора. Вып. 7. М. : Волшебная гора, 1988. С. 223–240.

References

Dergacheva, I. V. (2014). *Posmertnaya sud'ba i "inoj mir" v drevnerusskoj knizhnosti* [Life after Death and the Next World in Old Russian Literature]. Moscow, Krug. 352 p.

Kniga Yubileev, ili Maloe Byitie. 2 vyip. Vethozavetnyih apokrifov [The Book of Anniversaries, or Small Existence. 2nd Ed. of Old Testament Apocrypha] [Soch.] (1895) dots., akad. svyasch. A. Smirnova. Kazan : Tipolitographija Universiteta. URL: http://royallib.com/read/avtor_neizvesten/kniga_yubileev.html#0 (mode of access: 12.11.2016).

Makarov, A. I., Mil'kov, V. V., Smirnova, A. A. (2002). *Drevnerusskie Areopagitiki* [Medieval Russian Areopagitica]. In *Pamyatniki drevnerusskoj mysli: issledovaniya i teksty*. Vol. 3 (1). Moscow, Krug. 589 p.

Mil'kov, V. V. (1999). *Videnie apostola Pavla* [Vision of Apostle Paul]. In *Drevnerusskie apokrifiv*. St Petersburg, RHGI, pp. 528–581.

Kamchatov, A. N. (Ed.). (2012). *Palaea Tolkovaya* [Explanatory Palaea]. Moscow, Soglasie. 651 p.

Porfir'ev, I. Ya. (1872). *Apokrificheskie skazaniya o vethozavetnyh lichah i sobytiiyah* [Apocryphal Stories about Old Testament Persons and Events]. Kazan, Universitetskaya tipographija. 309 p.

John of Damascus, St. (1992). *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very* [Exposition of the Orthodox Faith]. 464 p. Moscow, Bratstvo svt. Aleksiya; Rostov-on-Don, Priazovski krai.

Simfoniya dlya Biblii [A Symphony for the Bible]. URL: <http://bible.by/symphony/letter/1/> (mode of access: 18.11.2016).

Tvoreniya izhe vo svyatyih ottsa nashego Vasiliya Velikago, Arhiepiskopa Kesarii Kappadokiyskiya [Works by Our Holy Father Saint Basil the Great, Archbishop of Caesarea of Cappadocia]. (1891). Part 1. 3rd Ed. Moscow, Tipographija M. G. Volchaninova.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2008). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Etymological Evidence]. Moscow, Azbukovnik. 956 p.

Shcheglov, A. P. (2007). *Filosofskie aspekty drevnerusskih predstavlenij o prirode zla* [Philosophical Aspects of the Mediaeval Russian Idea of the Nature of Evil]. In Bazhov, S. I., Blauberger I. I. (Ed.). *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. Iss. 47. Vol. 9. St Petersburg, RGPU Im. Gerzena, pp. 14–26.

Shcheglov, A. P. (1988) *Kommentarii k Tolkovoj Palee* [Commentary to the Explanatory Palaea]. In *Volshebnyaya gora*, Vol. 7. Moscow, Volshebnyaya gora, pp. 223–240.

The article was submitted on 18.05.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.253

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38

ИЗМЕРИТЬ ЭНЕРГИЮ ТЕКСТА*

Тамара Матвеева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

MEASURING THE ENERGY OF A TEXT**

Tamara Matveeva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the issue of introducing the term “energy” into the practice of specific linguistic studies. It is argued that this concept is useful for comprehending the subjective modal content of a speech work. The traditional linguistic interpretation of speech impact is based on the functional-semantic concept of the expressivity of language units conveying the speaker’s emotions and evaluations. With the development of text linguistics, a broader view of the content of speech works and of impact-ensuring tools has become relevant. The author puts forward the term “energy” as a concept which synthesises speech and text, including categories of movement (changes, dynamics) and volition (goal-setting) of the subject of speech and the category of expressivity (intentionality). This idea is proved with reference to the extrapolation of philosophical interpretations of the concept of energy. The author describes the functional-semantic content of the energy component of the text and its structure. In terms of expression, the category of energy is a functional-semantic field which is realised as a set of expressive and non-expressive language means belonging to different levels and verbal techniques aimed at impact. A separate tool or technique like this can be termed *energema*. The composition of text *energemas* is defined on lexical-semantic,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №15-04-00239/17-ОГОН «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика». Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006.

** Citation: Matveeva, T. (2017). Measuring the Energy of a Text. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 838–850. DOI 10.15826/qr.2017.3.253.

Цитирование: Matveeva T. Measuring the Energy of a Text // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 838–850. DOI 10.15826/qr.2017.3.253 / Матвеева Т. Измерить энергию текста // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 838–850. DOI 10.15826/qr.2017.3.253.

grammatical, and prosodic grounds. This article considers energemas of two energy subfields: movement and volition. The author poses the problem of the statistical interpretation of text energy, which is particularly important for comparative studies of this phenomenon. Referring to a comparison of speech works of different genres united by one theme, the author demonstrates the energetic difference between a lecture and an encyclopaedic article. She also establishes groups of speech tools, providing dynamism and volition instruments as opposed to the static and abstract character of the text. It is proved that the intensity of the energy text field is directly proportional to the impact the text makes on the addressee.

Keywords: speech impact; energy; energema; expressiveness; movement; will.

Рассматривается проблема внедрения в практику конкретных лингвистических исследований термина «энергетика». Утверждается, что данное понятие целесообразно при осмыслении субъективно-модального содержания речевого произведения. Традиционная лингвистическая трактовка речевого воздействия опирается на функционально-семантическую концепцию экспрессивности языковых единиц, выражающих эмоции и оценки говорящего. С развитием лингвистики текста становится актуальным более широкий взгляд на воздействующее содержание речевого произведения и средства обеспечения воздействия. Автор предлагает термин «энергетика» как синтезирующее речетекстовое понятие, включающее в себя категории движения (изменения, динамики), волеизъявления (целеполагания) субъекта речи и экспрессивности (интенциональности). Этот тезис доказывается на основе экстраполяции философской трактовки понятия «энергия» в сферу текста. Показано функционально-семантическое наполнение текстового компонента энергетика и его структура. В плане выражения категория энергетика представляет собой функционально-семантическое поле, которое реализуется в виде совокупности экспрессивных и неэкспрессивных языковых средств различной уровневой принадлежности, а также речевых приемов, нацеленных на воздействие. Отдельное такое средство или прием может быть обозначено термином «энергема». Состав энергем текста определяется на лексико-семантическом, грамматическом, просодическом основаниях. В статье рассматриваются энергемы двух субполей энергетика: движения и волеизъявления. Автор ставит также проблему статистической интерпретации энергетика текста, особенно важной для сопоставительного исследования названного феномена. На материале сопоставления речевых произведений разного жанра на одну тему демонстрируется энергетическая разница лекции и энциклопедической статьи. Выявлены группы речевых средств, обеспечивающих динамизм и волевою оснащенность изложения в противовес статичности и абстрагированности текста. Доказывается, что плотность текстового поля энергетика прямо пропорциональна силе воздействия текста на адресата.

Ключевые слова: речевое воздействие; энергетика; энергема; экспрессивность; движение; воля.

Понятие «энергетика» применительно к речи и речевому произведению еще не обладает нужной терминологической четкостью. Оно хорошо воспринимается на уровне обыденного сознания, определенно различающего речь аморфную, вялую, несобранную и речь подтянутую, целенаправленную, влиятельную – энергичную. Обобщенное представление о содержании данного понятия в языке хорошо выражено участником одного из интернет-форумов: «Словом “энергетика” я обозначил не вполне понятное для меня свойство текстов некоторых авторов влиять на умы и сердца читателей» [Энергетика текста]. В филологических трудах слова *энергия*, *энергичный*, *энергетика* время от времени используются в качестве характеристик речи, текста, авторской манеры: *энергетика текста*, *энергия метатекста и прототекста*, *энергетика поля*, *звуковая энергетика*, *энергетика восклицаний* и мн. др. Энергетика текста уже формулируется в качестве проблемы исследования, хотя и редко [Храпова]. Дефинирование понятия «энергетика», «суть которого состоит в воздействии на умы, чувства и эмоции аудитории» [Поздеева, с. 14], тем более не противоречащее его вненаучному использованию, безусловно, важно, но для аналитических целей этого мало, необходимо уточнить его содержательное и операциональное наполнение. Нужен анализ соотношения данного и смежных понятий, в нашем случае – сопоставление терминов *энергетика* и *экспрессивность*.

Выяснение состава лингвистического содержания термина *энергетика* на базе его исконного научного понимания требует обращения к истории вопроса [Матвеева, с. 107–108]. Термин *energeia* (греч. *energeia* – действие, деятельность) введен основателем антропологической парадигмы в языкознании В. фон Гумбольдтом в противовес термину *ergon*, подчеркивавшему вещный, результативный статус языка³. С этого времени язык как деятельность (*langage* в терминологической парадигме Ф. де Соссюра, *речевая деятельность* в трудах Л. В. Щербы) становится постоянным объектом научного внимания, а во второй половине XX в. коммуникативная лингвистика уже формируется как самостоятельное направление науки о языке. В русском языкознании закрепился термин *речевая деятельность* [Щерба, с. 24–37], термин же *энергия* остался принадлежностью философии⁴, физики и прикладной по отношению к физике *энергетике* как отрасли производства.

Философское осмысление категории энергии сводится к следующему: энергия является общей мерой различных форм движения (изменения) материи. Материя не существует вне движения, которое является атрибутом и неотъемлемым свойством материи [ФЭ]. Энергия

³ В настоящее время термин *энергия* последовательно используется в качестве лингвистического историзма применительно к гумбольдтианству [Рашишвили].

⁴ Отдельное положение в философии занимает концепция А. Ф. Лосева, в рамках которой понятие *энергия* чрезвычайно важно; применительно к смыслу слова используется понятие *энергема*, дифференцированное на такие виды, как энергема физическая, органическая, сенсуальная, нозтическая [Лосев, с. 46–92].

количественно измерима и пропорциональна мере движения, а общая мера явления складывается как совокупность мер его отдельных признаков [Лойфман, с. 115].

Область меры явления, по Гегелю, является областью количественных и качественных характеристик явления. Они градуальны: свойство может иметь и низкие, и среднестатистические (нормативные, нормальные), и высокие количественные характеристики, причем эти показатели способны постепенно изменяться, то есть накапливаться или утрачиваться. Мера характеризуется строго определенными закономерностями перехода количества в качество: если количественные показатели переходят границу нормы, то превышенное качество становится другим качеством. Таким образом, понятие «энергия» характеризует диалектическое единство качества и количества признаков целостного явления.

Отметим как существенное следующее положение: близость количественных параметров признака к границам меры данного явления, то есть область гипертрофии признака, его интенсификации, характеризуется повышенным энергетическим индексом.

На учете качественных и количественных различий обозначаемых явлений осуществлена классификация стилистических значений [Балли]. Опора на категорию меры явления в лингвистике наблюдается также в области лексической экспрессиологии. К семантическим компонентам экспрессивности слова семасиологи относят, как правило, семы эмоциональной оценки, интенсивности и, реже, образности [Лукьянова; Телия]. Компонент интенсивности, или параметрический компонент, актуализирует значительное отклонение от средней меры явления: *бабахнуть* (о звуке взрыва), *раздраконить* (изругать), *куча дел*; *тащиться* (медленно идти), *валандаться* (медленно и неохотно делать что-либо). Кроме того, язык располагает набором слов-интенсификаторов (*обязательно, категорически, очень, много, сильно, слишком, ужасно* и т. п.). Экспрессия (сила воздействия) языковой единицы обусловлена наличием мерных признаков в гипертрофированном проявлении, а экспрессия речи и текста – набором и количеством экспрессивных единиц.

Специальная разработка проблем экспрессивности языковых и речевых единиц связана именно с зоной пограничных состояний явления, когда оно находится на грани скачкообразного перехода количества данного признака в другое, новое качество. Однако и базовая средненормативная мера имеет отношение к воздействию, обладает своим энергетическим потенциалом, пусть и меньшим. Прежде всего это относится к семантике движения. О значимости данной категории (в более широком ее понимании) писала Н. Л. Мышкина: «Энергожизнь текста проявляет себя в движении и через движение» [Мышкина, с. 31].

Движением называют любое изменение, контрастирующее с состоянием покоя. По сравнению с покоем выраженное дви-

жение всегда характеризуется той или иной степенью интенсивности, так что при описании функционально-текстового поля энергии следует учитывать любые языковые средства с семантикой движения, создающие соответствующее субполе текста. Даже первая степень проявления данного признака, отраженная в нейтральной лексике с семой движения (*идти, подвижный, поездка*), создает неэкспрессивную энергетически значимую лексическую единицу текста. Единицы с семой интенсивности (например, *вскочить, мчаться, балалолка*) образуют более сильные единицы такого рода, экспрессивные или на грани экспрессивности.

Лучшим выразителем семантики движения является глагол. Противопоставление движения и покоя находит прямое выражение в оппозиции частных грамматических парадигм внутри общей глагольной. Различны по степени энергии личные формы глаголов и безличные глаголы, фиксирующие действие/состояние, не зависящее от воли говорящего. Разной энергией выражения обладают личные формы глаголов по сравнению с причастиями и деепричастиями в рамках одной и той же глагольной парадигмы: последние «останавливают» движение и переводят его на второй информационный план высказывания. В отглагольных существительных семантика движения выражена слабее, чем в глаголах, поскольку перекрыта грамматической семантикой существительного как части речи. Энергетические различия связаны также с залогом как лексико-грамматической категорией глагола, выражающей отношение действия к субъекту, и оппозицией активных (немаркированных) и пассивных конструкций, которые формируются с помощью присоединения постфикса *-ся* к форме действительного залога или кратких форм страдательных причастий совершенного вида [ГСРЛЯ, с. 351]. В области предикативных единиц двусоставное личное предложение представляет собой более энергичный способ выражения, чем назывное предложение, обычно фиксирующее некоторый факт, передающее семантику бытийности [ГСРЛЯ, с. 560]. Высокая степень энергии характерна для конструкций экспрессивного синтаксиса.

Следует учитывать прямую взаимосвязь категории движения и категории воли, волеизъявления. В исследованиях воздействующей силы речи уделяется мало внимания семантике воли. Между тем, исходя из основных положений о тексте (а общение осуществляется именно посредством текстов [Жинкин]), он создается на основе авторского целеполагания. Исходный осознанный пункт создания текста – цель автора, собственно текст – это воплощение речью движения к цели, направляемого авторской волей.

Воля – важнейшая категория, связанная с мотивировкой речевой деятельности и ее качеством (по Выготскому, мысль имеет аффективно-волевою подоплеку). Семантика воли и волеизъявления по определению связана с интенсивностью и движением к цели: это стремление (то есть направленное желание) к осуществлению

намеченной цели [ТСРЯ, с. 108], что сопряжено с внутренними усилиями личности [СЭС, с. 244]. Существенно также, что воля персонифицируется, она предполагает принятие личностью определенного решения, что, в свою очередь, связано с модальностью долженствования. Категория воли имеет мощную экспликацию на всех уровнях языковой системы, однако, не будучи вовлечена в семантические классификации и вне связи с категорией экспрессивности, она мало изучается применительно к дискурсу и тексту.

Состав речевых сигналов волеизъявления, образующих соответствующее субполе в границах поля энергетике текста, определяется не только на лексико-семантическом основании, хотя волевой аспект имеет прямое лексическое выражение в русском языке в базовых лексемах *воля, цель, сила, стремиться*, а также их производных; в модальных глаголах и производных от них слов других частей речи, в прямых сигналах утверждения и отрицания *да* и *нет*, сигналах категоричности высказывания и др. Волевая насыщенность может быть выражена также просодически (в вариациях темпорита, тембра, отборе интонационных конструкций), грамматически (в формах грамматического императива, конструкциях экспрессивного синтаксиса). К волевому аспекту имеют отношение пассивные конструкции и безличные предложения: в них человек действующий элиминируется, его воля в осуществлении обозначаемого действия не имеет значения. Речетекстовыми средствами волевого оснащения речи могут быть признаны личные местоимения первого и второго лица, а также категория Я-темы в целом, она сообщает личностную окраску всей объективной информации текста, а воля – атрибут личности. Та же направленность характерна для приемов логического и эмоционального усиления, в числе которых стилистические фигуры прибавления, риторические вопросы и восклицания.

Прямое отношение к энергетике имеет ритмика текста. Энергия речевого выражения особенно сильна, если автор организует в нем «разность потенциалов», и это в полной мере относится к ритмическому рисунку речи. Ритмический контраст создается противопоставлением короткой фразы и многословного отрезка речи, при этом первая выделяется в тексте как особо значимая. Объектом наблюдения может также являться специфика периодичности объемов функционально-смысловых фрагментов текста.

Теория экспрессивности на современном уровне ее разработки лишь частично – применительно к зоне крайних проявлений свойств объекта и преимущественно на лексическом материале – объясняет воздействующую силу речи и текста. При этом вне поля зрения остается множество языковых средств, уже на уровне первичной семантики несущих в себе зерно воздействия (средства передачи семантики движения на любой градуальной отметке, сигналы прямого волеизъявления, модальности долженствования, меры категоричности, персонификации). Лингвистике необходимо синтезирующее поня-

тие, полностью вбирающее в себя и экспрессивность как эмоционально-оценочно-интенсивный компонент воздействия, и другие компоненты последнего, обобщенно – проявления движения (изменения, динамики) на любой градационной отметке и проявления персонафицированной воли как мыслительного движения к цели. Термин *энергия* (как свойство интонемы, лексемы, морфемы, грамматической конструкции, высказывания, текста воздействовать на адресата) генетически адекватен данной задаче: он вбирает в себя как идею движения, активизирующего адресата, так и воли, персонально направляющей само движение. Применительно к общему составу средств, обеспечивающих эффект воздействия, целесообразен синтезирующий термин *энергетика*; речевую единицу с энергетическим зарядом (компонентом воздействия) можно обозначить термином *энергема*⁵.

Поставим задачу выявления энергетики текста на базе высказанных выше положений. Сразу же отметим, что в силу специфики выявляемого объекта (его мерного, количественно-качественного характера и полевого устройства речевого множества текстовых энергем) может быть поставлена и задача сопоставительного измерения различных текстов в плане их энергоемкости, прямо пропорциональной силе воздействия.

Материалом наблюдений избраны два однотемных текста о шекспировском театре «Глобус». (1) – это часть лекции Паолы Волковой «Сближение связей отдаленных» [Волкова, с. 26–31]; (2) – статья Татьяны Шабалиной «Театр “Глобус” (Globe)» из электронной энциклопедии «Кругосвет». Тексты различаются между собой объективно-логически (лекция основана на функционально-смысловом типе рассуждения, энциклопедическая статья носит описательный характер), а также в плане воздействия: жанр лекции заведомо нацелен на эффект речевого воздействия в процессе обучения, тогда как статья энциклопедии такого эффекта не предполагает. Априори можно предположить, что текст лекции будет энергетически превосходить текст энциклопедической статьи, но нас интересует техника лингвистической реализации категории энергетики, в том числе в сопоставительном плане.

Прежде всего сопоставим тексты по признакам традиционно понимаемой экспрессивности. В лекции используется немало стилистически маркированных единиц лексики и фразеологии, а также тропов: *зеркальное отражение, расцвет театра, первые люди королевства, общечеловеческий опыт сжимается до рамок сцены, задавали тон, «золотой век» английской культуры, театр – зеркало; актеры – оркестр, транслирующий мировую мистерию*. Заметна линия интенсификации, реализуемой с помощью многочисленных

⁵ Данный термин коррелятивен по отношению к достаточно употребительному в экспрессиологии термину *экспрессема*, и потому удобен. Однако наличие омонимического термина *энергема* в философской концепции слова А. Ф. Лосева ставит его под вопрос.

фигур прибавления (особенно активен асиндетон), а также лексико-семантических средств: *вершинная фигура, мощная сила театра, гениальный поэт, тесная связь, тесное переплетение судеб, гениальный аноним, великий трагик, трагические страсти*. Однако в результате сопоставления экспрессивных энергем мы не получим явственного противопоставления текстов; ср. аналогичные средства в энциклопедической статье: *большая любовь к театральному искусству, враждебно относящиеся, знаменитая надпись, динамичное зрелище, в полный голос, преданные поклонники, сгореть дотла, бережная реконструкция, по крупницам собирал материалы*. Конечно, набор и количество экспрессивных богатств в тексте лекции, но спектр экспрессии (книжность, интенсивность, некоторая эмоциональная приподнятость) роднит ее со статьей.

Перейдем к первому базисному компоненту энергии – семантике движения, прежде всего в глагольной лексике.

Наш материал показывает существенную разницу в глагольном оснащении сопоставляемых текстов. В силу тематической и функционально-смысловой специфики языковая семантическая группа глаголов движения представлена в них слабо и потому параметром сопоставления быть не может, но весьма показательны собственно грамматические различия глагольных слов и синтаксических конструкций. Во-первых, они охватывают использование причастий и деепричастий – морфологических средств книжного стилистического регистра. Данные глагольные формы в статье многочисленны, часто распространены и обособлены, могут использоваться группами: *материалы, оставшиеся от разобранного здания самого первого... театра; название театр получил от украшавшей его вход статуи атланта, поддерживающего земной шар*. В тексте (2) отмечено 19 полных причастных форм и 4 деепричастия, тогда как в (1) их, соответственно, 7 и 0. При наличии в русском языке грамматической синонимии обособленного определения, выраженного причастием с зависимыми словами, и определительного придаточного предложения⁶ лектор предпочитает второй вариант: *Он предсказал бурю, которая развеяла великую армаду испанцев; это народная забава, которая так и осталась народной*.

Во-вторых, тексты (1) и (2) различны по частотности пассивных конструкций. Текст лекции ориентирован на применение глагола-сказуемого в личной форме, и не только в тех случаях, когда действие принадлежит лицу: *Площадки-помосты и ярмарочные балаганы первоначально диктовали принципы театральной архитектуры; Они (театры) переезжали из города в город, давали представления на ярмарках и постоянных дворах*. Если же действителем является лицо, то используются целые серии личных глагольных форм на пространстве сложного синтаксического целого:

⁶ Еще А. С. Пушкин писал о закреплённости данных конструкций, соответственно, за письменной и устной речью.

Джон Ди... лично **ездил** в Стоунхендж, **знал** его размеры... **Понимал** связь круга с Луной и Солнцем... Он **знал** не только... (1). Таким образом, здесь доминируют активные конструкции, тогда как в энциклопедической статье широко используются пассивные с незамещенной позицией творительного падежа (16 применений против 4 в лекции): один за другим **строились здания... театров; Внимание** зрительного зала **не поддерживалось** никакими вспомогательными средствами; **«Второй Глобус» был перестроен** в помещение под сдачу в аренду; Рядом с восстановленным «Глобусом» **открыт тематический парк-музей** (2).

Таким образом, текст (1) определенно ориентирован на личный способ изложения, что подчеркивается рассредоточенными по тексту вкраплениями приемов диалогизации (*мы не можем не упомянуть; мы знаем; образ, внятный нам; как рассказывает нам надпись; как мы упоминали...*). По данному параметру (передаче идеи движения) он энергичнее текста (2), нацеленного на объективизированное представление предмета речи.

Личностный характер текста лекции подчеркивается модальностью уверенности. Единичные сигналы модальности возможного связаны исключительно с короткими включенными тематическими фрагментами (о первых постоянных театрах и о Колизее как прототипе «Глобуса»). Основное же содержание рассуждения подается без колебаний и с применением средств и приемов усиления смысла. В их числе усилительные лексические единицы (*Шекспира же вот уже 400 лет ежедневно играют во всем мире; Джон Ди – настоящий просветитель; ...Был настолько интересным человеком, что...; И, несомненно, личность Шекспира*), фигуры прибавления при демонстрации аргументов, утверждение от противного в форме риторического восклицания (*Чем не Стоунхендж!*) и риторических вопросов (*Ну и что?; Неужели образ, внятный нам, не был понятен жившим внутри столь сложного мира... магам века XVII?*).

Еще одна стилистическая фигура, работающая на эффект усиленного воздействия в тексте (1), это парцелляция. Будучи синтаксическим заимствованием из разговорной речи, на фоне книжной стилистики текста лекции эта фигура, суть которой состоит в договаривании на ходу, создает ощущение динамичности. Интонационно обособленный парцеллят, добавляемый к, казалось бы, уже законченному высказыванию, вызывает впечатление сиюминутности выстраивания мысли: *Зритель во время действия посвящался, приобщался к событиям мира видимого и сущего. Истории и драмы души.*

Текст энциклопедической статьи характеризуется базовой модальностью констатации с единичными лексическими сигналами уверенности (*К этому решению, несомненно, был причастен...; Это было чрезвычайно важно*). Имитация элементов диалога автором не применяется, стилистические фигуры редки и являются скорее средством логического усиления смысла.

Особенно показательна в плане сопоставления ритмика анализируемых текстов. Одна и та же тенденция чередования длинных и коротких предложений, больших и малых абзацев выражена в них в разной степени.

Текст лекции в этом отношении более контрастен: разброс количества слов в предложении здесь от двух до 62. Средняя длина предложения составляет 11 слов. Самые короткие предложения часто размещены на границах абзацев, хотя предложения-парцелляты этому правилу не подчиняются. Короткое предложение (от двух до семи слов) несет на себе повышенную смысловую или риторическую нагрузку: *Его же театр – зеркало Бэкона и Сведенборга. Оно планетарно, глобусно, универсально; Сведения о первых постоянных театрах противоречивы; Вряд ли; Кто был Джон Ди?; Знак копыа, как мы знаем, священный;* и др.

Объемы абзацев данного текста чередуются. Большие абзацы из нескольких обширных предложений и смысловые блоки нескольких абзацев сменяются небольшими, которые могут быть равны даже отдельному предложению. Приведем полный статистический ряд обследованного текста, указывая количество слов каждого абзаца и выделяя большие объемы с помощью рамки: 31 – 33 – **110 – 76 – 20 – 59 – 71 – 11 – 11 – 211 – 158 – 126 – 22 – 76 – 184 – 57 – 27**. Объемные фрагменты текста содержат изложение фактов и детализацию аргументов. Короткие фрагменты носят тезисный или выводной характер.

Игра объемами дополняется интонационным разнообразием: повествовательная интонация разбивается то восклицательной, то вопросительной. За такой структурой даже в письменном тексте угадываются ускорения и замедления темпа, и в целом темпоритмическая картина текста выглядит упругой, энергичной.

В энциклопедической статье минимальный объем предложения составляет 9 слов, максимальный – 67, средняя длина предложения – 22 слова. При этом парцелляция не встречается, сравнительно короткие предложения (от 9 до 12 слов) являются полноструктурными. Тенденция в области чередования объема абзацев выражена слабее: **90 – 88 – 152 – 112 – 35 – 59 – 76 – 159 – 84**, но взаимосвязь короткого фрагмента с дополнительной смысловой нагрузкой в тексте налицо: абзац из 35 слов носит выводной характер. Текст (2) не лишен формальной выразительности, он тоже связан с наличием ритма, то есть явления фразовой периодичности, но это явление менее рельефно, чем в тексте (1).

Обобщенно фиксируем заметное энергетическое различие сопоставленных текстов, а также – в методическом отношении – существенную роль грамматических и ритмических сигналов-энергем, дополняющих набор экспрессивных средств текста. При этом заметим, что сравнивались однотемные тексты, характеризующиеся книжностью как базовой стилистической чертой. Можно уверенно предпо-

ложить, что сравнение текстов разных функциональных стилей покажет их различие в плане энергетики гораздо ярче.

По намеченной программе может сравниваться не только энергетическая составляющая жанров и функциональных стилей, но и личная речевая манера разных авторов в рамках однотипной речевой деятельности (образец такого сравнения содержится в работе [Матвеева]).

Итак, *энергетика* как речетекстовая категория в содержательном отношении – это воздействующий компонент высказывания и текста. В плане выражения данная категория представляет собой функционально-текстовое поле, представляющее собой организованную совокупность двух субполей: движения и волеизъявления. Они состоят из языковых энергем различной уровневой принадлежности (экспрессивных и неэкспрессивных), а также речевых приемов, нацеленных на воздействие.

Термин *энергетика* вбирает в себя более узкое понятие *экспрессивность* и предполагает учет не только эмотивного, интенсивного и образного компонентов, но также других единиц с семантикой движения (динамики), единиц и акций волеизъявления, средств персонификации изложения, семантически и формально контрастирующих речевых структур. Описание *энергожизни* текста (выражение Н. Л. Мышкиной) на базе изложенного подхода много полнее традиционного описания его выразительности.

Анализ энергетики поддается статистической интерпретации, что особенно важно для постановки сопоставительного исследования данного феномена. Конечно, в настоящее время еще невозможно ввести «индексы энергоемкости» конкретного языкового или речевого средства или предложить формулу вычисления энергии текста. Однако уже сейчас вполне можно составить представление о массивном и разнообразном по составу или разреженном и скудно обеспеченном текстовом поле определенного текста или группы сопоставляемых текстов. Можно также выявить группы средств, наилучшим образом обеспечивающих динамизм изложения и силу воздействия речи на адресата, в противовес средствам, придающим тексту признаки статичности, абстрагированности от личности автора, семантической и ритмической нерельефности.

Предлагаемый в данной статье подход к исследованию энергетики текста носит собственно лингвистический характер, он опирается на концепции и категории, разработанные в семасиологии, экспрессиологии, грамматике русского языка. Предлагается, однако, дополнительное включение в состав языковых и речевых средств воздействия таких языковых единиц и речевых приемов и групп, которые ранее не трактовались в качестве воздействующих на восприятие. Что же касается вопроса о методах определения суммарной значимости энергем речевого произведения, то данный вопрос лишь сформулирован как таковой.

Список литературы

- Балли Ш. Французская стилистика. М. : Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
- Волкова П. Мост через бездну. М. : Зебра Е, 2013. 256 с.
- Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1970. 755 с. (ГСРЛЯ).
- Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов // Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество : избр. тр. М. : Лабиринт, 1998. С. 183–319.
- Лойфман И. Я. Принципы физики и философские категории. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1973. 136 с.
- Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Самое само : Сочинения. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с. С. 29–204.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1986. 230 с.
- Матвеева Т. В. Энергетика текста // Изв. Урал. ун-та. 2000. № 17. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 3. С. 107–112.
- Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. 151 с.
- Поздеева Т. В. Отношения адресант – адресат в политическом газетном дискурсе: концепция взаимодействия и взаимокорреляции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 21 с.
- Рашишвили Г. В. Гумбольдтианство // Языкознание : Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая рос. энцикл., 1998. С. 123–124.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М. : Флинта; Наука, 2003. 696 с. (СЭС).
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 142 с.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с. (ТСРЯ).
- Философская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. М. : Совет. энцикл., 1960–1970 (ФЭ).
- Храпова В. А. Энергетика текста // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. № 3. С. 25–28.
- Шабалина Т. Театр «Глобус» (Globe) // Энциклопедия «Кругосвет» [официальный сайт]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino (дата обращения: 14.08.2017).
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 24–39.
- Энергетика текста // Кофейня [интернет-форум]. 17.05.2008. URL: forum.cofe.ru/showthread.php?t=106101 (дата обращения: 14.08.2017).

References

- Bally, Ch. (1961). *Francuzskaja stilistika* [French Stylistics]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 394 p.
- Energetika teksta* [The Energy of a Text]. In *Kofejnija – Internet Forum*. URL: forum.cofe.ru/showthread.php?t=106101 17.05.2008 (mode of access: 14.08.2017).
- FE (1960–1970). *Filosofskaja enciklopedija* [Philosophical Encyclopaedia]. (Books 1–5). Moscow, Sovetskaja enciklopedija.
- GSRLJA (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [A Grammar of the Contemporary Russian Literary Language]. Moscow, Nauka. 755 p.
- Hrapova, V. A. (2005). *Energetika teksta* [The Energy of a Text]. In *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki*, 3. Rostov-on-Don, Juzhnyj federal'nyj universitet. Pp. 25–28.

Lojzman, I. Ja. (1973). *Principy fiziki i filosofskie kategorii* [Principles of Physics and Philosophical Categories]. Sverdlovsk: Ural'skij gosudarstvennyi universitet. 136 p.

Losev, A. F. *Filosofiya imeni* [The Philosophy of Name]. In *Samoye samo: Sochineniya*. Moscow, EKSMO-Press, pp. 29–204.

Lukjanova, N. A. (1986). *Ekspressivnaja leksika razgovornogo upotreblenija: problemy semantiki* [Expressive Colloquial Vocabulary: Issues of Semantics]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 230 p.

Matveeva, T. V. (2000). *Energetika teksta* [The Energy of a Text]. In *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Gumanitarnye nauki, 3 (17), pp. 107–112.

Myshkina, N. L. (1998). *Vnutrennjaja zhizn' teksta: mehanizmy, formy, harakteristiki* [The Internal Life of a Text: Mechanisms, Forms, Characteristics]. Perm: Permskij gosudarstvennyj universitet. 151 p.

Pozdeeva, T. V. (2011). *Otoshenija adresant – adresat v politicheskom gazetnom diskurse: koncepcija vzaimodejstvija i vzaimokorreljacii* [The Addresser – Addressee Relationship in Political Newspaper Discourse: The Concept of Interaction and Correlation]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar. 21 p.

Ramishvili, G. V. (1998). *Gumboldtianstvo* [Humboldtiana]. In *Yazykoznanie: Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar*. Moscow, Bolshschaya Rossiyskaya entsiklopediya, pp. 123–124.

SES (2003). *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta, Science. 696 p.

Shabalina, T. *Teatr "Globus" (GLOBE)* [The Globus Theatre (GLOBE)]. In *Enciklopedija "Krugosvet"*: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrasovanie/teatr_i_kino (mode of access: 14.08.2017).

Shcherba, L. V. (1974). *O trojacom aspekte jazykovyh javlenij i ob eksperimente v jazykoznanii* [On the Three-dimensional Aspect of Linguistic Phenomena and Experiment in Linguistics]. In *Shcherba L. V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'*. Leningrad, Nauka, pp. 24–39.

Telia, V. N. (1986). *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic* [The Connotative Aspect of Semantics in Nominative Units]. Moscow, Nauka. 142 p.

TSRJA (2008). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vklucheniem svedenij o proishozhdenii slov* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language with Information on the Origins of Words]. Moscow, Centr "Azbukovnik". 1175 p.

Volkova, P. (2013). *Most cherez bezdnu* [A Bridge across an Abyss]. Moscow, Zebra E. 256 p.

Zhinkin, N. I. (1998). *Razvitie pis'mennoj rechi uchashhihsja III–VII klassov* [The Development of Written Speech for Pupils between the 3rd and 7th Forms]. In *Zhinkin N.I. Jazyk. Rech'. Tvorchestvo. Izbrannye trudy*. Moscow, Labirint, pp. 183–319.

The article was submitted on 29.06.2017

Heritage
Nomina
et scholae

Б. Ф. Поршнеv. 1950-е гг.

B. F. Porshnev. 1950s

Heritage
Nomina et scholae

DOI 10.15826/qr.2017.3.254

УДК 930(470)"19"+94(470)+94(44)+027

**БОРИС ФЕДОРОВИЧ ПОРШНЕВ:
МЕЖДУ РУСИСТИКОЙ И ФРАНКОВЕДЕНИЕМ,
ИЛИ О РОЛИ СЛУЧАЙНОСТИ В СУДЬБЕ ИСТОРИКА***

Тамара Кондратьева

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**BORIS F. PORSHNEV:
BETWEEN RUSSIAN AND FRENCH HISTORY,
OR ON THE ROLE OF CHANCE IN A HISTORIAN'S LIFE**

Tamara Kondratyeva

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article considers the beginning of the academic career of Boris F. Porshnev, an eminent Soviet historian. During his postgraduate studies in RANION (Soviet Social Science Consortium) at the Institute of History (1926–29), he specialised in Russian history and was writing a thesis on public thought in Russia. Later, in Rostov-on-Don (between 1930 and 1932), Porshnev lectured on world history and would work on any projects available. After returning to Moscow (1932), he was going to become an ethnographer; however, instead he got a job at the Lenin State Library, then headed by his teacher V. I. Nevsky. Porshnev wrote texts on a variety of subjects and had no academic preferences. Such diversity was most likely caused by financial reasons (food rationing and high inflation in the USSR). The country witnessed many ideological campaigns; the academic landscape and establishment changed frequently in accordance with ideological attitudes. The choice to pursue an academic career largely depended on social connections, conditions, and chance. For years to come, the historian's destiny was determined by a chain of accidents: V. I. Nevsky's arrest in 1934, Porshnev's resignation from the library in 1935, and his work on editing a translation of *The Memoirs of Cardinal de Retz* (1932–36).

Keywords: history of Russia; history of France; B. F. Porshnev; Lenin State Library.

* *Citation:* Kondratyeva, T. (2017). Boris F. Porshnev: between Russian and French History, or on the Role of Chance in a Historian's Life. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 853–866. DOI 10.15826/qr.2017.3.254.

Цитирование: Кондратьева Т. Борис Федорович Поршнев: между русистикой и франковедением, или О роли случайности в судьбе историка // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 853–866. DOI 10.15826/qr.2017.3.254.

Рассмотрены жизнь и деятельность выдающегося советского историка Б. Ф. Поршнева в начале его академической карьеры. Обучаясь в аспирантуре Института истории РАН ИОН (1926–1929), он готовился стать русистом и писал диссертацию по общественной мысли России; в Ростове-на-Дону (1930–1932) его деятельность носила универсальный характер: он вел занятия по всеобщей истории и работал там, где открывались возможности. Показано, что после возвращения в Москву (1932) историк сначала собирался стать этнографом, но затем поступил на работу в библиотеку им. В. И. Ленина, которой руководил его учитель В. И. Невский, и писал тексты на самые разнообразные темы, не имея определенных академических предпочтений. Представляется, что такая разнородность детерминировалась материальными причинами, поскольку в СССР действовала карточная система и была высокая инфляция, а также тем, что в стране окончательно не определились ни политические, ни академические порядки. Выбор академической карьеры зависел от социальных связей, ситуации и случая. Арест В. И. Невского в 1934 г., увольнение из библиотеки в 1935 г. и редактирование перевода «Мемуаров» кардинала де Реца (1932–1936) стали такой цепью случайностей, которые определили судьбу историка на последующие годы.

Ключевые слова: российская история; история Франции; Б. Ф. Поршнев; библиотека им. В. И. Ленина.

Борис Федорович Поршнев (1905–1972) известен прежде всего как франковед, удостоенный Сталинской премии за исследования по истории народных движений эпохи Фронды (1948), и как специалист, стремящийся к системной реконструкции истории взаимоотношений европейских государств. Он не раз удивлял современников и коллег по историческому ремеслу неожиданными движениями в смежные области науки, превращавшимися в генерализирующие социологические и политэкономические построения. Б. Ф. Поршнев вызывал полемику и становился объектом острой критики, что в конце жизни превратило его отчасти в маргинальную личность, занимавшуюся поиском снежного человека, исследованием происхождения человека и реконструкцией истории человечества [Поршнев, 2007].

Сам Б. Ф. Поршнев всегда подчеркивал свое франковедческое научное «происхождение» и на склоне лет позиционировал себя как ученик академика В. П. Волгина, признанного исследователя французского утопического социализма XVIII в. [Поршнев, 1964, с. 20]. Так же считают и его дочь Е. Б. Поршнева, и современные исследователи [Поршнева, с. 548; Вите, с. 5; Гладышев, с. 204; Гордон, с. 184]. На самом деле Поршнев начинал как русист, числился в аспирантуре Института истории РАН ИОН и Института истории Комкадемии по секции новой русской истории (1926–1930), был учеником известного большевика и первого директора Публичной библиотеки им. В. И. Ленина В. И. Невского и, вероятно, С. А. Пионтковского

[Кондратьева, 2016, с. 156–171]. Окончив аспирантуру без представления диссертации, он отправился на два с половиной года (январь 1930 – июль 1932) в Ростов-на-Дону, где преподавал в должности доцента кафедры всеобщей истории в Северо-Кавказском комвузе, Северо-Кавказском педагогическом институте и на открытом в 1930 г. в Ростове подготовительном отделении Института красной профессуры, а также руководил аспирантским семинаром в Горском научно-исследовательском институте, проводил исследования в Северо-Кавказском краевом научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма и принимал участие в деятельности Северо-Кавказского общества историков-марксистов [АРАН. Ф. 1574. Оп. 4, Д. 90, Л. 4 об.; АРАН СПбФ. Ф. 222. Оп. 002. Д. 290. Л. 3; АРГБ. Оп. 40. Д. 457. Л. 8, 14 об., 19]. Об этом периоде его жизни данных мало. Известно, что в стране, а значит, и вузах и научно-исследовательских учреждениях Ростова в это время активно шла кампания по внедрению марксизма не только в общественные, но и в естественные науки, сопровождаемая проработкой, шельмованием и изгнанием многих преподавателей и профессоров [Пырков, с. 190–198]. Борис Федорович, по-видимому, сторонился этой кампании. Именно так он поступал, по воспоминаниям С. А. Пионтковского, учась в Институте истории РАНИОН, где сам Пионтковский активно стремился вовлечь аспирантов в борьбу со старой профессурой [Дневник историка С. А. Пионтковского, с. 157–158]. В Северо-Кавказском комвузе историк, видимо, вел со студентами занятия по всеобщей истории. Среди сохранившихся документов этого учебного заведения наличествует лишь одно упоминание о Б. Ф. Поршневе, и речь идет о лекции по истории Французской революции [ЦДНИРО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 41. Л. 2]. В Северо-Кавказском краевом научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма он продолжал, по сути, научную тему, начатую еще в Институте истории РАНИОН, – «Троцкизм и вопросы истории русской общественной мысли», сделав ее, как гласит наименование, политически актуальной [ГАРФ. Ф. 2303. Оп. 8. Д. 115. Л. 26]. Сам Б. Ф. Поршнева в 1934 г. о своей преподавательской деятельности сообщал: «Педагогическая работа (1929–1933): ряд курсов и аспирантских семинаров по всеобщей истории в нескольких вузах и комвузах гг. Ростова-на-Дону и Москвы. Специальные и аспирантские семинары по истории Европы до эпохи промышленного капитализма и по истории докапиталистических формаций в С[еверо]-К[авказском] Краевом н[аучно]-[исследовательском] институте и С[еверо]-К[авказском] комвузе» [АРГБ. Оп. 52. Д. 13. Л. 10], «причем изучению общества первобытного, – поясняет он в другом месте, – уделял особое внимание (наряду с феодальным)» [АРАН СПбФ. Ф. 222. Оп. 002. Д. 290. Л. 2]. Там же им была подготовлена, но так и не издана обширная рукопись «Развитие и экономическая природа торгового капитала в XVI–XVIII вв.» объемом в 12 печатных листов (отдельные разделы были «доложены в Северо-Кавказском обществе историков-

марксистов») и прочитан доклад «Проблема общественно-экономических формаций в работах Ленина и Плеханова» [Самарин, с. 78].

Очевидно, что Б. Ф. Поршнев в молодые годы отдал дань теории «торгового капитализма» М. Н. Покровского – этой доминанте советской историографии конца 1920-х – начала 1930-х гг. и уже в Ростове преподавал европейскую, а не российскую историю. Но поскольку преподавание и исследовательская увлеченность и привязанность далеко не всегда совпадают, а в советской версии начала 1930-х гг. преподавание очень часто подменялось разными формами семинаров и сводилось к изложению социологических схем, думается, требуется более обоснованно определить время и тщательно описать обстоятельства обращения историка к европейской и (что для Б. Ф. Поршнева начала 1930-х гг. точнее) франковедческой проблематике.

Причиной отъезда из Ростова стала болезнь. Сам Поршнев указывал: «малярия» [АРАН СПбФ. Ф. 222. Оп. 002. Д. 290. Л. 2 ; Поршнева, с. 549]. Оказавшись в середине лета 1932 г. в Москве и перебравшись для «отдыха в деревню», он предпринимает попытку поступить в аспирантуру Академии наук, которая располагалась тогда в Ленинграде, по специальности «этнография». В письме в академию, датированном 8 августа 1932 г., он честно сообщает, что не имеет этнографической подготовки и опыта участия «в полевой работе», хотя и написал, еще будучи аспирантом Института истории РАНИОН, доклад «Социальная природа шаманства у якутов». Зимой 1931–1932 гг. он пытался проводить исследования о рабстве у народов Северного Кавказа, но они были «отложены из-за отсутствия времени и сил». Связей с учеными-этнографами не имеет, за исключением С. А. Токарева. При этом Поршнев добавляет, что в Ростове вел занятия и имеет хорошую подготовку в области «истории докапиталистических формаций» [Там же]. Последнее упоминание не было случайным, ибо близкие М. Н. Покровскому люди (Ф. В. Кипарисов, С. Н. Быковский, А. Г. Пригожин, М. М. Цвибак и В. И. Равдоникас) в начале 1930 г. пришли к руководству Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), которая тогда являлась главным академическим учреждением страны, и старательно навязывали не только историкам, но и археологам и этнографам учение о пяти сменяющих друг друга экономических формациях («пятичленку») и, под видом единства всемирно-исторического процесса, упрощенные универсалии и унификацию. Согласно их представлениям, раз в истории действуют универсальные законы общественного развития, то миграции, влияния и контакты не имеют существенного значения – люди идут к конечной цели развития автохтонно, в соответствии с универсальными законами [Формозов, с. 49–62]. Видимо, Поршнев хотел обратить внимание на эту, так сказать, политически актуальную сторону своей подготовки.

Экзаменаторами Б. Ф. Поршнева при поступлении в аспирантуру 7 октября 1932 г. были известные этнографы Е. Г. Кагаров и Н. М. Маторин. Его они «сочли возможным зачислить в аспирантуру»,

поскольку соискатель, как сказано в протоколе, «имеет очень основательную подготовку по истории докапиталистических формаций, необходимую при изучении этнографии народов СССР», и отметили «пробелы в знании этнографии народов Кавказа и нового учения о языке (яфетической теории)» Н. Я. Марра [АРАН СПбФ. Ф. 222. Оп. 002. Д. 290. Л. 4–4 об.].

Но аспирантом-этнографом в городе на Неве Б. Ф. Поршнев не стал. За месяц до сдачи экзаменов (5 сентября 1932 г.) он был принят на работу в Публичную библиотеку им. В. И. Ленина «в качестве консультанта в научно-библиографический сектор по разделу истории социализма и рабочего движения» [Самарин, с. 78]. В личном деле Бориса Федоровича, хранящемся в РГБ, есть справка, где сказано: «Дирекция б-ки удостоверяет, что т. Поршнев по ее предложению возвратился осенью 1932 г. в Москву по окончании им в Ростове н/Д обязательной двухгодичной педагогич[еской] работы, связанной с окончанием аспирантуры в Институте истории Ком. академии» [Там же, с. 79]. На основании этой справки А. Ю. Самарин полагает, что В. И. Невский «способствовал возвращению Б. Ф. Поршнева в Москву» [Там же].

История с поступлением в этнографическую аспирантуру и отъезд из Ростова по причине болезни своей и дочери показывают, что к возвращению историка в Москву В. И. Невский, скорее всего, не имел отношения, и оно произошло либо по инициативе самого Поршнева, либо вследствие жизненных обстоятельств. Но то, что именно Невский устроил своего бывшего ученика в библиотеку, где его, как показывает А. Ю. Самарин, будут высоко ценить, не подлежит сомнению. Видимо, все-таки положение Поршнева в библиотеке в первые месяцы было недостаточно определенным, поскольку он не только поступил в аспирантуру, но и два месяца числился аспирантом Академии наук. Свое заявление об отчислении из аспирантуры, отправленное по почте в Ленинград, он датирует 10 декабря 1932 г. [Там же. Л. 1]. Думается, что работа в Москве, где у Поршнева имелось жилье и жили мать, сестра и брат, под руководством симпатизировавшего ему Невского была для историка более привлекательна. На работу в библиотеку была принята и его жена В. Ф. Книпович. Поступив сюда, исследователь, пользуясь при этом связями и влиянием того же Невского, получал возможность работать на заказ и писать для различных издательств и журналов. В материальном плане эта работа давала, думается, больше выгод. Известно, что в СССР заканчивалась первая пятилетка (1928–1932), два последних года которой были отмечены ростом денежной массы, высокой инфляцией, падением жизненного уровня, дефицитом товаров. С января 1931 г. в СССР была введена карточная система снабжения [Осокина, с. 89]. Поршнев, судя по документам архива РГБ, был отнесен ко второй категории граждан, получающих спецснабжение и спецпитание [АРГБ. Оп. 52. Д. 13. Л. 1а, 7, 19, 21, 45, 113]. Учтем, что на каждого иждивенца в семье полагалась половина определенной по категории нормы [Осокина, с. 253].

Б. Ф. Поршневу проработал в Библиотеке имени В. И. Ленина три года, до конца июля – начала августа 1935 г. и преимущественно, как пишет А. Ю. Самарин, занимался разработкой библиотечно-библиографических классификаторов естественных и общественных наук и «общих принципов марксистско-ленинской классификации» [АРГБ. Оп. 51. Д. 98. Л. 2; Самарин, с. 84]. В практическом плане работа должна была привести к созданию новой схемы библиотечного каталога. На эту тему историк делал доклады, написал одну статью и две подготовил к публикации [Там же, с. 79–83].

Однако деятельность Б. Ф. Поршнева не свелась только к разработке классификатора и работе в справочно-библиографическом отделе библиотеки. Историк активно печатался, писал предисловия к публикациям, статьи, рецензии и обзоры. Всего за три года он опубликовал десять работ [Труды Б. Ф. Поршнева, с. 497]. Кроме того, в фонде его учителя В. И. Невского в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (бывшей ГБЛ) есть машинописный «Краткий обзор об успехах науки в СССР с 1928 по 1933 г.» (133 л.). Авторство одной части обзора, озаглавленного «История материальной культуры за 1928–1933 гг.», принадлежит Б. Ф. Поршневу, который описал изыскания и публикации советских археологов, а другой, посвященной филологии, – В. Ф. Книпович. В обзоре Поршневу демонстрирует хорошее знакомство с «теорией докапиталистических формаций», и в нем живо звучат отголоски дискуссий начала 1930-х гг., итогом которых стали печальные резолюции Археолого-этнографического совещания 1932 г., упразднившие археологию как самостоятельную науку. После этого совещания приоритет был отдан социологическим обобщениям вместо конкретных изысканий, а в науке окончательно укоренилась «пятичленка». Обзор Поршнева был сделан накануне волны репрессий, захлестнувших археологию, этнографию и востоковедение. Автор высоко оценивает совещание 1932 г., поскольку оно побуждает «устанавливать общие законы движения отдельных формаций» и преодолевать «прежнюю чисто вещеведческую археологию». В обзоре кратко характеризуются работы и изыскания Н. Я. Марра, В. И. Равдоникаса, И. И. Мещанинова, П. К. Козлова, Н. П. Тихонова, В. А. Городцова, П. П. Ефименко, С. Н. Замятина, М. И. Артамона, А. А. Миллера, А. М. Арциховского, М. К. Каргера и др. [Поршневу, 2010, с. 182–189]. Из десяти опубликованных работ одна – это та самая работа о «новой библиотечной классификации», которую всесторонне охарактеризовал А. Ю. Самарин, два обзора литературы, пять рецензий [Самарин, 80; Поршневу, 1934, № 12, с. 50–55].

В 1934 г., как известно, было опубликовано знаменитое постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров о преподавании гражданской истории в школах, которое окончательно подвело черту под деятельностью М. Н. Покровского, были восстановлены исторические факультеты в университетах и осужден схематизм в преподавании истории и написании учебников [Из постановления Совнар-

кома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г., с. 18]. Перед историками открылась возможность заниматься эмпирическими изысканиями. Марксистская схема оставалась, но она и конкретный материал должны были, по замыслу, органично объединиться или, правильнее сказать, источники должны были органично подкрепить марксистскую социологию истории. Эта ситуация отразилась в обзорах и рецензиях Б. Ф. Поршнева, который всех авторов проверял на соответствие марксизму утвержденного на данный момент образца, приводя соответствующие цитаты из классиков марксизма и Сталина.

Обзоры относятся к 1934 г. Один из них историк написал до выхода знаменитого постановления. Он посвящен деятельности ГАИМК посредством разбора опубликованных ею сборников «Карл Маркс и проблема истории докапиталистических формаций» (1934) и «Из истории докапиталистических формаций» (1933). Автор высоко оценивает деятельность ГАИМК по внедрению в археологию марксистской схемы. Он констатирует, что несколько лет назад археология и этнография претендовали на «независимость» и стремились заниматься эмпирическими изысканиями. ГАИМК под руководством Н. Я. Марра сумела «подчинить» эти науки истории и таким образом встроить древние общества в общую марксистскую социологию истории. По словам автора, «история материальной культуры органически перерастает во всестороннюю историю докапиталистических общественно-экономических формаций». Теперь, воспроизводит он тезис из статьи Ф. И. Кипарисова, археолог или этнограф интересуется не найденной вещью как таковой, а через вещь интересуется историческим процессом и обществом. Собственно, Поршнев проверяет всех авторов сборника на приверженность «учению о формациях» и на соответствие их построений «всей совокупности высказываний» основателей марксизма и И. В. Сталина. По его мнению, задача археологов, этнографов, специалистов по Античности, Древнему Востоку, феодализму состоит в том, чтобы наполнить учение о формациях конкретным материалом, чтобы теория каждый раз находила подтверждение в различных историях. Он находит полезной и совпадающей с материализмом яфическую теорию происхождения и развития языков Н. Я. Марра, упоминает о неверной теории «торгового капитала», но без ее создателя М. Н. Покровского, сетует, что пока недостаточно прозвучала в сборниках сталинская идея революции рабов, которые «в союзе» с варварами обеспечили переход от рабовладения к феодализму [Поршнев, 1934, № 6, с. 32–38].

Совсем иначе написана рецензия на книгу экономиста В. В. Рейхардта «Очерки по экономике докапиталистических формаций», вышедшая уже в 1935 г. Здесь Б. Ф. Поршнев показывает, что он находится на «историческом фронте», где идет борьба с «главным врагом» истории – «абстрактным социологизмом». Рецензент справедливо упрекает автора в незнании истории, конкретных исторических фактов и исторической литературы [Поршнев, 1935, № 3, с. 26–29].

Другой обзор (конца 1934 г.) касается публикаций в «Известиях Академии наук» за 1933 и начало 1934 г. по истории позднего западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Всего историком была сделана выборка работ шести авторов из 11 номеров журнала, посвященных европейской истории. Б. Ф. Поршнев очень высоко оценивает все опубликованные работы, считает их «образцами исследовательской техники и научной оснащенности». Рецензенту в них импонируют не только марксистский характер и методология, но и обилие источников и конкретный исторический материал. Безупречными во всех отношениях он находит работы С. И. Архангельского по экономике революционной Англии и В. М. Лавровского о парламентских огораживаниях в Англии, отмечая отдельные недостатки или даже противоречия у остальных авторов [Поршнев, 1934, № 11, с. 42–46].

В 1934 и 1935 г. под псевдонимом В. Пушин Б. Ф. Поршнев публикует две острокритические и даже саркастические рецензии на монографию А. К. Дживелегова о Данте и на перевод «Новой жизни» этого итальянского поэта, выполненный А. М. Эфросом, которому, впрочем, достается не столько за перевод, сколько за предисловие к нему. Публикация рецензий под псевдонимом объясняется тем, на наш взгляд, что все трое – А. К. Дживелегов, А. М. Эфрос и Б. Ф. Поршнев – тогда активно сотрудничали с издательством «Academia». А. М. Эфрос, кроме того, заведовал там отделом французской литературы, который курировал подготовку к изданию перевода «Мемуаров» кардинала де Реца А. М. Гнединой с предисловием и комментариями Б. Ф. Поршнева [РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–48]. Обе работы историк считает «немарксистскими», ибо авторы не сумели раскрыть социальную обусловленность творчества Данте, правильно интерпретировать его эволюцию, объяснить очевидное, то есть увидеть за борьбой между гвельфами и гибеллинами борьбу между буржуазией и дворянством, наконец, процитировали, но не сумели понять положение Энгельса о том, что Данте – «последний поэт Средних веков и первый поэт нового времени». Поршнев порицает Дживелегова, в частности, за некритическое использование итальянских авторов, особенно Бенедетто Кроче, которого почему-то предвзято называет «фашистом», хотя тот был последовательным антифашистом [Пушин, 1934, № 6, с. 81–85; Он же, 1935, № 3, с. 87–90].

В начале 1935 г. Б. Ф. Поршнев публикует одновременно две рецензии на две совершенно разные работы. Одна из них хвалебная. Это рецензия на книгу А. В. Ефремова «К истории капитализма в США», в которой автор сумел правильно использовать указание В. И. Ленина на то, что особенность американского капитализма заключается в способности одновременно развиваться и вглубь, и вширь, то есть за счет колонизации свободных и отбираемых у индейцев земель. Поршнев хвалит автора за то, что тот видит в стихийном самозахвате земель (скваттерстве) форму острой классовой борьбы в американском сельском хозяйстве, которая

переросла в гражданскую войну фермерского и плантационного путей развития капитализма. По мнению Поршнева (со ссылкой на И. В. Сталина), исследование А. В. Ефремова показывает типичность, а отнюдь «не исключительность» американской формы капитализма [Поршнев, 1935, № 2, с. 60–63]. Вторая рецензия – снисходительно-критическая – на «Историю папства» С. Г. Лозинского, которая представляет из себя компиляцию сведений, почерпнутых из трех-четырёх сводных работ. Автор, по выводу рецензента, не сумел связать историю папства с общим ходом западноевропейской истории, показать его место в системе общественных отношений и классовой борьбы, а также значение «христианства как орудия классовой борьбы». Только «невольный показ» автором ересей «как базы революционной борьбы угнетенных классов» вызвал похвалу [Поршнев, 1935, № 1–2, с. 239–241].

Деятельность Б. Ф. Поршнева в библиотеке и его многочисленные рецензии свидетельствуют только о том, что он много работал на заказ. Заказы эти были случайными. По-видимому, никаких исследовательских приоритетов в 1932–1934 гг., которые, напомним, отмечены обесцениванием денег и поиском дополнительных средств существования, у него не было. Он одинаково брался за разные жанры и за российский и европейский материал.

В 1933 г. издательство «Academia», с которым Б. Ф. Поршнев уже начал готовить перевод «Мемуаров» де Реца, собиралось печатать «Литературные воспоминания» известного отечественного критика и поэта-символиста П. П. Перцова (1868–1947). Накануне сдачи воспоминаний в набор издательство решило выпускать книгу с марксистским предисловием и обратилось к Поршневу. На написание предисловия объемом в один печатный лист отводилась всего неделя. Письмо с предложением датировано 17 января 1933 г., а сам текст должен был быть получен издательством «не позже 25 января». Автору предназначался гонорар размером в 400 рублей. Письмо интересно не только тем, что показывает, с какой интенсивностью работал исследователь, но и тем, что содержало установки, которые историку надлежало развернуть в предисловии. От Б. Ф. Поршнева требовалось «дать социологическую характеристику... символизма и модернизма... и социальной обстановки его развития», показать «социально-познавательную ценность» воспоминаний и «противопоставить... оценкам Перцова марксистские характеристики писателей, о которых мемуарист говорит». Описывая «мировоззрение» П. П. Перцова, Б. Ф. Поршневу надлежало показать, что символизм «был реакцией на российское бескультурье и обывательщину», а его «социальной основой было бурное капиталистическое развитие России», также отметить «эстетство», «третирование революционных традиций», «непонимание революционной борьбы 60-х годов», «неумение разобраться» в «боевом радикализме 60–70 гг. и народничестве 90-х гг.», «недооценку Горького», «грубейшую вульгаризацию марксизма» и т. п. [РГАЛИ. 629. Оп. 1. Д. 188. Л. 4]. Не исключено, что все

заказы от издательства «Academia» Б. Ф. Поршнев получал благодаря В. И. Невскому. Именно последний 19 февраля написал краткий (в восемь строк) отзыв на предисловие своего ученика, назвав его «блестяще написанной вещью» [РГАЛИ. 629. Оп. 1. Д. 188. Л. 6]. Вскоре 22 сентября 1933 г. воспоминания были изданы. Б. Ф. Поршнев пишет в издательстве расписку о получении двух экземпляров [Там же. Л. 12].

Думается, что историк быстро справился с задачей: «Литературные воспоминания» П. П. Перцова были изданы в срок со схематичным, в духе рекомендаций, предисловием. Социальный контекст в нем заслонял самих героев мемуаров – Н. К. Михайловского, З. Гиппиус, А. А. Философова, Д. М. Мережковского и др., которые рисовались несколько карикатурно. «Новая эпоха», по Б. Ф. Поршневу, оказывалась «за гранью декадентов», которые хоть и были способны «осознать» приближение конца капитализма, но одновременно не видели сил, способных его уничтожить [Поршнев, 1993, с. 5–36].

В 1932 г. издательство «Мир» под редакцией Л. Б. Каменева издает мемуары В. С. Печерина (1807–1885) – выдающегося отечественного антиковеда, поэта, переводчика, публициста, общественного деятеля, радикального мыслителя, католического монаха, иезуита, проповедника, миссионера и эмигранта, которые хранились в рукописном отделе Библиотеки им. В. И. Ленина [Печерин]. Издание имело много недостатков [Чернов, с. 25]. Кроме того, нуждалось в публикации много раз превышающее мемуары эпистолярное наследие Печерина. В феврале 1934 г. В. И. Невский просит директора Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича допустить к работе с архивом музея Б. Ф. Поршнева [ОР РГБ. Ф. 369. К 307. Д. 41. Л. 5]. Из письма от 8 февраля 1934 г. Поршнева известному знатоку творчества Н. П. Огарева Я. З. Черняку видно, что историк приступил к своим поискам много раньше, и они не ограничились Москвой. Он пишет:

Ваше письмо привело меня в чрезвычайную экзальтацию. Благословляю Вас как своего доброго гения, и в то же время не могу удержаться от некоторого злорадства по поводу того, что всего несколько дней тому назад Вы еще пытались убедить меня в мифичности печеринского архива. Сообщенные Вами сведения не только очень важны сами по себе, но, безусловно, доказывают правильность всех моих предположений об этом архиве, так же как и факт его благополучного прибытия в Россию, но в то же время ставят новую задачу: благодаря чему рассеялся он на отдельные части, и где находятся части недостающие (для моей темы наиболее важные)?

Я с радостью бросился бы сейчас в Ленинград разгадывать эту загадку по новому следу. <...> Умоляю Вас сделать пока все возможное... в направлении уяснения генезиса этих материалов... Кто доставил их в Пушк[инский] Дом, когда, при каких обстоятельствах – все это очень верно, и каждая малейшая деталь может иметь большое значение. Не допускаю мысли, чтобы и здесь не сохранилось никаких следов, как в Моск[овском] университете [РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Д. 414. Л. 1–1 об.].

Письмо от 17 августа 1934 г. тому же Я. З. Черняку, последнее из известных нам свидетельств, говорит о том, что Б. Ф. Поршнев выезжал в Ленинград, видел письма В. С. Печерина и пытался сделать с них копии [Там же. Л. 3]. Проект, вызвавший столь заинтересованное и живое участие историка, прекратился, думается, по сугубо политическим причинам: в январе 1935 г. газеты опубликовали сообщение о существовании «антипартийной группы историка Невского». Через месяц последовал арест директора библиотеки [Коваль, с. 41], после чего остановились многие ее издательские проекты.

В июле-августе 1935 г. историк увольняется из библиотеки и устраивается на работу в Московское отделение ГАИМК, с которым он сотрудничал в плане изучения «докапиталистических формаций» и «народных движений во Франции XVII в.» с начала 1934 г. [Кондратьева, 2005, с. 185–188; Самарин, с. 90].

Думается, то, что Б. Ф. Поршнев оказался в первой половине 1930-х гг. в промежуточном положении, не могло быть случайным. Отчасти это объяснялось очевидной необходимостью искать дополнительный заработок в годы, когда быстро обесценивались денежные знаки. Служба в библиотеке обеспечивала его и семью только необходимым продуктовым минимумом. Очевидно, однако, что неопределенность диктовалась не только материальными причинами. В стране окончательно не определились ни политические, ни академические порядки. Победа И. В. Сталина в партии еще не была очевидной. Часто менялся академический ландшафт и академический истеблишмент. История с ликвидацией Института истории РАНИОН, которая сопровождалась борьбой с дореволюционными авторитетами, обвинениями и отсутствием защит аспирантов, свидетельствовала: констант нет. Историк, по-видимому, их и не имел. Диссертацию он не написал. В Ростове его деятельность носила разносторонний характер: он работал там, где открывались возможности. Вскоре были развенчаны недавний авторитет и почти классик М. Н. Покровский и его теория «торгового капитализма». Активно шло навязывание учения о пяти социально-экономических формациях. Поршневу, вероятно, было сложно сделать окончательный выбор научной специализации. Он работал в библиотеке и включался в существующую систему социальных связей и коммуникаций. Направления его деятельности зависели от предложений и случайного везения. Работа над вступительной статьей и комментариями к «Мемуарам» кардинала де Реца была просто заказом, так же как поиск писем В. С. Печерина и предисловие к «Воспоминаниям» П. П. Перцова. Б. Ф. Поршнев мог бы и не стать франковедом, если бы не редактирование так и оставшегося неизданным перевода «Мемуаров» де Реца, превратившегося во время работы в МО ГАИМК, а затем и в других учреждениях в исследование истории народных движений во Франции.

Список литературы

- АРАН. Ф. 1574. Оп. 4. Д. 90.
 АРАН СПбФ. Ф. 222. Оп. 002. Д. 290.
 АРГБ. Оп. 40. Д. 457; Оп. 51. Д. 98; Оп. 52. Д. 13.
Вите О. Т. Борис Федорович Поршнев и его критика человеческой истории // Французский ежегодник. 2005. С. 4–36.
Гладышев А. В. Три советских историка французского коммунизма XVIII в. : Волгин, Поршнев, Кучеренко // Французский ежегодник. 2007. С. 201–214.
Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии. М. : Наука, 2009. 384 с.
 ГАРФ. Ф. 2303. Оп. 8. Д. 115.
 Дневник историка С. А. Пионтковского. Казань : Изд-во КГУ, 2009. 516 с.
 Из постановления Совнаркома и ЦК ВКП (б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г. // К изучению истории : сборник. М. : [Б. и.], 1937. С. 18.
Коваль Л. М. В. И. Невский : Директор главной библиотеки страны. М. : Пашков дом, 2006. 247 с.
Кондратьева Т. Н. Б. Ф. Поршнев в Московском отделении ГАИМК // Европа : междунар. альм. / отв. ред. С. В. Кондратьев. Тюмень : ТюмГУ, 2005. Вып. 5. С. 185–188.
Кондратьева Т. Н. Борис Федорович Поршнев: начало большого пути // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2016. Т. 15. Вып. 1. История. С. 156–171.
 ОР РГБ. Ф. 69. К 307. Д. 41.
Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : РОССПЭН, 1999. 271 с.
Печерин В. С. Замогильные записки / подг. М. О. Гершензон ; под ред., с введ. и прим. Л. Б. Каменева. Калинин : Мир, 1932. 190 с.
Поршнев Б. Ф. Предисловие // Перцов П. П. Литературные воспоминания, 1890–1902 гг. М. ; Л. : Academia, 1933. С. V–XXXVI.
Поршнев Б. Ф. Важный участок исторической науки // Книга и пролетарская революция. 1934. № 6. С. 32–38.
Поршнев Б. Ф. Западноевропейская история в «Известиях Академии наук» (1933. № 1–10. 1934. № 1–3) // Книга и пролетарская революция. 1934. № 11. С. 42–46.
Поршнев Б. Ф. О новой библиотечно-библиографической классификации // Книга и пролетарская революция. 1934. № 12. С. 50–55.
Поршнев Б. Ф. С. Г. Лозинский. История папства. Т. 1. М., 1934 // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 1–2. С. 239–241.
Поршнев Б. Ф. Новый шаг в изучении истории Америки (Ефимов А. В. К истории капитализма в США. Институт истории Комкадемии. М. : Соцэкгиз. 1934) // Книга и пролетарская революция. 1935. № 2. С. 60–63.
Поршнев Б. Ф. Рецидив абстрактного социологизирования [рец. на кн.: Рехардт В. В. Очерки по экономике докапиталистических формаций. М. ; Л., 1934] // Книга и пролетарская революция. 1935. № 3. С. 26–29.
Поршнев Б. Ф. Мелье. М. : Молодая гвардия, 1964. 240 с.
Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории : Проблемы палеопсихологии. СПб. : Алетей, 2007. 720 с.
Поршнев Б. Ф. История материальной культуры за 1928–1933 гг. // Вестн. Омск. ун-та. 2010. № 4. С. 182–189.
Поршнева Е. Б. Реальность воображения (записки об отце) // Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории : Проблемы палеопсихологии. СПб. : Алетей, 2007. С. 539–575.
Пушин В. Научнообразный труд [рец. на кн.: Дживелегов А. К. Данте Алигьери. М., 1933] // Книга и пролетарская революция. 1934. № 6. С. 81–85.

Пушин В. Изысканно-опошленный Данте [рец. на кн.: Данте Алигьери. Vita Nova / пер. с итал., введ. и примеч. А. Эфроса. М., 1934] // Книга и пролетарская революция. 1935. № 3. С. 87–90.

Пырков В. Е. Роль Д. Д. Мордухай-Болтовского в становлении и развитии высшего математического образования на Дону // Проблемы историко-научных исследований в математике и математическом образовании / под ред. А. Е. Малых. Пермь : Изд-во ПГПУ, 2007. С. 190–198.

РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 188.

Самарин А. Ю. Б. Ф. Поршнева: научный консультант Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина // Библиотекосведение. 2014. № 2. С. 77–85.

Труды Б. Ф. Поршнева // Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). СПб. : Алетей, 2007. С. 496–520.

Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М. : Знак, 2006. 344 с.

ЦДНИРО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 41.

Чернов С. Л. От составителя // Печерин В. С. Apologia pro vita mea : Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим. СПб. : Нестор-История, 2011. С. 5–40.

References

ARAN – *Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Stock 1574. List 4. Dossier 90.

ARAN SPbF – *Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk, Sankt-Peterburgskii filial* [Archive of the Russian Academy of Sciences. St Petersburg Branch]. Stock 222. List 002. Dossier 290.

ARGB – *Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Archive of the Russian State Library]. List 40. Dossier 457; List 51. Dossier 98; List 52. Dossier 13.

Vite, O. T. (2005). Boris Fedorovich Porshnev i ego kritika chelovecheskoj istorii [Boris F. Porshnev and His Criticism of Human History]. In *Frantsuzskiy ezhegodnik*. Moscow, Kom-kniga, pp. 4–36.

Gladishev, A. V. (2007). Tri sovetskikh istorika frantsuzskogo kommunizma XVIII v.: Volgin, Porshnev, Kucherenko [Three Soviet Historians of 18th-Century Communism: Volgin, Porshnev, Kucherenko]. In *Frantsuzskiy ezhegodnik*, Moscow, LKI, pp. 201–214.

Gordon, A. V. (2009). *Velikaya Frantuzskaya revoliutsia v sovetskoy istoriografii* [The Great French Revolution in Soviet Historiography]. Moscow, Nauka. 384 p.

GARF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 2303. List 8. Dos. 115.

Litvin A. L. (Ed.). (2009). *Dnevnik istorika S.A. Piontkovskogo* [Historian S. A. Piontkovskiy's Diary]. Kazan, Isd-vo KGU. 516 p.

Is postanovlenia Sovnarkoma i ZK VKP (b) o prepodavanii grajdanskoj istorii v shkolsh SSSR ot 16 mai 1934 [From the Decision of CPC and the CC PCP on the Teaching of History in USSR Schools on May 16, 1934]. (1937). In *Izuchenie istorii: Sbornik*. P. 18. B.m.

Koval, L. M. (2006). *V. I. Nevsky. Direktor glavnoy biblioteki strani* [V. I. Nevsky. The Director of the Main Library of the Country]. Moscow, Pashkov dom. 247 p.

Kondratyeva, T. N. (2005). Boris F. Porshnev v Moskovskom otdelenii GAİMК [Boris F. Porshnev in the Moscow Branch of the State Academy of the History of Material Culture]. In Kondratyev, S. V. (Ed.). *Europe. Mejdunarodniy almanak*. Tyumen. Iss. 5, pp. 185–188.

Kondratyeva, T. N. (2016). Boris Fedorovich Porshnev: nachalo bolshogo puti [Boris F. Porshnev: The Beginning of Academic Career]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istorija, filologia*. Vol. 15, Iss. 1. Istorija, pp. 156–171.

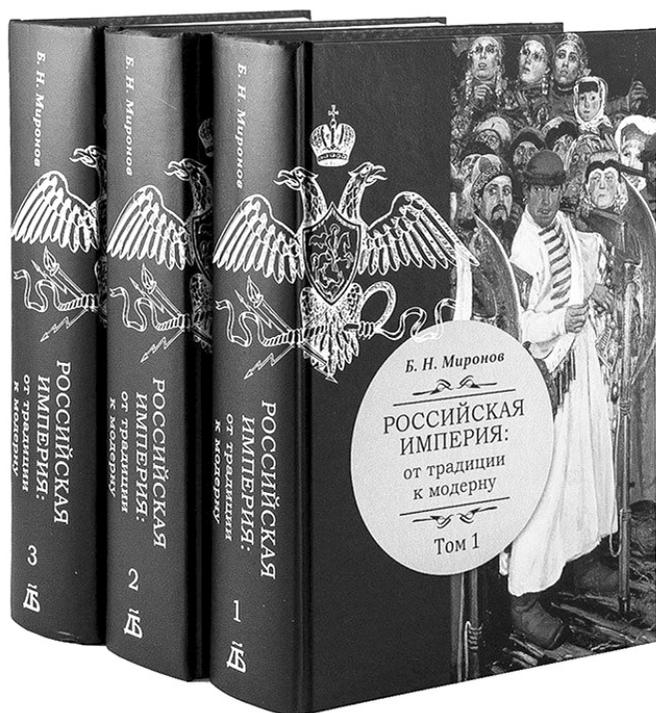
OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 369. List 307. Dossier D. 41.

Osokina, E. A. (1999). *Za fasadom “stalinskogo isobilia”: raspredelenie i rinok v snabzhenii naselenia v godi industrialisazii. 1927–1941* [Behind the Facade of Stalin's Abundance: Distribution and Market in the Provision for People during the Industrialisation Years, 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN. 271 p.

- Pecherin, V. S. (1932). *Zamogilniye zapiski* [Notes From Beyond the Grave] 190 p. Kalinin, Mir.
- Porshnev, B. F. (1933). *Predislovie* [Preface]. In Perzev, P. P. (Ed.). *Literaturniye vospominaniya, 1890–1902*. Moscow, Leningrad, Academia, pp. V–XXXVI.
- Porshnev, B. F. (1934). *Vazhniy uchastok istoricheskoy nauki* [An Important Part of History]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 6. Moscow, pp. 32–38.
- Porshnev B. F. (1934). *Zapadnoevropeiskaya istoria v "Izvestiah Akademii Nauk"* [West-European History in the Proceedings of the Academy of Sciences] (1933, Iss. 1–10, 1934, Iss. 1–3). In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 11, Moscow, pp. 42–46.
- Porshnev, B. F. (1934). *O novoy bibliotechno-bibliograficheskoy klassifikatsii* [About the New Library Bibliographic Classification]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 12, Moscow, pp. 50–55.
- Porshnev, B. F. (1935). S. G. Losinskiy. *Istoria papstva. T. 1*. Moskva, 1934 [S. G. Losinsky. The History of Papacy. Vol. 1. Moscow, 1934]. In *Problemi istorii dokapitalisticheskikh obshestv*, Iss. 1–2, Moscow, pp. 239–241.
- Porshnev, B. F. (1935). *Noviy shag v isuchenii istorii Ameriki* (Rets. na: Efimov A. V. K istorii kapitalisma v SSHA. Institut istorii Komacademii. Moscow, Sozgis, 1934) [A New Step in the Study of American History. Review of: Efimov A.V. On the History of US Capitalism]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 2. Moscow, pp. 60–63.
- Porshnev, B. F. (1935). *RetSIDiv abstraktnogo sotsiologizirovaniya* [Relapse of Abstract Sociologising]. [V. V. Reihardt. Ocherk po ekonomike dokapitalisticheskikh formatsiy. Moscow–Leningrad, 1933]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 3. Moscow, pp. 26–29.
- Porshnev, B. F. (1964). *Meslier* [Meslier]. Moscow, Molodaja gvardia. 240 p.
- Porshnev, B. F. (2007). *O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii* [On the Beginning of Human History. Problems of Palaeo-Psychology]. St Petersburg, Aleteya. 720 p.
- Porshnev, B. F. (2010). *Istoria material'noy kulturi za 1928–1933* [The History of Material Culture for 1928–1933]. In *Vestnik Omskogo Universiteta*. Iss. 4, pp. 182–189.
- Porshneva, E. B. (2007). *Real'nost' vooobrazheniya (zapiski ob ottse)* [The Reality of Imagination (Notes about Father)]. In *Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii*. St Petersburg, Aleteya, pp. 539–575.
- Pushin, V. (1934). *Naukoobrasniy trud* [Scholarly Work]. [Djivilegov A. K. Dante Alighieri. Moscow, 1933]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 6. Moscow, pp. 81–85.
- Pushin, V. (1935). *Izyskanno-oposhlenniy Dante* [The Exquisitely-trivialised Dante] [Dante Alighieri. Vita Nova. Per. s italianskogo i primechania A. Efrosa. Moscow, 1934]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 3. Moscow, pp. 87–90.
- Pirkov, V. E. (2007). *Rol D. D. Morduhay-Boltovskogo v stanjvkenii i rasvitii visshego matematicheskogo obrasovaniya na Donu* [D. D. Mordukhay-Boltovsky's Role in the Development of Higher Mathematical Education on the Don]. In Malih A. E. (Ed.). *Problemi istoriko-nauchnih issledovaniy v matematike i matematicheskom obrasovanii*. Perm, pp. 190–198.
- RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Arts]. Stock 629. List 1. Dossier 188.
- Samarin, A. U. (2014). Boris F. Porshnev: nauchnij consultant Vsesoyuznoy biblioteki imeni V. I. Lenina [Boris F. Porshnev, Academic Consultant of the All-Union Library Named after V. I. Lenin]. In *Bibliotekovedenie*, Iss. 2, pp. 77–85.
- Trudi Borisa F. Porshneva [Works of Boris F. Porshnev]. (2007). In *Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii*. St Petersburg, Aleteya, pp. 496–520.
- TSDNIRO – Tsentri Dokumentatsii Noveishei Istorii Rostovskoi Oblasti* [Documentation Center of the Recent History of Rostov Region]. Stock 117. List 1. Dossier 41.
- Formosov, A. A. (2006). *Russkaja archeologia v period totalitarisma. Historiograficheskie ocherki* [Russian Archaeologists during the Totalitarianism Period. Historiographical Essays]. Moscow, Znak. 344 p.
- Chernov, S. L. (Ed.). (2011). *Ot sostavitelya* [From the Compiler]. In *Pecherin V. S. Apologia Pro Vita Mea. Zhizn i priklucheniia russkogo katolika, rasskazannye im samim* [Pecherin V. S. APOLOGIA PRO VITA MEA. The Life and Adventures of a Russian Catholic, Narrated by Himself]. St Petersburg, Nestor-Istoria, pp. 5–40.

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensiones

DOI 10.15826/qr.2017.3.255

УДК 930(470)"20"+316.422+316.423.3

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОТ КОЛОНИЗАЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ*

Рец. на: *Миронов Б. Н.* Российская империя : от традиции к модерну : в 3 т. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014–2015. – 896 + 912 + 992 с.

Юрий Смирнов

Самарский национальный исследовательский университет,
Самара, Россия

THE RUSSIAN EMPIRE: FROM COLONISATION TO REVOLUTION

Rev. of: Mironov, B. N. (2015). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. 896 + 912 + 992 p. St Petersburg, Dmitri Bulanin. Vols. 1–3.

Yuri Smirnov

Samara National Research University,
Samara, Russia

This article is devoted to a number of issues raised in a new book by B. Mironov. The reviewer focuses on how Mironov interprets the course of Russian expansion and colonization and their influence on internal processes in Russian society and on the destinies of certain regions and ethnic groups. His conclusions about the continuity of the imperial experience and the causes of the Revolution in Russia are of great social and academic importance. The reviewer points out that the author mainly focuses on the critical analysis of the paradigm of the Russian Revolution that has existed for over a century: this paradigm implies that the Revolution had objective grounds and follows a simple scheme, i.e. the “oppression and impoverishment of the population – economic and political crisis – revolution”. The author provides convincing data in his

* *Citation:* Smirnov, Yu. (2017). *The Russian Empire: From Colonisation to Revolution*. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255.

Цитирование: Smirnov Yu. *The Russian Empire: From Colonisation to Revolution* // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255 / Смирнов Ю. Российская империя: от колонизации до революции // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255.

calculations and interpretations which consistently make the reader question the growth of the “need and distress” of the people, since the welfare and quality of life of the population in imperial Russia had been growing steadily. In general, Mironov considers it possible to determine the laws of Russia’s historical path and its prospects relying on the features and dynamics of similar processes in other countries. The reviewer maintains that the work encourages new research and discussions on topical issues of the past, including the prerequisites and nature of Russian modernisation and revolution.

Keywords: Modern Russian historiography; peculiarities of Russian modernisation; paradigm of the Russian Revolution; historical optimism; methodology of research.

Статья посвящена ряду вопросов, поднятых в новой монографии Б. Н. Миронова. Обращено внимание на то, как автор рассматривает и интерпретирует ход российской экспансии и колонизации, их влияние на внутренние процессы в российском обществе, на судьбы отдельных регионов и этносов. Высокую степень общественного и научного интереса имеют его выводы о преемственности имперского опыта и причинах революции в России. Отмечено, что основной исследовательский интерес автора сконцентрирован на критическом анализе господствующей уже более века парадигмы русской революции, которая подразумевает наличие у нее объективных оснований, объясняемых по достаточно простой схеме «угнетение и обнищание населения – экономический и политический кризис – революция». Убедительные данные в его подсчетах и интерпретации последовательно ставят под сомнение нарастание «нужды и бедствий» народа, поскольку благосостояние и качество жизни населения имперской России постоянно росло. В целом Б. Н. Миронов считает возможным определение закономерностей исторического пути России и перспектив движения по нему, предлагая учитывать особенности и динамику схожих процессов в разных странах. Делается вывод о том, что его работы стимулируют новые исследования и дискуссии по актуальным вопросам нашего прошлого, в том числе о предпосылках и характере российской модернизации и революции.

Ключевые слова: современная российская историография; особенности российской модернизации; парадигма российской революции; исторический оптимизм; методология исследования.

Появление каждого нового труда Б. Н. Миронова вызывает повышенный научный и общественный интерес. Не касаясь многочисленных статей и ряда монографических публикаций по специальным вопросам (дореформенный город, математические и социальные методы в историческом исследовании, внутренний рынок, хлебные цены и т. д.), в целом виде его видение дореволюционного прошлого нашей страны первоначально было изложено в «Социальной

истории России периода империи» (три издания в 1999–2003 гг.). Пути дальнейшего развития авторской концепции были намечены в «Исторической социологии России» (2009). Особый резонанс в научной среде вызвала его книга «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века» (первое издание в 2010 г., второе – в 2012 г.). Выходила она также на английском и китайском языках, сделав Б. Н. Миронова одним из самых известных современных отечественных историков не только на Родине, но и в мире. Бурная дискуссия и ограниченные возможности ответить оппонентам на журнальных страницах вызвали к жизни в 2013 г. полемическую книгу «Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации», в 2014 г. выдержавшую второе издание. Наконец, в 2014–2015 гг. был опубликован трехтомный труд «Российская империя: от традиции к модерну».

Этот трехтомник не стал исключением из правил. Не без основания предполагая новый всплеск внимания к концепции и исследованиям этого автора, резонно было ожидать заинтересованных откликов на книгу, интересно было отследить их форму и содержание.

С удовлетворением теперь можно отметить как наличие развернутой дискуссии, так и то обстоятельство, что ведется она в конструктивном академическом тоне без излишне субъективной и эмоциональной полемики, проявлявшейся ранее в спорах вокруг других книг исследователя. Это было показано на первом широком обсуждении, состоявшемся 28 апреля 2016 г. в Доме ученых Санкт-Петербурга [Обсуждение книги Б. Н. Миронова]. Во второй половине того же года журнал «Былые годы» посвятил специальный номер мнениям о трехтомнике, которые представили 18 экспертов – историков и представителей других областей научного знания, принявших участие в круглом столе и изложивших свои суждения в формате развернутых статей по различным сюжетам книги.

Несмотря на разнообразие поднятых тем и несогласие по ряду позиций, участники пришли к общему мнению в главном – исследование Б. Н. Миронова отражает самые актуальные историографические тенденции [Там же, с. 172]. Организаторы обсуждений справедливо предсказали новой книге «успех у читателя и интерес со стороны профессионального сообщества» [Cherkasov, p. 1061]. Сами эксперты выразили ожидание дальнейших «интересных наблюдений и заключений, которые станут как развитием положений, выдвинутых в этой книге, так и возникнут в дискуссиях по её поводу» [Artamonova, p. 905]. Автор согласился, что и положительные оценки, и критика его труда одинаково необходимы для развития исторической науки [Mironov, p. 1049].

Еще одна дискуссионная площадка, посвященная книге Б. Н. Миронова, была организована в РГГУ 25 мая 2017 г. в рамках традиционной конференции «Стены и мосты». Она имела более четко очерченную содержательную направленность обсуждения: «Как происходят

революции?: к 100-летию революции в России». В ней приняли участие как исследователи, вновь подключившиеся к дискуссии, так и те, кто уже представлял отклики [Smirnov].

Хотелось бы воспользоваться еще одной возможностью обобщить, уточнить и дополнить прежде высказанные наблюдения относительно книги Б. Н. Миронова, учесть выслушанные и прочитанные замечания коллег, которые уже прозвучали в ходе дискуссии. Разумеется, в ограниченном объеме рецензии возможна самая общая оценка большого капитального исследования с акцентом лишь на отдельных конкретных вопросах и деталях.

В самом названии трехтомника обозначен основной вектор развития России в имперской период от традиционного к модернизируемому обществу. В перефразированном из этого названия заголовке рецензии очень схематично отражено содержание рассматриваемого труда. Он содержит 13 глав, первая из которых действительно называется «Колонизация и ее последствия», а последняя, «Итоги развития России в имперский период» (вместе с заключением «Чему учит нас история имперской России?»), говорит как о результатах модернизации империи, так и о кардинальном вопросе нашей истории – причинах революционного перелома в начале XX столетия. Эти две темы и обратили на себя наше внимание прежде всего.

На самом деле движение от традиционного к модернизируемому обществу прослеживается автором не просто от главы к главе, но в каждой из них, имевших все основания стать темами отдельных монографических исследований. Они, по сути, и стали таковыми, но при этом переплелись в законченную картину исторического развития в масштабе самой огромной страны мира на глубину свыше двух веков. Следует перечислить остальные главы в добавление к названным выше, чтобы представить замысел автора и объем проделанной работы: «Социальная стратификация и социальная мобильность», «Демографическая модернизация», «Семья и внутрисемейные отношения», «Город и деревня в процессе модернизации», «Крепостное право: от зенита до заката», «Община и самоуправление как доминирующие формы организации социальной жизни», «Государственность и государство», «Общество, государство, общественное мнение», «Право и суд, преступление и наказание», «Уровень жизни», «Русская культура в коллективных представлениях».

Тема первой главы определена не только порядком изложения материала, который избрал автор, но и собственно логикой строительства империй. Существенными их признаками во все времена были большие размеры и сложный состав, возникший в ходе территориального расширения. В подтверждение приведем коллективный труд ученых Екатеринбурга, где также успешно развиваются исследования по модернизации имперской России. Изложение и в нем открывается разделом, посвященным территориальной экспансии [Россия в XVII – начале XX в., с. 83].

У самого Б. Н. Миронова прозвучавшее в названии первой главы двухтомника «Социальная история Российской империи» выражение «территориальная экспансия и её последствия» изменено, как показано выше, на другое – «колонизация и её последствия» [Миронов, т. 1, с. 75]¹. При этом автор, несмотря на обилие добавлений и изменений, сделанных в новой книге по сравнению с прежней работой, счёл необходимым особо подчеркнуть наличие изменений именно в первой главе «Российской империи...» (т. 1, с. 12). В результате произошла более адекватная замыслу автора расстановка акцентов с того, каким образом шло присоединение новых территорий к России, на то, как в составе империи осуществлялась их интеграция и аккультурация, с одной стороны, а, с другой, как процессы на этих землях влияли на внутреннюю жизнь и модернизацию российского общества и государства в целом.

Б. Н. Миронов доказательно развенчивает ряд мифов, пришедших в историографию из политического дискурса времён борьбы против империи – «тюрьмы народов», огульного отрицания какого бы то ни было её положительного опыта. Им показано, что присоединение новых территорий к России шло на основаниях, достаточных в XVI–XIX вв. для признания «инкорпорации территории суверенным государством по международному праву» (т. 1, с. 113). Автор подчеркивает, что оседлые переселенцы из русских и других народов России в основном осваивали «незаселённые земли Новороссии, Юго-Востока, Северного Кавказа и Сибири» (т. 1, с. 97). Положительными последствиями имперской экспансии и народной колонизации были рост природных ресурсов и земельного фонда, в том числе его качества (особенно при продвижении в южном и юго-восточном направлении), взаимообогащение организационным, хозяйственным, культурным опытом российских этносов (т. 1, с. 261, 263). Убедительно опровергается «мнение о депопуляции» различных народов в западных губерниях, Поволжско-Уральском регионе, на Кавказе в результате якобы стремления имперских властей сделать «жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной» (т. 1, с. 80, 83–85, 168). В российском имперском пространстве, безусловно, отсутствовала характерная для европейцев Нового Света практика «уничтожения коренных народов», а «экспансия никогда не приводила к вытеснению туземного населения в резервации» (т. 1, с. 96).

В числе тех, кто повлияли на представление Б. Н. Миронова о колонизационных процессах, он сам называет не только отечественных, но и некоторых современных зарубежных учёных. Например, к их числу относится А. Дж. Рибер, который обосновывает «экспансионизм российской внешней политики» попыткой преодолеть «факторы слабости» экономически отсталого и географически уязвимо-

¹ Далее ссылки на рецензируемое издание будут даваться в круглых скобках с указанием номера тома и и страниц.

го государства, а отнюдь не «стремлением к мировому господству» (т. 1, с. 92). При обращении к опыту зарубежной историографии Б. Н. Миронов настаивает на необходимости учета того, что популярная среди ряда исследователей «концепция фронта» выстроена преимущественно на опыте колонизации США, когда там уже «господствовали буржуазные отношения, демократические институты». Российская колонизация была гораздо продолжительней, проходила большей частью совершенно на иной исторической основе «и лишь в 1906–1914 гг. – в условиях, более или менее сходных с американскими» (т. 1, с. 113). Возможно, эта реплика адресована в числе прочих историков И. В. Побережникову и другим екатеринбургским исследователям, которыми и была введена в отечественную историографию «идея о пограничности, или фронтности российской цивилизации/модернизации» (т. 1, с. 46). Впрочем, в ходе начавшейся дискуссии Миронов в целом с одобрением отнесся к применению при анализе российской колонизации «фронтной модели» [Mironov, p. 1037].

Автор считает главными причинами российской территориальной экспансии геополитические (т. 1, с. 105). Лишь частично и не везде она была обусловлена экономически (т. 1, с. 107). Поскольку «экономическая выгода и христианское миссионерство в российской экспансии были выражены намного слабее, чем в политике морских держав Западной Европы», то и «факторы безопасности и сотрудничества с коренным населением» играли в ней более заметную роль (т. 1, с. 167). Основными же позовами к колонизации объективно стало аграрное перенаселение, а субъективно – «миграционная парадигма» российских крестьян. Те «всегда были в поисках земли, где жизнь во всех отношениях лучше», идеализируя свои переселения как поиск справедливости и «земного рая» (т. 1, с. 107–108).

Не отрицаются автором и негативные последствия колонизационных процессов – привычка к экстенсивному развитию, задержка урбанизации, трудность коммуникаций, высокие затраты на оборону, этнические, конфессиональные и прочие проблемы. Все они так или иначе сказались и на характере российской модернизации, и на причинах последующей революции.

При большом внимании к пространственно-геополитическим факторам автор не признает существенными природно-климатические особенности России при определении причин ее отставания, в том числе сельскохозяйственного, от стран Запада. Как он считает, «география оказывает определяющее влияние на экономическое и социальное развитие только в примитивных социумах, а в цивилизованном контрольный пакет – на стороне негеографических факторов» (т. 1, с. 269). Для ряда историков это мнение остается спорным. Не сочли его доказанным и участвовавшие в обсуждении представители географической науки (Э. Л. Файбусович, С. Ю. Корнекова), в целом очень высоко оценившие труд автора «с точки зрения возмож-

ного использования в своей научной работе и в учебном процессе» [Обсуждение книги Б. Н. Миронова, с. 184–185].

При всем междисциплинарном характере обсуждения для нас главными остаются отношение к этому труду коллег-историков и его место в современной историографии. Имперская модернизация и, тем более, российские революции имеют много историографических интерпретаций, даже если оставить в стороне публицистические, откровенно политизированные и просто ненаучные трактовки. Для примера приведем открытие Международной научной конференции «Столетие революции 1917 года в России», состоявшееся в МГУ 29 марта 2017 г., на котором приглашенные в качестве почетных гостей лидеры КППРФ и ЛДПР выступили с развернутыми, но односторонними оценками тех событий, в положительном и отрицательном ключе соответственно. Попытки уйти от этих крайностей в выступлениях некоторых других общественных и государственных деятелей, к сожалению, иногда сопровождались нежеланием или неумением определить реальные причины революционного взрыва и ответственные за него силы, использованием некоторых поверхностных рассуждений в духе конспирологии.

Внимание серьезных специалистов-историков все чаще привлекают объяснения событий начала прошлого века в рамках модернизационной теории, или, точнее, теорий, учитывающих существующие вариации этой концепции. Подход, предложенный Б. Н. Мироновым, несомненно, является одним из самых заметных и обсуждаемых. Его отличает множество методов и приемов, заимствованных из самых разных научных течений и школ, если только эти методы и приемы показали свою продуктивность в исследовательской работе. Такой прагматизм дает основание автору книги называть свой подход «интегральным» (т. 1, с. 65–66). При этом он оставляет ведущую роль в российском историческом процессе рассматриваемой эпохи именно за модернизацией, а в методологии его изучения – за модернизационной концепцией.

Достаточно жестко с позиций практической пользы автор критикует некоторые теоретические подходы, распространенные в историографии. Так, он считает, что «целесообразность применения цивилизационной концепции в конкретно-исторических исследованиях России, как правило, только декларируется» (т. 1, с. 44).

Следует учесть трактовку Б. Н. Мироновым цивилизационного подхода в его первоначальной, классической форме. Он считает, что попытки сблизить его с формационной или модернизационной концепциями обесценивают понятие «локальной цивилизации» с ее круговоротом, замкнутостью, смертностью, являются просто данью моде повсеместно употреблять слово «цивилизация» (т. 1, с. 47). В этом он расходится с рядом других исследователей российской модернизации, например, упоминавшейся екатеринбургской (уральской) академической школы историков, возглавляемой

В. В. Алексеевым, которые ставят задачу «объяснить отечественную историю с позиции цивилизационного своеобразия российских модернизаций» [Алексеев, с. 8]. В ответ на эти и подобные сочетания разнонаправленных методологических подходов Б. Н. Миронов указывает, что признание «в российской истории преемственных проблем, ситуаций, процессов», а также «идей и образов, составляющих единый каркас русской культуры», вовсе не означает принятия «цивилизационной парадигмы» как таковой (т. 1, с. 70).

Все же, по мнению Б. Н. Миронова, «вывод о практической пользе цивилизационного подхода в конкретно-исторических исследованиях должен сделать каждый самостоятельно» (т. 1, с. 47). Не случайно он старается подчеркнуть прежде всего наличие схожих моментов в трактовке российской модернизации у себя и у ученых из Екатеринбурга [Миронов, р. 1013]. Чрезмерное же увлечение описанием отдельных событий, личных переживаний, частных жизненных практик и т. п. казусов однозначно воспринимается им как опасность для академической науки. Автор считает, что «исследования повседневной имперской России пока не оправдали возлагавшихся на них надежд» (т. 1, с. 24). Из-за малочисленности необходимых источников они и в будущем вряд ли поднимутся до серьезного обобщения и осмысления, достигнутых, например, исследователями, работающими по истории повседневности советской эпохи.

Действительно, труды Б. Н. Миронова продолжают традиции и достижения тех российских ученых XIX–XX вв., которые с разных позиций (гегельянских, позитивистских, марксистских) искали закономерности «большой истории» в нашем прошлом. За последнюю четверть века ни один из подходов формационного, цивилизационного, постмодернистского или иного звучания пока не привел к столь же полным обобщающим результатам по крупному периоду российской истории, как анализ ее движения «от традиции к модерну» с XVII столетия до 1917 г., предложенный в книгах Миронова. Никто с позиций иных теоретических установок не может утверждать, как рассматриваемый здесь автор: «Я пытаюсь создать, насколько это под силу одному человеку, всестороннюю непротиворечивую картину двухвекового развития России» (т. 1, с. 11).

Самую высокую степень общественного и научного интереса, конечно, вызвали рассмотренные Б. Н. Мироновым вопросы об оценке имперского опыта и причинах революции в России. Во всех случаях, когда есть повод для переживания явлений и событий, важных для национального самосознания, этот историк считает необходимым оптимистически воспринимать явления и события отечественной истории, как обращенные в будущее, так и опрокинутые в прошлое. Он дает однозначный ответ на вопросы, имеющие принципиальное значение. Живем ли мы в стране с нормальным ходом истории, несмотря на все ее драмы и трагедии, были ли «не хуже других» раньше, имеем ли шансы быть на равных с успешными народами и страна-

ми впредь? Или на нашей земле издавна устроен заповедник самых злых бед и несчастий, в котором и придется оставаться далее? Здесь гражданская позиция автора полностью коррелируется с теорией модернизации. Пусть в чем-то отстаем, пусть кого-то приходится догонять, но движемся по магистрали исторического развития.

С позиций научной логики выводы, построенные на теоретическом основании модернизационной концепции, выглядят обоснованно. С точки зрения идейных и политических симпатий могут, конечно, возникать сомнения, хотя, по нашему мнению, повода для них нет. История России – история сильных людей, которые должны быть оптимистами, знать свои достоинства и слабости. Российские историки должны заняться, по словам Б. Н. Миронова, «клиотерапией» (т. 1, с. 18). Это означает помощь нашему обществу в лечении от фобий по отношению к своему прошлому, которые оборачиваются страхом перед будущим, оправданием слабости, а иногда – и предательства. Именно в таком ключе следует подходить к опыту империи, ее удачных и ошибочных ответов на исторические вызовы, решать вопросы о причинах революции в России, о возможности повторения исторических катаклизмов, их вероятной цене и приемлемости несения подобных издержек.

Прекрасно ориентируясь в существующих теориях, по-разному объясняющих природу и механизм революционных потрясений, историк сконцентрировался на критическом анализе господствующей более века парадигмы русской революции. Эта парадигма подразумевает наличие у революций в России объективных оснований, объясняемых по достаточно простой схеме «угнетение и обнищание населения – экономический и политический кризис – революция» (т. 1, с. 11). В известной марксистской интерпретации этой парадигмы, по Ленину, речь идет об ухудшении больше обычного нужды и бедствий народных масс, о нежелании низов жить по-старому, о неспособности верхов по-старому управлять. Миронов доказывает, что такое объяснение причин и условий русских революций принципиально не отличается от их либеральной или народнической трактовок, родившихся раньше марксистской и существовавших параллельно с нею. Не выходят по-прежнему за рамки этой парадигмы и многие современные ученые.

Автор неоднократно демонстрировал умение находить и обрабатывать исторические источники, особенно массовые. Вряд ли можно поставить под сомнение его владение современными методами их анализа, как количественными, так и качественными. Убедительные данные в его подсчетах и интерпретации последовательно ставят под сомнение нарастание «нужды и бедствий» народа, поскольку благосостояние и качество жизни населения имперской России постоянно росло. Беспредельный произвол и угнетение, якобы царившие в России, при внимательном рассмотрении оборачиваются неуклонным движением Российской империи в сторону формирования

правового государства и гражданского общества (т. 2, с. 607, 842). Б. Н. Миронов рассматривает «развитие страны в этот период во всех отношениях успешным, политику правительства – прагматичной, достижения страны – весьма значительными, учитывая обстоятельства, в которых ей приходилось жить и бороться за свое существование» (т. 1, с. 11).

Основным вектором движения имперской России были «модернизация и вестернизация». Ее историческому развитию, по мнению исследователя, были присущи «поступательность и нормальность», даже если смотреть с точки зрения западных образцов. В понятие нормы входят также кризисы, войны, смуты, которых не избежала ни одна страна, шедшая этим путем и преодолевавшая подобные же препятствия. Автор не находит ни признаков особой «трагедийности хода российской истории, ни кровавой драматичности, цикличности, или маятниковости» (т. 1, с. 13). Теория модернизации здесь противопоставлена прежде всего цивилизационному подходу, находящему в российской истории чрезвычайную исключительность и оригинальность, а также связанным с ним культурологическим объяснениям причин русской революции А. С. Ахиезера и других исследователей (т. 3, с. 676). На это было обращено внимание и в материалах дискуссии, в ходе которой на примере новых публикаций были представлены дополнительные доказательства «невысокого познавательного потенциала для объяснения истории России» с помощью методологических подходов, подвергнутых критике в рассматриваемой нами книге [Selunskaja, с. 876].

Обращает на себя внимание, что в пересмотре господствующей парадигмы революции Б. Н. Миронов идет дальше многих других историков, признавая главным локомотивом российской модернизации и прогрессивных реформ государственную власть, царскую монархию, «правлящий класс» (т. 3, с. 651). В частности, монархи активно «поощряли и покровительствовали научной, благотворительной и культурной деятельности своих подданных» (т. 2, с. 694). Это позволило автору поддержать тезис о том, что российский абсолютизм, признавая необходимость широкого распространения образования и принимая на себя за это ответственность, «по сути, не переставал оставаться просвещенным в прямом смысле этого слова» [Артамонова, с. 212].

Вместе с тем в позднеимперской России, по крайней мере, в ее городском пространстве он отмечает появившиеся «элементы гражданского общества» и произошедший в начале XX в. «сдвиг в соотношении сил в пользу общественности» (т. 3, с. 688). Последняя стала отстаивать свое право лечить общественные недуги, не только помогая органам власти, но и участвуя непосредственно в управлении.

К сожалению, самодержавие и общественность не шли на взаимоприемлемые уступки по многим вопросам дальнейшего развития

страны, его путей и темпов. Главной же проблемой было то, что между ними не сложилось компромисса в вопросе о дальнейшем руководстве модернизационными процессами, то есть о власти. В борьбе за власть правительство, землевладельцы и бюрократия, с одной стороны, а, с другой стороны, выдвигавшаяся из среды интеллигенции и буржуазии «контрэлита», подняли волну массового движения, антимодернистского по своей сути. Автор предлагает сравнить триаду лозунгов французской революции «свобода, равенство, братство» с теми, к которым в ходе своего развития очень скоро пришла российская революция: «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим, мир – народам, власть – трудящимся». Два последних из них были подсобными и лишь помогали добиться всеобщего «черного передела», подрывавшего всякие модернизационные возможности. Как формулирует Б. Н. Миронов, «большинство народа участвовало в революции во имя восстановления погрязших ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни» (т. 3, с. 609). Он пребывает в числе ученых, признающих прямую связь быстрой модернизации и экономического роста с политической нестабильностью и социальной напряженностью. Впрочем, сама эта идея была высказана уже в первых работах, которые легли в основу сложившейся в законченном виде концепции модернизации (т. 1, с. 38), в том числе у С. Хантингтона [Huntington, p. 51].

Удар по модернизации в ходе российской революции все же не стал фатальным. В силу исторической неизбежности этот процесс вновь был запущен, но иными социально-политическими силами и под иными идейными знаменами, не имевшими ничего общего ни с монархическим государством, ни с либеральной оппозицией. С этим согласны даже те авторы (например, Р. Саква), которые, в отличие от Б. Н. Миронова, считают российские модернизации по-имперски и по-советски хотя и разными (*alternative modernity*), но одинаково несостоятельными (*mismodernised*) [Sakwa, p. 3].

В концепции Б. Н. Миронова отрицается наличие системного кризиса в позднеимперской России в привычном для историографии понимании «как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспособливаться к изменяющимся условиям жизни». Это был кризис развития и трансформации здоровых государственных и общественных структур, который «не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только возможность». Реальностью революционный взрыв стал «в силу особых обстоятельств», прежде всего в результате «военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией» (т. 3, с. 690). Наверное, этот перечень «особых обстоятельств», порожденных мировой войной, можно расширить, но самые болевые точки определены адекватно.

Отвечая на замечания коллег-дискутантов, Б. Н. Миронов постарался максимально лаконично обозначить свою точку зрения на роль стихийного и организованного начала в природе российской революции. Она звучит так: «Революцию совершил народ, но организовала и подвигла его на это интеллигенция и сплоченная и законспирированная оппозиция» [Mironov, p. 1020]. В приведенном высказывании он прежде всего полемизирует с теми авторами, например, с В. П. Булдаковым, кто видят в 1917 г. стихийный народный бунт и психоз. Однако это же высказывание можно адресовать и тем, кто продолжают считать революционные потрясения неизбежной и логичной формой разрешения тех глубоких социальных и политических конфликтов, которые существовали в имперской России (т. 1, с. 17).

В целом выглядит убедительным и привлекательным то, что Б. Н. Миронов считает возможным найти закономерности исторического пути России во всемирном процессе, перспективы движения по нему, особенности прохождения модернизации разными странами, в том числе через революционные повороты и перевороты. В любом случае его книги и статьи стимулируют новые исследования и дискуссии по актуальным вопросам нашего прошлого, среди которых предпосылки и характер российской колонизации, модернизации, революции. Обилие историографического, статистического, иллюстративного и другого материала делает «Российскую империю: от традиции к модерну» еще и уникальным изданием энциклопедического, справочного и учебного звучания. Отнюдь не случайно эта книга посвящена «студентам – бывшим, настоящим и будущим».

Список литературы

- Алексеев В. В.* Уральская академическая школа историков (к 25-летию основания) // Урал. ист. вестн. 2013. № 1 (38). С. 4–15.
- Артамонова Л. М.* Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101–113.
- Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014–2015. 896 + 912 + 992 с., ил.
- Обсуждение книги Б. Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну» в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014–2015. 896 + 912 + 992 с., 383 табл., 539 ил. // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 172–200.
- Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург : УрО РАН, 2006. 342 с.
- Artemonova L. M.* Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 899–907.
- Cherkasov A. A.* Essays on Historical Optimism // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 1053–1064.
- Huntington S. P.* Political Order in Changing Societies. Ed. 7. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 1973. 263 p.
- Mironov B. N.* Do Russians Need Cliotherapia? // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 1003–1052.

- Sakwa R. *Russian Politics and Society*. Ed. 4. L. ; N. Y. : Routledge, 2008. 585 p.
- Selunskaja N. B. In Search of the Best Explanation of Russian History // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 874–881.
- Smirnov Yu. N. The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 944–954.

References

- Alekseev, V. V. (2013). Uralskaya akademicheskaya shkola istorikov (k 25-letiyu osnovaniya) [The Ural Academic School of Historians (for Its 25th Anniversary)]. In *Uralskii istoricheskii vestnik*. No. 1 (38), pp. 4–15.
- Artamonova, L. M. (2013). Politika v sfere narodnogo prosveshheniya v Povolzhye (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [State Policy Regarding Public Education in the Volga Region between the 18th and the 1st Half of the 19th Centuries]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 2, pp. 101–113.
- Artamonova, L. M. (2016). Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. In *Bylye Gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 899–907.
- Cherkasov, A. A. (2016). Essays on Historical Optimism. In *Bylye Gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 1053–1064.
- Huntington, S. P. (1973). *Political Order in Changing Societies*. Ed. 7. N. Haven, L., Yale Univ. Press. 263 p.
- Mironov, B. N. (2014). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. Vol. 1. St Petersburg, Dmitri Bulanin. 896 p.
- Mironov, B. N. (2015). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. Vol. 2. St Petersburg, Dmitri Bulanin. 912 p.
- Mironov, B. N. (2015). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. Vol. 3. St Petersburg, Dmitri Bulanin. 992 p.
- Mironov, B. N. (2016). Do Russians Need Cliotherapy? In *Bylye Gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 1003–1052.
- Obsuzhdenie knigi B. N. Mironova “Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu” v 3 t. St Petersburg, Dmitri Bulanin, 2014–2015. 896 + 912 + 992 p., 383 tab., 539 il. (2016). [Discussing B. N. Mironov’s *The Russian Empire: from Tradition to Modernity*: 3 Vols. St Petersburg, Dmitri Bulanin, 2014–2015. 896 + 912 + 992 p., 383 tabl., 539 il.]. In *Istoricheskaya ekspertiza*. Iss. 3, pp. 172–200.
- Poberezhnikov, I. V. (Ed.). (2006). *Rossiya v XVII – nachale XX v.: regionalniye aspekty modernizatsii* [Russia between the 17th and Early 20th Centuries: Regional Aspects of Modernisation]. Yekaterinburg, UrO RAN. 342 p.
- Sakwa, R. (2008). *Russian Politics and Society*. Ed. 4. L., N. Y., Routledge. 585 p.
- Selunskaya, N. B. (2016). In Search of the Best Explanation of Russian History. In *Bylye Gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 874–881.
- Smirnov, Yu. N. (2016). The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History. In *Bylye Gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 944–954.

The article was submitted on 09.03.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.256

УДК 347.167+392.1+351.85

ПОНЯТИЕ «НАЦИЯ»: РОССИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ*

Рец. на: *Миллер А. И. Нация, или Могущество мифа /*
Алексей Миллер. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. –
146 с. : ил. – (Сер. Азбука понятий. Вып. 2).

Юлия Бут

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE CONCEPT OF NATION: RUSSIAN AND EUROPEAN CONTEXTS

Rev. of: Miller, A. (2016). *Natsiya, ili Moguchestvo mifa*
[Nation or the Power of Myth]. 146 p. St Petersburg, Europ. Univ. Press.

Yulia But

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

In his recent book, the renowned expert on nationalism Aleksei Miller aims to make a comparative historical analysis of how the idea of the nation has been evolving in the Russian and European contexts, and, secondly, to introduce fundamental concepts and approaches to the problems of nationalism in world science. To examine the dynamics of the concept of nation, the author relies on the methods of conceptual history put forward by Reinhart Koselleck, the history of political discourse and thought by Quentin Skinner and J. G. A. Pocock, discourse analysis by Michel Foucault, and concepts of cultural, conceptual, and institutional transfers. The author follows the adventures of the concept of “nation” on Russian soil, which is of readily apparent interest and novelty. Miller starts from the Petrine era when, as he supposes, the concept was borrowed from Europe as a result of diplomatic contacts.

* *Citation:* But, Yu. (2017). The Concept of Nation: Russian and European Contexts. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 882–892. DOI 10.15826/qr.2017.3.256.

Цитирование: But Yu. The Concept of Nation: Russian and European Contexts // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 882–892. DOI 10.15826/qr.2017.3.256 / Бут Ю. Понятие «нация»: российский и европейский контекст // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 882–892. DOI 10.15826/qr.2017.3.256.

As early as the eighteenth century, the word “nation” was used in two ways: on the one hand, as a counterpart to the word “narod” that had been previously used in the Russian language and, on the other hand, in its European meaning of a noble corporation and a sovereign state. An important advantage of the book is that Miller’s review of the “nation” concept includes recent political events. He analyses the effectiveness of “nation-state” and “state-nation” patterns, and explains the semantic difference between the frequently used notions of “Russian” and “Russia’s” and between the English “national self-determination” and its Russian counterpart. Despite its undoubted relevance and usefulness, the book leaves a number of questions open. First of all, although its title is *Nation or the Power of Myth*, the book says nothing about myth – neither the concept nor its relation to “nation”. The author does not give a clear definition of the “nationalisation of dynasty” or his “before-after” opposition, which are crucial for his speculation. He does not comment on his alternative name for the well-known concept of imagined communities by Benedict Anderson. Inspecting historical examples of states to illustrate the dynamics of “nation” and nationalism, Miller leaves out the Habsburg monarchy, although it provided one of the most striking cases in the history of nation-building and national movements. Finally, the principle on which footnotes have been included is unclear throughout the text.

Keywords: nation; nationalism; *narod*; national self-determination; nation-state; state-nation.

В своей недавно вышедшей книге известный специалист в области изучения национализма ставит цель продемонстрировать в сравнительно-историческом ключе то, как эволюционировало содержание понятия «нация» в российском и общеевропейском контекстах, и представить основные концепции и подходы к изучению национализма в мировой науке. Методологическую базу исследования динамики понятия «нация» составили «история понятий» Р. Козеллека, история политического языка и концепций Кв. Скиннера и Дж. Покока, история дискурсов М. Фуко и концепции культурных, понятийных и институциональных трансферов. Несомненный интерес и определенную новизну представляет прослеживание автором приключений понятия «нация» на российской почве, начало которых Миллер относит к Петровской эпохе, когда это понятие, по его предположению, было заимствовано из Европы в результате дипломатических контактов. Уже с XVIII в. слово «нация» использовалось двояко: с одной стороны, как аналог ранее утвердившегося в русском языке понятия «народ», с другой – в европейской его трактовке как дворянской корпорации или суверенного государства. К несомненным достоинствам книги А. Миллера относятся доведение обзора трансформаций содержания понятия «нация» до последних политических событий современности, анализ эффективности моделей «нации-государства» и «государства-нации», пояснение смысловой разницы между активно используемыми в наши дни понятиями «русскость» и «русскость», *national self-determination*

и «национальное самоопределение». При всей актуальности и несомненной полезности книга оставляет читателю ряд вопросов. Прежде всего, несмотря на название, в ней ничего не говорится о мифе – ни как о понятии, ни как о его отношении к нации. Автор не раскрывает такие ключевые в его рассуждениях понятия, как «национализация династии» и оппозиция «раньше – позже» в динамике «нации». Без комментариев остается название известной концепции Б. Андерсона «воображенные сообщества» вместо привычного «воображаемые сообщества». В число исторических примеров государств, с которыми связана история понятий нации и национализма, Миллер не включает габсбургскую монархию, представлявшую собой один из наиболее ярких случаев в истории нациестроительства и национальных движений. Ко всему прочему, неясен принцип выборочности библиографических ссылок.

Ключевые слова: нация; национализм; народ; национальное самоопределение; нация-государство; государство-нация.

Книга профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге и Центрально-Европейского университета в Будапеште доктора исторических наук Алексея Миллера представляет собой своего рода квинтэссенцию его многочисленных работ, посвященных теме нации и национализма. Актуальность и даже злободневность книги не вызывают сомнения в свете укорененности и неослабевающей популярности этой проблематики в научном и общественно-политическом дискурсах на протяжении последних двух столетий. Книга Миллера вышла в серии «Азбука понятий», посвященной часто употребляемым в современном обиходе, но «непрозрачным», имеющим множественные смыслы терминам, и призвана систематизировать крайне обширную и разнообразную информацию, связанную с представлениями о нации. Следует отметить, что несмотря на научно-популярный формат издания, она все-таки носит научный характер; популярный характер имеют разве что помещенные на полях краткие справки об исторических персонажах, упоминаемых в тексте.

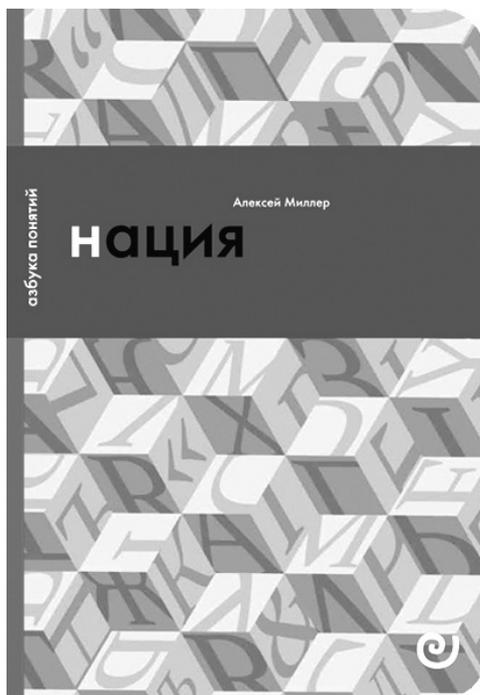
Во введении к книге автор подчеркивает, что в связи с невозможностью дать не то что единственно верное, но вообще сколько-нибудь общепринятое определение нации объектом его исследования выступает не само понятие, а историческая динамика его развития. Методологическую базу исследования этой динамики составили «история понятий» Р. Козеллека, история политического языка и концепций Кв. Скиннера и Дж. Покока, история дискурсов М. Фуко и концепции культурных, понятийных и институциональных трансферов.

Основная часть книги состоит из трех глав, но логически, в плане подхода к изложению материала, делится на две части. Первая представляет собой исследование эволюции понятий «народ», «народность», «нация», «национальность», «национализм» и «национальная

идея» в контекстах европейской и российской истории до начала XX в. и содержит оригинальные рассуждения и выводы. Вторая носит историографический характер; в ней излагаются существующие на сегодняшний день концепции и подходы к изучению национализма. Наиболее ярко представлена концепция самого Миллера о соотношении понятий «империя» и «нация» (с. 109–110)¹, легшая в основу ряда его работ об особенностях нацистроительства в империях и национализации имперской политики.

При характеристике Миллером динамики понятия «нация» в европейском историческом контексте

довольно оригинальным представляется выделение автором оппозиций «вверх – вниз», «внутри – вовне», «раньше – позже». Так, изменения по иерархической оси «вверх – вниз» наиболее очевидны при анализе периода от Античности до Французской революции конца XVIII в.: вначале словом *natio* обозначали не доминировавшие в государстве группы пришельцев, не имевших прав граждан, затем – движение вверх – привилегированное сословие, дворянскую корпорацию, позднее – снова вниз – все третье сословие, включая санкюлотов (с. 18–21). Подвижность границ нации «внутри – вовне» связана с факторами включения в какую-либо нацию или исключения из нее определенных этнокультурных и конфессиональных групп. В качестве примера автор указывает стремление причислить к немецкой нации славян-протестантов и эльзасцев, несмотря на их «французскую» культуру, или, как в случае русских националистов, исключить из состава русской нации поляков, но включить в нее финно-угров (с. 32). Досадно, что, приводя эти примеры, автор обходится без ссылок на конкретные источники и даже не упоминает имен националистов, разделявших указанные позиции. Хотя первая («вверх – вниз») и вторая («внутри – вовне») оппозиции в динамике понятия «нация» Миллером раскрыты достаточно ясно. Не совсем понятно, что он подразумевает под третьей оппозицией «раньше –

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

позже». Казалось бы, эта оппозиция предполагает противостояние представлений о времени рождения той или иной нации. Однако автор пишет только о том, что данная оппозиция добавляется с рубежа XVIII–XIX вв., когда в понимании русских либералов нация принадлежала будущему и была нагружена «позитивными ожиданиями политического и социального освобождения», а для консерваторов была «нагружена негативными ожиданиями всеобщей упрощающей унификации» (с. 35–36). То есть речь здесь идет только о положительном или отрицательном отношении русских интеллектуалов к будущему формированию нации, и поскольку далее автор к указанному вопросу больше нигде не возвращается, смысл оппозиции «раньше – позже» остается загадкой.

Прослеживание автором бытования понятия «нация» на российской почве представляет безусловный интерес как тема, мало изученная в отечественной историографии, однако здесь он не добавляет ничего нового по сравнению с ранее опубликованными им работами (см.: [Миллер, 2009; Миллер, 2010; Миллер, 2012]). Вслед за дореволюционным исследователем Н. А. Смирновым Миллер высказывает предположение, что само слово «нация» было заимствовано в Петровскую эпоху в результате дипломатических контактов с европейскими государствами и приводит в подтверждение цитаты из документов первой трети XVIII в., опубликованных тем же Смирновым. Основываясь на приведенных документах, а также на речах Феофана Прокоповича [Феофан Прокопович, с. 23–146], исследователь делает вывод, что уже в первые десятилетия XVIII в. понятие «нация» использовалось в трех значениях: (1) как аналог ранее утвердившегося в языке слова «народ», в европейском понимании (2) суверенного государства и (3) дворянской корпорации (с. 40–43). Первое и второе из указанных значений действительно следуют из приведенных источников: в «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» (не позднее 1725 г.) читаем, что нация – это «народ русский, немецкий, польский и прочая» (цит. по: [Смирнов, с. 362–382]), а в «Регламенте шкиперам» (1724) указано, что «когда чужестранный [шкипер] найдет что в воде потерянное людьми нашея нации, то оное объявлять» (цит. по: [Смирнов, с. 203]). Однако третье значение нации как дворянской корпорации в цитатах, приводимых Миллером, не встречается; его наличие базируется только на том предположении, что, судя по окончанию «-ия», слово пришло из Польши, где под ним подразумевалась шляхта.

Продолжая прослеживать динамику употребления понятий «нация» и «народ», автор отмечает, что на рубеже XVIII–XIX вв. оба слова используются все чаще в связи с резко возросшей этнической гетерогенностью Российской империи (с. 56), но в 1820–1830-е гг. понятие «нация» вытесняется из дискурса имперских элит как «неудобное» и даже опасное из-за его неразрывной связи с идеями конституции и национального представительства, бросавшими вызов самодержавию. В качестве доказательства последнего утверждения автор приводит тот

факт, что в 1831 г. Николай I был детронизирован по решению сейма от имени польской нации (с. 59). Ссылки на постановление о детронизации императора от 25 декабря 1831 г. при этом нет, однако если мы обратимся к тексту этого документа, то слова «нация» (*nasja*) там не найдем; в постановлении говорится, что «польский народ» (*naród polski*) объявляет себя «независимым народом» (*niepodległym ludem*) [Uchwała Sejmu o detronizacji Cara Mikołaja I]. Таким образом, в данном случае заявление о том, что слово «нация» стало употребляться российскими элитами реже, потому что его использовали государственные мятежники, выглядит необоснованным.

Понятие «нация» возвращается в общественный дискурс в начале 1860-х гг. в связи с доминированием таких тем, как национальный сепаратизм на окраинах и консолидация русской нации, страдающей, по сравнению с Западной Европой, недостаточностью национальной сплоченности и национальной энергичности (с. 64–65). Начиная с 1880-х гг. идея целостности империи становится ключевой для русских националистов, а при Александре III и Николае II начинается постепенная национализация династии Романовых как реакция на позицию националистов, считавших, что «империя должна служить прежде всего интересам русской нации, а не династии» (с. 73). Здесь, на наш взгляд, было бы не лишним пояснить, что автор подразумевает под «национализацией династии», поскольку это понятие еще не вполне устоялось в отечественной науке. В книге «Нация, или Могущество мифа» текст, где речь идет о национализации династий, сопровождается ссылкой, куда вынесена цитата из статьи М. П. Погодина «Польский вопрос». Суть цитаты заключается в том, что в государе следует видеть русского, а не «сборного человека из всех живущих в России национальностей» (с. 73). Следует ли понимать эту ссылку так, что Миллер под национализацией династии подразумевает именно стремление интеллектуалов сформировать образ правителя, обладающего исключительно чертами и характеристиками титульной нации? Как «национализация династии» в понимании Миллера соотносится с понятиями «натурализации династии» и «официального национализма», разработанными Х. Сетон-Уотсоном и Б. Андерсоном и охарактеризованными ими как «волевое соединение нации с династической империей» и «средство натягивания маленькой, тесной кожи нациии на гигантское тело империи» [Seton-Watson, p. 148; Андерсон, с. 108]? Без каких-либо пояснений Миллер использует понятие «национализации династии» и на с. 36: в качестве иллюстрации этого феномена в Европе XIX в. он приводит цитату из речи О. фон Бисмарка в рейхстаге в 1873 г., в которой последний заявлял о своей принадлежности к народу. Автор пишет о том, что это выступление «превосходно иллюстрирует процесс национализации династий» и являет собой разительный контраст с заявлением Людовика XV, не желавшего признавать нацию отдельным от монарха телом. Встает вопрос об уместности примера Бисмарка и правомер-

ности сравнения его с Людовиком XV, поскольку канцлер Германской империи к правящей династии никоим образом не принадлежал.

Понятие национализации вне привязки к династии встречается у автора при рассмотрении взглядов П. И. Ковалевского. Последний понимал этот термин как привитие определенной группе людей национальных свойств, то есть и как нациестроительство, и как ассимиляцию, отмечая, что «русская нация очень слабо национализирована», а «большинство русской интеллигенции не только анационально, но прямо или антинационально» [Ковалевский, с. 55]. Интересно, что Ковалевский разводил понятия «народ» и «нация»: «Словом “русский народ” обозначают... состав жителей всего Российского государства, и... в это государственное понятие входит 150 наций, составляющих Российскую империю» [Ковалевский, с. 63–64]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что еще в дореволюционной России существовал достаточно ясно обозначенный концепт русского народа как многоэтничного, но в то же время монолитного наднационального сообщества. Позднее этот концепт, как справедливо отмечает Миллер, активно использовался в советский период. При всем этом, однако, за рамками книги остается интригующий вопрос о том, что все-таки конкретно означают понятия «национализация нации» и «национализация династии», в чем же именно, с точки зрения автора, выражались эти процессы.

Несомненным достоинством работы является доведение обзора трансформаций социального и политического содержания понятия «нация» до последних событий современности, в том числе комментарии по поводу феномена беженства и реакции населения на присоединение Крыма. Верно замечание автора, что проблематичность ведения продуктивной дискуссии о нации в современной России заключается в том, что предметом служат одновременно слишком много ключевых тем – русский ирредентизм, восстановление империи, геополитические мотивы, «русская весна», право на национальное самоопределение крымчан и т. д. (с. 134–135). При этом, как с определенной долей сарказма подчеркивает автор, «разные объяснения часто фигурировали в рамках одного политического высказывания» (с. 135), что свидетельствует об отсутствии четкого понимания ораторами употребляемых ими звучных и на сегодняшний день модных терминов.

К числу справедливых утверждений Миллера относится замечание о том, что в русском языке утвердился неправильный перевод и, соответственно, неверное понимание широко используемого английского термина *national self-determination*. В результате перевода этого термина как «национальное самоопределение» возникло убеждение в необходимости самоопределения наций как этнических сообществ, что при отсутствии понятия о защите прав меньшинств привело впоследствии к геноциду и этническим чисткам в XX в. Оригинальная же английская формула означает государственное самоопределение и демократическое устройство (с. 136).

Значительное место Миллер уделяет пояснению разницы между моделями «нации-государства» и «государства-нации». При этом он впервые, насколько мне известно, вводит в отечественную историографию концепцию «государства-нации», разработанную американскими учеными Альфредом Степаном и Хуаном Линцем в 1996 г. для демократического развития многонациональных государств, отличающихся социокультурным разнообразием. Нельзя не согласиться с Миллером в том, что модель «нации-государства» является неперспективной для Российского государства, которому, ввиду имперского наследия, следует двигаться по пути второй модели (с. 135). Для этого необходима глубокая адаптация политических институтов к ситуации сосуществования нескольких политически мобилизованных этнических групп. Насильственные же попытки подогнать реальность под модель «нации-государства» приводят государство к глубокому кризису и даже распаду, чему автор приводит убедительные примеры из истории (с. 134).

Однако далее автор словно забывает о своем предложении построить в России государство-нацию, где в рамках одного государства сформировались бы множественные взаимодополняющие идентичности, как, например, в Бельгии, Испании или Индии. Он возвращается к обсуждению только одной нации в России, подробно останавливаясь на смысловой разнице понятий «российскость» и «русскость», и отмечает, что государство, в котором гражданской нацией является российская, вправе требовать аккультурации как от своих нерусских граждан, так и от тех, кто по долгу живет и работает в России (с. 142). То есть автор все же видит Россию как нацию-государство, политика которого нацелена на утверждение единой мощной идентичности у граждан? Ведь, на мой взгляд, правительственные курсы на формирование у граждан единой самоидентификации, будь то русская нация в Российской империи, советская нация в Советском Союзе или российская нация в Российской Федерации, являются очевидными примерами как раз таких насильственных попыток создания нации-государства, о которых говорилось выше.

При всей оригинальности и несомненной полезности, в частности, в плане методологических подходов к изучению исторической динамики понятий, книга оставляет ряд вопросов. Прежде всего недоумение вызывает само название – «Нация, или Могущество мифа», поскольку автор нигде не пишет ни о мифе как о понятии, ни, тем более, о нации как о мифе. Как раз наоборот, нация в его понимании – это совершенно реальное дискурсивное поле, имеющее крайне высокую актуальность на протяжении последних двух столетий. Возможно, здесь присутствует аллюзия на известную, но не переведенную на русский язык книгу американского исследователя Джозефа Кэмпбелла [Campbell]? В случае вынесения понятия «миф» в название книги обозначить свое понимание этого слова

было бы гораздо полезнее, чем, например, дублировать определения русского ирредентизма на с. 16 и 134 или дискурса в понимании М. Фуко на с. 121 и 123.

Приводя довольно интересный экскурс в историю понятий нации и национализма, Миллер не включает в число исторических примеров габсбургскую монархию, тогда как, на мой взгляд, именно это государство представляло собой один из наиболее ярких и интересных случаев в истории нацистроительства и национальных движений. Например, обращаясь к вопросу о строительстве имперских наций, автор упоминает о Франции, Британии, Германии, России, Испании, Дании, Швеции, Османской империи и даже Японии. При этом он отмечает, что «при строительстве наций в имперских метрополиях... мало кто руководствовался идеей включить в нацию все население империи» (с. 107). Представленная картина могла бы быть дополнена исключительным примером австрийских транснационалистов, развивавших идею «австрийской нации», которая бы охватывала все группы, проживавшие на территории габсбургской монархии, вне зависимости от этнического происхождения.

Затрагивая проблемы монархического патернализма и эмансипации нации, А. Миллер отмечает, что во Франции именно сильная монархическая власть, стремившаяся сформировать у подданных ощущение единства, создала нацию, которая в лице парламента «сделалась полюсом, противоположным короне», и уничтожила монархию (с. 25–26); в других странах монархия и аристократия пытались «национализироваться» в течение XIX в., и там, где этого достичь все-таки не удалось, они были сметены революциями начала XX в., например, в Российской и Османской империях. Здесь опять-таки был бы интересен случай габсбургской монархии и австрийской аристократии с ее этнической и юридической интернациональностью, которая, несмотря на отмену титулов и конфискации в результате революции 1919 г., не исчезла как класс, продолжала занимать руководящие посты и существенно пострадала уже гораздо позднее в национальных государствах Австрии, Венгрии и Чехословакии от рук пришедших к власти нацистов или коммунистов.

В замешательство приводит неясный принцип выборочности библиографических ссылок. Например, на работы таких широко известных авторов, как Мишель Фуко, Клиффорд Гирц, Бенджамин Андерсон, Джон Армстронг, Эрнест Геллнер, ссылки есть, а на работы гораздо менее известных в отечественной литературе, но важных для данной темы Майкла Хехтера, Аренда Лийпхарта, Роджерса Брубейлора, Стэнли Хофмана, Барбары Уолтер, Джека Снайдера ссылки отсутствуют. На с. 98–99 очевидна путаница с библиографическими ссылками: выходные данные книги Э. Хобсбаума включены в ссылку, относящуюся к описываемой несколькими предложениями ниже работе Дж. Армстронга. Возможно, следовало включить в основной текст вынесенное в ссылку под номером

четыре на с. 93 утверждение о том, что «И. Сталин пытался убедить Ленина, что декларирование права республик на выход из СССР чревато сепаратизмом», поскольку оно не сопровождается указанием на какие-либо источники. Также приходится самостоятельно увязывать с основным текстом вынесенную на отдельную страницу и никак не комментируемую обширную цитату из «Миросистемного анализа» И. Валлерстайна (с. 114).

Знаменитую концепцию Б. Андерсона *imagined communities* Миллер переводит как «воображенные сообщества» (с. 115) вместо ее устоявшегося в российской историографии названия «воображаемые сообщества», никак это не комментируя. Считает ли он такой перевод, меняющий модальность и обозначающий процесс «воображения» законченным, более точным? Видит ли необходимость внесения изменений в сложившуюся в отечественной исторической науке традицию? В библиографических ссылках на с. 115 и 117 и в списке рекомендуемой литературы приведены выходные данные англоязычного варианта книги Андерсона (в ссылках – первого издания 1983 г., в списке литературы – второго издания 1991 г.), тогда как книга была переведена на русский язык в 2001 г. [Андерсон], и в целом для читателя было бы удобнее указать данные русскоязычного издания. То же самое хочется отметить в отношении книги Э. Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года» [Хобсбаум], англоязычное издание которой 1991 г. Миллер включил в свой список рекомендуемой литературы, тогда как работа была переведена на русский и издана довольно большим тиражом еще в 1998 г.

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества : Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 2001. 288 с.

Ковалевский П. И. Национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк : Изд. союза «Единство Руси», 1922. 333 с.

Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отеч. зап. 2012. № 1 (46). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (дата обращения: 12.08.2017).

Миллер А. И. Народность и нация в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–165.

Миллер А. И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия «нация» в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов истории Российской империи (1700–1917). М. : Новое лит. обозрение, 2010. С. 42–66.

Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1910. 398 с.

Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 503 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб. : Алетейя, 1998. 308 с.

Campbell J., Moyers B. *The Power of Myth*. N.-Y., Toronto : Anchor Books, 1991. 293 p.
 Seton-Watson H. *Nations and States : An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Boulder, Colo : Westview Press, 1977. 563 p.

Uchwała Sejmu o detronizacji Cara Mikołaja I // Powstanie Listopadowe / ed. J. Lachowski. Lwów : Obywatelski Komitet Obchodu Stulecia Powstania Listopadowego we Lwowie, 1931. S. 8.

References

Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemihe soobthetstva. Razmihshleniya ob istokakh i rasprostraneniі nacionalizma* [Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, KANON-press-C, Kuchkovo pole. 288 p.

Kovalevsky, P. I. (1922). *Nacionalizm i nacionaljnoe vospitanie v Rossii* [Nationalism and National Education in Russia]. NY, Izdanie soyuza “Edinstvo Rusi”. 333 p.

Miller, A. I. (2012). Istoriya ponyatiya “naciya” v Rossii [History of the Concept of Nation in Russia]. In *Otechestvennihe zapiski, 1 (46)*. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (mode of access: 12.08.2017).

Miller, A. I. (2009). Narodnostj i naciya v russkom yazihke XIX veka: podgotoviteljnihe nabroski k istorii ponyatiyj [Narodnostj and Nation in the 19th Century Russian Language: Preliminary Sketches to the History of Concepts]. In *Rossiyskaya istoriya, 1*, pp. 151–165.

Miller, A. I. (2010). Priobretenie neobkhodimoe, no ne vpolne udobnoe: transfer ponyatiya “naciya” v Rossiyu (nachalo XVIII – seredina XIX v.) [A Necessary, but Hardly Convenient Acquisition: Transfer of the Concept of Nation to Russia (the Early 18th and Mid-19th Centuries)]. In *Imperium inter pares: Rolj transferov istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p., pp. 42–66.

Smirnov, N. A. (1910). *Zapadnoe vliyanie na russkiy yazihk v Petrovskuyu ehpkhu* [Western Impact on the Russian Language in Peter I Epoch]. St Petersburg, Tip. imp. akademii nauk, 1910. 398 p.

Theophan Prokopovich (1961). *Sochineniya* [Works], I. P. Eremin (Ed.). Moscow, Leningrad, Izdateljstvo akademii nauk SSSR. 503 p.

Hobsbawm, E. *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism Since 1780]. St Petersburg, Aleteyjya. 308 p.

Campbell, J., Moyers, B. (1991). *The Power of Myth*. N.-Y., Toronto, Anchor Books. 293 p.

Seton-Watson, H. (1977). *Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Boulder, Colo, Westview Press. 563 p.

Uchwała Sejmu o detronizacji Cara Mikołaja I [The Diet’s Decree on Detronization of Tsar Nickolas I]. In Lachowski, J. (Ed). (1931). *Powstanie Listopadowe*. Lwów, Obywatelski Komitet Obchodu Stulecia Powstania Listopadowego we Lwowie. P. 8.

The article was submitted on 17.02.2017

DOI 10.15826/qr.2017.3.257

УДК 94(4)"1796/1815"+94(470)"1812"+930

РОССИЯ И НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 200 ЛЕТ*

Рец. на кн.: Russia and the Napoleonic Wars / ed. by J. M. Hartley,
P. Keenan, D. Lieven. Basingstoke ; Hampshire :
Palgrave Macmillan, 2015. – XVII, 271 p.

Владимир Земцов

Уральский федеральный университет,
Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

RUSSIA AND THE NAPOLEONIC WARS: 200 YEARS LATER**

Rev. of: Hartley, J. M., Keenan, P., Lieven, D. (eds.) (2015).
Russia and the Napoleonic Wars. Basingstoke, Hampshire,
Palgrave Macmillan. – XVII, 271 p.

Vladimir Zemtsov

Ural Federal University,
Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

This review considers the proceedings of an international conference held between 15 and 18 May 2014 in Mežotne (Latvia) and the issues discussed there. 25 scholars from Great Britain, Russia, France, Germany, Poland, Ukraine, the US, and Canada discussed the nature of the Napoleonic Empire and the international relations of the turn of the 19th century, the peculiarities of the internal processes taking place in Russia, the role of certain military and government officials during the era, relations between the local population of the occupied territories and the occupational authorities, and propaganda and the represen-

* Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

** Citation: Zemtsov, V. (2017). Russia and the Napoleonic Wars: 200 Years Later. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 893–900. DOI 10.15826/qr.2017.3.257.

Цитирование: Zemtsov V. Russia and the Napoleonic Wars: 200 Years Later // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 893–900. DOI 10.15826/qr.2017.3.257 / Земцов В. Россия и Наполеоновские войны: взгляд через 200 лет // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 893–900. DOI 10.15826/qr.2017.3.257.

tation of victories, as well as communicative and cultural memory. The participants pointed out considerable changes in the historical interpretation of the Napoleonic wars, which have manifested themselves both through the retreat from traditional military and historical discourse and through new methodological approaches. A notable internalisation of research strategies has occurred: this can be observed not only in how Russian and Eastern European historians now familiarise themselves with the methodological achievements of the Western humanities, but also in how Western European and American scholars have started to actively use the works of their Eastern European peers and to enlarge their source bases by referring to Russian archives.

Keywords: Napoleonic wars; Patriotic War of 1812; historiography of the Napoleonic wars; D. Lieven.

В предлагаемой рецензии на сборник материалов международной конференции, проходившей 15–18 мая 2014 г. в Межотне (Латвия), представлен обзор проблем, которые обсуждались в ее ходе. Во время выступлений 25 ученых из Великобритании, России, Франции, Германии, Польши, Украины, США и Канады были подняты проблемы характера Наполеоновской империи и международных отношений рубежа XVIII–XIX вв.; специфики внутренних процессов, протекавших в России, и роли отдельных военных и государственных деятелей в эту эпоху; взаимоотношений населения оккупированных территорий и оккупационных властей; пропаганды и «репрезентации побед», а также коммуникативной и культурной памяти. Участники констатировали значительные перемены, произошедшие в историописании событий Наполеоновских войн, которые выразились в отходе от традиционной военно-исторической тематики, и в поисках новых методологических подходов. Произошла заметная «интернационализация» исследовательских процедур, которая проявилась не только в приобщении историков России и Восточной Европы к методологическим достижениям западной гуманитарной науки, но и в том, что западноевропейские и американские исследователи стали активно обращаться к трудам восточноевропейских коллег и расширять источниковую базу за счет российских архивов.

Ключевые слова: Наполеоновские войны; Отечественная война 1812 г.; историография Наполеоновских войн; Д. Ливен.

К юбилейным мероприятиям, которые ознаменовали определенный шаг в научном постижении смысла Наполеоновской эпохи, без сомнения, следует отнести международную конференцию, материалы которой вышли в Британии в 2015 г. в сборнике *Russia and the Napoleonic Wars*.

Инициатором проведения конференции выступили (при финансовой поддержке Фонда Паулсена) три признанных центра исторической науки: Тринити-колледж Кембриджского университета в лице

профессора Доминика Ливена (Dominic Lieven), крупнейшего специалиста по русской и мировой истории XIX – начала XX в., Лондонская школа экономики и политических наук, представленная замечательным исследователем истории России Джанет Хартли (Janet M. Hartley) и ее блестящим коллегой Полом Кинаном (Paul Keenan), и Государственный исторический музей в Москве (его представлял ведущий специалист по истории начала XIX в. и главный редактор двух фундаментальных энциклопедий по эпохе 1812–1814 гг. Виктор Безотосный). Идея организации форума заключалась в том, чтобы, в сущности, впервые собрать вместе более двух десятков российских и иностранных историков, которые представили бы максимально широкий спектр тем и ракурсов изучения многогранной проблемы «Россия и Наполеоновские войны».

Местом проведения конференции был избран бывший родовый дворец семьи Ливенов, расположенный в идиллическом местечке Межотне, находящемся в часе езды от Риги.

В предисловии к опубликованным материалам Доминик Ливен определил задачи конференции. Он подчеркнул, что Наполеоновские войны оказали огромное воздействие на российское государство, общество и экономику, но далеко не так, как обычно представлялось в советской, а часто и в дореволюционной российской историографии. Российское государство понесло гигантские финансовые расходы, что обусловило снижение темпов экономического роста в 1-й половине XIX в., а сама победа над Наполеоном «добавила легитимизации царскому режиму» (р. 1)¹ и «обусловила склонность Николая I к осторожности в действиях и к консервативному стилю мышления в тот период, когда он оказался перед необходимостью отказа от крепостничества и преодоления иных препятствий, представших на пути модернизации» (Ibid). Автор подчеркнул, что собственно 1812 г. еще не предопределил падение Наполеона, и только специфический подход Александра I к вопросу о месте России в плане стабилизации европейского порядка обусловил вторжение русской армии в Центральную Европу, благодаря чему Германия была «вырвана из-под французского управления», а это, в свою

Russia and the Napoleonic Wars

Edited by Janet M. Hartley
Paul Keenan and Dominic Lieven

War, Culture and Society, 1750–1850

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

очередь, привело в дальнейшем к распаду наполеоновской империи. Обсуждение этих проблем в такого рода ракурсе становится возможным только сейчас, когда началось активное взаимодействие российской исторической науки с зарубежной, а западные историки, в свою очередь, получили доступ к российским архивам.

Достаточно оригинально Ливен поставил ряд проблем и в своем основном выступлении («Международные отношения в эпоху Наполеона: долговременные последствия» (*International Relations in the Napoleonic Era: The Long View*)), текст которого также опубликован в рецензируемом сборнике и которое, наряду со статьями британских исследователей Майкла Броэрс (Michael Broers) и Алана Форреста (Alan Forrest), было посвящено феномену наполеоновской империи в контексте проблематики международных отношений. По мнению Ливена, успехи французской армии к 1809 г. были впечатляющими, однако сами по себе военные действия должны были являться только первым шагом на пути создания империи. Для политической же консолидации было необходимо значительное время. Однако Наполеон никогда, даже умозрительно, не разрабатывал никакого последовательного имперского плана с целью консолидации завоеванных территорий. Кроме того, его империализм неизбежно должен был столкнуться с уже сложившимся балансом сил, и к 1810 г. он встал перед необходимостью борьбы с двумя крупными силами на периферии Европы – с Британией и Россией, для чего требовались разные виды ресурсов: военно-морские против Британии и военно-логистические против России. И хотя вторжение Наполеона в Россию в 1812 г. не было заранее обречено на катастрофу, успех все же был маловероятен. В заключение Ливен поставил вопрос общего характера: можно ли считать век революции и Наполеоновских войн временем радикального сдвига в международных отношениях? По его мнению, нельзя. Хотя сдвиги были достаточно значительными, но они отнюдь не были радикальными. Более того, в отличие от мнения, которое уже достаточно прочно укоренилось в историографии, эту эпоху вряд ли можно расценивать в качестве первой мировой войны. Более убедительным было бы первой мировой войной называть Семилетнюю войну 1756–1763 гг., хотя она и имела меньшие последствия, чем Наполеоновские войны.

Проблеме разнородности Наполеоновской империи посвятил статью известный оксфордский профессор Майкл Броэрс. Отмечая разнообразие макрорегионов самой Франции, британский историк пришел к выводу о том, что приказы из Парижа с большим пониманием воспринимались в Бельгии, на левом берегу Рейна и в Пьемонте, чем в Вандее, Русийоне или Савеннах. Поразительно, но важнейшим оплотом сопротивления политике Наполеона была провинция Овернь, самое сердце Франции, в то время как рейнские и пьемонтские департаменты, Италия и даже государства Рейнского союза оказались в значительной степени органичной частью империи.

Вопрос о целях подготовки Наполеоном кампании против России оказался в центре внимания британского историка Алана Форреста. Он пришел к выводу, что это была своего рода карательная экспедиция, преследовавшая целью «наказать» русского царя за его отказ от последовательной реализации континентальной системы. Главной целью действий Наполеона оставалась Британия.

Проблеме воздействия России на формирование и развитие европейского порядка от Венского конгресса до 1823 г. посвятила свои размышления Элиза Виртшафтер (Elise Kimerling Wirtschfter) из Калифорнийского государственного университета в статье «Русский взгляд на европейский порядок: “Обзор 1819 года”» (*Russian Perspectives on European Order: “Review of the Year 1819”*).

Насыщенный активной дипломатической борьбой период 1807–1812 гг. привлек внимание российского историка Александра Орлова, основные научные интересы которого лежат в плоскости изучения российско-британских отношений эпохи Наполеоновских войн. В публикации «Россия и Англия в международных отношениях 1807–1812 годов» (*Russia and Britain in International Relations in the Period 1807–1812*) автор выявил характер и результативность усилий трех основных игроков на международной арене тех лет – Франции, Великобритании и России – в деле поиска союзников перед решающей схваткой 1812 г. По его мнению, несмотря на заключение Францией союзных договоров с Австрией и Пруссией в 1812 г., усилия России и Великобритании оказались более успешными, что и предопределило в дальнейшем перелом в общей расстановке международных сил.

Менее убедительный материал представил канадский исследователь Дэвид Схиммельпэннинк ван дер Ойе (David Schimmelpennink van der Oye), занимающийся проблемами русской имперской экспансии в Азии. Предложенная им статья о роли «индийского проекта» в политике Франции, Великобритании и России на рубеже XVIII–XIX вв. написана в достаточно традиционном ключе и основана на ранее известных материалах.

Проблематике развития внутренних процессов в России, а также роли отдельных российских государственных деятелей в эпоху Наполеоновских войн оказалась посвящена целая серия материалов. Известный французский историк Мари-Пьер Рей (Marie-Pierre Rey), признанный специалист по русской истории, в особенности начала XIX в., осветила усилия Александра I, который совместно с Ш.-М. Талейраном весной 1814 г. предпринял энергичные усилия с целью создания во Франции в связи с воцарением Людовика XVIII конституционного режима.

Российский историк Виктор Безотосный опубликовал сообщение о составе и борьбе генеральских группировок в русской армии в эпоху 1812–1814 гг. Проанализировав структуру военного командования русской императорской армии, дав анализ профессионального, социального и этнического состава русского генералитета, исследова-

тель показал, каким образом борьба генеральских фракций повлияла на ход кампаний 1812–1814 гг.²

Научный сотрудник Германского исторического института в Москве Денис Сдвижков обратился к личности принца Евгения Вюртембергского и его роли в событиях Наполеоновской эпохи. Несмотря на неординарность, а в ряде случаев и выдающуюся роль принца в событиях эпохи, он, по мнению ученого, «проиграл» сражение «за историческую память» (р. 131). В значительной степени по причине иностранного происхождения его образ не вошел в галерею легкоузнаваемых россиянами героев 1812 г.

Сотрудник Института российской истории РАН Григорий Биби-ков в своей публикации высказал предположение, что с 1830-х гг. вос-хищение полулегендарными образами героев 1812 г. сменилось про-заичным отношением к генералам – государственным деятелям, и отношение это было, как правило, критическое.

Британский историк Джанет Хартли (Janet M. Hartley) попыталась, опираясь в том числе и на работы российских историков И. Ю. Лапи-ной и С. В. Белоусова, осветить вопросы о том, как были организо-ваны в российской провинции сбор пожертвований и формирование ополчения. Хартли пришла к выводу, что эти мероприятия «не могут рассматриваться только в терминах патриотизма» и что «мотивация и практика были гораздо сложнее» (р. 158).

В статье сотрудника Института славяноведения РАН Людмилы Марней анализируется состояние российских финансов в период 1812–1814 гг. По ее мнению, уже ко времени Тильзита в связи с мно-гочисленными войнами в начале XIX в. с Ираном, Турцией, Швецией и в составе антинаполеоновских коалиций финансы были серьез-но подорваны, что негативно сказалось на торговле, таможенной и кредитной политике Российской империи. Не решившись дать бо-лее или менее точную цифру, во сколько «обошлись» казне Отече-ственная война и заграничные походы, Марней все же констатирует, что в большинстве случаев финансовая политика в этот период «сво-дилась к обеспечению чрезвычайных расходов» (р. 144).

Американский исследователь Александр Мартин (Alexander M. Martin) привлек внимание к чрезвычайно интересной и важной проблеме, совершенно не затронутой в российской историографии, а именно к особенностям воздействия войны 1812 г. на цивилиза-ционный процесс в России. Он констатирует, что война, в особен-ности разорение Москвы и ряда других городов, обусловила времен-ный откат «потребительской революции» (р. 235). Однако несмотря на это, события 1812 г. в целом способствовали тому, что русская национальная культура стала развиваться на «более обширном осно-вании», а культурная деятельность стала заметно доступнее для ши-роких слоев империи.

² Масштабное исследование обозначенных на конференции проблем автор пред-ставил в дальнейшем в виде монографии [Безотосный].

Теме взаимоотношений населения и оккупационных властей на захваченных территориях посвящена статья профессора Торуньского университета Анджея Неуважного (Andrzej Nieuwazny), безвременно ушедшего из жизни в июне 2015 г. Анализируя ситуацию в Великом герцогстве Варшавском в 1813–1814 гг., исследователь подчеркнул контраст между возникшей в дальнейшем польской «патриотической традицией», утвердившей тезис о серьезном сопротивлении местного населения оккупационным властям, и исторической реальностью, демонстрировавшей множество примеров не только терпимого отношения друг к другу, но и дружественных и даже романтических связей. Не преминул автор указать и на поведение пруссаков, которые вели свою игру за земли, аннексированные ими в прошлом, а поэтому способствовали поддержанию русско-польского недоверия.

Вопросы пропаганды и «репрезентации побед» были затронуты российским исследователем Любовью Мельниковой (Институт российской истории РАН) и британским историком Полом Кинаном (Paul Keenan) (Лондонская школа экономики и политических наук). Мельникова, основываясь на утверждении о существовании в 1812 г. конфликта цивилизаций, указывает, что идея русской православной церкви о демонической сущности Наполеона убедительно «накладывалась» на многие действия чинов наполеоновской армии, пережившей эпоху антирелигиозной революции. В этом, по мнению автора, и заключался секрет успешности религиозной проповеди в деле мобилизации сил для борьбы с армией вторжения. Кинан, следуя за духом и методологией изучения «репрезентации власти», разработанной Р. Уортманом [Wortman; Уортман], показал специфику внимания русского императорского двора к событиям 1805–1807 гг. В 1805 г. только сражение при Кремсе удостоилось того, чтобы быть отмеченным праздником в Петербурге, в то время как в 1806–1807 гг. императорский двор столкнулся с непростой проблемой определения своей реакции на заключение Тильзитского мира. С помощью различного рода мер были сделаны попытки легитимации этого договора.

Статья Татьяны Сабуровой (Омский государственный педагогический университет), отразившая неугасающий научный и общественный интерес к тематике памяти, представлений и образов, завершает сборник материалов конференции. Вслед за А. Г. Тартаковским, выделившим волны интереса к войне 1812 г., исследователь проследила, каким образом коммуникативная память об этих событиях превратилась в России в память культурную.

Конференция в Межотне и издание ее материалов продемонстрировали ряд важнейших (помимо предметного обсуждения ключевых вопросов собственно исторической тематики) перемен, произошедших и происходящих в сфере историописания событий 1812–1815 гг. Прежде всего очевидно, что на рубеже XX–XXI вв. произошли значительные перемены как в плане отхода от традиционной военно-исторической тематики, так и в плане поисков новых методологических

подходов. Теснейшим образом с этими переменами оказалась связана «интернационализация» исследовательских процедур, которая проявляется не только в приобщении историков России и Восточной Европы к методологическому кладезю западной гуманитарной науки, но и в том, что западноевропейские и американские исследователи стали активно обращаться к трудам своих восточноевропейских коллег и расширять источниковую базу трудов за счет российских архивов. Вместе с тем считаем нужным заметить, что, вопреки первоначальному впечатлению, порожденному массовым «исходом» историков Наполеоновских войн из сферы традиционных военно-исторических штудий, осмысление эпохи в рамках позитивистского восприятия и позитивистских методов постижения прошлого не потеряло своего значения. Скорее наоборот. Расширение и умножение ракурсов в постижении феномена Наполеоновских войн и роли в них России выявляет необходимость более последовательной, чем это стало практиковаться в последние два десятилетия, обработки документальных источников в традиционном позитивистско-фактологическом ключе, что, в свою очередь, становится важнейшим и неперенным условием успеха постмодернистского взгляда на события 1812–1814 гг.

Список литературы

- Безотосный В. М.* Закаленные эпохой : Российский генералитет Александра I. М. : Кучково поле, 2015. 544 с.
- Уортман Р.* Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2002–2004. Т. 1. 605 с.; Т. 2. 796 с.
- Эпоха 1812 года : Исследования. Источники. Историография : сб. материалов. Вып. 12. К 200-летию заграничных походов российской армии 1813–1814 годов. М. : Кучково поле, 2014. 448 с.
- Russia and the Napoleonic Wars / ed. By J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Basingstoke, Hampshire, England : Palgrave Macmillan, 2015. XVII, 271 p.
- Wortman R. S.* Scenarios of Power : Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, NY : Princeton Univ. Press, 1995–2000. Vol. 1. 469 p.; Vol. 2. 586 p.

References

- Bezotosnyi V. M. (2015). *Zakalennyye epohoy: Rossiyskiy generalitet Aleksandra I* [Hardened by the Era: Russian Generals of Alexander I]. Moscow, Kuchkovo pole. 544 p.
- Wortman R. (2002). *Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii*. [Hardened by the Era: Russian Generals of Alexander I]. Moscow, Kuchkovo pole. 544 p.
- Wortman R. (2002). *Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii*. [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Moscow, OGI. Vol. 1. 605 p.; Vol. 2. 796 p.
- Epoha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. XII: Sbornik materialov. K 200-letiyu Zagranichnyih pohodov rossiyskoj armii 1813–1814 godov* [The Era of 1812. Research. Sources. Historiography. Iss. 12 : Source Book. For the 200th Anniversary of Foreign Campaigns of the Russian Army between 1813 and 1814]. (2014). Moscow, Kuchkovo pole. 448 p.
- Hartley J. M., Keenan P., Lieven D. (Eds.). *Russia and the Napoleonic Wars*. Basingstoke, Hampshire, England, Palgrave Macmillan, 2015. XVII, 271 p.
- Wortman R. S. (1995–2000). *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton, NY, Princeton Univ. Press. Vol. 1. 496 p.; Vol. 2. 586 p.

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Алексеев Вениамин Васильевич, доктор исторических наук, академик РАН, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
veniaminalekseev7@mail.ru

Амашер Корин, профессор истории, Женевский университет.
1211, Швейцария, Женева, 4, rue du Général-Dufour, 24.
Korine.Amacher@unige.ch

Базиле Джованни Манискалко, доцент, член национального центра научных исследований – Института теории и техники судебной информации, Римский университет III.
00154, Италия, Рим, Via Ostiense, 159.
gianni.maniscalco@gmail.com

Баранов Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
baranov61@mail.ru

Беднардж Петр, доктор, профессор, гуманитарный факультет, Университет Мари Кюри-Склодовской в Люблине.
20-031, Польша, Люблин, пл. М. Кюри-Склодовской, 4а.
piotr.bednarz@poczta.umcs.lublin.pl

Бугров Константин Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; доцент, старший научный сотрудник, лаборатория эдиционной археологии Уральского федерального университета.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
k.d.bugrov@gmail.com

Бут Юлия Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
komleva79@mail.ru

Гилберт Джордж, PhD, преподаватель небританской истории XX века, Саутгемптонский университет.
SO17 1BJ, Великобритания, Саутгемптон.
G.Gilbert@soton.ac.uk

Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
og_06@mail.ru

Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет. 127051, Россия, Москва, ул. Сретенка, 29.
krugh@yandex.ru

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Уральский государственный педагогический университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
vladimirzemtsov@yandex.ru

Зубков Константин Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. 620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
zubkov.konstantin@gmail.com

Кондратьева Тамара Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет.
625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6.
ktamara1960@yandex.ru

Мароши Валерий Владимирович, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет.
630126, Россия, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.
maroshi@mail.ru

Матвеева Тамара Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
tomat-44@mail.ru

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
Hist1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич, доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
rober1871@mail.ru

Саламатова Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления.
630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 56.
salamatova.m@mail.ru

Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, декан исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет. 443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34.
smirnov195503@yandex.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
l.s.soboleva@mail.ru

Харрис Джеймс, PhD, преподаватель современной европейской истории, Университет Лидса.
LS2 9JT, Великобритания, Лидс.
J.R.Harris@leeds.ac.uk

Alekseyev Veniamin, Dr. Hab. (History), Academician of RAS, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
16, Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
veniaminalekseev7@mail.ru

Amacher Korine, Dr., Professeure d'histoire, Université de Genève.
24, rue du Général-Dufour, 1211, 4, Genève, Suisse.
Dr. Hab., Professor of History, Geneva University.
24, rue du Général-Dufour, 1211, 4, Geneva, Switzerland.
Korine.Amacher@unige.ch

Baranov Nikolai, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University.
19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
baranov61@mail.ru

Basile Giovanni Maniscalco, Dr., Associate Professor, Member of National Center of Scientific Research – Institute of Legal Information Theory and Techniques, University of Rome “Tre”.
159, Via Ostiense, 00154, Rome, Italy.
gianni.maniscalco@gmail.com

Bednarz Piotr, Dr hab, Professor, Faculty of Humanities, Maria Curie-Skłodowska University in Lublin.
4a, pl. M. Curie-Skłodowskiej, 20–031, Lublin, Poland.
piotr.bednarz@poczta.umcs.lublin.pl

Bugrov Konstantin, PhD (History), Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University.
16, Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
k.d.bugrov@gmail.com

But Yulia, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University.
19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
komleva79@mail.ru

Dergacheva Irina, Dr. Hab. (Philology), Professor, Moscow State University of Psychology and Education.
29, Sretenka Str., 127051, Moscow, Russia.
krugh@yandex.ru

Gilbert George, PhD, Lecturer in Twentieth-Century (Non-British) History, University of Southampton.
Southampton, SO17 1BJ, UK.
G.Gilbert@soton.ac.uk

Gorbachev Oleg, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University.
19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
og_06@mail.ru

Harris James, PhD, Senior Lecturer in Modern European History, University of Leeds.
Leeds, LS2 9JT, UK.
J.R.Harris@leeds.ac.uk

Kondratyeva Tamara, PhD (History), Associate Professor, Tyumen State University.
6, Volodarsky Str., 625003, Tyumen, Russia.
ktamara1960@yandex.ru

Maroshi Valery, Dr. Hab. (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University.
28, Viluyskaya Str., 630126, Novosibirsk, Russia.
maroshi@mail.ru

Matveeva Tamara, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.
19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
tomat-44@mail.ru

Nefedov Sergey, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University.
19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
Hist1@yandex.ru

Poberezhnikov Igor, Dr. Hab. (History), Head of the Sector of Methodology and Historiography, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
16, Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
pober1871@mail.ru

Salamatova Marina, PhD (History), Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management.
56, Kamenskaya Str., 630099, Novosibirsk, Russia.
salamatova.m@mail.ru

Smirnov Yuri, Dr. Hab. (History), Dean of Department of History, Samara National Research University.

34, Moskovskoye Shosse Str., 443086, Samara, Russia.
smirnov195503@yandex.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.

19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
l.s.soboleva@mail.ru

Zemtsov Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University; Ural State Pedagogical University.

19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
26, Kosmonavtov Ave., 620017, Yekaterinburg, Russia.
vladimirzemtsov@yandex.ru

Zubkov Konstantin, PhD (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
zubkov.konstantin@gmail.com

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АРАН – Архив Российской академии наук
ARAN – Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk

АРАН СПбФ – Архив Российской Академии наук. Санкт-Петербургский филиал
ARAN SPbF – Arkhiv Rossiiskoi Akademii nauk. Sankt-Peterburgskii filial

АРГБ – Архив Российской государственной библиотеки
ARGB – Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ДАВО (ГАВО) – Государственный архив Винницкой области
DAVO – State Archive of the Vinnytsia Region

КРЖ – Кружок русских женщин
KRZh – Kruzhok Russkikh zhenshchin

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
OR RGB – Otdel Rukopisiy Rossiyskoy Gosudarstvenoy Biblioteki

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
RGASPI – Russian State Archive of Socio-political History

ЦДНИРО – Центр документации Новейшей истории Ростовской области
TSDNIRO – Tsentr dokumentatsii Noveishei istorii Rostovskoi oblasti

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области
TsDOOSO – Centre for Documentation of Social Organisations of Sverdlovsk Region

ОВК – Отчет Виленского кружка русских женщин
OVK – Otchet Vilenskogo kruzhka russkikh zhenshchin

ОХО – Отчет Харьковского общества русских женщин
OKhO – Otchet Khar'kovskogo obshchestva russkikh zhenshchin

AFB – Archives fédérales, Berne

BA-MA – Bundesarchiv – Militärarchiv, Freiburg im Breisgau, Germany

BGE – Bibliothéque de Genève, Département des manuscrits

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 5, 2017, № 3

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Подписано в печать 28.09.2017. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 308.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru